

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

**Проблемы юриспруденции и педагогики
высшей школы
в работах молодых ученых**

**Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
28 ноября 2025 г.**

Выпуск 6

**Белгород
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
2026**

УДК 34
ББК 67.400
П 78

Печатается по решению
реакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина

П 78 Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 28 ноября 2025 г. Выпуск 6. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2026. – 257 с.
ISBN 978-5-91776-676-8

Редколлегия:

Дизер О.А., заместитель начальника института по научной работе, доктор юридических наук, профессор (председатель);

Демченко Н.В., начальник кафедры административно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент (заместитель председателя);

Дергилева С.Ю., начальник адъюнктуры, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Римский А.В., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор философских наук;

Сафронова Е.В., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор.

В сборник включены материалы, посвященные актуальным проблемам юриспруденции и педагогики высшей школы.

Предназначен для адъюнктов, курсантов, слушателей, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России.

УДК 34
ББК 67.400

ISBN 978-5-91776-676-8

© Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина, 2026

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРУШЕНИЯМ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И КОМПЬЮТЕРНЫМ АТАКАМ

Акапьев В.Л.,

кандидат педагогических наук;

Ковалева Е.Г.,

кандидат технических наук;

Борисенко А.В.,

кандидат педагогических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в эпоху глобальной цифровизации общественных институтов и социальных отношений человек уже не представляет себя без информационно-телекоммуникационных технологий. Но с развитием IT-технологий совершенствуются и методы совершения противоправных действий в данной сфере. С каждым годом они становятся все более изощренными и угрожают информационной безопасности отдельно взятых лиц, организаций и систем государства.

Ключевые слова: информационная безопасность; кибербезопасность; компьютерные атаки; защита информации; управление уязвимостями

CURRENT TRENDS IN COUNTERING INFORMATION SECURITY BREACHES AND COMPUTER ATTACKS

Akapyev V.L.,

Candidate of Pedagogical Sciences;

Kovaleva E.G.,

Candidate of Technical Sciences;

Borisenko A.V.,

Candidate of Physical and Mathematical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the era of global digitalization of public institutions and social relations, people can no longer imagine themselves without information and telecommunications technologies. But as IT technologies advance, so do the methods used to commit illegal acts in this area. Every year, they become increasingly sophisticated, threatening the information security of individuals, organizations, and government systems.

Keywords: information security; cybersecurity; computer attacks; information protection; vulnerability management

В последние годы современное состояние преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий характеризуется увеличением числа киберпреступлений [1]. Данный рост обусловлен в том числе происходящими событиями в мировой политике. Совершаемые злоумышленниками нарушения информационной безопасности и компьютерные атаки в основном анонимны и носят латентный характер [2], поэтому данные статистики не всегда отображают достоверную информацию.

Что касается современных методов выявления и раскрытия данных правонарушений, то в 2022 году для противодействия преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий было создано Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России (УБК МВД России) [1]. Данное структурное подразделение осуществляет разработку мер и методов по

борьбе с преступлениями кибернаправленности. Задачами этого подразделения являются: обеспечение совершенствования нормативно-правового регулирования; организация предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий; организация системного анализа криминалистически значимой информации и другие.

Необходимо обратить внимание, что нарушения и компьютерные атаки в компьютерных сетях по своей специфике очень сложные и не всегда возможно в короткие сроки достигнуть положительных результатов в раскрытии данных преступлений. При раскрытии рассматриваемых преступлений имеет значение не только наличие новых IT-технологий (например, специального программного обеспечения для осуществления поиска противоправного контента «Сеуслаб»), но и уровень квалификации сотрудников, которые должны владеть требуемыми навыками в сфере информационных технологий. Так, при раскрытии компьютерных атак, связанных с дистанционным мошенничеством, необходимо проводить мероприятия по установлению владельцев банковских карт и информации о хищении денежных средств. Также могут быть использованы биллинги для установления точек местонахождения устройств и другие методы, которые могут помочь вычислить злоумышленника.

Примером действий злоумышленников, использующих компьютерные атаки, является письмо логистической компании «Славтранс-Сервис», которая является одним из элементов Ассоциации организаций продуктового сектора в Министерстве сельского хозяйства в Российской Федерации. Злоумышленники, вторгающиеся в системы управления с целью изменения характеристик и работы оборудования путем дистанционного управления, своими противоправными действиями получили доступ к оборудованию агрохаба «Селятино» в Московской области и умышленно намеревались испортить 40 тысяч тонн замороженной продукции при помощи изменения параметров, отвечающих за температуру. Это не единственный пример современных угроз и нарушений информационной безопасности, которые совершаются в настоящее время. В связи с непростой обстановкой пользователи отечественного сегмента Интернета столкнулись с потоком угроз и фейков, а сайты различных компаний и учреждений – с непрерывными DDoS-атаками [4], за которыми стоят иностранные хакеры.

Итак, в статье рассмотрено современное состояние киберпреступлений, направленных на дестабилизацию работы информационных ресурсов в разных областях. Нужно отметить, что пользователи сети могут самостоятельно сообщать о ресурсах мошеннического характера [3] на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в информационной системе мониторинга фишинговых сайтов «Антифишинг» (см. рис. 1).

ИС Антифишинг

Главная О проекте Подать жалобу

Подать жалобу о вредоносном ресурсе

Форма подачи жалобы

URL вредоносного ресурса

URL источника перехода

Дата обнаружения

Язык вредоносного ресурса

Email

Правила заполнения полей формы

Поле «URL вредоносного ресурса»
Обязательное к заполнению. Должно быть заполнено следующим образом:

- Указан протокол подключения в начале ссылки вида "http://" или "https://"
- Доменное имя ресурса содержит как минимум наименование домена второго уровня, например `domainname.ru`

Поле «URL источника перехода»
Поле подлежит заполнению в случае, если переход на фишинговый ресурс осуществляется с другого веб-сайта (источника перехода). Правила заполнения поля аналогичны правилам для поля «URL вредоносного ресурса»

Поле «Дата обнаружения»
Поле содержит информацию о времени и дате обнаружения потенциально фишингового ресурса.

Поле «Язык вредоносного ресурса»
Поле содержит информацию об отображаемом языке фишингового ресурса. По

Рисунок 1. Интерфейс информационной системы «Антифишинг»

Рассматривая динамику развития преступлений в сфере информационных ресурсов, необходимо проанализировать статистику показателей за прошлые годы [1]. Так, за 2017 год совершено 90 587 преступлений, самыми часто используемыми методами выступили неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и создание, распространение и использование вредоносных программ (ст. 273 УК РФ). За 2018 год было совершено 174 674 преступления, из них раскрыто 43 362, за 2019 год выявлено 180 153 преступления. В 2019 году в 81% кибератак жертвами были юридические лица. Наиболее часто атакуемые отрасли – госучреждения, промышленность, медицина, сфера науки и образования, финансовая отрасль. За 2020 год совершено 27,1 тыс. преступлений, что больше на 75,2%. За 2021 год в данной сфере зарегистрировано 517,7 тыс. преступлений, из них 5,5 тыс. преступлений совершено в отношении несовершеннолетних лиц. За период с января по февраль 2022 года совершено 79 731 преступление, из них раскрыто 20 704 преступления.

Данный вид правонарушений оказывает негативное влияние не только на общество, но и на экономическую сферу государства. В свою очередь, правоохранительные органы совершенствуют меры и методы борьбы с нарушениями информационной безопасности и кибератаками, усиливая средства мониторинга, предупреждения, обнаружения и противодействия нарушениям и компьютерным атакам в компьютерных сетях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф>.
2. Пучков В.В., Спицын М.А. Анализ поведения пользователей и инструменты разведки по открытым источникам / Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании (АПИНО–2022): сборник научных статей XI Международной научно-технической и научно-методической конференции: в 4 т., Санкт-Петербург, 15–16 февраля 2022 г. Т. 4. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, 2022. С. 480–484.
3. Акапьев В.Л., Ковалева Е.Г., Борисенко А.В. Противоправный контент в сети Интернет и методы борьбы с ним добровольных объединений // Алтайский юридический вестник. – 2025. – № 3 (51). – С. 51–61.
4. Официальный сайт компании «Лаборатория Касперского» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kaspersky.ru>.

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГО-ПРАВОВОГО ПОДХОДА НА ПРИМЕРЕ ПРЯМОЙ ЛИНИИ С ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Альбицкий А.Г.,

аспирант

(Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации)

Аннотация: статья посвящена рассмотрению динамического аспекта содержания правовой политики посредством совершения коммуникативных действий между ее субъектами. На примере прямой линии с Президентом Российской Федерации за 2019 и 2025 годы анализируются наиболее актуальные тенденции российской правовой политики.

Ключевые слова: правовая политика; социология права; прямая линия с Президентом Российской Федерации; коммуникативные действия; законодательные инициативы

THE CONTENT OF LEGAL POLICY IN THE CONTEXT OF A SOCIO-LEGAL APPROACH USING THE EXAMPLE OF A «DIRECT LINE» WITH THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Albitsky A.G.,

Postgraduate

(St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation)

Abstract: the article is devoted to the consideration of the dynamic aspect of the content of legal policy through the implementation of communicative actions between its subjects. Using the example of the direct Line with the President of the Russian Federation for 2019 and 2025, the most relevant trends in Russian legal policy are analyzed.

Keywords: legal policy; sociology of law; direct line with the President of the Russian Federation; communicative actions; legislative initiatives

Как оценить значимость тех или иных законодательных инициатив, наличие реальной потребности в совершенствовании ранее принятых действующих законодательных актов?

Представляется, что в условиях нарастающего процесса цифровизации во всех сферах общественной жизни, когда расширяются возможности для обсуждения отдельных законодательных инициатив с участием самого широкого круга граждан, все более востребованным становится комплексный подход к правотворческой и правоприменительной деятельности. В данной связи особый интерес заключается в изучении феномена правовой политики государства.

В.А. Рудковский выделяет 4 взаимосвязанных элемента правовой политики: идейно-целевой (концептуальный), нормативный, организационно-управленческий, деятельно-практический (поведенческий), которые в совокупности направлены на признание государством наиболее значимых социально-экономических, политических, культурных и иных интересов, ценностей граждан посредством государственно-правовых средств и механизмов [1, с. 35].

М.Н. Марченко подчеркивает, что необходимо различать «правовую политику как стратегию государства в правовой сфере (правовую политику в статике) и механизм ее осуществления, правовую политику как процесс реализации соответствующих идей, программ и т.д. (правовую политику в динамике)» [3, с. 29].

Полагаем, что в рамках социолого-правового подхода целесообразно обратиться к рассмотрению именно динамического аспекта правовой политики, который прежде всего подразумевает анализ этапов правотворческой и правоприменительной деятельности в рамках единого и последовательного процесса с учетом формируемого общественного дискурса.

И.Л. Честнов справедливо полагает, что первоначальным элементом правовой политики следует считать «дискурсивную борьбу социальных групп за право официальной номинации, классификации, категоризации и квалификации некоторых социальных явлений как наиболее значимых» [8, с. 18].

Таким образом, сущность политико-правового дискурса основывается на коммуникативном взаимодействии между субъектами правовой политики, ведь «ни одно общество не может существовать вне системы разнообразных коммуникаций» [4, с. 220]. Не случайно, по мнению Ю. Хабермаса, основоположника теории коммуникативного действия, «когда процессы взаимопонимания идут в эксплицитной языковой форме, акторы, разговаривая друг с другом, своими речевыми действиями выдвигают притязания на значимость» [9, с. 91–92].

В данной связи интерес представляет анализ такого общественно-политического мероприятия, как прямая линия с Президентом Российской Федерации. Данное мероприятие прежде всего направлено на осуществление прямого взаимодействия Президента России с представителями общественных организаций, гражданами. Необходимо подчеркнуть, что порядок проведения прямой линии с Президентом России законодательно не урегулирован, явля-

ется примером формирования устойчивой традиции в политической сфере общественной жизни, что его отличает, например, от такого мероприятия, как Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, закрепленного в п. «е» ст. 84 Конституции Российской Федерации [1].

Вместе с тем в контексте рассмотрения правовой политики прямые линии с Президентом России интересны непосредственным обсуждением законодательных изменений, вызывающих в обществе наибольший резонанс.

Следует отметить, что формат проведения вышеуказанного мероприятия может иметь какую-либо приоритетную тему для обсуждения (например, в 2020–2021 годах – меры по противодействию пандемии COVID-19, с 2022 года – вопросы, связанные с проведением специальной военной операции). Вместе с тем на прямой линии 2019 года (то есть до широкого распространения пандемии COVID-19 в России) какой-либо одной преобладающей темы для обсуждения не имелось.

В данной связи анализируем вопросы, акцентирующие внимание на важнейших примерах правотворческой и правоприменительной практики, затронутые в ходе прямой линии 2019 года.

В рамках диалога между Президентом Российской Федерации и гражданами, журналистами, представителями общественных организаций в ходе прямой линии 2019 года обсуждались:

1) вопросы совершенствования уголовного и уголовно-правового законодательства (расширение предусмотренных уголовным законом случаев применения залога вместо ареста, обоснованность текущей правоприменительной практики по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а именно ст. 210, 228 УК РФ, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ);

2) вопросы, связанные с регулированием информационного пространства (в частности, обсуждение последствий принятия закона о «суверенном Интернете», оценка перспектив принятия закона о запрете распространения недостоверной информации – фейков и т.д.);

3) вопросы, касающиеся упрощения получения гражданства Российской Федерации отдельными категориями лиц (гражданами Украины) [6].

Кроме того, отдельные вопросы были связаны с реализацией так называемой мусорной реформы (в части регулирования тарифов, организации переработки мусора, функционирования полигонов), обсуждались результаты реформы с установлением «надзорных каникул» для субъектов малого предпринимательства, проблемы совершенствования законодательства о национальных проектах, выдвигалась инициатива по принятию закона о «распределенной опеке» [6].

На прямой линии с Президентом Российской Федерации в 2025 году наиболее часто затрагивались следующие темы:

1) вопросы, связанные с усилением социально-экономической поддержки отдельных групп населения (участников специальной военной операции и их семей, многодетных семей, молодых специалистов и т.д.);

2) особенности изменения налогового законодательства (например, в части повышения размера «утилизационного сбора»);

3) меры, направленные на усиление информационной безопасности (в частности, регулирование порядка функционирования мессенджеров на территории России) [5].

Кроме того, в ходе прямой линии выдвигались инициативы, направленные на сохранение духовно-нравственных ценностей, например запрет рекламы оккультных услуг [5].

Таким образом, по результатам сравнения прямых линий с Президентом Российской Федерации за 2019 и 2025 годы отметим следующие тенденции.

На прямой линии 2019 года значительная часть вопросов была посвящена реформированию отдельных отраслей российского законодательства (особенно уголовного и уголовно-процессуального, законодательства в сфере контрольно-надзорной деятельности).

В 2025 году первостепенное внимание уделялось обсуждению тем, связанных с поддержкой отдельных социальных групп населения (особенно участников специальной воен-

ной операции и их семей), повышением эффективности мер демографического характера, сохранением и защитой духовно-нравственных традиций народов России.

Вместе с тем как в 2019 г., так и в 2025 г. достаточно актуальным направлением продолжает оставаться регулирование информационной сферы (сеть Интернет, мессенджеры).

Таким образом, сопоставление вопросов, поднимаемых на прямых линиях с Президентом Российской Федерации, за различные периоды позволяет выявить как ситуативную реакцию общества на трансформацию российского законодательства, так и определить устойчивые тенденции российской правовой политики.

Следовательно, само содержание вопросов, обсуждаемых на прямых линиях в формате диалога между Президентом Российской Федерации и представителями российского гражданского общества, направлено на отражение наиболее значимых социальных явлений в контексте правотворческой и правоприменительной деятельности и закрепление основных направлений формируемого политико-правового дискурса. Безусловно, ограниченность длительности самого мероприятия не позволяет исчерпывающим образом обсудить все проблемные стороны текущих политико-правовых отношений.

Вместе с тем сам факт осуществления коммуникации на высшем государственном уровне с участием широкого круга представителей общественности является примером реализации диалога как партнерской коммуникации [2, с. 36], позволяет выявить необходимость дополнительного законодательного урегулирования отдельных социальных процессов, наметить перспективы доработки действующего законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993): текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.constitution.ru/>.
2. Ломакина И.Б. Монологичность правового конфликта как фактор конструирования правового пространства // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2025. – № 2 (11). – С. 33–43.
3. Марченко М.Н. Правовая политика: понятие, субъекты, механизм реализации // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2013. – № 5. – С. 26–37.
4. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. – 2-е изд., исправл. и доп. – Москва: Проспект, 2023. – 832 с.
5. Полная стенограмма «Итогов года» с Владимиром Путиным [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27758.5/5187359/> (дата обращения: 28.01.2026).
6. Полная стенограмма прямой линии с Владимиром Путиным – 2019 [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/daily/26992/4052814/> (дата обращения: 28.01.2026).
7. Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 55 с.
8. Честнов И.Л. Правовая политика в постсовременном социуме / Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: монография. – Санкт-Петербург: Астерион, 2019. С. 13–29.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С.В. Шачин, под ред. Д.В. Складнева, послесл. Б.В. Маркова. – Санкт-Петербург: Наука, 2001. – 380 с.

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Андрющенко А.К.,

слушатель

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье анализируются проблемы административной преюдиции при квалификации нарушений Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. В частности, отмечаются сложности, возникающие в связи с формированием доказательственной базы по рассматриваемым делам.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации; административная преюдиция; квалификация; Правила дорожного движения; транспортные средства; правоприменение

PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN THE QUALIFICATION OF VIOLATIONS OF TRAFFIC RULES AND VEHICLE OPERATION

Andryushchenko A.K.,

Listener

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the problems of administrative prejudice in the qualification of violations of traffic rules and the operation of vehicles. In particular, the difficulties that arise in connection with the formation of the evidence base in the cases under consideration are noted.

Keywords: Criminal Code; administrative prejudice; qualifications; traffic rules; vehicles; law enforcement

Вначале следует отметить, что одной из особенностей применения некоторых уголовно-правовых норм о привлечении к ответственности за совершение дорожно-транспортного происшествия выступает преюдициальный характер уголовной ответственности. При этом в научной литературе на протяжении длительного времени не прекращается дискуссия относительно целесообразности такого порядка привлечения к ответственности и соответствия содержания административной преюдиции принципам законности, обеспечения правопорядка, гарантированного соблюдения прав и свобод человека и гражданина [1, с. 107–110]. В этой связи стоит отметить, что на момент разработки и принятия действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в нем отсутствовала административная преюдиция как таковая, так как в основном представители научного сообщества, равно как и законодатель, рассматривали ее как несоответствие базовому принципу правовой политики современного государства: никто не может понести ответственность дважды за одно и то же деяние.

Однако и развитие юридической науки, и формирование более четких представлений о сути административной преюдиции, наряду с развитием общественных отношений, способствовали тому, что после высказанного в Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации в 2009 году мнения Д.А. Медведева, занимавшего на тот момент пост главы государства, о том, что соответствующий правовой институт стоит рассматривать в качестве своего рода средства предупреждения деяний с более высоким уровнем общественной опасности, формируется практика ее практического применения. И несмотря на то что по-прежнему одни исследователи воспринимают административную преюдицию как инстру-

мент превентивного влияния и потенциала отечественного права [2, с. 349], другие придерживаются точки зрения, ранее высказанной Н.Ф. Кузнецовой (которая, стоит отметить, позднее от такой позиции отказалась, говоря о целесообразности в ряде случаев административной преюдиции), и утверждают, что вне зависимости от количества совершенных ранее административных правонарушений они не должны трансформироваться в уголовно наказуемые деяния и подобное правоприменение способствует размыванию четких границ между уголовным и административным правом, административным проступком и уголовно-наказуемым деянием [3, с. 6].

Рассматривая особенности и перспективы применения административной преюдиции при привлечении к уголовной ответственности за преступления, стоит отметить, что на основании данного критерия в настоящее время в УК РФ введены ст. 264.1, 264.2, 264.3.

Для определения обоснованности закрепления данных статей в Уголовном кодексе Российской Федерации в качестве административной преюдиции представляется целесообразным далее проанализировать как преимущества, так и недостатки, возникающие в процессе применения ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ.

Рассматривая проблемы, которые возникают на практике, стоит отметить, что связаны они как с существующими объективными проблемами, так и с негативным влиянием субъективного фактора.

Прежде всего необходимо отметить сложности, возникающие в связи с формированием доказательственной базы по рассматриваемой категории дел. Так, в силу применения судами административной преюдиции расширяется предмет доказывания. В частности, суд должен установить факт привлечения подсудимого к административной ответственности. В соответствии с содержанием ст. 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации [4] и постановлением Конституционного Суда Российской Федерации [5] лицо считается подвергнутым административному наказанию с момента вступления в законную силу постановления о назначении ему данного наказания и в течение года со дня окончания исполнения данного наказания. Если в качестве административного наказания был назначен административный штраф, который был уплачен лицом, подвергнутым административному наказанию, оно считается подвергнутым данному наказанию в течение года с момента уплаты административного штрафа. Указанное означает, что для назначения уголовного наказания по рассматриваемым статьям суду надлежит проверить и сопоставить даты назначения, вступления в силу постановлений о назначении административного наказания, даты окончания исполнения такого постановления или установить факт и дату уплаты административного штрафа. Принципиальным моментом является определение срока, так как, если установленный годичный срок истек, лицо не считается подвергнутым административному наказанию. В установлении нуждаются возможные факты пересмотра постановлений о назначении административного наказания или постановления, связанные с его исполнением. Формирование доказательственной базы в данном случае сопряжено с различными сложностями.

Поэтому обязательный признак административной преюдиции – связь последнего деяния с решением о наложении административного взыскания за предыдущее аналогичное деяние при соблюдении трех обстоятельств:

- за совершение первого деяния лицо должно быть законно и обоснованно привлечено к административной ответственности;
- процессуальное решение о назначении административного взыскания за это деяние (или деяний) должно вступить в законную силу;
- последующие деяния должны быть совершены не когда-либо, а в течение определенного законом срока [6, с. 139–143].

Таким образом, одним из наиболее проблемных аспектов применения административной преюдиции при квалификации деяний, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, выступает формирование доказательствен-

ной базы. Решение проблемы видится в использовании данных систем видеофиксации нарушений Правил дорожного движения, технологий искусственного интеллекта, повышении качества и эффективности информационного взаимодействия органов внутренних дел и судебной системы на стадии расследования преступления и формирования доказательственной базы.

Также важно отметить, что при выявлении преступлений, составы которых связаны с применением административной преюдиции, сотрудники органов внутренних дел сталкиваются с рядом трудностей:

1. На практике иногда возникают ситуации, когда в процессе оформления процессуальных документов по факту совершения лицом административного правонарушения в области дорожного движения, предусмотренного главой 12 КоАП РФ, не всегда представляется возможным оперативно проверить информацию о привлечении лица к административной или уголовной ответственности в области нарушений Правил дорожного движения, в том числе это касается решений суда, еще не вступивших в законную силу. Это связано с тем, что информационное взаимодействие между судами и подразделениями МВД России до настоящего времени остается несовершенным, несмотря на значительное положительное влияние использования информационных систем и цифровых технологий. В результате, несмотря на вступление в силу постановления о привлечении лица к административной ответственности по ст. 12.8 или 12.26 КоАП РФ, соответствующая информация в базе данных в течение определенного времени может отсутствовать (например, своевременно не внесена ответственными сотрудниками).

2. Дополнительно необходимо учитывать, что на основании заключенных соглашений с рядом стран на территории Российской Федерации признаются действующими постановления о привлечении к административной ответственности за совершение правонарушений, связанных с управлением транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения или уклонением от прохождении соответствующего медицинского освидетельствования, на территории Казахстана, Армении, Таджикистана, Беларуси и Киргизии, в связи с чем для исключения возможности уклонения виновных лиц от уголовной ответственности сотрудники органов внутренних дел должны обладать актуальными данными и возможностями получения соответствующей информации.

3. Единый алгоритм и качественные рекомендации действий сотрудников МВД России при выявлении преступлений, по которым действует административная преюдиция, на ведомственном уровне до настоящего времени не разработаны, что может стать причиной возникновения практических затруднений и противоречий. Например, согласно описанной в научной литературе практике по Кемеровской области удалось установить, что в случае выявления нарядом полиции признаков совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, на место происшествия выезжает следственно-оперативная группа и все необходимые действия осуществляются дежурным дознавателем, а в отдельных территориальных органах МВД России и в самостоятельных структурных подразделениях Госавтоинспекции, все необходимые действия осуществляются нарядом дорожно-патрульной службы, вплоть до осмотра места происшествия и опроса лиц, имеющих отношение к совершенному преступлению [8, с. 364].

Внимание необходимо уделить также и обеспечению профессионализма действий сотрудников органов внутренних дел в случае установления признаков совершения преступления в действиях лица. Четкое соблюдение процедуры позволит обоснованно привлекать виновников преступных деяний к тому или иному виду ответственности. Как пояснил Верховный Суд Российской Федерации, вне зависимости от признаков опьянения и наличия медицинского заключения, если имеются сведения о том, что водитель уже привлекался к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, сотрудник органов внутренних дел должен убедиться в том, что предыдущее решение суда вступило в законную силу, иначе привлечение к уголовной ответственности за повторное совершение правонарушения невозможно [4].

Таким образом, для устранения выявленных проблем следует:

1. Разработать единый алгоритм деятельности сотрудников органов внутренних дел в случае выявления признаков составов преступлений по ст. 264.1–264.3 УК РФ, а также проводить дополнительные занятия в целях повышения качества служебной подготовки сотрудников для своевременного анализа, выявления и рассмотрения проблемных вопросов и ситуаций, возникающих на практике.

2. Организовать обмен данными и обеспечить контроль за оперативным внесением актуальных сведений относительно водителей, которые были привлечены к административной ответственности по соответствующим статьям на территории государств, являющихся участниками Конвенции о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных нарушениях Правил дорожного движения, принятой 28 марта 1997 года [7].

3. Повысить качество информационного обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел в вопросе совершенствования взаимодействия с судами. Это можно сделать посредством установления предельного срока внесения информации о привлечении водителей к административной ответственности по статьям КоАП РФ, которые влияют на квалификацию действий по статьям УК РФ с административной преюдицией, или создания общего электронного информационного ресурса, доступ к которому будут иметь как сотрудники судебной системы, так и сотрудники органов внутренних дел.

4. Полагаем, для оптимизации практики применения и единой квалификации в Общей части УК РФ следует предусмотреть следующее понятие административной преюдиции: «В случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление наступает, если деяние совершено лицом в течение одного года после наложения административного взыскания за однородное или идентичное правонарушение», что позволит унифицировать конструкции изложения преюдициальных норм в статьях Особенной части УК РФ, в том числе и рассматриваемой категории дел.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новикова Е.В. Административная преюдиция: дискуссия продолжается // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 12. – С. 107–110.

2. Диканова Т.А. Уголовное право России. Особенная часть: в 2 т. – Москва: Юрайт, 2023. Т. 2.

3. Кузнецова Н.Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11. – 2003. – № 1. – С. 6.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 2.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.06.2020 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 4.6 и части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

6. Жук Д.Н., Бугаенко Ю.Ю., Чернов Ю.И. Особенности конструирования составов преступлений с административной преюдицией // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 6. – С. 139–143.

7. Конвенция о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных нарушениях Правил дорожного движения от 28 марта 1997 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mid.ru/ru/> (дата обращения: 13.11.2025).

8. Мукабенов М.В., Тырышкин В.В. Проблемные аспекты деятельности сотрудников ГИБДД МВД России при выявлении преступлений, предусмотренных статьей 264.1 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 364–372.

ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРЕСЕЧЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

Батвинова Е.В.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в данной статье рассмотрена и проанализирована система органов публичной власти, осуществляющих функции по выявлению и пресечению правонарушений в сфере лесопользования. Исследована организация деятельности органов публичной власти как составных элементов единой системы публичной власти в Российской Федерации и ее субъектах.

Ключевые слова: система; органы публичной власти; лесопользование; функции; контроль

PUBLIC AUTHORITIES THAT DETECT AND CATCH OFFENDERS IN THE FIELD OF FORESTRY

Batvinova E.V.,

Postgraduate

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article examines and analyzes the system of public authorities that carry out functions related to the detection and suppression of offenses in the field of forest management. The article examines the organization of public authorities as components of the unified system of public authorities in the Russian Federation and its constituent entities.

Keywords: system; public authorities; forest management; functions; and control

Современный этап развития характеризуется существенным возрастанием комплексного изучения и регулирования взаимоотношений между обществом и природой. Негативное воздействие человека на природу имеет давнюю историю, но никогда прежде эти изменения и нарушения не происходили с такой скоростью, как сейчас. В последнее время в научной среде все чаще возникают вопросы, касающиеся проблем сохранения природной среды в ее естественном состоянии для будущего поколения [1, с. 141].

Крайне тревожное состояние лесов вследствие возрастания негативного воздействия человека на природу предопределило появление относительного нового направления в деятельности государства – экологической функции, без которой современное государство не может существовать. Ее центральным элементом является формирование, разработка и реализация государственной экологической политики, направленной на сохранение и воспроизводство здоровой и безопасной среды. Усиление антропогенного воздействия на природу, истощение природных ресурсов придают этому направлению деятельности государства особое значение. Возникающая угроза нарушения экологического равновесия может быть решена только путем разработки и реализации грамотных управленческих решений.

Одной из задач государственной политики в сфере лесопользования является привлечение к административной ответственности за правонарушения, что, в свою очередь, требует четкой и системной работы органов публичной власти.

Система органов публичной власти является важным элементом государственного устройства, отражающим организацию и функции государственной власти. Она включает в себя формальный механизм, который позволяет государству реализовывать свои функции через различные органы и учреждения.

Высшие органы распространяют свои полномочия на территорию страны и соответствующий субъект Федерации. К ним относятся, например: федеральные органы власти, в ча-

стности Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России). Данное министерство занимается выработкой государственной политики и нормативно-правовым регулированием в сфере изучения, использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов.

Конституция Российской Федерации не устанавливает конкретную систему таких органов, субъекты самостоятельно определяют их в соответствии с общими принципами организации государственной власти в стране [2, с. 100–101]. В одних субъектах созданы специализированные министерства лесного хозяйства, в других – департаменты или комитеты, в некоторых – комплексные министерства природных ресурсов или даже министерства природных ресурсов и лесного комплекса. Местные органы функционируют в административно-территориальных единицах, их полномочия распространяются только на эти территории [3, с. 101]. К таким органам относятся, например, органы местного самоуправления.

Также в сфере экологии и лесопользования есть органы специальной компетенции, которые специализируются на выполнении какой-либо одной функции или отдельного вида деятельности. К ним относится, в частности, Росприроднадзор (осуществляет контроль и надзор за использованием, охраной, защитой, воспроизводством лесов на землях особо охраняемых природных территорий федерального значения). В свою очередь, Рослесхоз выполняет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области лесных отношений (за исключением лесов, расположенных на особо охраняемых природных территориях).

Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным осуществлять функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в исследуемой нами сфере, является Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России). Но государственное управление в данной сфере осуществляется также и иными федеральными органами исполнительной власти.

В контексте лесопользования Министерство природных ресурсов Российской Федерации выполняет такие ключевые функции, как нормативное регулирование, а именно разработка и совершенствование законодательной базы, регулирующей использование лесных ресурсов. Также оно осуществляет мониторинг и контроль в виде организации и проведения экспертиз, а также реализует мероприятия по диагностике состояния лесов, что позволяет выявлять нарушения. Взаимодействует с другими органами, такими как Рослесхоз и региональные органы власти, для обеспечения комплексного подхода к контролю.

Помимо Министерства природных ресурсов Российской Федерации, создан такой орган, как Федеральное агентство лесного хозяйства (Рослесхоз), которое непосредственно отвечает за регулирование и контроль в сфере лесопользования. К основным направлениям деятельности Рослесхоза относят проведение проверок соблюдения норм лесного законодательства, применение мер административной ответственности к правонарушителям, включая назначение административных штрафов и предписаний, проведение работы по повышению правовой грамотности среди пользователей лесов, что способствует снижению числа правонарушений.

Важной составляющей в системе органов публичной власти привлечения к административной ответственности являются правоохранительные органы, в частности полиция, которая осуществляет контроль за правопорядком в лесах, оказывает содействие органам лесного хозяйства, расследует случаи незаконных действий, таких как рубка леса, уничтожение природных ресурсов и т.д.

В свою очередь, прокуратура обеспечивает надзор за соблюдением законности органами власти и организации, включая контроль за деятельностью по привлечению к ответственности за лесные правонарушения.

Основные функции прокуратуры – проверка соблюдения норм законодательства в сфере лесопользования. В случае выявления нарушений прокуратура имеет право возбуждать дела об административных правонарушениях, что усиливает правоприменительную практику. На региональном и местном уровнях также существует система органов, ответственных за контроль и привлечение к административной ответственности.

Каждый субъект Российской Федерации имеет свои министерства или комитеты, занимающиеся вопросами лесопользования. Данные органы осуществляют контроль за соблюдением норм в области лесопользования на своей территории, а также применяют административные меры через сотрудничество с Рослесхозом и другими федеральными органами [4, с. 53].

На уровне муниципалитетов также осуществляется контроль за состоянием лесов, где местные власти имеют право вводить местные нормативные акты, касающиеся лесопользования, и применять административные меры к правонарушителям на уровне местного самоуправления [5, с. 47].

Таким образом, система органов публичной власти, отвечающих за привлечение к административной ответственности за правонарушения в сфере лесопользования, представляет собой сложный и многоуровневый механизм. Ключевыми элементами этой системы являются федеральные, региональные и местные органы, работающие в тесном взаимодействии при осуществлении контроля и правоприменительной практики. Эффективная работа этих органов является необходимым условием для обеспечения устойчивого использования лесных ресурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демина Е.П. Ризаева Д.Э. Органы, осуществляющие государственный контроль за исполнением природоохранного и экологического законодательства, и их компетенция // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 4 (69). – С. 140–144.
2. Чертков А.Н. Публичная власть в обновленной Конституции // Труды Института государства и права РАН. – 2022. – Т. 17, № 6. – С. 100–105.
3. Саликов М.С. Трансформация законодательного регулирования организации публичной власти в субъектах Российской Федерации (есть ли место федерализму?) // Вестник Сургутского государственного университета. – 2021. – № 4 (34). – С. 96–104.
4. Гончаров И.В. Об участии органов государственной власти Российской Федерации в формировании органов местного самоуправления в условиях единой системы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 10. – С. 51–54.
5. Джимбиев А.В. Влияние органов государственной власти субъектов Российской Федерации на формирование органов местного самоуправления с точки зрения концепции единой публичной власти // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 9. – С. 46–51.

К ВОПРОСУ О ТАЙНЕ ПЕРЕПИСКИ КАК КОНСТИТУЦИОННОЙ ГАРАНТИИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Батраков П.А.,

адъюнкт

(Омская академия МВД России)

Аннотация: статья посвящена конституционно-правовой природе «неприкосновенности частной жизни», гарантии права на неприкосновенность частной жизни и правоприменительным аспектам. В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка оценить теоретический и практический аспекты права на неприкосновенность частной жизни. Конституционное право на тайну переписки, телефонных переговоров, выступая в качестве обеспечительного элемента реализации основного права, также имеет неточности, а именно разницу толкования органами власти и экономическими институтами. В ходе исследования применялись методы анализа, синтеза, обобщения, аналогии, индукции, дедукции. Автором предлагается комплексно проанализировать состояние федерального законо-

дательства на предмет соответствия развитым информационным технологиям во избежание неправильного толкования конституционно-правовых норм, касающихся «неприкосновенности частной жизни», в частности отразить содержательную часть анализа и принятых решений в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: неприкосновенность; частная жизнь; информация; толкование

ON THE ISSUE OF THE SECRECY OF CORRESPONDENCE AS A CONSTITUTIONAL GUARANTEE OF THE INVIOABILITY OF PRIVATE LIFE

Batrakov P.A.,

Postgraduate

(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to the constitutional and legal nature of the “inviolability of private life”, the guarantee of the right to inviolability of private life, and the law enforcement aspects. As a research task, the author has attempted to assess the theoretical and practical aspects of the right to inviolability of private life. The constitutional right to privacy of correspondence and telephone conversations, acting as a security element for the implementation of the fundamental right, also has inaccuracies, namely, differences in interpretation by government bodies and economic institutions. The study used methods of analysis, synthesis, generalization, analogy, induction, and deduction. The author proposes a comprehensive analysis of the state of federal legislation in terms of its compliance with advanced information technologies in order to avoid.

Keywords: inviolability; private life; information; interpretation

Разработка и внедрение технологии глобальной сети давно выработали в современном обществе привычку листать новостную ленту, вести диалог через мессенджеры и социальные сети, не декларируя алгоритм самозащиты от пользователей, которые злоупотребляют незнанием остальных. Так, насчитывается порядка ~130 миллионов людей [1, с. 1], использующих Интернет, и частота таких случаев увеличивается в геометрической прогрессии.

В эпоху «прав второго модерна» активна роль конституционного права на неприкосновенность частной жизни, ибо количество утечек сведений, составляющих тайну о ней, становится классическим явлением в социуме. Конституция Российской Федерации в ст. 23 регламентирует «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни... каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров» [2]. Однако не совсем прозрачным является определение «частной жизни». Подразумевается, что информация о частной жизни – это сведения, относящиеся к личной сфере жизнедеятельности лица, которая присуща только ему и исключает вмешательство общества и государства. К таковым и относится информация о переговорах, переписке гражданина.

Являясь конституционной гарантией, право на тайну переписки, телефонных переговоров имеет разную юридическую интерпретацию. Например, как следует из постановления о назначении административного наказания по судебному делу № 05-0655/425/2025, «в ходе проверки Управлением [Роскомнадзора по ЦФО] был направлен запрос в 12-й Центр ФСБ России... об исполнении ранее выданного предписания и получен ответ... о том, что круглосуточный удаленный доступ к информационной системе, эксплуатируемой ООО «Яндекс» (сервис: yandex.ru/alice/smart-home), в соответствии с пунктом 12 Правил хранения и предоставления информации... в объеме, установленном пунктом 3 Правил хранения, в настоящее время 12-му Центру ФСБ России не предоставлен» [3, с. 2], в результате чего «Яндекс» был оштрафован на 10 тыс. рублей. Вероятно, указанная сумма не принесла крупного ущерба транснациональной компании, однако толкование рассматриваемых нами норм имело казуальный характер.

Рассмотренные определения частной жизни и информации, содержащейся в переписках и сообщаемой в ходе разговора, вне зависимости от формы ее передачи (цифровой, аналоговой, по сотовой связи), являются взаимосвязанными элементами, и Конституция Российской Федерации, провозглашая права и свободы человека высшей ценностью государства, без сомнения, заложила идеологический фундамент приоритета интересов личности, а не государства. Напротив, ст. 55 Конституции Российской Федерации указывает, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя...» Так, не располагая сведениями о необходимости декодирования сообщений в целях предупреждения совершения преступлений и учитывая конфиденциальность пользователей, ООО «Яндекс» проявила нигилизм к механизму защиты граждан, ведь наличие ключей шифрования для доступа к сообщениям одного пользователя исключает несостоятельность права на тайну переписки и телефонных переговоров и позволяет предупредить совершение преступлений, нарушающих права остальных граждан на тайну переписки.

В указанном случае разница толкования рассматриваемых норм породила проблему соразмерности и целевой направленности ограничения гарантии неприкосновенности частной жизни, для чего органам конституционной юстиции следует комплексно проанализировать федеральное законодательство, регламентирующее правовые положения получения информации о гражданах от компаний, предоставляющих информационно-телекоммуникационные услуги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сколько людей пользуются интернетом: статистика и факты [Электронный ресурс]. – URL: <https://sky.pro/wiki/analytics/skolko-lyudej-v-rossii-polzuyutsya-internetom-statistika-i-fakty/> (дата обращения: 23.11.2025).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 23.11.2025).
3. Портал Единого информационного пространства мировых судей города Москвы [Электронный ресурс]. – URL: <https://mos-sud.ru/425/> (дата обращения: 23.11.2025).

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СЛУЧАЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Бектева В.С.,

адъюнкт

(Омская академия МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией принципа разумного срока уголовного судопроизводства в случае приостановления производства по уголовному делу. На основе анализа позиций Конституционного Суда Российской Федерации дана оценка существующим правовым ограничениям, связанным с отсутствием у потерпевших права на обращение в суд за компенсацией нарушенного разумного срока.

Ключевые слова: разумный срок уголовного судопроизводства; приостановление производства по уголовному делу; правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации

SPECIFICS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF A REASONABLE TIME IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE EVENT OF A SUSPENSION OF A CRIMINAL CASE

Bekteva V.S.,

Postgraduate

(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article deals with issues related to the implementation of the right to a reasonable period of criminal proceedings in the event of suspension of criminal proceedings. Based on the analysis of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the article assesses the existing legal restrictions associated with the lack of the right of the victims to apply to the court for compensation for the violated reasonable period in the absence of certain conditions.

Keywords: reasonable term of criminal proceedings; suspension of criminal proceedings; legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Законодатель на уровне принципиальных положений закрепляет требование о необходимости осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ). Несмотря на широкое использование в УПК РФ данного понятия, в сфере нормативного регулирования оно не раскрывается.

Проблема реализации права на осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок имеет многовекторный характер. В частности, законодатель напрасно, с нашей точки зрения, не упоминает о реализации указанного права в случае приостановления производства по уголовному делу, несмотря на то, что данная проблема неоднократно являлась предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации [1].

Реагируя на данную проблему, Конституционный Суд Российской Федерации обобщил правовые позиции по отдельным вопросам доступа к правосудию в разумный срок [1]. В одной из правовых позиций Конституционный Суд Российской Федерации акцентировал внимание на необходимости обеспечения права на разумный срок уголовного судопроизводства как на стадии предварительного расследования (на наш взгляд, включая и производство по приостановленному уголовному делу), так и на судебных стадиях [2]. При этом участники уголовного судопроизводства не лишены права на обращение в суд за компенсацией при нарушении соответствующего права [3].

В частности, по одному из уголовных дел потерпевшая А.Е. Попова обратилась с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации в связи с тем, что уголовное дело было приостановлено более 50 раз [3]. При обращении в суд в целях защиты своих прав она указывала на нарушение разумного срока уголовного судопроизводства, требуя за это компенсацию в соответствии с Федеральным законом [4]. Конституционный Суд Российской Федерации установил, что причиной такой длительной задержки в расследовании уголовного дела являлись неправомерные действия органов предварительного расследования. При этом суд указал, что сама по себе значительная продолжительность досудебного производства не может рассматриваться как безусловное нарушение права потерпевшего на судопроизводство в разумный срок, влекущее обязанность государства выплатить ему соответствующую компенсацию. Ситуация меняется при наличии в уголовном деле подозреваемого (обвиняемого). В таком случае при наличии определенных условий потерпевший имеет право на компенсацию за нарушение разумного срока производства по делу. Указанный подход противоречит другой позиции Конституционного Суда Российской Федерации [2], в которой указано, что участники уголовного судопроизводства должны быть в равной степени обеспечены правом на уголовное судопроизводство в разумный срок на всех стадиях.

Исходя из данной позиции Конституционного Суда Российской Федерации потерпевшие не обладают правом на обращение в суд с целью компенсации нарушенного права на

разумный срок уголовного судопроизводства, если нет итогового решения по делу или подозреваемого (обвиняемого). Создание таких условий обращения в суд ограничивает права потерпевших.

Наличие таких условий обращения в суд за компенсацией за нарушение права на разумный срок уголовного судопроизводства как итогового решения по делу или присутствие подозреваемого (обвиняемого) ограничивает права потерпевших в случае приостановления уголовного дела. Другими словами, если уголовное дело приостановлено на длительный срок (отсутствует итоговое решение по делу) или по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, потерпевшие не имеют права обратиться в суд за компенсацией нарушенного права на разумный срок уголовного судопроизводства.

Более того, судья Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Жилин, излагая особое мнение по данной проблематике, отметил, что существуют определенные противоречия ограничительных условий реализации права на обращение потерпевших в суд с заявлением о присуждении соответствующей компенсации, когда в ходе окончанного досудебного производства не установлены подозреваемые или обвиняемые [3]. Необходимость урегулировать данный вопрос в федеральном законодательстве очевидна. Возникает потребность в изменениях, направленных на уточнение порядка и условий подачи потерпевшими заявлений о присуждении компенсации за нарушение данного права с целью исключить неправомерные отказы при поступлении подобных обращений в суд.

А.А. Нечаев по этому поводу пишет: «Сроки предварительного расследования по уголовным делам, по которым виновное лицо не установлено, в ряде случаев достигают значительных размеров при минимальном количестве проведенных по ним следственных действий. Очевидно, что указанные обстоятельства негативно влияют на деятельность правоохранительных органов, не обеспечивая в полной мере требования закона в части разумности сроков уголовного судопроизводства» [5, с. 54]. Мы поддерживаем позицию данного автора и хотим дополнить, что, на наш взгляд, нарушение разумных сроков при производстве по приостановленному уголовному делу связано также с отсутствием необходимых «инструментов» у следователя, дознавателя для осуществления уголовно-процессуальной деятельности по приостановленным делам.

Подводя итог, необходимо отметить, что реализация права на разумный срок по приостановленным уголовным делам – многогранная проблема, требующая внимания со стороны законодателя. Причиной нарушения разумных сроков, а также ограничения права на компенсацию, на наш взгляд, является недостаточное внимание законодателя к этим вопросам, несмотря на их актуализацию со стороны Конституционного Суда Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.03.2017 № 4-П/2017 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.06.2013 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (последняя редакция) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Нечаев А.А. О разумности процессуальных сроков приостановления предварительного расследования в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 4 (40). – С. 51–55.

ПОТЕРПЕВШИЙ В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОПРЯЖЕННОГО С ПОЛУЧЕНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ

Белецкая Ю.В.,

адъюнкт

(Краснодарский университет МВД России)

Аннотация: в статье осуществлен комплексный криминалистический анализ потерпевшего в контексте двойственной природы – как физического лица, так и публичного юридического лица (государственного или муниципального органа). Процесс цифровизации и трансформации механизмов предоставления социальных выплат расширил их доступность и создал новые риски возникновения форм мошенничества, предусмотренного ст. 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. В ходе исследования детально проанализированы специфические черты правового статуса и криминалистически значимых характеристик каждой из указанных категорий потерпевших.

Ключевые слова: потерпевший; криминалистическая характеристика; мошенничество при получении социальных выплат; физическое лицо; юридическое лицо.

THE VICTIM IN THE STRUCTURE OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF FRAUD ASSOCIATED WITH RECEIVING SOCIAL BENEFITS

Beletskaya Yu.V.,

Postgraduate

(Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article provides a comprehensive forensic analysis of the victim in the context of the dual nature of both an individual and a public legal entity (state or municipal body). The process of digitalization and transformation of mechanisms for providing social benefits has expanded their accessibility and created new risks of fraud, provided for in Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study analyzes in detail the specific features of the legal status and criminalistically significant characteristics of each of these categories of victims.

Keywords: victim; criminalistic characteristics; fraud in receiving social benefits; individual; legal entity

Государственные системы социального обеспечения, выступая ключевым институтом поддержки уязвимых слоев населения, одновременно становятся объектом повышенного преступного интереса. Цифровая трансформация механизмов предоставления социальных выплат, включая внедрение дистанционных сервисов и интеграцию информационных систем, наряду с повышением доступности помощи, создала предпосылки для возникновения новых форм мошенничества.

В контексте противодействия мошенничеству, предусмотренному ст. 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], научный анализ традиционно сосредоточен на преступных схемах, системных уязвимостях и профилактике. Однако роль потерпевшего как активного субъекта в процессе раскрытия и расследования преступлений в сфере социального обеспечения остается недостаточно изученной, формируя пробел в криминалистической методике.

Согласно ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2] *потерпевшим* признается лицо, которому преступлением причинен имущественный, физический, моральный либо иной вред. Согласно результатам анкетирования

следователей, дознавателей в делах о мошенничестве при получении социальных выплат чаще всего в качестве потерпевшего выступают:

- 1) физические лица – 9,3% случаев;
- 2) государственные органы (Социальный фонд России, органы социальной защиты населения и некоторые др.) – 29,4% случаев;
- 3) государственные внебюджетные фонды (Пенсионный фонд Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и др.) – 48,1% случаев;
- 4) муниципальные органы исполнительной власти в случаях, когда финансирование социальных выплат осуществляется за счет средств местного бюджета, например управления социальной защиты населения муниципальных образований, иные уполномоченные органы местного самоуправления, – 13,2% случаев¹.

Отсюда следует, что предоставление процессуального статуса потерпевшего обусловлено юридически значимым фактом причинения материального ущерба в результате незаконного получения социальных выплат. Этот факт выступает ключевым критерием, подтверждающим воздействие преступления на охраняемые законом имущественные интересы публично-правовых образований, выражающееся в нецелевом расходовании бюджетных средств.

В соответствии с нормами УПК РФ *юридическое лицо* приобретает процессуальный статус потерпевшего при документально подтвержденном наличии прямого имущественного ущерба. Следовательно, при мошенничестве с социальными выплатами формальным потерпевшим становится соответствующий государственный орган в лице уполномоченного представителя. Поскольку финансовые ресурсы для социальной поддержки формируются за счет общественных средств, причиняемый ущерб носит двоякий характер: конкретно-организационный (интересы ведомства) и общегосударственный (интересы бюджетной системы и социальной политики).

Как известно, правовой статус потерпевшего регламентируется комплексом нормативно-правовых актов, включающих как федеральное законодательство, например, Федеральный закон от 20.08.2004 № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [3], так и подзаконные нормативные акты, к примеру постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [4], определяющие порядок признания лица потерпевшим в уголовном судопроизводстве.

В академических работах рассматриваются различные аспекты правового статуса потерпевшего. Так, В.В. Ракитянский отмечает, что потерпевший должен быть вовлечен в судебный процесс, поскольку его интересы требуют особого внимания. Обеспечение прав и законных интересов потерпевших в суде первой инстанции должно быть приоритетом для следственных и судебных органов, что можно считать основой справедливого правосудия. Автор акцентирует внимание на том, что физические лица зачастую оказываются более уязвимыми и их права требуют особой защиты в суде [5, с. 297].

Что касается юридических лиц, то О.С. Джанибеков выделяет необходимость учитывать специфические риски, связанные с функционированием организаций. Защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, не ограничивается только физическими лицами, но также включает юридических лиц, которым может быть причинен значительный финансовый ущерб [6, с. 193]. Это означает, что правовой статус потерпевших дает им возможность обращаться в суд для возмещения убытков, что зачастую становится основной целью юридических лиц в случае мошенничества.

В правоприменительной практике потерпевшими преимущественно выступают публичные юридические лица – государственные структуры, из бюджетных средств которых осуществлены незаконные выплаты. Типичным примером служит реализация пособий по

¹ Результаты анкетного опроса 204 следователей и дознавателей органов внутренних дел в рамках диссертационного исследования на тему «Первоначальный этап расследования мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат».

инвалидности за счет средств федерального бюджета. Например, гр-ка А., действуя с прямым умыслом на хищение бюджетных средств, получила поддельную справку об установлении II группы инвалидности без прохождения медико-социальной экспертизы, на основании которой незаконно оформила в Пенсионном фонде страховую пенсию и ежемесячную денежную выплату. В результате чего, она похитила денежные средства в общей сумме 536 379 руб. 91 коп. [7].

Физическое лицо, выступающее в качестве потерпевшего по делам о мошенничестве, предусмотренном ст. 159.2 УК РФ, характеризуется рядом специфических особенностей, существенно влияющих на реализацию его процессуальных прав и возможностей по защите законных интересов.

Прежде всего данная категория потерпевших находится в объективно уязвимом положении, особенно в контексте преступлений, затрагивающих их имущественные права. К данным особенностям можно отнести: а) принадлежность к социально незащищенной категории граждан с ограниченными финансовыми возможностями и зависимостью от государственных социальных выплат; б) недостаточную правовую грамотность и сложность в понимании процессуальных процедур; в) повышенную эмоциональную нагрузку и стрессовое состояние, вызванное потерей средств к существованию; г) материальные трудности, связанные с нарушением финансовой стабильности; д) организационные сложности при участии в следственных действиях и оформлении процессуальных документов.

В свою очередь, *потерпевшее юридическое лицо* характеризуется рядом существенных особенностей, качественно отличающих его от физического лица, а именно: 1) *комплексностью отношений*, обусловленной наличием разветвленной организационной структуры и необходимостью привлечения нескольких уполномоченных представителей для защиты законных интересов; 2) *механизмом процессуального представительства*, согласно которому юридическое лицо может отстаивать свои права исключительно через уполномоченных представителей, что создает определенные риски в случае смены руководства или утраты должностных лиц; 3) ограниченным характером возмещения ущерба, поскольку юридическое лицо вправе преимущественно на компенсацию материального вреда, в то время как требования о возмещении морального вреда законодательно не предусмотрены, что существенно сужает его возможности по восстановлению нарушенных прав в сравнении с физическим лицом.

Таким образом, физические и юридические лица, выступая значимыми субъектами уголовно-процессуальных отношений, имеют различную правовую природу охраняемых интересов. Физические лица, как правило, претендуют на защиту своих личных имущественных и нематериальных благ (включая возмещение морального вреда), тогда как юридические лица ориентированы на защиту корпоративных интересов и возмещение имущественных потерь. В связи с этим для обеспечения законности, объективного расследования и восстановления нарушенных прав необходим дифференцированный и сбалансированный подход со стороны правоохранительных органов, учитывающий специфику правового положения каждого потерпевшего и направленный на эффективное обеспечение справедливости и гарантий защиты в соответствии с действующим законодательством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 17.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (в ред. от 16.05.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Ракитянский В.В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевших в суде первой инстанции // Молодой ученый. – 2020. – № 22 (312). – С. 296–298.

6. Джанибеков О.С. К вопросу защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, при производстве по уголовным делам // Молодой ученый. – 2020. – № 44 (334). – С. 192–194.

7. Приговор от 27.03.2025 № 1-538/2025 по делу № 1-538/2025. Гуковский городской суд (Ростовская область).

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ

Богмацера Э.В.,

кандидат юридических наук, доцент;

Гарнагина В.Т.

(Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Аннотация: в статье рассмотрены уголовно-процессуальные гарантии независимости судей, их сущность и влияние на формирование эффективной судебной системы. Дана характеристика существующих видов гарантий, и проведен анализ их реализации в отечественном законодательстве. Предложены пути совершенствования системы гарантий путем разработки единого Судебного кодекса и дополнения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации соответствующими положениями. Приведены конкретные механизмы, способствующие укреплению независимости судей, такие как процессуальная независимость, социальный статус и правовые привилегии.

Ключевые слова: независимость судей; уголовно-процессуальные гарантии; процессуальные гарантии; социальные гарантии; институциональные гарантии

CRIMINAL PROCEDURAL GUARANTEES OF JUDICIAL INDEPENDENCE

Bogmatsera E.V.,

Candidate of Law, Associate Professor;

Garnagina V.T.

(Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation)

Abstract: the article examines the criminal procedural guarantees of judicial independence, their essence and impact on the formation of an effective judicial system. A description of the existing types of guarantees is given and an analysis of their implementation in domestic legislation is carried out. Ways to improve the guarantee system by developing a unified Judicial Code and supplementing the Code of Criminal Procedure with relevant provisions are proposed. Specific mechanisms that contribute to strengthening the independence of judges, such as procedural independence, social status and legal privileges, are given.

Keywords: independence of judges; criminal procedural guarantees; procedural guarantees; social guarantees; institutional guarantees

Отмечая, что в настоящее время требуется дополнительное изучение вопросов определения и реализации принципа независимости судей, исследователи приходят к выводу о необходимости оценки соотношения результатов действия принятых правовых норм и достигнутых целей.

Действительно, за последние десятилетия на государственном уровне были приняты меры по формированию гарантий независимости судей, в том числе и уголовно-процессуального характера. Так, были разработаны и приняты нормативные акты:

- направлены на разрешение проблем в вопросах укрепления независимости судей;
- определена необходимость обеспечения судей гарантиями нормального осуществления профессиональной деятельности;
- выработаны антикоррупционные и иные меры, направленные на развитие судебной системы.

Однако до сих пор в действующем законодательстве сохраняется ряд недостатков, требующих корректировок:

- несогласованность между существующими нормами, которые регулируют правовой статус судей;
- отсутствие системного регулирования института независимости судей;
- низкий уровень систематизации гарантий независимости судей, что негативно влияет на реализацию принципа.

В этой связи некоторые исследователи предлагают произвести кодификацию нормативных актов, регламентирующих судебную систему. На наш взгляд, создание Судебного кодекса позволит повысить эффективность реализации уголовно-процессуальных принципов, в том числе гарантий независимости судей.

Для подробного изучения гарантий независимости судей необходимо определить сам термин «гарантии».

Исследователи отмечают, что в различных сферах общественной жизни существуют различные гарантии. В правовых отношениях выделяются юридические гарантии, которые представляют собой комплекс юридических средств, признающих и закрепляющих в нормативных актах права, свободы и обязанности субъектов взаимодействия, а также обеспечивающих их реализацию [12].

В этой связи гарантии независимости судей формируют определенные условия их профессиональной деятельности, позволяющие успешно осуществлять правосудие. Формируемые условия обязаны нивелировать факторы негативного характера, которые могут влиять на функционирование судебной системы [3], а также повышать эффективность уголовного судопроизводства с помощью определенных средств, приемов и методов.

Считаем удачным определение гарантий независимости судей, предложенное У.С. Ищенко: совокупность условий и факторов, оказывающих воздействие на правотворческую и правоприменительную деятельность, а также комплекс средств, приемов и методов, обеспечивающих эффективность уголовного судопроизводства [5].

Исследователи отмечают, что гарантии независимости судей представляют собой совокупность гарантий различного вида, которые возможно разделить на институциональные, процессуальные и социальные [14].

Институциональные гарантии независимости судей представляют собой законодательно закрепленные положения о судебной системе и комплекс средств, приемов и методов, обеспечивающих назначение, неприкосновенность, несменяемость судей и невмешательство в их деятельность.

Процессуальные гарантии независимости судей представляют собой установленные уголовно-процессуальным законодательством положения, средства и способы, обеспечивающие достижение целей уголовного судопроизводства. Гарантии данного вида позволяют исключить возможность подчинения судьи, обеспечить самостоятельное принятие им решений, установить особую процедуру привлечения судьи к ответственности.

Именно процессуальные гарантии независимости судей составляют механизм, направленный на нейтрализацию противодействия институту независимости суда.

Изучая гарантии данного вида, процессуалисты отмечают [13], что они включают в себя следующие группы составляющих элементов:

- процессуальные гарантии обеспечения объективности и беспристрастности;
- процессуальные гарантии предотвращения воздействия на участников уголовного судопроизводства, в том числе судей;
- процессуальные гарантии регулирования порядка отвода судей;
- процессуальные гарантии осуществления надзорной и контрольной деятельности участников уголовного судопроизводства.

Рассмотрим составляющие групп подробно.

1. В состав процессуальных гарантий обеспечения объективности и беспристрастности входят закрепленные в уголовно-процессуальном законе принципы:

- осуществления правосудия только судом (ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ));
- особого положения суда в уголовном процессе (ст. 29 УПК РФ);
- гласности разбирательств в суде (ст. 241 УПК РФ);
- состязательности сторон в судопроизводстве (ст. 15 УПК РФ);
- свободной оценки доказательств судьей (ст. 17 УПК РФ) с учетом определенных правил (ст. 88 УПК РФ).

2. В состав процессуальных гарантий предотвращения воздействия на участников уголовного судопроизводства, в том числе судей, входят закрепленные в уголовно-процессуальном законе принципы:

- неизменности состава суда (ст. 242 УПК РФ);
- руководства судебным заседанием председательствующим судьей [1] (ст. 243 УПК РФ);
- равноправия сторон в судебном заседании (ст. 244 УПК РФ);
- права выражения судьей особого мнения в ситуации коллегиального разбирательства дела (ст. 301 УПК РФ);
- научной организации деятельности судей [7] и формирования состава суда с учетом исключения заинтересованного влияния на ход судебного разбирательства, а также использования законодательно закрепленных автоматизированных информационных систем [10];
- запрета на вмешательство кого-либо в деятельность судей по осуществлению правосудия;
- необходимости рассмотрения внепроцессуальных обращений, поступивших в адрес судей по рассматриваемым им делам, и публичного размещения об этом информации;
- активного исследования судом полученных доказательств в рамках судебного заседания и возможности сбора новых (гл. 37 УПК РФ);
- тайны совещания судей (ст. 298 УПК РФ).

3. В состав процессуальных гарантий регулирования порядка отвода судей входят закрепленные в уголовно-процессуальном законе положения:

- о возможности отвода и самоотвода судьи и состава суда (ст. 61–65 УПК РФ);
- об установленных запретах на участие судьи в производстве по уголовному делу на основе определенных обстоятельств (ст. 61, 65 УПК РФ).

4. В состав процессуальных гарантий осуществления надзорной и контрольной деятельности участников уголовного судопроизводства входят закрепленные в уголовно-процессуальном законе положения:

- о субординации в судебной системе по вопросам разрешения дел (ст. 389.19, 401.16, 412.12 УПК РФ);
- об особой процедуре привлечения судьи к уголовной ответственности.

Социальные гарантии независимости судей представляют собой установленные требования по необходимому материальному обеспечению судей и членов их семей, например организация особого порядка обеспечения жизнедеятельности судей в период деятельности и

после их выхода в отставку, предоставляемые права на определенное материальное обеспечение и т.д.

Социальные гарантии для судей позволяют выполнять две серьезные задачи: создавать необходимые условия для добросовестного выполнения обязанностей, а также компенсировать существующие ограничения гражданских прав для судей [2]. Социальные гарантии позволяют обеспечивать социальную защиту судей и членов их семей, а также нормальное функционирование профессиональной деятельности. Именно на эти две группы и подразделяют социальные гарантии независимости судей:

- гарантии, обеспечивающие надлежащий уровень работы судей;
- гарантии, обеспечивающие материальный, жилищный достаток судьи и членов его семьи.

Некоторые процессуалисты, помимо обозначенных видов гарантий независимости судей, выделяют также нравственные гарантии [9], опирающиеся на выработанные общепризнанные требования к судьям. Нравственные гарантии независимости судей направлены на повышение авторитета судебной власти и репутации судей.

Так, например, Генеральной ассамблеей ООН в 1985 году были одобрены основные принципы независимости судебных органов, среди которых указывалось, что судьи обязаны иметь высокие моральные качества.

О нравственных стандартах деятельности судей отмечается и в обзорах судебной практики Верховного Суда Российской Федерации «судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи». Изучение системы гарантий независимости судей позволяет говорить о выделении организационных гарантий, которые представляют собой условия обеспечения реализации независимости судей.

Б.В. Сангаджиев относит организационные гарантии к институциональным [11], что, на наш взгляд, противоречит их назначению. Считаем, что организационные гарантии независимости являются самостоятельными, определяют порядок отбора судей, вопросы прохождения ими службы, ответственность, условия пребывания в отставке [6].

Г.Т. Ермошин определяет организационные гарантии независимости судей как установленные в действующем законодательстве:

- порядок отбора кандидатов в судьи;
- порядок прохождения судей по службе;
- порядок присвоения судьям квалификационных классов;
- порядок привлечения судей к ответственности (дисциплинарной, административной, уголовной);
- порядок ограничения гражданских прав и свобод;
- порядок приостановления и прекращения полномочий судьи [4].

Организационные гарантии независимости судей позволяют достигать эффективных результатов за счет оптимального использования имеющихся ресурсов. Благодаря реализации организационных гарантий происходит совершенствование различных аспектов деятельности судей:

- форм организации судей;
- условий, которые позволяют повышать эффективность работы судей (организация рабочего места, использование современных информационных и коммуникационных технологий в своей деятельности);
- условий жизнедеятельности судей (получение необходимой медицинской помощи и медицинского обслуживания, высокое качество санитарных, физиологических, эстетических, психологических условий труда);
- организации рабочего времени судей (нормирование времени работы и отдыха);
- системы отчетности судей (минимизация формальностей, повышение уровня электронного документооборота);

– образования и подготовки судей (организация постоянного повышения квалификации, прохождение курсов международного и федерального уровня).

Одной из организационных гарантий независимости судей также является осуществление фотосъемки, видеозаписи, аудиозаписи, а также трансляции в режиме реального времени открытого судебного разбирательства с согласия председательствующего в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 241 УПК РФ. Отметим, что данная возможность была обозначена в Пленуме Верховного Суда Российской Федерации еще в 2012 году: открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции способствуют повышению уровня правовой осведомленности о судоустройстве, являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти.

Таким образом, за последние десятилетия на государственном уровне были предприняты меры по формированию гарантий независимости судей, в том числе и уголовно-процессуального характера.

Однако до сих пор в действующем законодательстве сохраняется ряд недостатков, требующих корректировок. Для повышения эффективности реализации уголовно-процессуальных принципов предлагается произвести кодификацию нормативных актов, регламентирующих судебную систему, создав Судебный кодекс Российской Федерации.

Гарантии независимости судей возможно определить как совокупность условий и факторов, оказывающих воздействие на правотворческую и правоприменительную деятельность, а также комплекс средств, приемов и методов, обеспечивающих эффективность уголовного судопроизводства. Выделяют институциональные, процессуальные, социальные, нравственные, организационные гарантии независимости судей.

Уголовно-процессуальные гарантии независимости судей представляют собой установленные уголовно-процессуальным законодательством положения, средства и способы, обеспечивающие достижение целей уголовного судопроизводства. Гарантии данного вида позволяют исключить возможность подчинения судьи, обеспечить самостоятельное принятие им решений, установить особую процедуру привлечения судьи к ответственности. Именно процессуальные гарантии независимости судей составляют механизм, направленный на нейтрализацию противодействия институту независимости суда.

Для формирования правовой основы эффективного функционирования механизма противодействия институту независимости суда целесообразно дополнить положения ст. 8.1 УПК РФ ч. 4 «Независимость судей обеспечивается совокупностью институциональных, процессуальных, социальных, нравственных и организационных гарантий».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аширбекова М.Т. Председатель суда как новый участник уголовного судопроизводства // Мировой судья. – 2015. – № 11. – С. 9–13.
2. Баранков В.Л. Гарантии обеспечения социальной защиты судей // Журнал российского права. – 2013. – № 12. – С. 86–93.
3. Бурмагин С.В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2016. – 305 с.
4. Ермошин Г.Т. Гарантии независимости судьи – носителя государственной власти. Социально-правовые аспекты // Российский судья. – 2005. – № 5. – С. 7–12.
5. Ищенко У.С., Можаяева И.П. Система гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2 (89). – С. 121–131.
6. Кондрашев А.А. Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8. – С. 181–187.

7. Можаяева И.П., Бахта А.С. Повышение эффективности уголовного судопроизводства путем организационного обеспечения судебной деятельности // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 169–174.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 3.
9. Романенко Н.В. О проблемах нравственных качеств судей в условиях осуществляемого в отношении их уголовного преследования // Российский судья. – 2017. – № 2. – С. 33–37.
10. Салихов З.М., Багаутдинов Ф.Н. Автоматизированное распределение уголовных дел в суде: работа и проблемы системы // Уголовный процесс. – 2020. – № 6 (186). – С. 84–90.
11. Сангаджиев Б.В. Институциональные характеристики судебной власти в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2013. – 41 с.
12. Хазов Е.Н., Хазова В.Е. Юридические гарантии прав и свобод человека и гражданина и механизм их реализации // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 5. – С. 120.
13. Шеломанова Л.В. Независимость судей как конституционный принцип правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2013. – 157 с.
14. Шеломанова Л.В. Реализация принципа независимости судей в конституционном праве современной России // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 5. – С. 26–29.

МЕСТО И РОЛЬ ОБЩЕСТВА В ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ В.Д. КАТКОВА

Божко Е.А.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена изучению и рассмотрению юридической природы общества в понимании В.Д. Каткова, а также определению его роли и места в становлении и развитии теоретико-правовых взглядов ученого. Анализируются основополагающие теории общества сквозь призму взглядов отдельных отечественных и зарубежных ученых. Раскрывается взаимосвязь неограниченной самодержавной власти монарха и других элементов, составляющих основу русской государственности с представлениями В.Д. Каткова об обществе и порядке его организации и функционирования.

Ключевые слова: воля; государство; доктрина; монарх; народ; нравственность; общество; право; самодержавие; теория

THE PLACE AND ROLE OF SOCIETY IN V.D. KATKOV'S THEORETICAL AND LEGAL VIEWS

Bozhko E.A.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to the study and analysis of the legal nature of society as understood by V.D. Katkov, as well as to the determination of its role and place in the formation and development of the scientist's theoretical and legal views. The fundamental theories of society are analyzed through the lens of the views of individual Russian and foreign scholars. The article reveals the relationship between the unlimited autocratic power of the monarch and other elements

that form the basis of Russian statehood, and V.D. Katkov's ideas about society and the order of its organization and functioning.

Keywords: will; state, doctrine; monarch; people; morality; society; law; autocracy; theory

На любом историческом этапе государственной жизни обществу отводится одна из ведущих ролей. Общество позиционируется как базовый элемент системы государственно-властной деятельности, неразрывно связанный с государством и способствующий его функционированию. С позиции доктринального толкования и понимания сущности общества и его соотношения с государством не все так однозначно. В теоретическом аспекте изучения рассматриваемой проблемы отдельные ученые [12; 14; 18; 21] указывают на то, что общество неразрывно связано с государством, направлено на ограничение и контроль деятельности государственно-властных структур, именно оно продуцирует нормы и ценности, которые затем закрепляет государство в законодательстве. Приоритетными характеристиками общества становятся сотрудничество и взаимный консенсус, способствующие установлению «обратной связи для взаимодействия с государством», а само государство участвует в обеспечении функционирования всех его институтов.

Неотъемлемым элементом становления и развития любого современного государства выступает народ, объединенный определенной спецификой и содержанием взаимоотношений между людьми, составляет основу общества, которое в своей исторической ретроспективе на любом историческом этапе развития Российского государства выступало не только в качестве элемента государственно-властного управления, но и обуславливало основу русской государственности. Идеи изучения общества легли в основу государственно-правовых воззрений отдельных представителей современных и дореволюционных ученых, поскольку рассмотрение юридической природы общества в различных его аспектах не теряет своей актуальности на любом этапе эволюции государства и позволяет приблизиться к определению единой концепции эффективного государственного управления. В этой связи нельзя обойти вниманием одного из выдающихся теоретиков отечественной дореволюционной государственно-правовой мысли профессора Императорского Новороссийского университета [11, с. 20] В.Д. Каткова (1867–1919) [3, с. 30], чей вклад в юридическую науку на современном этапе необоснованно предан забвению. Развивая идеи в области изучения языка права и философского осмысления права в целом [6], рассматривая отдельные аспекты цивилистики [1; 2; 4; 5] и являясь ярким сподвижником преобладания идей сильной самодержавной власти монарха, В.Д. Катков особое внимание уделял изучению общества как одного из фундаментальных элементов русской государственности [7; 8; 24] в рамках социально-правовой концепции.

В работах профессора В.Д. Каткова обращение к рассмотрению сущности общества и определение его влияния и значимости для государства и права происходит в двух основных аспектах. Во-первых, ученый рассматривает общество в единой неразрывной связи с другими элементами отечественной государственности, такими как самодержавие, народ, религия, школа, патриотизм [9; 10]. Во-вторых, В.Д. Катков рассматривает и анализирует общество как социальное явление, обращаясь к его основным теориям.

В.Д. Катков, развивая научные постулаты своего учителя и сподвижника в формировании консервативных государственно-правых идей, а также автора фундаментального научного труда о русском православном самодержавии под названием «Монархическая государственность» Л.А. Тихомирова [22, с. 67], рассматривал самодержавие не только как исторически сложившуюся основу российской государственности, но и указывал на их неразрывную и устойчивую связь. В.Д. Катков опирался на воззрения Л.А. Тихомирова, для которого самодержавие представлялось как не требующий признания результат русской истории, а русское общество – как социальный организм, сформированный за последнее тысячелетие пережитыми событиями [23, с. 125].

В своих научных и публицистических трудах В.Д. Катков, рассматривая идею нерушимой самодержавной власти Всероссийского императора в качестве самостоятельной формы правления, раскрывал сущность и значение общества для построения сильной централи-

зованной власти монарха, отмечая, что «самодержавие всегда будет возрождаться и жить в обществе, когда этого будут требовать обстоятельства. Самодержавие есть форма правления, зависящая не от времени, а от обстоятельств. Эта форма никогда не может сделаться «отсталой», так как упразднение представителей учреждений и даже республики и замена их самодержавием может быть великим благодеянием и прогрессом для народа» [15, с. 47].

В представлениях профессора В.Д. Каткова самодержавная власть имеет под собой сильную нравственную основу, которая, в свою очередь, является базовым спутником сильного и здорового общества, поскольку в самодержавии кроется особое предназначение для созидания во всех сферах жизнедеятельности государства, в том числе и общественной жизни. В.Д. Катков отмечает, что «миссия русского самодержавия не в том, чтобы поглотить собою Русское государство с его интересами, а в том, чтобы содействовать его развитию, очистить место и создать благоприятные условия для жизни и успеха. Русское самодержавие – почва, репутация и атмосфера нравственной жизни русского общества. Это среда, необходимое окружение для роста всего того, что есть лучшего у граждан Русской земли» [15, с. 30].

Безусловно, в зависимости от государственно-правового развития любой страны общество в своем правовом и социальном понимании характеризуется определенными особенностями, что обуславливает специфику выстраивания общественной жизни в государственно-правовой действительности отдельного государства. Для российского общества самодержавие, подкрепленное высокими нравственными началами, выступает в качестве фундаментальной основы укрепления суверенной центральной верховной государственной власти и духовно-нравственной основы общества. В этой связи В.Д. Катков отмечает, что «конечная санкция и основа повиновения самодержавию как правовому и важнейшему институту русской государственной жизни лежит в нравственной ценности его в качестве орудия и опоры нравственного роста общества: оно поддерживает этическую возможность жизни и улучшения условий существования народа. Страна, созданная властным объединением столь разнообразных элементов по культуре, расе, нравственным особенностям, если бы ее оставили без сильной власти и предоставили самой себе, непременно распалась бы на свои составные части, которые взаимною борьбою лишили бы друг друга той возможности саморазвития, которую им дает полновластие русских монархов» [15, с. 31].

Отдельное внимание В.Д. Катков уделял изучению и рассмотрению различных теорий общества, в том числе в контексте взглядов отдельных зарубежных ученых и мыслителей. Анализируя предлагаемые еще Томасом Гоббсом (1578–1679) [19] и Жан Жаком Руссо (1712–1778) [20] теории об аналогии общества и договора, ученый приходит к обобщенному выводу, что согласно предлагаемым «договорным» теориям в прошлом люди жили в дообщественном, «естественном» состоянии и потом вышли из него, придумав общество и установив его свободным соглашением. Создатели и устроители общества признавались отдельными вошедшими в соглашение личности. Общественный порядок установлен был произволом отдельных лиц. Общество являлось искусственным произведением людей, их произвольным установлением; общество есть результат совместной воли лиц, составляющих его [16, с. 142]. Однако у В.Д. Каткова сформировалось скептическое отношение к теориям договорного происхождения общества, обоснованное тем, что договорные теории, в силу несомненных ошибок, утратили свою состоятельность, а сама гипотеза дообщественного «естественного» состояния является мифом. Ученый исходит из анализа исторического развития человеческой природы и обозначает общество как древнейший фундаментальный элемент, лежащий в основе зарождения человеческого рода, отмечая, что «исторические сведения и наблюдения над жизнью современных племен, стоящих на низкой ступени развития, показывают, что общественность есть одно из коренных свойств человеческой природы, и мы не имеем никаких данных предполагать время, когда природа человека была бы в этом отношении иной. Общество, вероятно, так же древнее, как и человеческий род» [16, с. 143].

Полностью не отвергая договорной характер образования общества, В.Д. Катков все же отводил приоритет органическому началу общества, обусловленному человеческой волей, отмечая, что «по взгляду Фулье, общество представляет собой договорной организм.

Понимает он это таким образом: общество сложилось и возникло первоначально независимо от человеческой воли, но, постепенно развиваясь, оно все более и более, все полнее и безусловнее становится произведением человеческой воли. Преобладающий первоначально в обществе органический характер уступает место договорному характеру отношений» [16, с. 143]. Для укрепления своих убеждений В.Д. Катков подвергает анализу докторскую диссертацию под названием «Основные вопросы философии истории» (1883) [17] выдающегося русского историка и философа Н.И. Кареева (1850–1931) [13, с. 52], который в своей работе отмечает, что «общество первоначально представляло собой естественный факт, в смысле чего-то не зависящего от человеческой воли. С постепенным развитием человек, видя себя членом такого общества, строй которого не соответствует его идеалам, старается устранить это противоречие и изменить общественные отношения соответственно своим идеалам. Одно поколение за другим непрерывно продолжает эту работу сознательного переустройства общества. Работа эта не может остаться безрезультатной. В незначительной степени человеческая идея осуществляется в общественных формах, и общество, таким образом, делается все более и более результатом совместной воли всех таких людей, которые работали над его переустройством, результатом как бы их соглашения и, в этом смысле, получает договорной характер. Или, выражаясь иначе, общество все более становится воплощением человеческих идей и, в этом смысле, произведением человеческого искусства. Весь смысл цивилизации заключается с этой точки зрения в постепенном подчинении общественного строя человеческим идеалам» [16, с. 143].

Анализ взглядов отечественных и зарубежных ученых приводит В.Д. Каткова к выводу, что именно воля выступает в качестве движущей силы формирования общества, так как сама по себе социальная связь является сплачивающей силой любой общественной группы, в то же время социальная связь не возможна без сознательного и бессознательного участия воли. Ученый подчеркивает, что результатом сознательной (совместной) и бессознательной воли лиц является именно общество, которые составляют и объединяют его.

В целом изучение и рассмотрение юридической природы общества имело существенное значение в становлении и развитии теоретико-правовых воззрений В.Д. Каткова. Обращение к основным теориям общества еще в самом начале творческого и научного пути ученого обусловило формирование у В.Д. Каткова четкого понимания сущности общества и особенностей его функционирования. Полученные ученым знания об обществе, в том числе как о социально-правовом волевом явлении, и сформулированные им идеи являются неотъемлемым взаимосвязанным спутником формирования воззрений ученого о самодержавии, религии, нравственности, народе, образующие в своем единстве основу русской государственности – ключевую идею в воззрениях ученого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Божко Е.А. Юридическая природа индоссамента в учении В.Д. Каткова / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): материалы XX Международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 124–131.
2. Божко Е.А. Генезис взглядов В.Д. Каткова о передаче векселя по надписи (индоссаменту) // Столыпинский вестник. – 2023. – Т. 5. – № 12.
3. Божко Е.А. Нравственно-правовая концепция отечественной государственности в представлениях В.Д. Каткова // История государства и права. – 2016. – № 12. – С. 30–36.
4. Божко Е.А. Взгляды В.Д. Каткова на юридическую природу векселя / Актуальные проблемы современной науки: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Липецк, 8 мая 2015 г. – Липецк: Издательство Першина Р.В., 2015. С. 467–471.
5. Божко Е.А., Буняева К.В. Передача векселя по надписи в понимании В.Д. Каткова / Проблемы правоохранительной деятельности и образования: сборник научных трудов док-

торантов, адъюнктов, аспирантов. Т. 12. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2015. С. 67–72.

6. Божко Е.А. Юридикологическая гносеология В.Д. Каткова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-1 (62). – С. 31–35.

7. Божко Е.А. Идея русской государственности в трудах В.Д. Каткова / Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 30 ноября 2023 г. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. С. 223–226.

8. Божко Е.А. Формирование конституционной модели построения государственности в воззрениях В.Д. Каткова / Российский конституционализм: история, теория и практика: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 16 декабря 2023 г. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. С. 13–19.

9. Божко Е.А., Буняева К.В. Патриотизм в государственно-правовой мысли В.Д. Каткова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 3 (53). – С. 104–107.

10. Божко Е.А. Школа и религия в трудах В.Д. Каткова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9 (237). – С. 26–29.

11. Ганин В.В. Преподаватели и студенты юридического факультета Новороссийского университета (XIX – начало XX в.) // Юридическое образование и наука. – 2007. – № 4. – С. 20–23.

12. Дзыбова С.Г., Парасюк Е.А. Правовая система и гражданское общество: механизмы взаимовлияния // Российская юстиция. – 2016. – № 6. – С. 2–5.

13. Дунаева Ю.В. Научное творчество Н.И. Кареева. Историографическая статья. Ч. 1 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия. 5: История. – 2023. – № 2. – С. 52–76.

14. Жичкина С.Е. К вопросу о понятии гражданского общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 18. – С. 15–19.

15. Катков В.Д. Христианство и государственность. – Москва: ФИВ, 2013. – 296 с.

16. Катков В.Д. К теории общества // Русское богатство. – 1896. – № 11. – С. 142–153.

17. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – Санкт-Петербург: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1887. – 22 с.

18. Кручинин В.Н. Гражданское общество в современной России, проблемы формирования и функционирования // Вопросы управления. – 2013. – № 4 (25). – С. 7–15.

19. Маслаков А.С., Кондратьева С.Б. Томас Гоббс и парадоксы мышления раннего нового времени // Философская мысль. – 2023. – № 3. – С. 33–72.

20. Милованов К.Ю. У истоков «Царства разума»: философские и общественно-педагогические взгляды Ж.-Ж. Руссо // Проблемы современного образования. – 2017. – № 3. – С. 23–32.

21. Парасюк Е.А. Гражданское общество: основные принципы и условия функционирования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2008. – № 8. – С. 296–300.

22. Смолин М.Б. Лев Тихомиров: верховная власть и государство как политические аксиомы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 67–85.

23. Смолин М.Б. Лев Тихомиров: этический монархизм и верховная власть // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2023. – Т. 29, № 3. – С. 113–133.

24. The idea of the violent origin of the state and law in the Russian political and legal doctrine / A.Yu. Kuzubova, A.A. Bayramov, E.A. Bozhko [et al.] // Laplage em Revista. – 2020. – Vol. 6. № Extra-A. – P. 239–247.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ УГРОЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНФОРМАЦИОННЫМ РЕСУРСАМ

Борисенко А.В.,

кандидат физико-математических наук;

Акапьев В.Л.,

кандидат педагогических наук;

Ковалева Е.Г.,

кандидат технических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в сфере информации, информационных технологий и защиты информации большое значение приобретает осуществление профилактических и предупредительных мероприятий, равно как и пресечение противоправных действий. В статье поднимаются вопросы информационной безопасности и методов ее обеспечения правоохранительными органами Российской Федерации.

Ключевые слова: информационная безопасность; защита информации; информационные технологии; информационная сфера; информационные ресурсы

PECULIARITIES OF THE EMERGENCE OF INFORMATION SECURITY THREATS IN RELATION TO INFORMATION RESOURCES

Borisenko A.V.,

Candidate of Physical and Mathematical Sciences;

Akapyev V.L.,

Candidate of Pedagogical Sciences;

Kovaleva E.G.,

Candidate of Technical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the field of information, information technology and information security, the implementation of preventive and warning measures, as well as the suppression of illegal actions, is of great importance. The article raises issues of information security and methods of ensuring it by law enforcement agencies of the Russian Federation.

Keywords: information security; information protection; information technology; information sphere; information resources

В процессе организации правоохранительной деятельности важное значение приобретает применение современных информационных технологий. При этом информационное обеспечение имеет повышенное значение в свете ускоряющихся темпов технологического и информационного развития, в том числе и на государственном уровне [1]. Примером является действующая на сегодняшний день Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы.

В настоящее время возрастает значимость электронного обмена данными и электронных форм взаимодействия. Связано такое положение с возникновением и развитием информационных технологий. Влияет подобный подход на систему правового регулирования возникающих правоотношений. В таком свете административно-правовое регулирование оказания электронных государственных услуг приобретает новое значение. В современных условиях определение регламентации деятельности соответствующих государственных органов позволяет реализовать права физических и юридических лиц во взаимосвязи с интересами государства [2].

Вопросы административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг приобрели новое значение, в связи с проводимыми реформами в части повышения уровня информатизации государственных органов, осуществления модернизации государственного управления в последние годы (например, создание национального мессенджера). Поэтому обеспечение информационной безопасности государственных ресурсов становится ключевой задачей. Информационная безопасность является сложным термином и может быть рассмотрена с позиции разных аспектов.

Достижение состояния информационной безопасности основано в том числе на необходимости установления мер правового регулирования, обеспечивающего:

- определение базовых понятий;
- установление пределов пользования различными видами информации в контексте информационной безопасности;
- закрепление мер охраны и защиты;
- профилактику и предупреждение угроз информационной безопасности.

Определение информационных угроз представляет существенное значение для противодействия их распространению и нарушению прав различных субъектов [3]. Представляется, что наиболее важной характеристикой по отношению к информационным угрозам выступает выделение уровней информационных угроз в масштабах их распространения: угрозы государству и угрозы отдельным компаниям и личностям [4]. Степень возникающих угроз влияет на методы осуществляемого противодействия [5].

В сфере информационно-телекоммуникационных технологий одними из основных угроз считаются вредоносные программы. Вредоносные программы – это программы (программные блоки, программное обеспечение), специально разработанные для несанкционированного доступа к компьютерной информации.

Представляется, что вредоносная программа включает в себя набор инструментов, действующих с целью:

- сокрытия присутствия в компьютере;
- маскировки под легальное программное обеспечение, несанкционированное копирование информации из памяти устройства;
- модифицирования (разрушения, искажения) кодов других программ;
- осуществления самостоятельным путем деструктивных функций, среди которых копирование, модификация, уничтожение, искажение информации.

Вредоносные программы позволяют осуществлять несанкционированное воздействие на объект без согласия его владельца (пользователя), и осуществляется нецелевое использование ресурсов.

Вредоносные программы могут быть классифицированы по типам:

- сетевые черви;
- классические компьютерные вирусы;
- троянские программы;
- хакерские утилиты;
- программы-шпионы и др.

Также вирусы могут быть классифицированы по вредоносному воздействию:

1. Направленные на поражение операционной системы (или платформы) – вирусы, нарушающие функционирование Windows, Linux, DOS, Android и т.д.
2. Файловые вирусы – внедряют вирусный код в программы для получения, управления и заражения программ компьютера.
3. Имеющие дополнительный вредоносный функционал (ботнеты, кейлоггеры, программы-шпионы и др.).
4. Использующие различные технологии (полиморфные вирусы, стелс-вирусы).

Таким образом, вне зависимости от типа вредоносные программы наносят существенный ущерб, нарушая целостность, конфиденциальность и доступность информации.

В действующем законодательстве установлено понятие информации, которое имеет тесную связь с информационными технологиями и обеспечением информационной безопасности. Информационная безопасность выступает составным компонентом национальной безопасности, а также основой соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Кроме этого, посредством установления мер информационной безопасности достигается баланс между частными и публичными интересами, соблюдаются права задействованных в информационное взаимодействие субъектов. Информация и информационная безопасность при кажущейся узкой специализации охватывают многие отрасли и сферы.

В таком контексте следует говорить о комплексном подходе к вопросам обеспечения информационной безопасности. Информационные угрозы могут классифицироваться по различным основаниям (субъект, наличие или отсутствие умысла, активные и пассивные угрозы).

Исходя из этого возникают и различные подходы к определению вредоносных программ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф>.
2. Ермолаева Л.Н. Компьютерная информация: проблематика исследования // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2023. – № 4. – С. 42–47.
3. Акапьев В.Л., Ковалева Е.Г., Борисенко А.В. Оценка защищенности объекта информатизации ОМВД России // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2025. – № 2. – С. 20–30.
4. Полякова Т.А., Смирнов А.А. Правовое обеспечение международной информационной безопасности: проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. – 2022. – № 3. – С. 7–15.
5. Ламонина Л.В., Смирнова О.Б. К вопросу о применении искусственного интеллекта в обеспечении информационной безопасности // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2023. – № 3 (34). – С. 20–26.

УПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМОЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Борисовская Т.Н.,

Черкасова Ю.П.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты управления системой высшего образования в контексте процессов модернизации; основные направления развития и вызовы, стоящие перед современной высшей школой, связанные с необходимостью адаптации к меняющимся требованиям рынка труда в связи с цифровой трансформацией сфер человеческой жизни. Анализируются подходы к формированию эффективных управленческих стратегий, направленных на повышение качества образования, развитие инновационной деятельности и укрепление конкурентоспособности вузов.

Ключевые слова: высшее образование; модернизация; инновации; цифровизация; стратегия развития

MANAGEMENT OF THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION SYSTEM IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION

**Borisovskaya T.N.,
Cherkasova Yu.P.**

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the key aspects of the management of the higher education system in the context of modernization processes; the main directions of development and challenges facing modern higher education related to the need to adapt to the changing demands of the labor market in connection with the digital transformation of human spheres of life. The approaches to the formation of effective management strategies aimed at improving the quality of education, developing innovation and strengthening the competitiveness of universities are analyzed.

Keywords: higher education; modernization; innovation; digitalization; development strategy

Современный этап развития общества характеризуется процессами глобализации, информатизации и непрерывной технологической модернизации, что оставляет след во всех сферах жизнедеятельности, включая и систему высшего образования.

Модернизация высшего образования – это динамичный процесс трансформации, нацеленный на построение современной, конкурентоспособной образовательной системы, соответствующей потребностям рынка труда и экономики.

Фундаментальные изменения в экономике и социальной сфере, обусловленные технологической революцией, ставят перед высшим образованием новые вызовы.

По мнению В.А. Мау, «модернизация образования – это не просто обновление содержания учебных программ, но и изменение самой парадигмы обучения, его ориентация на формирование компетенций, востребованных в быстро меняющемся мире» [4].

В условиях цифровой трансформации, когда информация становится все более легкодоступной, роль высшего учебного заведения смещается от простого транслятора знаний к центру формирования критического мышления, креативности и навыков непрерывного обучения. Управление системой высшего образования должно быть направлено на создание гибкой, адаптивной образовательной среды, способной оперативно реагировать на запросы рынка труда и общества.

Одним из ключевых направлений модернизации является децентрализация и автономизация вузов. Современные исследователи, такие как И.А. Колесникова, подчеркивают, что «предоставление вузам большей самостоятельности в формировании образовательных программ, управлении финансовыми и кадровыми ресурсами, а также в научно-исследовательской деятельности способствует повышению их конкурентоспособности и эффективности» [3]. Стоит заметить, что подобная автономия требует соответствующей системы оценки качества, то есть механизмы управления должны обеспечивать прозрачность деятельности вузов, объективность оценки их результативности и, что немаловажно, соответствие национальным образовательным стандартам.

Кроме того, особую роль в управлении системой высшего образования в условиях модернизации играют информационные технологии: цифровизация процессов управления, создание единых информационных платформ, систем управления обучением, систем дистанционного образования, электронных библиотек и архивов непременно способствуют повышению эффективности работы вуза в целом и улучшению качества образовательных услуг [7].

В своих работах Е.Л. Варшавская отмечает, что «информационные системы управления образованием позволяют перейти от реактивного к активному управлению, своевременно выявлять проблемы и принимать обоснованные управленческие решения» [1]. Необходимо подчеркнуть, что использование больших данных и аналитических инструментов позволяет анализировать и лучше понимать истинные потребности обучающихся, оптимизировать распределение ресурсов и прогнозировать тенденции развития образовательной среды.

Современное управление высшим образованием также предполагает активное взаимодействие с работодателями, государством, общественными организациями, другими образовательными и научными учреждениями. Стратегическое развитие партнерских отношений, участие в совместных проектах, а также создание консорциумов и кластеров представляют собой эффективные механизмы для вузов, которые способствуют адаптации к вызовам времени, обеспечению актуальности образовательных программ и повышению рыночной востребованности выпускников [5].

Однако наряду с очевидными преимуществами процессы модернизации и цифровизации ставят перед системой образования новые вызовы, среди которых существует необходимость обеспечения информационной безопасности, а также преодоления цифрового неравенства, сохранения человеческого измерения в образовании и предотвращения дегуманизации учебного процесса. Следовательно, эффективное управление системой высшего образования заключается в поиске оптимального баланса между внедрением передовых инноваций и бережным сохранением ранее накопленного опыта и традиций. Данный подход требует не только стратегического видения, но и глубокого понимания профиля, целей и ресурсов отдельного высшего учебного заведения, чтобы обеспечить органичное развитие и повышение качества образования [6].

Так, запуск новой системы высшего образования запланирован на 1 сентября 2026 г. и будет характеризоваться поэтапным внедрением. В настоящее время Минобрнауки занимается формированием соответствующей нормативной базы, в которую войдут новые федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), порядок приема в вузы, а также система зачета пройденных дисциплин и обеспечения переходов между образовательными уровнями. Целью постепенного перехода является недопущение прерывания образовательного процесса для студентов, которые уже обучаются по действующим программам.

Подводя итог вышесказанному, стоит еще раз подчеркнуть, что управление системой высшего образования в условиях модернизации требует комплексного, системного подхода, основанного на принципах гибкости, адаптивности, открытости и технологичности. Эффективное управление возможно лишь при условии глубокого понимания динамики социальных и технологических изменений, активного вовлечения всех участников образовательного процесса и постоянного совершенствования управленческих механизмов с опорой на научные достижения и передовой опыт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Варшавская Е.Л. Информационные системы в управлении образованием: теория и практика // Высшее образование в России. – 2019. – № 3. – С. 78–85.
2. Гаджиев Н.Г., Ерин С.Н. Современные тенденции управления развитием высшей школы // Высшее образование в России. – 2018. – № 5. – С. 12–21.
3. Колесникова И.А. Автономия вузов как фактор повышения качества высшего образования // Образование и наука. – 2020. – Т. 22, № 5. – С. 110–125.
4. Мау В.А. Модернизация российской экономики и образование // Вопросы экономики. – 2021. – № 1. – С. 15–30.
5. Олешко В.П. Управление высшим учебным заведением в условиях рыночных отношений: учебное пособие. – Екатеринбург: Урал. гос. экон. ун-т, 2002. – 155 с.
6. Сукманова В.В., Григорьева Е.А. Стратегическое управление развитием университета: современные подходы и инструменты // Инновации в образовании. – 2021. – № 6. – С. 78–89.
7. Трубина Е.Г. Актуальные проблемы управления образовательными системами в контексте модернизации // Современная наука. – 2019. – № 4. – С. 15–22.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бутяева Н.А.,

адъюнкт

(Краснодарский университет МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются специфические аспекты использования специальных знаний на первоначальном этапе расследования хищений, совершаемых в сфере благотворительной деятельности. Анализируется необходимость привлечения специалистов различных профилей – ИТ-технологий, бухгалтерского учета, финансового контроля, аудита и экономического анализа – в связи со сложностью финансовых операций и многообразием способов сокрытия преступной деятельности в некоммерческом секторе. В статье уточняется понятие специальных знаний как системы профессиональных компетенций, необходимых для выявления механизма преступления, корректной интерпретации финансово-хозяйственной деятельности и формирования доказательственной базы в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: первоначальный этап расследования; благотворительная деятельность; специальные знания; специалисты; хищения; присвоение и растрата

THE SPECIFICS OF THE APPLICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE AT THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION OF EMBEZZLEMENT IN THE FIELD OF CHARITABLE ACTIVITIES

Butyaeva N.A.,

Postgraduate

(Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article discusses the specific aspects of using specialized knowledge at the initial stage of investigating embezzlement committed in the field of charitable activities. The article discusses the specifics of using special knowledge in the investigation of embezzlement of funds in the field of charitable activities. The article analyzes the need to involve specialists in various fields – IT-technology, accounting, financial control, auditing and economic analysis – due to the complexity of financial transactions and the variety of ways to conceal criminal activity in the non-profit sector. The article clarifies the concept of special knowledge as a system of professional competencies necessary to identify the mechanism of the crime, correctly interpret financial and economic activities and form an evidence base in accordance with the requirements of the criminal procedure law.

Keywords: initial stage of investigation; charitable activities; special knowledge; specialists; embezzlement; embezzlement and embezzlement

В условиях стремительного развития благотворительного сектора в Российской Федерации, сопровождающегося ростом финансовых потоков и расширением форм взаимодействия его участников, усиливается необходимость противодействия преступлениям, связанным с хищениями в данной сфере. Преступления в области благотворительности отличаются многообразием способов подготовки, сокрытия и реализации преступной деятельности, а их совершение нередко опирается на сложные противоправные схемы, требующие специальных и углубленных профессиональных знаний.

На первоначальном этапе расследования по факту хищений денежных средств из благотворительного фонда следователь и оперативные сотрудники должны реализовать комплекс мер, направленных на изучение поступивших материалов, сведений о факте хищения,

сбор дополнительных доказательств, которые лягут в основу доказывания виновности лица и установления признаков состава преступления. Эти действия направлены на обеспечение всесторонности и объективности анализа обстоятельств хищения.

При этом возникает необходимость в применении специальных знаний, позволяющих объективно и глубоко проанализировать финансовые потоки (движение поступивших денежных средств для реализации благотворительных программ и т.д.), структуру деятельности фонда, применяемые схемы распределения средств и возможные механизмы их незаконного изъятия. Компетентность в области экономики, бухгалтерского учета, финансового мониторинга и специфики благотворительной деятельности обеспечивает возможность выявлять скрытые операции, оценивать достоверность представленной документации и устанавливать признаки умышленного искажения данных. Именно такие знания позволяют не только изучить обстоятельства преступления, но и выстроить эффективную доказательственную базу, необходимую для изобличения виновных лиц.

В настоящее время законодатель не закрепил единого определения термина «специальные знания», однако этот феномен активно исследуется в научной литературе с разных позиций уголовно-правовой науки. Так, в работах А.А. Эйсмана подчеркивается, что речь идет не об общедоступных либо юридических знаниях следователя, а о компетенции, которой обладают лишь специалисты ограниченного круга [6].

Иной подход представлен в исследованиях Е.Р. Россинской и А.Н. Петрухина [4]. Ученые выделяют качественную характеристику специальных знаний, подразумевающую профессиональную подготовку и опыт их носителя в различных сферах деятельности – науке, искусстве, технике и ремесле. Эти знания могут применяться в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством. По нашему мнению, такой подход является более обоснованным, поскольку позволяет точнее определить спектр компетенций, необходимых для расследования преступлений различного характера, в том числе в сфере благотворительной деятельности.

При этом в своих исследованиях Е.В. Егорова отмечает, что при расследовании экономических преступлений профессиональных навыков следователя, дознавателя, выработанных годами, не хватает. Это объясняется тем, что экономические преступления зачастую совершаются с использованием профессиональных знаний, а именно специфики отрасли и конкретного производства. В этом случае при формировании логичной, стройной системы доказательств без помощи специалистов обойтись трудно [1].

С данными выводами трудно не согласиться, поскольку преступления, совершаемые некоммерческими организациями в сфере благотворительной деятельности, характеризуются высоким уровнем латентности и сложностью выявления фактов хищения на первоначальном этапе расследования. Это обусловлено тем, что неправомерные действия нередко маскируются под формально законные благотворительные операции и сделки, преступный умысел реализуется посредством многоуровневых, тщательно спланированных схем перераспределения финансовых потоков. Таким образом, для раскрытия и расследования рассматриваемой категории преступлений требуется не только детальное понимание специфики функционирования деятельности благотворительных фондов, но и владение знаниями финансового учета, отчетности и внутреннего контроля.

В свою очередь, анкетирование сотрудников следственных подразделений МВД России показало, что 62,09% опрошенных в качестве имеющихся трудностей при расследовании данных преступлений указали на отсутствие специальных познаний и должной квалификации лиц, производящих выявление, раскрытие и расследование преступления, при этом 31,32% опрошенных указали на трудности в привлечении квалифицированных специалистов.

В работах Э.В. Лантух подчеркивается, что при привлечении специалистов следует принимать во внимание уровень их квалификации именно в той области, которая имеет значение для расследуемого преступления [2]. Исследования А.И. Семикаленовой и И.А. Рядовского подтверждают эту позицию, отмечая широкий спектр специальных знаний, которыми должен обладать специалист, участвующий в производстве следственных действий и т.д. При этом исследо-

ватели подчеркивают: если компетенций одного специалиста оказывается недостаточно, необходимо прибегнуть к привлечению нескольких специалистов [5].

В результате диссертационного исследования и комплексного анализа установлено, что на этапе доследственной проверки и стадии предварительного расследования хищений денежных средств в сфере благотворительной деятельности специальные знания проявляются в двух взаимодополняющих формах. Первая форма – последовательное привлечение компетентных профильных специалистов: в области компьютерных технологий (ИТ-специалист); специалиста-бухгалтера; специалиста в области финансового контроля и аудита (ревизор, и/или финансист, и/или аудитор), а также специалиста-экономиста. Вторая форма – поступательное обогащение профессиональных компетенций следователя посредством его непрерывного саморазвития, включающего повышение уровня квалификации, изучение специализированной юридической литературы и систематическое осмысление собственной следственной практики.

Далее рассмотрим более подробно первую форму применения специальных знаний. В первую очередь к участию в следственных действиях и получению соответствующих консультаций следует привлекать специалиста в области компьютерных технологий (ИТ-специалист), компетенции которого обеспечивают следователю содействие в обнаружении, фиксации, изъятии и последующем анализе цифровых следов, содержащихся на электронных устройствах сотрудников фонда: компьютерах, ноутбуках, мобильных телефонах и планшетах, внешних накопителях (USB-носителях, SSD, портативных жестких дисках), сетевых хранилищах фонда и иных цифровых носителях, пригодных для отражения операций по учету и движению денежных средств, а также в используемом ими программном обеспечении, включая бухгалтерские и финансовые приложения, обработка которых требует специальных технических знаний.

Указанный специалист участвует в производстве таких следственных действий, как обыск, выемка, осмотр электронных носителей информации, в подготовке и назначении компьютерно-технических экспертиз, а также при анализе элементов электронного документооборота фонда, служебной и деловой переписки, данных систем дистанционного банковского обслуживания и специализированных бухгалтерских программ (в том числе 1С: Бухгалтерия). К кругу его функциональных обязанностей относится выявление, извлечение и документирование цифровых следов противоправной деятельности, восстановление утраченной или удаленной информации; расшифровка данных и установление подлинности файлов, определение маршрутов движения денежных средств в сети Интернет.

Следующим немаловажным элементом организационного сопровождения расследования является привлечение специалиста в сфере бухгалтерского учета (специалиста-бухгалтера). Его участие необходимо для консультирования следователя в рамках производства таких следственных действий, как осмотр места происшествия, предметов и документов; обыск, выемка, а также допрос, в части подготовки составления перечня вопросов, имеющих бухгалтерскую терминологию; по вопросам установления мест хранения бухгалтерских регистров, кассовых журналов, платежных ведомостей, первичных учетных документов, приходно-расходных ордеров, договоров о целевом финансировании и иных документов, отражающих движение денежных средств. Специалист-бухгалтер оказывает содействие в обнаружении, идентификации и первичной визуальной оценке указанной финансовой документации, помогает следователю отличить подлинные документы от копий, а также формирует обоснованный перечень документов, подлежащих обязательному изъятию для последующего исследования, которое используется следователем при решении вопроса о назначении судебно-бухгалтерской и иных экспертиз.

Кроме того, рекомендуется привлекать специалистов, обладающих знаниями в области финансового контроля и аудита, таких как ревизор, и/или финансист, и/или аудитор, которые консультируют следователя при обнаружении, отборе и закреплении бумажных и электронных носителей, содержащих сведения о движении денежных средств по банковским счетам благотворительных фондов, распределении пожертвований и использовании грантов.

Также представляется возможным привлечение специалиста-экономиста, роль которого заключается в проведении анализа банковских операций, системы внутреннего контроля и финансового мониторинга. Специалист-экономист обеспечивает надлежащее толкование банковской документации, расшифровку банковских выписок, а также идентификацию корреспондирующих счетов и финансовых контрагентов, что является ключевым элементом установления объективной картины движения денежных средств и выявления возможных мошеннических схем их присвоения и/или растраты.

Таким образом, при расследовании хищений денежных средств в сфере благотворительной деятельности специальные знания следует понимать как совокупность профессиональных, теоретических и практических компетенций в области финансов, бухгалтерского учета, аудита, налогообложения, информационных технологий, а также организационно-правовых основ функционирования благотворительных организаций. Указанные знания обладают специализированным характером, не являются общедоступными и применяются компетентными специалистами для всестороннего анализа финансово-хозяйственной операций, выявления признаков противоправной деятельности, установления механизма совершения преступления и обеспечения формирования доказательственной базы в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Использование экономических знаний в процессе выявления и расследования экономических преступлений / Е.В. Егорова [и др.] // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 5. – С. 57–59.
2. Лантух Э.В., Игнатьев В.С., Грибцов О.П. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 6. – С. 882–890.
3. Петрухина А.Н. Специальные знания как необходимый элемент заключения эксперта в уголовном процессе // Российский судья. – 2007. – № 8. – С. 7–30.
4. Россинская Е.Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы / ARGUMENTUM AD JUDICIUM: сборник статей. – Москва: Московская государственная юридическая академия, 2006. С. 234–241.
5. Семикаленова А.И., Рядовский И.А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6 (103). – С. 178–185.
6. Эйсман А.А. Криминалистика в системе юридических и естественных наук [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.iuaj.net/node/2232?>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В СУДЕБНО-ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

**Грабовец Е.Е.,
Гринченко С.В.**

(Волгоградская академия МВД России)

Аннотация: используя все более широкий спектр цифровых инноваций, преступники с каждым годом становятся более изобретательными и технически подкованными. В ответ на это правоохранительные органы стремятся обновить свои методы и средства борьбы с преступностью, вводя новые современные технологии в свою повседневную работу, в том числе нейросети. В статье проводится анализ преимуществ и недостатков использования нейрон-

ных сетей и искусственного интеллекта при производстве портретной экспертизы. Делается вывод о том, что на данный момент роботы и машины не могут заменить человека окончательно, но могут повысить качество исследования.

Ключевые слова: нейросети; искусственный интеллект; портретная экспертиза

THE USE OF NEURAL NETWORKS IN FORENSIC PORTRAIT EXAMINATION

Grabovets E.E.,

Grinchenko S.V.

(Volgograd Academy of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: using an increasingly wide range of digital innovations, criminals are becoming more inventive and tech-savvy every year. In response, law enforcement agencies are striving to update their methods and means of combating crime by introducing new modern technologies into their daily work, including neural networks. The article analyzes the advantages and disadvantages of using neural networks and artificial intelligence in the production of portrait examination. It is concluded that at the moment robots and machines cannot completely replace humans, but they can improve the quality of research.

Keywords: portrait examination; neural networks; artificial intelligence

Современные информационные технологии в судебно-экспертной деятельности вносят значительные изменения и предоставляют экспертам новые возможности. Новые инновационные инструменты имеют огромный потенциал для повышения эффективности исследования вещественных доказательств.

Нейросети в современном мире проникли во многие сферы жизни человека, исключением не стала и судебно-экспертная деятельность. Современными учеными поднимаются вопросы о возможности применения технологий искусственного интеллекта в портретной экспертизе для возможности идентификации лица.

Одно из преимуществ использования нейросетей в производстве портретной экспертизы – это объективность, которая является одним из главных факторов, позволяющим признать экспертизу достоверным и допустимым доказательством. Нейросети исключают возможность совершения ошибок экспертом.

Также нейросети влияют на время производства судебно-портретной экспертизы, ускоряя процесс ее производства. Для индивидуализации человека производится исследование его биометрических данных.

Нейронные сети обладают возможностью быстрой обработки изображений и способностью восстанавливать изображения по фрагментам. Чаще всего изображения, полученные с камер видеонаблюдения, низкого качества и снятые в затрудненных условиях, например через стекло в автомобиле, в условиях обильных осадков, при плохом освещении. Нейросеть способна анализировать изображения лиц с частично измененными элементами и в таких ситуациях, как умышленное изменения внешнего облика человека. Также часто возникают ситуации, когда необходимо исследовать изображения лиц, внешность которых существенно изменилась в результате травм, хирургических вмешательств, по прошествии длительного времени.

Однако программное обеспечение нейронных сетей осуществляет прежде всего сопоставление объектов без анализа причин сходств или различия лиц. Для того чтобы они учитывали данные причины, нейросети необходимо обучить базовым специальным знаниям, которые не входят в орбиту знаний создателей технологии искусственного интеллекта.

Несмотря на активное развитие новых криминалистических технологий идентификации личности и методов портретной экспертизы, лежащие в их основе положения габитоскопии по-прежнему остаются актуальными и востребованными.

Можно выделить несколько проблемных аспектов, когда использование нейросетевых технологий в судебно-портретной экспертизе применяется редко.

Экспертиза, в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», должна проводиться в соответствии с экспертной методикой, которая, в свою очередь, имеет очень важное требование – научную обоснованность. Именно она образует те противоречия, которые препятствуют внедрению нейронных сетей в судебно-экспертную деятельность. Для того чтобы выводы эксперта были обоснованы и соответствовали методике, эксперту необходимо провести анализ и грамотно интерпретировать полученные результаты, т.е. провести экспертную оценку, которую нейросеть сделать не может.

Кроме того, некоторые типы глубоких нейронных сетей, состоящие из большого количества слоев между входным и выходным слоями, требуют, соответственно, и больших вычислительных ресурсов, а также времени для обучения и работы. Чтобы использовать данные нейросети в своей работе, эксперту тоже необходимо будет пройти дополнительное обучение по их применению.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что, несмотря на множество преимуществ нейронных сетей и их широкое применение в различных областях человеческой деятельности, включая судебно-экспертную, в т. ч. портретную экспертизу, недостатки и недоработки, присущие нейронным сетям, необходимо обязательно учитывать при их использовании.

Нейронные сети в большинстве случаев не дают возможности точно понять, как именно они пришли к своему решению. Это может быть проблематично и в контексте портретной экспертизы, где требуется объективное объяснение полученных результатов.

Также одним из недостатков использования нейросетей является их вычислительная сложность, так как нейронные системы требуют больших вычислительных ресурсов и определенных компетенций. В случае использования технологий искусственного интеллекта при производстве портретной экспертизы необходимо быть осторожным и критически оценивать полученные результаты, учитывая все ограничения и особенности конкретного случая.

Безусловно, на современном этапе судебная портретная экспертиза требует реформирования в сфере искусственного интеллекта и информатизации. С учетом задач, поставленных государством и касающихся преимущественного использования отечественного программного обеспечения государственными органами, дальнейшее развитие судебной портретной экспертизы можно разбить на несколько этапов.

Первый этап заключается в замене иностранного программного обеспечения, используемого при производстве портретных экспертиз и исследований, на российские специализированные программы типа «ВОКОРД Видеозащитник», которая предназначена для проведения идентификационных исследований цифровых видео- и фотоизображений на предварительном этапе и базируется на действующей методике производства экспертиз VisoSoft, и другие. Применение данного программного обеспечения, основанного на использовании нейросети, поможет ускорить процесс производства экспертного исследования.

Второй этап подразумевает уточнение предмета судебной портретной экспертизы и приведение нормативно-технической базы в соответствии с действующими и разрабатываемыми национальными стандартами по различным родам (видам) судебной экспертизы.

Третий этап включает создание и приспособление имеющихся современных количественных методов исследования внешности человека, основанных на использовании технологий искусственного интеллекта, к задачам судебной портретной экспертизы.

По нашему мнению, стоит добавить еще один этап, в ходе которого будет разработана система дополнительного профессионального обучения экспертов по использованию новых методов исследования. Пройдя все указанные этапы, можно повысить эффективность судебно-экспертной деятельности и производительность работы экспертов.

Еще одной проблемой, возникающей при внедрении нейронных сетей в деятельность правоохранительных органов, является необходимость создания ранее отсутствовавшей электронной базы, которая требует большого количества ресурсов, как материальных, так и человеческих. Потребуется оцифровка и объединение информации из различных организа-

ций, таких как Министерство внутренних дел, Следственный комитет, суды, учреждения системы исполнения наказаний, Министерство здравоохранения и другие. Все это требует сотрудничества между ведомствами и значительных усилий по координации действий организаций и учреждений.

Помимо этого, не стоит забывать о риске возникновения противоречий между действующим законодательством и применяемыми методами работы правоохранительных органов. В России законодательство отстает от интеллектуализации правоохранительной деятельности, вместе с тем законы, регламентирующие ее, должны учитывать развитие современных технологий. Это расхождение также требует привлечения внимания к своевременному изменению и дополнению действующего законодательства.

Из всего вышеуказанного можно сделать вывод, что нейросети в настоящее время не до конца адаптированы под нужды органов внутренних дел. Касаемо судебной портретной экспертизы нейросети могут являться только вспомогательным инструментом для ее производства.

Безусловно, на современном этапе судебная портретная экспертиза требует реформирования в сфере искусственного интеллекта и информатизации. Именно потому сейчас планируется создание цифрового будущего портретных экспертиз.

Экспертная деятельность должна двигаться в ногу со временем, необходимо активно внедрять информационные и телекоммуникационные технологии в работу каждого эксперта. Также важно развивать наукоемкие процессы обработки данных о внешних признаках человека и его личностных свойствах, соблюдая принципы законности и гуманизма. Все это в дальнейшем позволит улучшить качество и эффективность экспертных исследований, обеспечить точность и объективность выводов, а также идти в ногу с быстро развивающимися технологиями и общественными требованиями. Несмотря на удобство использования новых технологий для проведения экспертизы, важным фактором качества исследования остается высокая компетентность эксперта, его способность применить методы, предоставленные программой, правильно интерпретировать и оценить результаты играет решающую роль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акишин Д.Г., Банников А.М., Газизов В.А. Перспективы развития программно-аппаратных средств при производстве портретных экспертиз // Энциклопедия судебной экспертизы. – 2018. – № 4 (19). – С. 21–33.
2. Ахметзянов К.Р., Сазонов В.И., Липин Ю.Н., Южаков А.А. Программный комплекс распознавания лица человека // Вестник УГАТУ. – 2017. – № 3 (77). – С. 79–86.
3. Зинин А.М. Нейросети и судебно-портретная экспертиза // Вестник криминалистики. – 2020. – № 2 (74). – С. 66–69.
4. Кадров М.С., Туркевич А.С., Князева А.А. Анализ методов распознавания лиц людей // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2019. – № 3. – С. 187–193.
5. Левчук С.А., Якименко А.А. Исследование характеристик алгоритмов распознавания лиц // Сборник научных трудов Новосибирского государственного технического университета. – 2018. – № 3-4 (93). – С. 40–58.
6. Попов В.Л. Проблемы и перспективы использования нейросетевых технологий при производстве судебных экспертиз в транспортной сфере // Транспортное право и безопасность. – 2020. – № 3 (35). – С. 65–75.
7. Соколова О.А. Габитоскопия в эпоху цифровых технологий // Энциклопедия судебной экспертизы. – 2020. – № 1 (24). – С. 54–62.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ НЕПРАВОСЛАВНЫМИ КОНФЕССИЯМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Дурнева Н.С.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье проведен анализ структуры и полномочий органов церковного управления неправославными конфессиями в Российской империи XIX – начала XX века. Рассмотрены основные виды конфессий, распространенных в изучаемый период. Сделан вывод о том, что в XIX – начале XX века в Российской империи действовал принцип взаимодействия центрального органа управления в лице Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи с органами церковного управления каждого неправославного вероучения.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения; Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи; неправославные конфессии; органы церковного управления; управление имуществом; «церковная жизнь»

SYSTEM OF MANAGEMENT OF NON-ORTHODOX CONFESSIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Durneva N.S.,

Postgraduate

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the structure and powers of the church governing bodies of non-Orthodox denominations in the Russian Empire of the XIX-early XX centuries. The main types of confessions common during the period under study are considered. It is concluded that in the 19th and early 20th centuries in the Russian Empire there was a principle of interaction between the central governing body represented by the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and the church authorities of each non-Orthodox faith.

Keywords: state-confessional relations; Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire; non-Orthodox denominations; church administration bodies; property management; «church life»

Государственно-конфессиональные отношения в Российской империи занимали одну из ведущих ролей в государстве, что обуславливалось типом взаимоотношения государства с религией (клерикальным) и религиозным многообразием. Государственно-церковные отношения государства с Русской православной церковью носили взаимообусловленный характер, ведь самодержавная власть монарха основывалась на принципе: «Монарх – помазанник Божий» [3, с. 206]. Несмотря на действие в клерикальном государстве данного принципа, в Российской империи, наряду с православным вероучением, получили распространение и иные виды учений, существование которых вызвало необходимость в создании системы управления ими.

Так, правовед В.В. Андрощук полагает следующее: «Основной задачей, стоявшей перед российскими монархами, было сохранение политической и социальной стабильности в многофункциональном и многоконфессиональном государстве. Проводимая политика строилась на принципах веротерпимости и позволила избежать конфликтов между последователями различных религий» [1, с. 27]. Действительно, свидетельством многоконфессиональности в Российской империи являются архивные данные.

Так, согласно архивной выписке «Статистические сведения о распределении населения по вероисповеданиям» 1897 года в европейской части России насчитывалось:

- 4 341 930 лиц, являющихся последователями Римско-католической церкви;
- 3 079 276 лиц, являющихся последователями Евангелическо-лютеранской церкви;
- 27 875 лиц, являющихся последователями Армяно-григорианской церкви;
- 2 235 лиц, являющихся последователями Армяно-католической церкви;
- 77 321 лиц, являющихся последователями Реформистской церкви;
- 1 754 860 лиц, являющихся последователями старообрядчества [2, с. 34].

Центральным государственным органом, осуществляющим контроль и надзор за деятельностью последователей неправославных вероучений с 1832 года, являлся Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи. Данным органом регулировались такие вопросы, как предложение кандидатур епископов католического и униатского вероисповеданий; назначение на должности директоров учреждений по управлению католическими епархиями; назначение высших церковных должностей для лиц лютеранского вероисповедания; рассмотрение и разрешение жалоб на действия лиц, замещающих должности церковного управления; надзор за имущественным состоянием неправославных церковных учреждений; разрешение вопросов заключения и расторжения межконфессиональных браков и браков лиц, находящихся в близкой степени родства. Стоит отметить наиболее значимое событие в сфере правового регулирования деятельности неправославных конфессий. Так, в 1857 году принимаются Уставы духовных дел иностранных исповеданий, в которых определялось правовое положение каждого неправославного вероучения на территории Российской империи: римско-католического, протестантского, евангелическо-лютеранского, армяно-католического и др. Данным документом регулировались вопросы брачно-семейных отношений: необходимые условия для брака, законные препятствия для него, заключение и расторжение брака; вопросы управления имуществом, управление духовно-учебными заведениями, а также вопросы общественного богослужения, совершения молитв и таинств. Подчеркнем, что в данных уставах было закреплено и ведущее место православной церкви, ведь, только последователи православного вероучения обладали правом «убеждения» к принятию своего вероучения [5, с. 4].

Помимо Департамента духовных дел иностранных исповеданий, в рассматриваемый период существовали и другие органы церковного управления, рассматривающие и разрешающие дела между последователями неправославных вероисповеданий. Безусловно, взаимодействие напрямую с лицами неправославных конфессий осложнялось их многочисленностью и затрудняло их связь с центром, поэтому целесообразным решением становится создание церковных органов управления, позволяющее лицам неправославного вероисповедания взаимодействовать с Департаментом не напрямую, а через церковный орган управления их вероисповедания (Евангелическо-лютеранские консистории; Римско-католическая духовная коллегия и др.). Кроме этого, взаимодействие с центром позволяло предупреждать противоправные действия со стороны последователей неправославных вероисповеданий.

Рассматривая церковные органы управления в Российской империи XIX – начала XX века, следует выделить Римско-католическую духовную коллегию, которая была образована Указом Александра I от 16 июля 1801 года [4, с. 19241]. Структура образованного органа включала в себя не только представителей духовных сословий, но и светских лиц. Разногласия между двумя ветвями католицизма – греко-католической и римско-католической – привели к разделению Коллегии на два департамента. В 1828 году была образована самостоятельная Греко-католическая коллегия. Уставы духовных дел иностранных исповеданий 1857 года также включали в себя и Устав римско-католического и армяно-католического исповеданий. В предмет ведения Римско-католической духовной коллегии были включены следующие полномочия: рассмотрение жалоб и принятие решений по ним (жалоб на решения, принятые епископатом); решение вопросов, касающихся внутренней церковной жизни католиков; вопросы административного управления имуществом. В состав данного органа входили: председатель, аудитор, прокурор и секретарь.

Рассмотрев систему управления последователями католицизма в Российской империи, следует перейти к еще одной, не менее распространенной конфессии в данный период – последователям Евангелическо-лютеранской церкви.

Анализируя систему управления неправославными конфессиями, следует начать с истории образования органа, осуществляющего надзор за церковными делами лютеран. Так, 20 июля 1819 года Александром I была образована Евангелическая Генеральная консистория в Санкт-Петербурге. Стоит отметить, что Российская империя была разделена на 8 консисториальных округов, руководство которыми возлагалось на Генеральную консисторию. Правовым документом, определяющим правовое положение последователей Евангелическо-лютеранской церкви, являлся ее Устав, разработанный и утвержденный 28 декабря 1832 года. Структура консисторий включала в себя главу – «президента», который являлся светским лицом, и вице-президента, который назначался из числа духовных лиц. Не менее значимую роль в работе консисторий играли заседатели, которые назначались из числа духовных и светских лиц. Также был определен и порядок их назначения, президент назначался императором, а заседатели – министром внутренних дел [6, с. 1]. Рассмотрев структуру консисторий, необходимо определить круг полномочий, возложенных на данные органы. Безусловно, в рассматриваемый период большинство дел, поступающих на рассмотрение консисторий, касались брачно-семейных отношений, поэтому к числу самых распространенных относились бракоразводные дела. Кроме этого, данными органами осуществлялся надзор за порядком управления церковным имуществом, контроль правильности отправления богослужений, рассмотрение жалоб и осуществление правосудия над духовными лицами.

Таким образом, мы видим, что система управления «духовными делами» католиков и лютеран была во многом схожа. Полномочия Коллегии и консисторий сводились к рассмотрению и разрешению жалоб, управлению церковным имуществом и принятию решений по бракоразводным делам. Для сравнения с другими органами церковного управления необходимо перейти к системе управления церковной жизнью лиц, исповедующих иудаизм.

Как было упомянуто ранее, в Уставах духовных дел иностранных исповеданий определялось правовое положение каждой неправославной конфессии и описывалась структура органов по управлению их церковной жизнью. Так, в ст. 1070–1075 нашло отражение, что молитвенное общество евреев состоит из следующих лиц: ученый, в обязанности которого входит объяснение богослужений и обрядов; староста (синагоги или школы); казначей и местный раввин, которые формируют Духовное правление. Кроме этого, в упомянутых статьях нашло отражение, что одно духовное лицо может совмещать в себе обязанности раввина и ученого. Обязанности каждого члена Духовного правления были четко определены и регламентированы. Так, в обязанности казначея входило составление отчетов пожертвований, которые поступали в молитвенный дом.

Нормы Уставов в отношении последователей иудаизма позволяют сравнить их «управление духовными делами» с управлением рассматриваемых выше последователей неправославных конфессий. Так, у членов еврейского молитвенного общества, в отличие от Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей, разделенных на консистории, существовал свой орган управления – Духовные правления, во главе которого стоял раввин.

Система церковного управления Армянской апостольской церкви, которая в Российской империи носила наименование Армяно-григорианская церковь, значительно отличалась от систем управления, рассмотренных выше. Так, главное управление в ней осуществлялось Эчмиадзинским патриархом, содействие которому оказывал Эчмиадзинский армяно-григорианский синод.

Таким образом, система управления неправославными конфессиями в Российской империи XIX – начала XX века была основана на принципе взаимодействия центра – в лице Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи с органами церковного управления. Структура данных органов и их основные полномочия имели правовое закрепление в Уставах духовных дел иностранных исповеданий. При этом каждый орган церковного управления сохранял «уникальность» в зависимости от вида своего вероучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андрюшук В.В. Формирование правовых основ системы управления инославными конфессиями в Российской империи XVIII – начала XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2020. – № 1. – С. 27–38.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. Р6991. – Оп. 3. – Д. 33. – С. 33–34.
3. Терюкова Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начала XX века) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 4. – С. 204–208.
4. Указ «Об учреждении Римско-католической духовной коллегии в Санкт-Петербурге» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 26. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1913. С. 19241–20098.
5. Уставы духовных дел иностранных исповеданий [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/> (дата обращения: 05.11.2025).
6. Устав Евангелическо-лютеранской церкви [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elkras.ru/resources/> (дата обращения: 05.11.2025).

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Ерыгин Е.А.,
Солдатенко О.А.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в Российской Федерации, как и по всему миру, за последние 10 лет произошли изменения в телекоммуникационной сфере. Прогресс, происходящий вследствие реструктуризации отношения человека к гаджетам, повлек множество перемен, связанных как с состоянием преступности, так и изменением подхода правоохранительных органов к предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений. Исследование актуальности изменений в информационной среде за последние десятилетия является весьма значимым, учитывая динамичное развитие информационных технологий и их влияние на различные аспекты общественной жизни.

Ключевые слова: оперативно-разыскное мероприятие; преступления; сеть Интернет; оперативно-разыскная деятельность, полиция

PROBLEMS OF CONDUCTING OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE INFORMATION SPACE OF THE INTERNET

Erygin E.A.,
Soldatenko O.A.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: currently, in the Russian Federation, as well as throughout the world, changes have occurred in the telecommunications sector over the past 10 years. Progress, occurring as a result of the restructuring of a person's attitude to gadgets, has led to many changes both in the state of crime and in the change of the law enforcement agencies' approach to the prevention, suppression and detection of crimes. The study of the relevance of changes in the information environment

over the past decades is very significant, given the dynamic development of information technologies and their impact on various aspects of public life.

Keywords: operational investigative activities; crimes; Internet; police

Перед оперативными подразделениями, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность (далее – ОРД), в частности в системе МВД России, выстроилось множество проблем при проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) в сети Интернет, достаточно выделить несколько основных:

1. Крайне низкую материально-техническую оснащенность оперативных подразделений, к этому числу относится отсутствие новых разработок в направлении программного обеспечения для выявления и анализа информации о разрабатываемом лице (группе лиц), распространяемой через социальные сети, мессенджеры. Для решения данной проблемы возможно разработать новые нейросети, действие которых будет негласно, а технические и программные характеристики будут засекречены.

Развитие новых технологий в области программного обеспечения для выявления и анализа информации о лицах, использующих социальные сети и мессенджеры, имеет огромное значение в современном информационном обществе. Разработка новых программ, включая искусственный интеллект, способных скрыто и эффективно анализировать данные, является одним из потенциальных путей решения данной проблемы [4].

Создание программ с защищенными техническими программными характеристиками может послужить важным шагом для обеспечения конфиденциальности и безопасности при обработке информации о пользователях социальных сетей. Использование таких программ позволит повысить эффективность процесса обнаружения и предотвращения преступной деятельности, дезинформации и других угроз, что делает данное направление важным и перспективным для развития в будущем.

Нейросеть в теории может использоваться в безграничном количестве сценариев, более того, существует и машинное обучение – процесс самообучения нейросети. Зная подход к реализации технического задания, возможно, не выходя из служебного кабинета, видеть, что пишет разрабатываемый и кому, а также время и место отправки сообщений, расшифровывать закодированные звонки, сообщения. Это всего несколько сценариев использования нейросетей в решении задач ОРД.

Также интересной возможностью является использование нейросетей для автоматизации анализа обработки информации, что может значительно оптимизировать процессы в рамках конкретных задач ОРД [2].

Например, с помощью нейросетей можно реализовывать системы мониторинга и анализа текстовых данных, что позволит определять ключевую информацию из текстовых сообщений, анализировать сообщения и выявлять важные модели в общении. Также возможно применение искусственного интеллекта для распознавания и декодирования аудиозаписей, что позволит совершенствовать методы анализа голосовой информации.

В целом нейросети представляют собой мощный инструмент в сфере ОРД, способный существенно улучшить процессы анализа и обработки информации. Однако необходимо учитывать как потенциальную эффективность, так и ограничения при использовании нейросетей в тех или иных оперативно-разыскных задачах, включая вопросы безопасности и конфиденциальности данных.

Недостаточно количество персональных служебных компьютеров для мониторинга информационного пространства сети Интернет. В эпоху цифровизации мирового общества это критически необходимо.

2. Необходимость переработки программы обучения образовательных организаций МВД России:

Следует внедрять в образовательную программу темы, связанные с раскрытием и расследованием отдельных видов преступлений, совершаемых в информационном пространстве сети Интернет.

Внедрение в образовательную программу образовательных организаций МВД России тем и курсов, связанных с раскрытием преступлений в информационном пространстве сети Интернет, является неотъемлемой частью современного обучения будущих сотрудников правоохранительных органов. Учитывая активное развитие киберпреступности и увеличение онлайн-угроз, обучающимся в специализированных вузах системы МВД России важно освоить теоретические и практические аспекты борьбы с данным видом преступлений.

Будущие специалисты в области кибербезопасности должны быть осведомлены о методах и инструментах, используемых преступниками в сети Интернет, а также об ОРМ, необходимых для эффективного противодействия противоправным деяниям [1]. Предоставление курсантам и слушателям знаний о современных технологиях и методах киберпреступности позволит лучше понимать угрозы и разрабатывать стратегии борьбы с ними. Обновление программы обучения с учетом актуальных тематик в области информационно-телекоммуникационных технологий и кибербезопасности позволит будущим сотрудникам МВД России быть готовыми к вызовам современного цифрового мира и эффективно выполнять свои служебные задачи и обязанности в сфере борьбы с преступностью в сети Интернет.

Обучение подобным навыкам и знаниям становится все более необходимым для успешного выполнения задач правоохранительных органов в интернет-пространстве.

Необходима разработка типовых задач, связанных с проведением ОРМ в информационном пространстве сети Интернет, которые будут использовать фабулы, исходя из преступлений, совершаемых на территории Российской Федерации, и опыта работы сотрудников оперативных подразделений.

Курсанты (слушатели) при решении практических задач таким образом будут ассоциировать себя с сотрудником оперативного подразделения и выстраивать план проведения ОРМ, конкретные версии по раскрытию преступления. В результате этого будет проводиться умственная, а также аналитическая работа, что положительным образом скажется на учебном процессе, как следствие, выпускник образовательной организации системы МВД России будет более подготовлен для службы на должности оперуполномоченного.

Система МВД России в настоящее время сталкивается с острой необходимостью в специалистах, обладающих глубокими знаниями в области кибербезопасности. Недостаток подобных квалифицированных кадров существенно затрудняет успешное противодействие преступлениям в сети Интернет [3].

Примером современных угроз является рост кибератак на государственные учреждения, корпорации, а также рядовых граждан, что требует компетентного подхода со стороны правоохранительных органов. Сотрудники оперативных подразделений системы МВД России должны обладать не только базовыми навыками, но и специализированными знаниями в области кибербезопасности для эффективного реагирования на угрозы и противодействия преступлениям в сети Интернет.

Таким образом, специфика ОРД требует серьезного внимания к рассмотренным аспектам, влияющим на эффективность и результативность ОРМ, проводимых в сети Интернет. Углубленное изучение новейших технологий на этапе подготовки сотрудников к служебной деятельности является необходимым элементом обучения. Следует постоянно совершенствовать все вышеобозначенные позиции и анализировать оперативную обстановку, прислушиваться к мнению оперативных сотрудников, которые постоянно сталкиваются с трудностями при проведении ОРМ. Только так возможна эффективная борьба с современной преступностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гришин А.Г. Использование сети Интернет в решении задач оперативно-розыскной деятельности / Актуальные вопросы организации и правового регулирования деятельности оперативных подразделений МВД России (посвящается памяти профессора Д.В. Ривмана): материалы региональной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 ноября

2016 г. Ч. 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. С. 139–142.

2. Иванов С.И. Особенности проведения оперативно-разыскных мероприятий в сети Интернет // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – № 18-1. – С. 23–24.

3. Литвяк Л.Г., Пирогова Е.Н. К вопросу о понятии электронных или информационно-телекоммуникационных сетей для целей уголовного закона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 11-2. – С. 93–96.

4. Тимофеев С.В. К вопросу добывания оперативно значимой информации в сети Интернет: проблемы и пути их решения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 2 (18). – С. 111–117.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ТЕРМИНА «ПРАВОВОЙ РЕЖИМ» В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОЛИЦЕИСТОВ-АДМИНИСТРАТИВИСТОВ

Жильников А.В.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается эволюция понятия правового режима в трудах полицейстов Российской империи и современных ученых-правоведов, указывается на отсутствие единообразия терминологии как в прошлом, так и настоящем. В статье анализируются современные тенденции развития правовых и административно-правовых режимов в Российской Федерации. Обосновывается отсутствие единообразия понятийного аппарата, и предлагается четкое разграничение общих и специальных режимов на основе признаков вторичности, временности, ограничений прав, усиления полномочий органов власти.

Ключевые слова: правовой режим; специальный правовой режим; чрезвычайное положение; военное положение; административно-правовой режим; экстраординарные обстоятельства

ON THE ORIGIN OF THE TERM "LEGAL REGIME" IN THE WORKS OF RUSSIAN POLICE AND ADMINISTRATIVE LAWYERS

Zhilnikov A.V.,

Postgraduate

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the evolution of the concept of legal regime in the works of police scholars of the Russian Empire and modern legal scholars, and points out the lack of uniformity in terminology both in the past and in the present. The article analyzes current trends in the development of legal and administrative-legal regimes in the Russian Federation. It substantiates the lack of uniformity in the conceptual framework and proposes a clear distinction between general and special regimes based on the following characteristics: secondary nature, temporary nature, restrictions on rights, and increased authority of government bodies.

Keywords: legal regime; special legal regime; state of emergency; martial law; administrative-legal regime; extraordinary circumstances

В настоящее время в юридической науке отмечается отсутствие единообразного понимания термина «правовой режим». В российском законодательстве система правовых режимов представлена различными понятиями: «специальный правовой режим», «особый правовой режим», «административно-правовой режим», «экстраординарный правовой режим», «чрезвычайный правовой режим», «чрезвычайный административно-правовой режим». Особое внимание понятию правового режима уделено в отдельных отраслевых науках: конституционном праве, административном, экологическом, налоговом, трудовом, семейном праве и других отраслях.

Историографический анализ свидетельствует о том, что одними из первых к проблемам, связанных с правовыми режимами, обращались полицейисты Российской империи на рубеже второй половины XIX – начала XX века. К их числу можно отнести таких известных российских правоведов, как И.Е. Андреевский, В.Ф. Дерюжинский, И.Т. Тарасов, В.М. Гессен. Тем самым ученые-юристы обратили внимание научного сообщества на проблему определения специфики чрезвычайного законодательства. Имеющаяся напряженность требовала от государства внимания и вмешательства. Законодательно впервые такие правовые режимы были закреплены в Российской империи при Александре III в «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Из этого документа следует, что было выделено два вида правовых режимов: это положение усиленной охраны и положение чрезвычайной охраны.

Российский государствовед И.Е. Андреевский в конце XIX – начале XX в. критически анализировал эффективность исполнения правовых норм актов и полномочия, предоставленные государственным органам (главным образом полиции) для поддержания общественного порядка и безопасности, тем самым заложил основы в осмыслении государственной безопасности.

Одним из первых российских ученых, который комплексно изучил правовые аспекты обеспечения безопасности, был профессор В.М. Гессен. Он впервые доказал, что для надежной защиты прав и свобод граждан в чрезвычайных ситуациях необходимы особые формы управления государством, включая временное ограничение прав и свобод. В.М. Гессен обосновал необходимость введения «исключительного положения», под которым понимал совокупность исключительных полномочий, предоставляемых правительственной власти, при наступлении обстоятельств, угрожающих внутреннему или внешнему существованию государства [1, с. 74]. Однако, чтобы предотвратить злоупотребления со стороны исполнительной власти и обеспечить соблюдение законности, такие меры должны были быть заранее определены законом и вводиться на основании нормативного правового акта, который бы четко перечислял их.

Похожей точки зрения придерживался и В.Ф. Дерюжинский, ученый-административист и государствовед, который считал, для того чтобы предупредить возможные злоупотребления, закон должен точно определять ситуации, при которых может быть установлен исключительный режим, и те правовые последствия, которыми он может сопровождаться. Полицейское законодательство, составленное обдуманно, имеет, несомненно, преимущество перед мерами, принимаемыми экспромтом и наскоро в разгар кризиса [2, с. 233].

И.Т. Тарасов отмечал специфику функционирования полицейских и административных органов в условиях военного или исключительного положения:

- введение чрезвычайного или военного положения допустимо только посредством закона, где четко прописан срок его действия;
- закон обязан включать список правонарушений и преступлений с повышенной ответственностью на этот период (включая особую подсудность);
- акт должен детализировать полномочия и обязанности полицейских структур в условиях таких режимов, кроме того, в нем предусмотрены меры защиты прав и свобод населения при действиях полиции [3].

С середины XX века начали появляться научные труды, посвященные изучению правового регулирования в особых обстоятельствах и чрезвычайных ситуациях. В таких условиях были необходимы специфические формы государственного управления, направленные на

защиту прав и свобод граждан, а также на обеспечение общественной и государственной безопасности. В этот период активно использовался термин «правовой режим».

По мнению современных ученых-правоведов Н.И. Матузова, А.В. Малько, правовой режим представляет собой «особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права» [4].

Профессор Л.А. Морозова считает правовой режим результатом регулятивного воздействия на общественные отношения системы юридических средств, присущих конкретной отрасли права и обеспечивающих нормальное функционирование данного комплекса общественных отношений [5, с. 123].

С.М. Зырянов рассматривает правовые режимы как комплексы правовых средств, с помощью которых устанавливаются более или менее стабильные, устойчивые административно-правовые порядки функционирования каких-либо объектов или деятельности каких-либо субъектов. Правовые режимы представляют значительный теоретический и практический интерес в современной правовой реальности, характеризующийся повышенной изменчивостью, неустойчивостью, поскольку обеспечивают управляемость не только в обычных условиях, но и при возникновении экстраординарных ситуаций [6, с. 72].

Таким образом, правовой режим характеризуется следующими признаками:

- наличием обстановки (ситуации) и условий, требующих введения правового режима;
- основан на публично-правовых принципах (законности, равенства перед законом, верховенства права, публичности и открытости);
- регламентируется специальными нормативными правовыми актами;
- содержит специальный механизм юридических средств принуждения, обязанности и запреты;
- наличием властеотношений между субъектами правовых режимов – органами публичной власти и гражданами, основанных на принципе «власть – подчинение».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гессен В.М. Исключительное положение. – Санкт-Петербург: Право, 1908. VIII. – 410 с.
2. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. – Санкт-Петербург, 1911. – 550 с.
3. Тарасова И.Т. Очерк науки полицейского права. – Москва: Печатня С.П. Яковлева, 1897. – 702 с.
4. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 16–29.
5. Морозова Л.А. Конституционное регулирование в СССР. – Москва: Юридическая литература, 1985. – 143 с.
6. Зырянов С.М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 72–81.
7. Правовые режимы: общетеоретический и отраслевой аспекты: монография / под ред. А.В. Малько, И.С. Барзиловой. – Москва, 2012. – 409 с.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – ПРОВОКАЦИЯ ИЛИ ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ?

Жуков Н.И.,
адъюнкт
(Омская академия МВД России)

Аннотация: статья посвящена экспериментальному методу в оперативно-разыскной деятельности в контексте борьбы с финансированием экстремизма. В статье рассматриваются проблемы правоприменения, связанные с разграничением оперативного эксперимента и провокации при выявлении и документировании финансирования экстремистской деятельности. Цель статьи заключается в устранении вероятности нарушения прав личности при проведении оперативных мероприятий, при этом не должна снижаться эффективность борьбы с финансированием экстремистской деятельности.

Ключевые слова: финансирование экстремистской деятельности; провокация; оперативный эксперимент; оперативно-разыскные мероприятия

OFFERING TO FINANCE EXTREMIST ACTIVITIES – PROVOCATION OR OPERATIONAL EXPERIMENT?

Zhukov N.I.,
Postgraduate
(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article is devoted to an experimental method in operational-search activities in the context of combating the financing of extremism. The article discusses law enforcement issues related to the distinction between an operational experiment and provocation in identifying and documenting the financing of extremist activities. The purpose of the article is to eliminate the possibility of violating individual rights during operational activities without reducing the effectiveness of combating the financing of extremist activities.

Keywords: financing of extremist activities; provocation; operational experiment; operational-investigative activities

Финансирование экстремистской деятельности (далее – ФЭД) представляет собой серьезную угрозу для стабильности государств и международного сообщества. Оно обеспечивает финансовую базу для осуществления экстремистской деятельности, включая вербовку новых членов, распространение экстремистской идеологии, организацию насильственных актов, направленных на дестабилизацию конституционного строя и безопасности государства. На государственном уровне регулярно принимаются решения и определяются ключевые направления борьбы с ФЭД, одним из которых было обновление Стратегии противодействия экстремизму [8].

Эффективная борьба с ФЭД требует комплексного подхода, включающего использование оперативно-разыскных мер, в отношении как отдельных лиц, так и организованных групп. Важным элементом является применение методов внедрения в криминальную среду, а также моделирование преступной деятельности для выявления преступных намерений до их реализации. В этой связи возникает проблема разграничения допустимых оперативных мероприятий и провокаций. Существует риск пересечения тонкой границы между законной оперативной работой и незаконной провокацией, что может привести к признанию полученных доказательств недопустимыми и дискредитации оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в целом, а также к нарушению прав и свобод граждан. Нечеткое толкование критериев, определяющих допустимость действий при оперативном эксперименте, может стать причиной злоупотреблений и нарушений законности.

В российском праве понятие «провокация» в контексте основания для прекращения уголовного дела и признания доказательств недопустимыми подпадает под действие п. 1 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [9], в котором указано, что *«иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса»*, подлежат исключению из числа допустимых доказательств. Указанная норма выступает правовой основой для анализа действий оперативных сотрудников на предмет наличия признаков провокации, что, в свою очередь, обуславливает необходимость детальной проработки проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) для реализации целей ОРД, закрепленных в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД): «защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств» [10].

Уголовный кодекс Российской Федерации [11] (далее – УК РФ) в ст. 304 устанавливает ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа, а также подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Однако в действующем законодательстве отсутствует ответственность за провокацию других видов преступлений, что ставит под сомнение полноту правового регулирования в данной области.

В научной среде используется общеправовой принцип, который формулируется как «разрешено все, что прямо не запрещено» [1]. В рамках научных дискуссий анализируется допустимость применения данного принципа в сфере частного права и его неприменимость в области публичного права [2; 3]. Однако данный принцип не нашел своего отражения в российском законодательстве. Официальным закреплением в международном праве нормы «все, что не запрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом», можно считать указание в ст. 5 Декларации прав человека и гражданина от 1789 г. [12], но имеется главное условие – «закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества». Как следствие, закрепляется верховенство общественных прав и, соответственно, прав граждан над законодательными нормами.

Следует обратить внимание, в контексте российского законодательства на применение вышеуказанного общеправового принципа в нормах, регламентирующих оперативную деятельность. В частности, норма международного права находит свое отражение в нормах ФЗ об ОРД. Так, это отражено в ст. 3, закрепляющей принципы ОРД, одним из которых является соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, в названии ст. 5 акцентируется внимание на необходимости соблюдения данного принципа, и именно эта норма ФЗ об ОРД закрепляет запрет на действия, направленные на подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация). Таким образом, законодательство устанавливает четкие границы допустимого поведения органов, осуществляющих ОРД, подчеркивая при этом значимость защиты прав и свобод граждан в процессе осуществления этой деятельности.

Действующие уголовно-правовые и процессуальные нормы, а также нормы ФЗ об ОРД не содержат четких указаний относительно природы провокационных действий и не учитывают разнообразие возможных форм провокации, включая такие преступления, как изнасилование, убийство, случаи необходимой обороны, вымогательство, кража или даже терроризм. Это приводит к необходимости более детального анализа современных тенденций в области правоприменения. В частности, в сентябре 2025 года в новостных пабликах появилась информация о возбуждении уголовного дела в отношении подростков по факту покушения на теракт, организованного сотрудниками Федеральной службы безопасности (далее – ФСБ), которые под видом агентов спецслужб Украины предоставили макет самодельного взрывного устройства, предварительно пообещав денежное вознаграждение [13]. При анализе данной ситуации было установлено, что указанные действия сотрудников ФСБ были направлены на проведение оперативного эксперимента с целью выявления намерений несовершеннолетних на совершение особо тяжкого преступления, что не может быть квалифицировано как провокация.

Данная информация в пабликах скорее направлена на создание резонансного эффекта в информационном пространстве, однако она также высвечивает важный вопрос о пределах этических и юридических границ провокации. В связи с этим возникает необходимость в более детальном исследовании и осмыслении понятия провокации, а также в разработке предложений по его дальнейшему законодательному оформлению. При этом особый интерес представляют аспекты, касающиеся экспериментальных методов ОРД и их разграничения с оперативным экспериментом при выявлении и документировании ФЭД.

В рамках диссертационных исследований вопросы, связанные с провокацией преступления, рассматривались такими авторами, как О.А. Дизер [4], Е.В. Говорухина [5], А.А. Мастерков [6] и др. В своих работах указанные авторы акцентируют внимание на значительной общественной опасности явления провокации, утверждая, что провокатор не только создает искусственные условия для совершения преступления, но и способствует формированию преступника. Эта деятельность провокатора выходит за рамки простого подстрекательства, вливаясь в процесс формирования не только потенциального правонарушителя, но и его психоэмоционального состояния. Вследствие чего провокатор становится активным участником, оказывающим влияние на углубление криминальных установок у индивидов.

Следует выделить вклад в научно-правовую доктрину исследования провокации В.А. Гусева, который рассматривает допустимость использования провокации взятки в контексте оперативного эксперимента как своеобразную медицинскую «реакцию Манту», применяемую для диагностики преступных намерений [7]. Провокация ФЭД в своей сущности схожа с провокацией дачи взятки или коммерческого подкупа, однако с ключевым различием: в данном случае объекту провокации не передаются никакие финансовые или материальные блага. Лицо в данной ситуации вынуждено самостоятельно принимать решение о передаче своих материальных или финансовых ценностей в пользу преступной деятельности без какого-либо психологического давления.

Предложение о предоставлении финансовой поддержки экстремистской деятельности может быть интерпретировано как метод выявления скрытых признаков приверженности индивида к экстремистской идеологии и его готовности участвовать в преступной деятельности, связанной с ее материальной поддержкой. В данном случае экспериментальные методы в ОРД при выявлении ФЭД выполняют функции предупреждения преступления и добывания информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной безопасности, в соответствии с задачами ОРД, закрепленными в ст. 2 ФЗ об ОРД.

Вместе с тем проблемы, связанные с доказыванием ФЭД, требуют комплексного подхода и более глубокого анализа с целью обеспечения правовой определенности и защиты прав граждан при проведении ОРМ по документированию и предупреждению преступлений, связанных с ФЭД. Для повышения эффективности и законности ОРД в данной сфере необходимо разработать методики проведения экспериментальных методов ОРД при выявлении ФЭД, не обладающие признаками провокации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы / Российская Конституция: первые 20 лет: цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – Москва, 2013. С. 25–45.
2. Петражицкий Л.И. Введение в науку политики права / Теория и политика права: избранные труды. – Санкт-Петербург, 2010. С. 3–187.
3. Федоров И.В. Диспозитивность как основополагающий принцип гражданского права России / Актуальные проблемы государства и права в современный период. Т. 2. – Томск: Томский государственный университет, 2017. С. 3–6.
4. Дизер О.А. Провокация преступления: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2022. – 239 с.

5. Говорухина Е.В. Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – 176 с.
6. Мастерков А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2000. – 184 с.
7. Гусев В.А. Провокация взятки: противоправное деяние или эффективный метод борьбы с коррупцией? // Законодательство и практика. – 2013. – № 1 (30). – С. 58–61.
8. Указ Президента России от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 10.09.2025).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/> (дата обращения: 10.11.2025).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
12. Декларация прав человека и гражданина (принята депутатами Генеральных штатов 24 августа 1789 года) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.agitclub.ru/museum/htm> (дата обращения: 17.11.2025).
13. Газета «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).

ПРАВА СПОРТСМЕНОВ ПРИ АНТИДОПИНГОВЫХ РАССЛЕДОВАНИЯХ В КОНТЕКСТЕ УЖЕСТОЧЕНИЯ АНТИДОПИНГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Захарова Д.О.;

Богмацера Э.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Аннотация: статья посвящена анализу последних изменений антидопингового законодательства Российской Федерации. Исследуется процессуальная сторона взаимодействия спортсмена с антидопинговыми организациями. На примере конкретных дел российских спортсменов анализируется процесс расследований. Особое внимание уделено практическим проблемам, с которыми сталкиваются спортсмены при оспаривании обвинений. В заключение предлагаются меры по оптимизации процедур для соблюдения баланса между эффективностью борьбы с допингом и защитой законных интересов спортсменов.

Ключевые слова: антидопинговое законодательство; права спортсменов; РУСАДА; Спортивный арбитражный суд (CAS); расследование нарушений; ужесточение ответственности

ATHLETES' RIGHTS IN ANTI-DOPING INVESTIGATIONS IN THE CONTEXT OF STRICTER ANTI-DOPING LEGISLATION

Zakharova D.O.;

Bogmatsera E.V.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation)

Abstract: the article is devoted to the analysis of recent changes in the anti-doping legislation of the Russian Federation. The procedural aspects of the interaction between an athlete and anti-doping organizations are examined. Using specific cases of Russian athletes as examples, the investigation process is analyzed. Special attention is paid to the practical problems athletes face when contesting charges. In conclusion, measures are proposed to optimize procedures in order to maintain a balance between the effectiveness of the fight against doping and the protection of the legitimate interests of athletes.

Keywords: anti-doping legislation; athletes' rights; RUSADA; Court of Arbitration for Sport (CAS); investigation of violations; strengthening of liability

В последние годы в России произошло значительное ужесточение антидопингового законодательства. Это связано с международным давлением, скандалами в сфере спорта и необходимостью восстановить доверие мирового спортивного сообщества. Новые законы и поправки ужесточили ответственность не только для спортсменов, но и для тренеров, врачей и других специалистов, введя в том числе уголовную ответственность за склонение к использованию допинга.

Однако на практике возникает серьезный конфликт. С одной стороны, государство и спортивные федерации должны эффективно бороться с допингом, обеспечивая честность соревнований. С другой стороны, в погоне за этой эффективностью могут нарушаться права самих спортсменов. Процедура расследования часто ставит спортсменов в крайне уязвимое положение: они оказываются один на один с антидопинговой системой, где процедуры сбора и анализа проб, уведомления о нарушении и проведения слушаний сложны и не всегда прозрачны.

На примерах реальных дел хорошо видно, как работает эта система. Спортсмен может быть отстранен от соревнований на этапе расследования, еще до доказательства его вины, что ставит под удар его карьеру и репутацию. Бремя доказывания своей невиновности во многом ложится на него самого, хотя доступ к независимым экспертам и полной документации по анализу проб может быть ограничен. Решения национальных антидопинговых организаций, таких как РУСАДА, часто оспариваются в Спортивном арбитражном суде (CAS), что затягивает процесс.

Таким образом, актуальность данной работы заключается в необходимости найти баланс между двумя задачами: эффективным противодействием допингу и гарантией обеспечения прав спортсменов.

Первым элементом, с которым сталкивается российский спортсмен в рамках антидопингового контроля, является национальная антидопинговая организация – РУСАДА (Российское антидопинговое агентство).

РУСАДА не является государственным органом. Это некоммерческая организация, созданная для выполнения функций, делегированных ей Всемирным антидопинговым кодексом (ВАК) ВАДА [8]. Именно ВАДА аккредитует национальные антидопинговые организации, такие как РУСАДА, наделяя их полномочиями проводить тестирование, расследования и инициировать дисциплинарные процедуры на территории своей страны [1]. Таким образом, РУСАДА действует как связующее звено между международными стандартами и российской спортивной системой.

Как контролирующий орган РУСАДА организует и проводит как плановые, так и

внеплановые допинг-тесты (вне соревнований), занимается сбором и хранением проб. При обнаружении каких-либо нарушений (например, пропуск тестирования) именно РУСАДА инициирует процедуру: уведомляет спортсмена, собирает объяснения, проводит предварительное расследование и в случае наличия состава нарушения направляет дело в соответствующую дисциплинарную антидопинговую комиссию (ДАК) [9] для рассмотрения.

При этом РУСАДА, согласно Всемирному антидопинговому кодексу, обязана обеспечивать соблюдение прав спортсменов [10]:

- право на своевременное и полное уведомление о возможном нарушении;
- право на доступ к документации по анализу пробы;
- право запрашивать и присутствовать при вскрытии и анализе проб для подтверждения результата;
- право представлять объяснения и доказательства в свою защиту на этапе расследования и иные.

На практике именно в работе РУСАДА чаще всего возникают претензии, которые становятся предметом споров в CAS – Спортивном арбитражном суде. Например, нарушения в процедуре уведомления, задержки в предоставлении документов или ошибки в оформлении протоколов сбора проб могут стать основанием для оспаривания всего дела. Таким образом, от того, насколько корректно и профессионально действует РУСАДА, зависит не только выявление нарушений, но и легитимность всего антидопингового процесса в России.

Впервые РУСАДА были лишены статуса соответствия в 2016 году. Тогда же был одобрен и принят законопроект, вносивший изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [11] Вводились следующие статьи:

– ст. 230.1 УК РФ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте», предусматривающая ответственность для тренеров, медиков или иных специалистов, которые склоняли спортсмена к использованию допинга;

– ст. 230.2 УК РФ «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте», предусматривающая ответственность за применение допинга к спортсмену без его согласия (например, путем подмешивания в пищу или напитки).

Введение данных норм имело следующее значение: во-первых, защита более «слабых» участников (фактически, спортсмены признавались потерпевшими из-за действий окружения), во-вторых, показания самих спортсменов становились критически важными.

В 2019 г. Решением Всемирного антидопингового агентства РУСАДА были лишены статуса соответствия [14]. ВАДА обвинило российскую сторону в намеренной манипуляции базой данных Московской антидопинговой лаборатории (удаление записей о положительных пробах), что было расценено как грубое препятствование расследованию.

В результате все российские спортсмены, независимо от своей личной истории и результатов тестирования, были отстранены от участия в Олимпийских играх и чемпионатах мира под национальным флагом на четыре года. Чтобы получить индивидуальный допуск на соревнования, спортсмен должен был самостоятельно и заблаговременно доказать свою непричастность к нарушениям антидопинговых правил и то, что его персональные данные в базе лаборатории не подвергались фальсификациям. По сути, все бремя доказывания легло на спортсменов, хотя именно ВАДА и РУСАДА располагали всей доказательственной базой.

Кроме того, допущенные спортсмены были вынуждены выступать как «нейтральные атлеты» – без государственной символики, гимна и официального представительства страны. По сути, наказание спортсменов возникло не вследствие их личных действий (например, положительной пробы), а в связи с обвинениями в адрес государственных органов и должностных лиц. Спортсмены оказались заложниками ситуации, над которой не имели контроля.

В 2021 году приказом Министерства спорта Российской Федерации были утверждены Общероссийские антидопинговые правила. Суть правил заключается в нескольких ключевых

принципах. Во-первых, это принцип строгой ответственности. Спортсмен несет личную и абсолютную ответственность за все, что попадает в его организм. Для того чтобы дисквалифицировать атлета, не нужно доказывать его вину, умысел или даже знание о приеме запрещенного вещества – достаточно самого факта его обнаружения в пробе.

Во-вторых, правила расширяют само понятие нарушения. Нарушением считается не только положительная проба, но и уклонение от тестирования, три пропуска в системе уведомления о местонахождении за год, фальсификация, а также любое соучастие, распространение или назначение допинга. Таким образом, в зону риска попадают не только сами спортсмены, но и их тренеры, врачи и все окружение.

Процессуальные механизмы правил выстроены так, чтобы обеспечить быстроту наказания. При серьезных обвинениях спортсмен может быть временно отстранен от соревнований еще до окончания разбирательства. В то же время правила формально закрепляют ряд процессуальных гарантий для спортсмена. На слушаниях в Дисциплинарном антидопинговом комитете он имеет право на представителя, переводчика, возможность представлять доказательства и вызывать свидетелей. Однако эти слушания носят закрытый, специфический характер, а оценка доказательств полностью отдана на усмотрение комитета.

Система санкций, установленная правилами, также является достаточно жесткой. За большинство серьезных нарушений (наличие, использование, распространение допинга) следует 4-летняя дисквалификация. Сокращение срока возможно лишь в исключительных случаях, если спортсмен докажет отсутствие умысла или представит существенную помощь в расследовании. Все результаты, показанные в период нарушения, подлежат аннулированию с изъятием медалей.

В апреле 2024 года глава спортивного комитета Госдумы Дмитрий Свищев заявил, что антидопинговые законы в России могут стать еще жестче. Причина, по его словам, в том, что производители и распространители допинга становятся «более изощренными», и закон должен за этим успевать. При этом на международном уровне ситуация тупиковая. В марте 2024 года глава ВАДА прямо сказал, что агентство «скептически» настроено к российским спортсменам и будет проверять их максимально жестко перед Олимпиадой в Париже [3].

Позднее, в ноябре 2024 года, приказом Минспорта № 1083 был утвержден Перечень субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте [5]. Все перечисленные вещества и методы в этом списке делятся на три категории: запрещенные всегда (как на соревнованиях, так и вне их), запрещенные только в соревновательный период и запрещенные в отдельных видах спорта (например, бета-блокаторы в стрельбе).

Суть списка – создание максимально широкого перечня для любых потенциально влияющих на результат вмешательств. В него включены не только классические допинговые препараты (анаболики, стимуляторы, гормоны роста), но и экспериментальные вещества, не одобренные для применения у людей (S0), а также передовые биомедицинские методы, такие как генный (M3) и клеточный допинг. Это означает, что спортсмен несет ответственность даже за использование субстанций, которые могут находиться на стадии доклинических испытаний и не иметь коммерческого названия.

Таким образом, спортсмены должны самостоятельно и заблаговременно проверять каждый препарат, биодобавку или метод лечения на соответствие списку. Формально наличие разрешения на терапевтическое использование может быть оправданием, но бремя доказывания его законности и отсутствия влияния на результат ложится на самого спортсмена.

В рамках данной темы одним из самых Олимпийских игр крупных скандалов является дело российской фигуристки Камилы Валиевой. Все началось с пробы, взятой у Валиевой в декабре 2021 года в Санкт-Петербурге. Результат, который должен был быть готов за две недели до Олимпийских игр, лаборатория ВАДА в Швеции прислала только 8 февраля 2022 года, уже во время Олимпиады [16]. РУСАДА сначала отстранило фигуристку, но быстро отменило свое решение после ее апелляции. Тогда ВАДА, Международный союз конькобежцев (ISU) и МОК подали в Спортивный арбитражный суд (CAS), требуя снова ее отстранить. CAS 14 февраля принял промежуточное решение: допустил Валиеву к личным соревнованиям, но не стал разбираться по сути, оставив это на потом. Главной причиной такого решения стали срывы

сроков со стороны самой лаборатории ВАДА [13]. Окончательный вердикт пришел только через два года: 29 января 2024 года CAS дисквалифицировал Валиеву на 4 года, аннулировав все ее результаты с декабря 2021 года [12]. Все ее дальнейшие попытки обжаловать это решение в швейцарском суде закончились неудачей [3; 15].

Когда CAS опубликовал подробное обоснование своего промежуточного решения, стало видно несколько серьезных проблем в процессе. Во-первых, ВАДА отнесло найденное вещество (триметазидин) к особо тяжелой категории. Это автоматически означало, что Валиева считалась виновной с самого начала, и ей самой пришлось доказывать, что она ни в чем не виновата.

Во-вторых, лаборатория, задержав результат на месяц, фактически лишила защиту возможности собрать доказательства. Например, команда Валиевой не успела вовремя провести анализ пробы или проверить, не было ли запрещенного вещества в ее разрешенных добавках. Кроме того, выяснилось, что в самих правилах ВАДА плохо прописано, как поступать с несовершеннолетними спортсменами, что добавило путаницы в данном деле [17].

С технической стороны дело тоже оказалось неоднозначным. Концентрация триметазидина в пробе Валиевой была крайне низкой – 2,1 нанограмма на миллилитр. Для сравнения, обычная лечебная доза – это тысячи нанограмм. Некоторые эксперты сомневаются, что такое мизерное количество вообще можно было точно измерить, а главное, что оно хоть как-то могло помочь 15-летней фигуристке в выступлении спустя месяцы. Более того, многие ученые критикуют ВАДА за то, что триметазидин и подобные вещества вносят в запрещенный список без твердых научных доказательств их реального влияния на спортивный результат, особенно в таких видах спорта, как фигурное катание [4; 18].

В 2024 году появилась информация, что ВАДА, возможно, скрыло результаты своего же эксперимента, который мог подтвердить версию о случайном попадании вещества в организм Валиевой от ее дедушки, который принимал лекарства для сердца [6].

Итоги этого дела оказались жесткими и затронули многих. Из-за дисквалификации одной спортсменки была аннулирована золотая медаль всей российской команды в командном турнире Олимпиады, хотя сама проба была взята задолго до этих соревнований [7]. Также началось расследование против тренеров и врачей Валиевой, потому что правила предполагают, что за несовершеннолетнего спортсмена ответственность в том числе несет его окружение.

Дело Валиевой наглядно показывает, что спортсмен, особенно несовершеннолетний, в антидопинговой системе находится в очень уязвимом положении. Даже если есть сомнения в вине или нарушения в процедуре со стороны проверяющих, основное бремя доказывания ложится на него. Решение может растянуться на годы, а его последствия могут быть очень суровыми.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что процесс ужесточения антидопингового законодательства в России хоть и направлен на создание четкой системы, также может породить противоречия в области защиты прав спортсменов.

С одной стороны, государство, реагируя на международные скандалы и санкции, меняет уже имеющиеся правила – вводит уголовную ответственность для окружения спортсменов, принимает Общероссийские антидопинговые правила и вводит список запрещенных веществ и методов. С другой, такое ужесточение правил часто нарушает сами права спортсменов, которые должны защищаться законом. На практике в антидопинговых расследованиях спортсмена сразу считают виновным, пока он не докажет обратное. Как видно из дела Валиевой, даже право на защиту плохо работает, если сами проверяющие организации нарушают процедуры, например задерживают результаты проб. Кроме того, статус несовершеннолетнего спортсмена только усиливает зависимость от тренеров и врачей, чьи ошибки или действия могут разрушить его карьеру.

Таким образом, мы видим, что в настоящее время баланс между борьбой с допингом и защитой спортсменов еще не достигнут. Сейчас система устроена так, что за любую ошибку – будь то сбой в лаборатории, оплошность врача или намеренное нарушение тренера – главную

ответственность несет сам спортсмен. При этом его возможности себя защитить очень малы. Чтобы исправить ситуацию, нужны не новые запреты или наказания, а конкретные изменения в процедурах: нужно сделать процесс расследования более прозрачным и честным на всех этапах, усилить контроль за работой лабораторий, а также перестать наказывать одних спортсменов за нарушения других, как это бывает при коллективной ответственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Всемирный Антидопинговый кодекс [Электронный ресурс]. – URL: <https://cfor-uvat.ru/upload/docs-new/pdf> (дата обращения: 15.12.2025).
2. В Госдуме допустили ужесточение антидопингового законодательства в стране [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/1688340/2024-04-26/> (дата обращения: 16.12.2025).
3. Суд в Швейцарии отклонил ходатайство о пересмотре дела Валиевой в CAS [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/1981923/> (дата обращения: 17.12.2025).
4. Обнаруженный в пробе Валиевой L-карнитин можно найти у каждого [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/sport/2022/02/16/farmakolog-obnaruzhenny-u-kazhdogo.html> (дата обращения: 17.12.2025).
5. Приказ Минспорта России от 05.11.2024 № 1083 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» // СПС «КонсультантПлюс».
6. WADA скрыло заключение эксперта, способное оправдать фигуристку Валиеву [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/sport/> (дата обращения: 17.12.2025).
7. Какие титулы отняли у Валиевой из-за допинга [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/sport/30/01/2024/> (дата обращения: 17.12.2025).
8. Документы РУСАДА [Электронный ресурс]. – URL: <https://rusada.ru/about/> (дата обращения: 15.12.2025).
9. Комитеты [Электронный ресурс]. – URL: <https://rusada.ru/about/> (дата обращения: 15.12.2025).
10. Права и обязанности спортсменов. Нарушение антидопинговых правил [Электронный ресурс]. – URL: <https://rusada.ru/athletes/> (дата обращения: 15.12.2025).
11. Законопроект № 1027793-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/> (дата обращения: 15.12.2025).
12. Камила Валиева дисквалифицирована на 4 года за допинг [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sports.ru/figure-skating/> (дата обращения: 17.12.2025).
13. Камила Валиева в центре грандиозного скандала [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/> (дата обращения: 17.12.2025).
14. Обострение ситуации с РУСАДА. Хронология и причины [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/info/7298705> (дата обращения: 16.12.2025).
15. Камила Валиева подала повторную апелляцию в Федеральный суд Швейцарии [Электронный ресурс]. – URL: <https://aif.ru/sport/> (дата обращения: 17.12.2025).
16. The CAS Ad hoc Division declines to impose a provisional suspension on the Russian figure skater Kamila Valieva [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/> (дата обращения: 17.12.2025).
17. Court Of Arbitration for sport/ Ad Hoc Division – XXIV Olympic Winter Games in Beijing [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/> (дата обращения: 17.12.2025).
18. What to know about Trimetazidine, the drug at the center of the Olympic doping case [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/> (дата обращения: 17.12.2025).

СИСТЕМА ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД РОССИИ: СТРУКТУРА, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Зубкова И.А.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье анализируется система правовых презумпций в административной деятельности МВД России; рассматривается три категории презумпций и анализируется их взаимодействие в административном процессе. Показывается необходимость сохранения баланса между презумпцией невиновности граждан и презумпцией законности органов власти. В работе критически оценивается попытка введения презумпции доверия полиции и предлагаются меры по совершенствованию судебной практики и нормативного регулирования.

Ключевые слова: административное право; МВД России; презумпция невиновности; административная юрисдикция

THE SYSTEM OF LEGAL PRESUMPTIONS IN THE ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS: STRUCTURE, INTERACTION AND EFFECTIVENESS

Zubkova I.A.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the system of legal presumptions in the administrative activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, considering three categories of presumptions and analyzing their interaction in the administrative process. It demonstrates the need to maintain a balance between the presumption of citizens' innocence and the presumption of the legality of government authorities. The article critically assesses the attempt to introduce the presumption of trust in police and proposes measures to improve judicial practice and normative framework.

Keywords: administrative law; Ministry of Internal Affairs; presumption of innocence; administrative jurisdiction

Эффективность административной деятельности органов внутренних дел (полиции) зависит от надлежащего правового обеспечения принимаемых решений и совершаемых действий. Система правовых презумпций выступает одним из ключевых механизмов правового регулирования в данной сфере, определяя правовой статус фактов и устанавливая распределение бремени доказывания между субъектами административных отношений [1]. При этом современное административное законодательство не содержит четкой типологии презумпций, применяемых в деятельности МВД России, что затрудняет их надлежащее применение и создает риск нарушения прав граждан. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа структуры правовых презумпций, механизмов их взаимодействия и оценки эффективности как гарантии баланса между интересами государства в поддержании общественного порядка и конституционными правами личности [2].

Правовая презумпция представляет собой нормативно закрепленное предписание о признании определенного факта истинным при наличии другого факта, пока иное не будет установлено компетентным субъектом [1]. В контексте административной деятельности МВД выделяются три основные категории правовых презумпций, которые образуют иерархическую систему.

Первая категория – общеотраслевые презумпции, действующие во всех сферах правового регулирования. К ним относится презумпция знания закона, согласно которой каждый субъект признается знающим действующее законодательство, независимо от фактического ознакомления с ним [3]. Данная презумпция носит неопровержимый характер и находит выражение в пра-

виле: «незнание закона не освобождает от ответственности». В деятельности МВД России эта презумпция реализуется при осуществлении административной юрисдикции, в ходе лицензионно-разрешительной деятельности, а также в дисциплинарных производствах.

Вторая категория включает конституционные и общеправовые презумпции. Ключевое место занимает презумпция невиновности, закрепленная в ст. 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4]. «Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным до момента, когда его вина будет доказана вступившим в законную силу постановлением компетентного органа» [3].

Третья категория – специальные презумпции, применяемые в административной деятельности МВД России. Среди них особое значение имеет презумпция законности правового акта, согласно которой акты МВД России и его органов признаются законными и способными влечь юридические последствия до момента их оспаривания в установленном порядке [2]. Эта презумпция действует практически во всех проявлениях административной деятельности и создает основу для стабильности и предсказуемости административно-правового регулирования.

Анализ функционирования правовых презумпций показывает их тесное взаимодействие в рамках единой системы. Презумпция законности правового акта органов МВД России, с одной стороны, обеспечивает уважение к власти и исполнимость издаваемых актов, но с другой – должна существовать в гармонии с презумпцией невиновности и конституционно защищенным принципом уважения к правам человека. Структурное взаимодействие этих презумпций проявляется в следующих аспектах. Во-первых, презумпция законности органов МВД России не означает непреодолимость их действий: граждане имеют право оспаривать незаконные действия в судебном порядке (ст. 53 Федерального закона «О полиции»). Во-вторых, применение презумпции невиновности требует от органов МВД России активного доказывания, что способствует объективности административного разбирательства. Таким образом, системное взаимодействие презумпций создает механизм, уравнивающий публичные интересы государства с частными интересами граждан [4]. Важным элементом является также презумпция компетентности и осведомленности должностного лица МВД России при исполнении служебных функций. Эта презумпция предполагает, что должностное лицо действует в соответствии с законом и имеет необходимую информацию для принятия решения, однако она не исключает возможность судебного контроля и проверки обоснованности решений.

Практика административной деятельности МВД России выявляет ряд проблем в реализации системы правовых презумпций. Первая проблема связана с недостаточной нормативной регламентацией презумпций, что допускает произвольное их толкование при применении. Вторая проблема заключается в возможном дисбалансе между презумпцией законности действий органов и презумпцией невиновности граждан [1].

На протяжении последних лет предпринимались попытки законодательного введения так называемой презумпции доверия органам полиции. Однако юридическое сообщество справедливо выступило против подобных инициатив, указав на несовместимость такой презумпции с принципом презумпции невиновности [2]. Введение безусловной презумпции доверия органам МВД России привело бы к перекладыванию бремени доказывания на граждан, что нарушило бы конституционные гарантии и создало бы угрозу для защиты прав личности в административном процессе [3].

Для повышения эффективности применения презумпций необходимо:

1. Укрепить законодательное закрепление системы правовых презумпций в административном законодательстве, включив развернутое описание их содержания и сферы действия.
2. Обеспечить надлежащее обучение сотрудников МВД России правильному применению презумпций при принятии административных решений.
3. Усилить судебный контроль над соблюдением баланса презумпций, в частности над исполнением органами МВД России обязанности по доказыванию факторов, предусмотренных законом.

4. Развить судебную практику по разъяснению взаимосвязи презумпций в системе административно-правового регулирования и установлению критериев их надлежащего применения.

Таким образом, система правовых презумпций в административной деятельности МВД России представляет собой сложный многоуровневый механизм, включающий общеотраслевые, конституционные и специальные презумпции, действующие в тесном взаимодействии. Презумпция невиновности, презумпция законности правовых актов и презумпция знания закона образуют основу правового регулирования в сфере административной деятельности органов внутренних дел.

Эффективность данной системы зависит от надлежащего баланса между публичными интересами государства и конституционно защищенными правами граждан. Категорический отказ от попыток введения презумпции безусловного доверия органам МВД России является необходимым условием сохранения этого баланса и защиты прав личности в административном процессе. Дальнейшее совершенствование правовых механизмов, обеспечивающих взаимодействие системы презумпций, требует как законодательной регламентации, так и развития судебной практики в области административного права [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кулешов Ю.В. Правовые презумпции в административной деятельности милиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2000. – 24 с.
2. Беланов Р.А. Презумпция доверия полиции и защита прав граждан // Законность. – 2017. – № 5. – С. 15–22.
3. Сафоненков П.Н. Презумпция невиновности в законодательстве об административных правонарушениях // Юридический журнал. – 2007. – № 3. – С. 45–52.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
5. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
6. Левченко В.Б. Значение правовых презумпций в механизме правового регулирования // Административное право и процесс. – 2015. – № 2. – С. 78–89.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Иванова М.Д.;

Гайнелзянова В.Р.,

кандидат юридических наук, доцент

(Уфимский юридический институт МВД России)

Аннотация: авторы исходят из того, что рост количества наркопреступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, обусловлен цифровизацией криминальной деятельности, спецификой способов совершения наркопреступлений в киберпространстве и субъектов преступной деятельности. Сделан вывод о необходимости для поддержания правопорядка комплексно применять процессуальные, тактические и организационные меры, направленные на выявление, фиксацию и исследование цифровых

следов, преодоление способов сокрытия преступной деятельности и выявление лиц, совершивших преступные деяния в области информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: криминалистика; киберпространство; наркопреступления; информационно-телекоммуникационные технологии; цифровизация; цифровые следы

OVERCOMING OPPOSITION IN THE FIELD OF ILLEGAL TRAFFICKING OF DRUGS IN CYBERSPACE: CRIMINALISTIC ASPECT

Ivanova M.D.;

Gaynezyanova V.R.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the authors proceed from the fact that the increase in the number of drug-related crimes committed using information and telecommunication technologies is due to the digitalization of criminal activity, the specific nature of the methods of committing drug-related crimes in cyberspace, and the subjects of criminal activity. The authors conclude that in order to maintain law and order, it is necessary to comprehensively apply procedural, tactical, and organizational measures aimed at identifying, recording, and analyzing digital traces, overcoming the methods of concealing criminal activity, and identifying individuals who have committed criminal acts in the field of information and telecommunication technologies.

Keywords: forensic science; cyberspace; drug crimes; information and telecommunication technologies; digitalization; digital traces

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий существенно трансформировало механизм совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Современная наркопреступность характеризуется активным использованием киберпространства для организации, координации и реализации противоправной деятельности, что создает дополнительные сложности для правоохранительных органов и обуславливает необходимость разработки актуальных криминалистических средств и методов противодействия.

Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом количества наркопреступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ). По данным МВД России, в 2025 году в Российской Федерации (далее – РФ) зарегистрировано 90 649 преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, что на 54,23% меньше показателей 2024 года, при этом уменьшилось на 12,9 % число выявленных правоохранительными органами наркопреступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий [1, с. 29].

Проблема усугубляется тем, что более чем в три раза увеличилось количество заблокированных сайтов с запрещенной информацией о наркотиках – в год блокируется свыше 100 тысяч ресурсов [2, с. 2]. За последние пять лет состояние наркопреступности в России остается стабильным, но имеется тенденция роста особо тяжких преступлений (109,4%), совершенных в значительном размере (103,7%) и особо крупном размере (108,1%) [3, с. 148]. Цифровизация криминальной деятельности значительно осложняет работу органов предварительного расследования, требуя применения специфических криминалистических методов и тактических приемов.

Специфика способов совершения наркопреступлений в киберпространстве заключается в бесконтактном характере взаимодействия между участниками незаконного оборота. Как отмечает О.Ю. Введенская, способ незаконного сбыта наркотических средств с использованием сети Интернет представляет собой проработанный порядок действий, при которых

сбытчик и приобретатель не встречаются друг с другом [4, с. 70]. Информационные технологии используются для общения между участниками преступной группы и потенциальными покупателями, получения сведений об оплате, информирования о местонахождении наркотического средства в тайниках.

Вместе с тем А.С. Смолякова выделяет структурные элементы способа совершения наркопреступлений с использованием ИТТ, включающие действия по подготовке, непосредственному совершению и сокрытию следов преступления [5, с. 34]. Преступники применяют широкий спектр технологий анонимизации для сокрытия своей личности и противодействия расследованию. Наиболее распространенными являются программные технологии, позволяющие менять, создавать динамические или нераспознаваемые IP-адреса, использование интернет-площадок в теневом сегменте сети Интернет, применение криптовалюты в схемах расчетов за наркотики.

Участники организованных групп общаются исключительно в интернет-мессенджерах при двойном шифровании, постоянно меняют учетные записи для общения с клиентами, используют специальные программы для сохранения анонимности [6, с. 65]. Характеристика субъектов преступной деятельности по делам о незаконном сбыте наркотических средств с использованием сети Интернет позволяет выделить их важнейшие особенности: возрастные рамки обычно включают возраст 18–35 лет, при этом среди организаторов преступного сообщества выступают субъекты, имеющие среднее техническое, высшее или неоконченное высшее образование [6, с. 87].

Криминалистическое значение в расследовании наркопреступлений в киберпространстве приобретают цифровые следы. Так, Д.В. Меняйло определяет цифровые следы как криминалистически значимую информацию о событиях или действиях, зафиксированную в материальной среде на этапах ее создания, обработки, хранения и передачи [7, с. 66]. К таким следам относятся дампы оперативной памяти и сетевого трафика, файлы и их фрагменты, служебная информация, создаваемая программными и аппаратными средствами. Цифровые следы обладают уникальной характеристикой – отсутствием признаков, присущих обычным криминалистическим следам, таких как запах, постоянная форма и др. [7, с. 68]

Правоприменительная деятельность демонстрирует, что исследование цифровых следов актуально при проведении процессуальных проверок и расследовании наркопреступлений, независимо от способа посягательства. На постоянной основе ведется работа по установлению интернет-ресурсов, используемых для пропаганды незаконного потребления и распространения наркотиков [7, с. 71].

Проблема противодействия расследованию наркопреступлений в киберпространстве имеет многоаспектный характер. И.В. Тишутина рассматривает противодействие расследованию как деятельность заинтересованных лиц, направленную на воспрепятствование установлению объективной истины по уголовному делу [8, с. 157]. В контексте наркопреступлений, совершаемых с использованием ИТТ, противодействие проявляется в форме технического сокрытия следов преступления, создания препятствий для идентификации личности преступников, уничтожения цифровых доказательств.

Основной проблемой в борьбе с наркопреступностью в киберпространстве является применение преступниками программных технологий анонимизации. Злоумышленники используют виртуальные частные сети, анонимные браузеры, криптовалютные кошельки для расчетов.

Преодоление противодействия расследованию наркопреступлений в киберпространстве требует комплексного применения процессуальных, тактических и организационных мер. И.В. Тишутина отмечает, что наиболее эффективными мерами являются целенаправленные оперативно-разыскные мероприятия (далее – ОРМ), а также, с учетом сложившейся следственной ситуации, повторные допросы, очные ставки, обыски, выемки, предъявления для опознания и назначение судебных экспертиз [8, с. 159]. Особое значение приобретает тактика внезапных обысков на первоначальном этапе расследования и повторных обысков для выявления дополнительных эпизодов преступной деятельности.

Н.К. Коровин выделяет структуру методики расследования незаконного оборота наркотических средств с использованием сети Интернет, указывая на необходимость применения специфических криминалистических методов [9, с. 90]. Для выявления, документирования и извлечения цифровых доказательств применяются различные программно-технические комплексы, такие как «Мобильный криминалист», UFED Touch и XRY. Использование этих инструментов не требует от специалиста глубоких знаний в области программирования, что является несомненным преимуществом. Однако для эффективного применения таких систем необходимо регулярно обновлять программные комплексы с целью обеспечения возможности извлечения данных из новейших моделей телефонов с последними версиями операционных систем.

Криминалистические методы преодоления противодействия включают применение тактических приемов при производстве следственных действий. В зависимости от следственной ситуации тактические приемы могут предшествовать следственному действию, непосредственно входить в его содержание либо проводиться после его завершения. Эффективными являются приемы предъявления доказательств, нейтрализующих ложные показания, внезапная демонстрация прямых и косвенных доказательств, допущение легенды о наличии и объеме доказательств у следователя.

Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании незаконного оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, играют ключевую роль в доказывании по данной категории дел. Назначение многообъектных экспертиз позволяет установить общий источник происхождения наркотических средств, наличие на представленных предметах-носителях следов наркотиков, факт использования представленного оборудования для изготовления или переработки наркотических средств. Применение специальных знаний во время расследования преступления, независимо от этапа, повышает эффективность расследования и способствует качественному сбору доказательств [10, с. 324–325].

Оптимизация расследования наркопреступлений в киберпространстве может быть достигнута путем внедрения искусственного интеллекта (далее – ИИ) и машинного обучения для анализа массива данных, собираемого при ОРМ. Применение технологий ИИ позволит повысить эффективность выявления признаков, характерных для незаконного оборота наркотиков, значительно сократить затраты на проведение расследования. Необходимо развитие механизмов выявления и пресечения преступлений с использованием блокчейн-трассировки для отслеживания криптовалютных транзакций.

Важным направлением оптимизации является совершенствование взаимодействия следственных органов с оперативными подразделениями. Эффективность следственных действий зависит от оптимальности применяемых тактических приемов и своевременности оперативно-разыскного сопровождения [9, с. 92].

Перспективным направлением является развитие международного сотрудничества в сфере противодействия наркопреступности в киберпространстве. Транснациональный характер интернет-преступлений требует координации действий правоохранительных органов различных государств, обмена информацией о способах совершения преступлений и методах их расследования.

Таким образом, преодоление противодействия наркопреступности в киберпространстве представляет собой комплексную криминалистическую задачу, требующую применения специальных методов и средств, отвечающих современным способам совершения преступлений. Трансформация наркопреступности под влиянием цифровых технологий обусловила формирование новой криминалистической методики расследования, основанной на работе с цифровыми следами, применении программно-технических комплексов и использовании специальных знаний в области информационных технологий.

Анализ следственной практики свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования криминалистического обеспечения расследования наркопреступлений в киберпространстве. Приоритетными направлениями являются внедрение технологий ИИ для анализа больших массивов данных, развитие методов блокчейн-трассировки криптовалют-

ных операций, создание единой системы цифровой криминалистической идентификации, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в области цифровых технологий.

Эффективное противодействие наркопреступности в киберпространстве возможно только при комплексном применении процессуальных, тактических и организационных мер, направленных на выявление, фиксацию и исследование цифровых следов, преодоление технологических способов сокрытия преступной деятельности, установление и изобличение всех участников организованных преступных групп. Дальнейшее развитие криминалистической науки в данном направлении должно быть ориентировано на разработку инновационных методов расследования, соответствующих динамике развития информационных технологий и адаптивности криминальной среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2025 года / Главный информационно-аналитический центр. – Москва, 2025. – 29 с.
2. Тепляшин П.В. Наркопреступность в Российской Федерации: современные статистические закономерности // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 147–157.
3. Тепляшин П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex russica. – 2017. – № 1. – С. 147–157.
4. Введенская О.Ю. Способ незаконного сбыта наркотических средств с использованием сети Интернет и телекоммуникационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 2 (48). – С. 68–75.
5. Смолякова А.С. К вопросу о сущности способа совершения наркопреступлений с использованием сети Интернет // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3 (37). – С. 32–38.
6. Чинарова Д.В. Характеристика субъектов преступной деятельности по делам о незаконном сбыте наркотических средств с использованием сети Интернет // Аллея науки. – 2019. – Т. 2, № 5 (32). – С. 63–88.
7. Меняйло Д.В. Цифровые следы в сфере незаконного оборота наркотических средств // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 65–72.
8. Тишутина И.В. Преодоление противодействия расследованию: основы теории и оптимизация преподавания в рамках предмета «Криминалистика» // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 4 (36). – С. 155–161.
9. Коровин Н.К. Особенности расследования незаконного оборота наркотических средств с использованием сети Интернет // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. – № 10 (76). Ч. 2. – С. 87–94.
10. Фролов А.Н. Актуальные вопросы использования специальных знаний при расследовании незаконного оборота наркотических средств // Вестник криминалистики. – 2023. – № 2 (86). – С. 320–328.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРЫ (СТАТЬЯ 251 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ) ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Измайлова И.А.,
адъюнкт
(Омская академия МВД России)

Аннотация: в статье исследуются проблемные аспекты квалификации загрязнения атмосферы (ст. 251 Уголовного кодекса Российской Федерации) в условиях конкуренции со смежными составами экологических преступлений. Анализируются конкретные случаи пересечения с нормами об охране окружающей среды при производстве работ (ст. 246 Уголовного кодекса Российской Федерации), об обращении с опасными отходами (ст. 247 Уголовного кодекса Российской Федерации) и о порче земли (ст. 254 Уголовного кодекса Российской Федерации). Особое внимание уделяется сложным ситуациям, когда загрязнение воздуха приводит к последствиям, прямо не указанным в диспозиции статьи 251 Уголовного кодекса Российской Федерации, таким как уничтожение лесных насаждений. На основе правил конкуренции уголовно-правовых норм предлагаются четкие, практико-ориентированные критерии разграничения, определяются случаи применения специальной нормы, идеальной совокупности или квалификации по норме-целому.

Ключевые слова: загрязнение атмосферы; экологические преступления; конкуренция составов; квалификация преступлений; специальная норма; совокупность преступлений; нарушение правил охраны окружающей среды; уголовно-правовая оценка

DIFFERENTIATION OF ATMOSPHERIC POLLUTION (ART. 251 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) FROM RELATED CRIMES

Izmailova I.A.,
Postgraduate
(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines problematic aspects of the qualification of atmospheric pollution (Article 251 of the Criminal Code of the Russian Federation) in competition with related environmental crimes. The article analyzes specific cases of intersection with the norms on environmental protection during work (art. 246 of the Criminal Code), hazardous waste management (art. 247 of the Criminal Code) and damage to land (art. 254 of the Criminal Code). Special attention is paid to difficult situations where air pollution leads to consequences not explicitly specified in the disposition of art. 251 of the Criminal Code of the Russian Federation, such as the destruction of forest plantations. On the basis of the rules of competition of criminal law norms, clear, practice-oriented criteria of differentiation are proposed, cases of application of a special norm, ideal aggregate or qualification according to the norm as a whole are determined.

Keywords: article 251 of the Criminal Code of the Russian Federation; atmospheric pollution; environmental crimes; competition of compositions; qualification of crimes; special norm; set of crimes; violation of environmental protection rules; criminal law assessment

Проблема разграничения конкурирующих составов экологических преступлений является актуальной ввиду частого совпадения признаков уголовно-правовых норм, когда одно деяние подпадает под действие нескольких статей. В рамках главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) это проявляется в наличии как общих норм, устанавливающих ответственность за нарушение природоохранных правил, так и специальных, криминализирующих загрязнение конкретных компонентов среды. Анализ соотношения

ст. 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы» с иными нормами данной главы позволяет вывести систематизированные подходы к квалификации.

В теории уголовного права общепризнано, что основной непосредственный объект является фундаментальным критерием разграничения преступлений [1]. На первый взгляд, проблеме может решить правило о приоритете специальной нормы над общей (ч. 3 ст. 17 УК РФ). В этом случае преступление должно квалифицироваться по специальной норме [2, с. 49].

В доктрине уголовного права ст. 251 УК РФ обоснованно рассматривается как специальная по отношению к ст. 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ» [3]. Это обусловлено тем, что правила выброса загрязняющих веществ в атмосферу представляют собой частный случай общих правил охраны окружающей среды при производстве работ. В случае причинения по неосторожности вреда здоровью человека преимущество имеет специальная норма – ч. 2 ст. 251 УК РФ. Более сложная ситуация возникает, когда загрязнение атмосферы повлекло последствия, не указанные в ст. 251 УК РФ, такие как массовая гибель животных или иные тяжкие последствия. Наиболее последовательной с точки зрения теории конкуренции норм и принципа справедливости представляется квалификация по ч. 1 ст. 251 УК РФ как специальной норме, а неучтенные особо тяжкие последствия подлежат учету в качестве отягчающего наказания обстоятельства по п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Квалификация по совокупности или исключительно по общей норме вступает в противоречие с ч. 3 ст. 17 УК РФ и ведет к искусственному созданию множественности преступлений.

Не менее дискуссионным является вопрос разграничения ст. 251 и 247 УК РФ «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов», когда загрязнение атмосферы становится следствием нарушения правил обращения с опасными веществами. Поскольку прямое отношение «общая – специальная» между этими нормами отсутствует, для единообразия правоприменения предлагается использовать доктринальную фикцию, признающую ст. 251 УК РФ специальной [4, с. 55]. Таким образом, при конкуренции, охватывающей только загрязнение воздуха, деяние подлежит квалификации по ст. 251 УК РФ. Если же нарушение правил обращения с опасными веществами привело к загрязнению нескольких компонентов среды (атмосферы, земли), возникает конкуренция нормы-целого (ч. 2 ст. 247 УК РФ) и норм-частей (ст. 251, 254 УК РФ). В этом случае применяется норма-целое, если ее санкция строже. Однако если норма-часть, например ч. 3 или 4 ст. 261 УК РФ (умышленное уничтожение лесов), имеет более строгую санкцию, чем ч. 2 ст. 247 УК РФ, конкуренция невозможна и содеянное квалифицируется по совокупности этих преступлений.

Отдельного рассмотрения требует ситуация, когда загрязнение атмосферы в результате нарушения правил эксплуатации объекта причиняет вред лесным насаждениям. Поскольку ст. 251 УК РФ не охватывает последствия в виде уничтожения леса, а ст. 261 УК РФ не предусматривает в качестве способа нарушения правил выброса в атмосферу, ни одна из норм не поглощает другую. В данном случае единственно верным способом квалификации является идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 251 УК РФ и соответствующей частью ст. 261 УК РФ, что позволяет дать полную уголовно-правовую оценку всем элементам деяния. В то же время загрязнение атмосферы в результате лесного пожара не образует состава преступления по ст. 251 УК РФ, так как объективная сторона данной нормы предполагает нарушение правил эксплуатации именно источников выбросов, каковыми лес не является.

Наконец, при совершении деяния, предусмотренного ст. 251 УК РФ, на особо охраняемой природной территории его квалификация должна производиться по совокупности со ст. 262 УК РФ «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов», поскольку последняя устанавливает ответственность за нарушение специального режима такой территории, что составляет самостоятельный объект уголовно-правовой охраны.

Таким образом, соотношение ст. 251 УК РФ с иными составами экологических преступлений подчиняется общим правилам о конкуренции норм, однако специфика объективной стороны данных составов требует детализации и в некоторых случаях формирования доктринальных подходов для обеспечения единообразия и справедливости правоприменительной практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 446 с.
2. Суденко В.Е. Уголовное право. Общая часть: лекции / под ред. Н.А. Духно. – Москва: Юридический институт МИИТа, 2016. – 197 с.
3. Жевлаков Э.Н., Жаркова Ю.Г., Рубина Е.А. Проблемы соблюдения законности в сфере экологии / Правовые проблемы охраны окружающей среды. – Москва, 1998.
4. Попов И.В. Соотношение состава преступления, предусмотренного ст. 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы», с иными составами главы 26 УК РФ / Вопросы правовой теории и практики: сборник научных трудов. Т. 15. – Омск: Омская академия МВД России, 2021. С. 51–60.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Каменев М.А.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в рамках правового регулирования оборота оружия важное место занимают вопросы административной и уголовной ответственности за правонарушения в данной сфере. Административное правонарушение, связанное с незаконным оборотом оружия, влечет за собой административную ответственность, предусмотренную соответствующими нормами законодательства. Уголовная ответственность, в свою очередь, применяется в случае более серьезных нарушений, связанных с незаконным оборотом оружия. Эффективное регулирование оборота оружия требует комплексного подхода, включающего в себя как меры административного воздействия, так и уголовные санкции. Это позволяет обеспечить соблюдение законодательства и минимизировать риски, связанные с незаконным оборотом оружия.

Ключевые слова: административная ответственность; уголовная ответственность; административное правонарушение; гражданское оружие; незаконный оборот оружия; перерегистрация оружия; разрешение на оружие

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE ILLEGAL TRAFFICKING OF CIVILIAN WEAPONS: A COMPREHENSIVE ANALYSIS AND LEGAL ASPECTS

Kamenev M.A.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: within the framework of the legal regulation of arms trafficking, issues of administrative and criminal liability for offenses in this area occupy an important place. An administrative offense related to illegal arms trafficking entails administrative liability provided for by the relevant legislation. Criminal liability, in turn, is applied in the case of more serious violations related to illegal arms trafficking. Effective regulation of arms trafficking requires an integrated approach that includes both administrative measures and criminal sanctions. This makes it possible to ensure compliance with the law and minimize the risks associated with illegal arms trafficking.

Keywords: administrative responsibility; criminal liability; administrative offense; civilian weapons; illegal arms trafficking; re-registration of weapons; weapons permit

Правоотношения, возникающие в сфере оборота гражданского, служебного и боевого стрелково-холодного оружия на территории Российской Федерации, регулируются Федеральным законом от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» [1]. Нарушение установленных норм и правил обращения с оружием влечет за собой привлечение виновных лиц к административной или уголовной ответственности, что соответствует правовым механизмам обеспечения общественной безопасности и правопорядка в данной сфере.

Одним из ключевых правовых инструментов, обеспечивающих соблюдение правового режима оборота гражданского и служебного оружия, а также боеприпасов к нему, являются меры административного принуждения. В частности, важную роль в этом контексте играют меры административной ответственности, предусмотренные ст. 8.37, 20.8, 20.9, 20.10, 20.11, 20.12, 20.14 и 20.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2].

Вопросы привлечения к административной ответственности владельцев огнестрельного оружия представляют собой значимую и многогранную проблематику, которая неоднократно становилась объектом пристального внимания ученых и исследователей. В частности, следует отметить работы таких авторитетных специалистов, как О.С. Гоман и В.И. Сургутсков, которые внесли значительный вклад в изучение данной темы, проанализировав широкий спектр аспектов, связанных с правоприменительной практикой и нормативно-правовым регулированием в данной области [3].

В процессе исследования правоприменительной практики в сфере административной ответственности за правонарушения, связанные с незаконным оборотом гражданского оружия, можно выделить следующие основные категории нарушений, которые требуют детального анализа и систематизации.

Несанкционированное осуществление охотничьей деятельности в период, не предусмотренный нормативными актами об охоте, за исключением случаев допустимого внесезонного промысла, а также применение орудий и методов охоты, не соответствующих установленным регламентам, влечет за собой применение санкций к физическим лицам в виде временного запрета на осуществление охотничьей деятельности сроком от одного до двух лет. Для должностных лиц предусмотрены административные штрафы в размере от 35 000 до 50 000 рублей, а также конфискация орудий охоты или без таковой.

Несоблюдение установленных норм и правил, регламентирующих процедуры хранения, транспортировки и утилизации огнестрельного оружия и боеприпасов физическими лицами, квалифицируется как административное правонарушение. В соответствии с действующим законодательством за такие нарушения предусмотрены штрафные санкции в размере от 500 до 2000 рублей, а также временное ограничение права на приобретение, хранение или ношение оружия сроком от шести месяцев до одного года.

Несоблюдение гражданином регламентированных сроков регистрации оружия, приобретенного на основании лицензий, выданных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, или его территориальным подразделением, а также несоблюдение сроков продления (перерегистрации) разрешений (открытых лицензий) на его хранение и ношение либо сроков постановки оружия на учет в указанном федеральном органе или его территориальном органе в случае изменения гражданином постоянного места жительства влечет за собой административное наказание в виде предупреждения или наложения штрафа в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей.

Стрельба из оружия в пределах населенных пунктов или в иных местах, не предназначенных для этого, квалифицируется как административное правонарушение и влечет за собой применение штрафных санкций в размере от 40 000 до 50 000 рублей. В дополнение к денежному взысканию осуществляется конфискация оружия и боеприпасов к нему. Возможно лишение права на приобретение, хранение или ношение оружия на срок от восемнадцати месяцев до трех лет, также с конфискацией вышеупомянутых предметов.

Административная ответственность, являясь одной из центральных форм административного принуждения, представляет собой сложную и многокомпонентную правовую кон-

струкцию, ориентированную на регламентацию общественных отношений, связанных с оборотом гражданского оружия. Данный институт играет ключевую роль в системе государственного контроля и правового регулирования, выступая в качестве значимого инструмента обеспечения правопорядка и общественной безопасности. В свою очередь, это способствует формированию необходимых условий для эффективной профилактики уголовно наказуемых деяний, что приобретает стратегическое значение в контексте обеспечения национальной безопасности и суверенитета государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 51. – Ст. 5681.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
3. Гоман О.С., Сургутсков В.И. Административная ответственность за незаконный оборот гражданского оружия // Научный портал МВД России. – 2021. – № 2 (54). – С. 101–108.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДОПИНГА В СПОРТЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

Кардава А.Т.;
Богмацера Э.В.,

кандидат юридических наук, доцент
(Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Аннотация: в статье представлены результаты комплексного анализа международных нормативных правовых актов, направленных на борьбу с применением допинга в спорте. Проанализированы правовые дефиниции и практика различных стран, выявлены характерные черты и тенденции современного антидопингового законодательства. Основное внимание уделено сущности понятия «допинг», составляющим элементам профилактики и механизмов пресечения его употребления спортсменами. Формулируется обобщенное представление о спортивно-допинговом средстве, учитывающее опыт зарубежных государств и перспективы российского законодательства.

Ключевые слова: допинг; спортивно-допинговое средство; спортивное право; антидопинговое законодательство

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF DOPING IN SPORTS IN FOREIGN LEGAL SYSTEMS

Kardava A.T.;
Bogmatsera E.V.,

Candidate of Law, Associate Professor
(Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation)

Abstract: the article presents the results of a comprehensive analysis of international regulatory legal acts aimed at combating the use of doping in sports. The legal definitions and practices of

various countries are analyzed, the characteristic features and trends of modern anti-doping legislation are revealed. The main attention is paid to the essence of the concept of "doping", the constituent elements of prevention and mechanisms of suppression of its use by athletes. A generalized idea of a sports doping drug is formulated, taking into account the experience of foreign countries and the prospects of Russian legislation.

Keywords: doping; sports doping agent; sports law; anti-doping legislation

Отталкиваясь от необходимости изучения особенностей теоретического содержания, которое содержит в себе термин «спортивно-допинговое средство», нами проанализированы различные нормативные правовые акты и изучены существующие подходы к определению данного термина с точки зрения национального права. Приведем некоторые конкретные примеры.

Отталкиваясь от содержания п. 1 параграфа 2 Закона Австрийской Республики, принятого 29 июня 2007 года (последняя редакция 14 июня 2018 года), «О противодействии допингу в спорте», мы имеем возможность определить, что законодательство этого государства толкует рассматриваемую нами дефиницию как «средство, влияющее на спортивные результаты, имеющее возможность искусственно их завышать, тем самым противореча принципам справедливости и объективности во время спортивных соревнований, также неся в себе потенциальную угрозу здоровью и жизни спортсмена» [3].

Беря во внимание третью статью Закона Королевства Марокко от 21 июня 2014 г. № 3/2014 (последняя редакция 18 февраля 2017 года) «О борьбе против допинга в спорте» [8], можно заключить, что основные постулаты данного нормативного правового акта и всего антидопингового законодательства всецело направлены на предотвращение использования допинговых средств как субстанции, искусственного завышающей физические способности спортсмена, в связи со стремлением сохранять и поддерживать этические соображения в спортивных соревнованиях и обеспечивать честность, объективность и справедливость результатов. Во многом сохранять ценности, которые закладываются в спортивные состязания.

Вновь возвращаясь к европейской практике нормотворчества, мы проанализировали органический закон Королевства Испании от 30 августа 2017 г. № 98-13 «Об охране здоровья спортсмена и борьбе против допинга в спортивной деятельности» [11]. Данный документ выражает не только представления и отношения законодателей, но и определяет весь посыл государственной политики в области обеспечения честных и объективных спортивных соревнований и состязаний. Таким образом, данный органический закон дает толкование, что «допинг в спорте – это бедствие, которое затрагивает различные стороны национального и международного права, создающего все условия и прописывающего необходимость для их охраны. Также допинг создает угрозу для таких прав, как здоровье спортсменов, честная игра и этические аспекты спортивных состязаний». Особое внимание вызывает и статья № 3 данного закона, согласно которой определяется, что «охрану здоровья в области спорта можно рассматривать в виде определенного комплекса государственных мер, которые осуществляют государственные компетентные органы путем поощрения, дозволения или запрета определенных действий или поступков для создания благоприятной основы и атмосферы для полноценного занятия спортом, а также минимизации возможности нанесения вреда здоровью спортсмена».

В соответствии со ст. № 12-Б Закона Федеративной Республики Бразилии № 8.714, принятого 24 марта 1999 г. (последняя редакция 10 октября 2013 г.), «Об общих правилах и нормах в спортивной деятельности» [5] государство определяет цель национального антидопингового контроля, которая выражается в том, что власть в лице государства берет на себя все необходимые обязательства по обеспечению честности в спортивных соревнованиях, организацию мероприятий и соревнований, в которых спортсмены и организации могут принимать участие без применения запрещенных веществ и субстанций, тем самым предпринимая попытки, создавая общие усилия для сохранения здоровья спортсменов и обеспечивая принцип равенства между всеми участниками.

Остановливаясь на особенностях нормотворчества латиноамериканских государств, приведем в качестве примера еще один нормативный правовой акт. Так, согласно п. «с» ст. 4 и п. «в» ст. 9 Закона № 27.913 Аргентинской Республики от 13 ноября 2014 года «О системе правового регулирования предупреждения и контроля допинга в спорте» [4] выявление факта присутствия в биологических пробах спортсмена каких-либо запрещенных веществ и субстанций, а также метаболитов или маркеров определяется как факт нарушения национальных и антидопинговых правил и создает условия для дисквалификации участника спортивных соревнований вне зависимости от целей использования данных веществ, будь то намеренное или халатное использование.

Согласно Закону Италии от 14.12.2000 № 376 «Об охране здоровья в сфере спортивной деятельности и о борьбе с употреблением допинга» [7] «допинг – это введение или прием лекарств или биологически или фармакологически активных веществ, а также принятие или подчинение медицинской практике, не оправданной патологическими состояниями организма и пригодной для изменения психофизических или биологических состояний организма, с целью изменения спортивных результатов спортсменов». Для целей рассматриваемого закона введение лекарств или биологически или фармакологически активных веществ и принятие медицинской практики, не оправданной патологическими состояниями организма, окончательно оформленной и в любом случае пригодной для изменения результатов контроля за использованием лекарств, считаются эквивалентными допинговым веществам и практикам, указанным в п. 2 (пп. 2 и 3 ст. 1).

Еще один пример правового акта был взят нами из антидопингового законодательства одного из государств, находящегося в Центральной Европе. В частности, особый интерес и внимание вызывало постановление Кабинета Министров Венгрии № 42/2012 от 23 февраля 2012 г. «Об антидопинговых правилах» [12]. Высший венгерский орган исполнительной власти централизованно определил, что под термином «допинг» можно принимать препарат или вещество фармацевтического происхождения, а также прочие физические и иные соединения, которые способны искусственно усиливать физическую способность спортсменов и ускорять метаболизм в их организме, тем самым противореча и нарушая международные нормы антидопингового законодательства.

Одной из задач данной исследовательской работы было изучение нормотворческой практики различных государств для более объективного и глубокого анализа основных положений и аспектов нашего исследования. Во исполнение данного факта нами также был проанализирован Закон Австралийского Союза № 7 «О борьбе с допингом в спорте» [2], принятый парламентом страны 9 февраля 2006 года. В частности, особое внимание было уделено ст. 4 данного нормативного правового акта, так как в нем содержались положения, раскрывающие сущность национального антидопингового законодательства. Таким образом, на основе австралийского закона под допингом понимается следующее:

- осознанное или умышленное манипулирование или подмена любой биологической жидкости человека, живой или мертвой ткани человека, любого объема человеческого выдоха, которое способно скрыть употребление запрещенных веществ любым заинтересованным лицом, а также скрыть факт употребления веществ, запрещенных Всемирным и национальным антидопинговым кодексами;

- под допинговым препаратом следует принимать любое вещество природного или фармацевтического происхождения, запрещенное содержанием Всемирного или национального антидопингового кодекса.

Также хотелось бы привести пример коллективного нормотворчества в сфере определения теоретического и практического содержания рассматриваемой нами дефиниции «допинг». Для этого обратимся к протоколу заседания Совета Европы от 9 ноября 1963 г. № 7 [1], который состоялся на территории Франции, в городе Страсбург.

Европейские парламентарии заключили, что допинг – это физическое введение в организм здорового человека или применение им несвойственного человеческому организму вещества или физиологической субстанции в неестественных объемах или неестественным

способом с ключевой целью искусственного и бесчестного увеличения спортивной производительности человека на спортивном соревновании.

В качестве теоретического материала для изучения существующих детерминантов превенции и пресечения использования спортивно-допинговых средств нами были отобраны и проанализированы нормативные-правовые акты 33 зарубежных государств. Для рассмотрения брались профильные законы в их последние редакции, которые имели профессиональный русскоязычный перевод. Для удобства изучения и для выявления черт сходства и различия рассматриваемые нами документы группировали по географическому признаку, то есть в группы объединялись законы государств, расположенных в одной части света. Перечислим их:

Нормативные правовые акты стран европейского макрорегиона:

1. Австрия – Закон Австрии от 29.06.2007 (ред. 14.06.2018) «О борьбе с допингом в спорте» [3].
2. Болгария – Закон Болгарии от 18.10.2018 «О физкультурном воспитании и спорте» [9].
3. Венгрия – постановление Правительства Венгрии от 23.03.2011 № 43/2011 (III. 23) (ред. 27.12.2016) «Об антидопинговых правилах» [12].
4. Германия – Закон Германии от 10.12.2015 (ред. 13.04.2017) «О борьбе с допингом в спорте» [10].
5. Дания – приказ Министерства культуры Дании от 17.12.2018 № 1582 «О продвижении честности в спорте» [13].
6. Ирландия – Закон Ирландии от 13.05.2015 № 15 (ред. 28.04.2019) «Об организации «Ирландский спорт» [6].

Всесторонний анализ перечисленных нормативных правовых актов зарубежных государств дает нам основание сделать вывод и сконструировать более удобное, лаконичное и объективное определение такого термина, как спортивно-допинговое средство. Такое понятие должно включать в себя следующие аспекты:

1. Умышленное ориентирование на получение нечестных или несправедливых преимуществ во время спортивных соревнований или состязаний.
2. Достижение более высоких спортивных показателей и критериев путем осознанного и умышленного модифицирования физических способностей и выносливости организма путем воздействия на него различными веществами и субстанциями, имеющими природное или фармацевтическое происхождение.
3. Достижение более высоких спортивных показателей и критериев в виде купирования, снятия или устранения ряда психологических барьеров, которые возникают в психосоматическом здоровье спортсмена.

Таким образом, согласно проведенному административно-правовому научному исследованию основополагающей дефиниции в рамках поднятого в статье вопроса под допинговым средством можно понимать искусственно созданную или имеющую природное происхождение субстанцию или вещество, способные оказывать воздействие на физические способности организма, а именно искусственно повышать его физические или физиологические способности, также параллельно воздействуя на психологические аспекты спортсмена, комплексно приводя к получению искусственного преимущества одного спортсмена над другими участниками спортивных соревнований и тем самым недобросовестному изменению результатов спортивных соревнований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Dopagedanslesport 1963 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.medicosport.eu/fr/dopage-dans-le-sport.html> (дата обращения: 22.10.2025).
2. Закон Австралии от 09.02.2006 № 7 «О борьбе с допингом в спорте» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.legislation.gov.au/Details/> (дата обращения: 21.10.2025).
3. Закон Австрийской Республики от 29.06.2007 (в ред. 14.06.2008) «О борьбе с допингом в спорте» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ris.bka>. (дата обращения: 15.10.2025).

4. Закон Аргентинской Республики от 13.11.2014 № 27.913 «О системе правового регулирования предупреждения и контроля допинга в спорте» [Электронный ресурс]. – URL: <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet.htm> (дата обращения: 18.10.2025).
5. Закон Бразилии от 24.03.1999 № 8.714 (в редакции 10.10.2013) «Об общих правилах и нормах в спортивной деятельности» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/I9615consol.htm (дата обращения: 15.10.2025).
6. Закон Ирландии от 13.05.2015 № 15 (ред. 28.04.2019) «Об организации «Ирландский спорт» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2015/act/15/.html> (дата обращения: 14.10.2025).
7. Закон Италии от 14.12.2000 № 376 «Об охране здоровья в сфере спортивной деятельности и о борьбе с употреблением допинга» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.camera.it/parlam/leggi/00376I.htm> (дата обращения: 18.10.2025).
8. Закон Марокко от 21.06.2014 № 3/2014 «О борьбе против допинга в спорте» [Электронный ресурс]. – URL: <http://adala.justice.gov.ma> (дата обращения: 15.10.2025).
9. Закон Республики Болгария от 18.10.2018 «О физкультурном воспитании и спорте» [Электронный ресурс]. – URL: <http://mpes.government.bg/> (дата обращения: 14.10.2025).
10. Закон Федеративной Республики Германии от 10.12.2015 (ред. 13.04.2017) «О борьбе с допингом в спорте» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/antidopg/html> (дата обращения: 14.10.2025).
11. Органический закон Испании от 30.08.2017 № 98-13 «Об охране здоровья спортсмена и борьбе против допинга в спортивной деятельности» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.boe.es/eli/es/lo/> (дата обращения: 15.10.2025).
12. Постановление Правительства Венгрии от 23.02.2012 № 42/2012 «Об антидопинговых правилах» [Электронный ресурс]. – URL: http://hjt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid (дата обращения: 19.10.2025).
13. Приказ Министерства культуры Дании от 07.10.2015 № 1168 «О продвижении честности в спорте» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.retsinformation.dk/Forms/> (дата обращения: 14.10.2025).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОПАГАНДУ НЕТРАДИЦИОННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И (ИЛИ) ПРЕДПОЧТЕНИЙ, СМЕНЫ ПОЛА

Ковалева В.А.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена исследованию административно-деликтного состава, регламентированного статьей 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В фокусе внимания автора находится сложная правовая природа данного правонарушения, затрагивающего одновременно сферы охраны нравственного здоровья общества, психического развития несовершеннолетних и информационной безопасности. Особое значение придается анализу проблемы многоплановости объекта противоправного посягательства. В заключительной части отмечается, что из-за недавнего обновления законодательной конструкции (2022 г.) к настоящему моменту не накоплен достаточный массив судебных решений, что порождает правоприменительную неопределенность и формирует значимую исследовательскую проблему.

Ключевые слова: административная ответственность; пропаганда; нетрадиционные сексуальные отношения; общественная нравственность; административное правонарушение

GENERAL CHARACTERISTICS OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR PROPAGANDA OF NON-TRADITIONAL SEXUAL RELATIONS AND (OR) PREFERENCES, SEX CHANGE

Kovaleva V.A.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to the study of administrative and tort composition regulated by art. 6.21 of the Administrative Code of the Russian Federation. The author focuses on the complex legal nature of this offense, which simultaneously affects the areas of protecting the moral health of society, the mental development of minors, and information security. Particular importance is attached to the analysis of the problem of the multidimensional nature of the object of unlawful encroachment. In the final part, it is noted that due to the recent update of the legislative framework (2022), a sufficient array of court decisions has not been accumulated to date, which creates law enforcement uncertainty and forms a significant research problem.

Keywords: administrative responsibility; propaganda; non-traditional sexual relations; public morality; administrative offense

Информационная деятельность, направленная на популяризацию однополых отношений или идеологии смены пола, квалифицируется как общественно опасное деяние. Его деструктивный потенциал проявляется в подрыве основ общественной нравственности, угрозе психическому здоровью граждан и целенаправленном отрицании исторически сложившейся системы духовных и культурных координат Российского государства.

Эпоха глобальных изменений характеризуется трансформацией не только международных отношений, но и самих оснований человеческого бытия – базовых представлений о морали и этике. Достигнув невиданных высот в развитии технологий и экономики, мировое сообщество одновременно переживает глубокий ценностный кризис, выраженный в эрозии традиционных мировоззренческих и нравственных устоев [4].

Ключевым институтом, обеспечивающим системный ответ на обозначенную проблему в сфере общественной нравственности, традиционно остаются органы внутренних дел. В рамках своих полномочий полиция осуществляет комплекс мер, направленных на обнаружение, превенцию и нейтрализацию подобных нарушений закона.

Тщательное исследование правовой конструкции деликта, связанного с распространением пропаганды нетрадиционной сексуальной ориентации и смены гендерной идентичности, представляет значительный интерес для правовой доктрины и судебно-следственной деятельности. Полученные выводы являются фундаментом для адекватного применения правовых норм и точного определения состава правонарушения в процессе квалификации.

С 2013 по 2022 г. в нашей стране действовал запрет на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Указанный запрет положил начало формированию комплекса новелл, ужесточающих административную ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений.

В конце 2022 г. в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) были внесены изменения в части ужесточения наказания за нарушение запрета такой пропаганды. Видоизменилось название ст. 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола»; добавлены два новых состава, устанавливающие запрет на пропаганду педофилии (ст. 6.21.1) и запрет на распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол (ст. 6.21.2).

Состав административного правонарушения уникален своей многообъектностью: 1) видовым объектом выступают общественные отношения в сфере общественной нравственности, обуславливаемые правом личности на сохранение духовно-нравственного здоро-

вья; 2) в качестве непосредственного объекта пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола выступают общественные отношения в области формирования и развития здоровых сексуальных отношений, обусловливаемые правом личности на благоприятную информационную среду; 3) факультативный непосредственный объект определяется общественными отношениями в области защиты семьи, прав и законных интересов несовершеннолетних.

К числу обязательных признаков объективной стороны, позволяющих квалифицировать деяние как административное правонарушение, относится общественное место, а обязательным признаком субъективной стороны является цель деяния, характеризующая умысел лица на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола.

Анализ механизмов административно-правового принуждения представляет собой значимое направление в российской юридической науке.

Правовая система России не устанавливает запретов на индивидуальный выбор сексуальной идентичности. Ограничительные меры применяются сугубо к публичной популяризации нетрадиционных моделей поведения, включая смену пола. Данный законодательный подход мотивирован задачами охраны психического благополучия граждан, содействия духовно-нравственному становлению подростков и преемственности культурно-исторических традиций общества.

В качестве санкций за пропаганду нетрадиционных отношений и (или) предпочтений, смены пола предусмотрены следующие виды административных наказаний: административный штраф, административный арест, административное приостановление деятельности, административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства.

Говорить об эффективности какого-то отдельного вида наказания не представляется возможным, так как нельзя дать им объективную оценку в связи с присутствием в практике привлечения к административной ответственности по ст. 6.21 КоАП РФ в основном только назначения наказания в виде административного штрафа [2].

Массив судебных актов по делам о привлечении к административной ответственности за публичную популяризацию нетрадиционной сексуальной ориентации и трансгендерности в настоящее время является ограниченным. Данная ситуация обусловлена кратким сроком действия последних законодательных новелл. Вместе с тем экстраполяция данных судебной статистики по предыдущему составу правонарушения (пропаганда среди несовершеннолетних) позволяет сделать прогноз об увеличении количества решений о взыскании административных штрафов по обновленной норме права.

Таким образом, регулирование правового статуса ЛГБТ-сообщества остается высокоактуальной проблемой для современного российского правового порядка, где традиционная семейная модель рассматривается как стратегический приоритет внутренней политики. Реализация противоправных действий в данной сфере причиняет ущерб комплексу охраняемых законом общественных отношений, включающих: 1) устои общественной морали; 2) конституционные гарантии защиты семьи; 3) обеспечение прав ребенка; 4) публичные интересы в области охраны здоровья; 5) поддержание санитарно-эпидемиологического благосостояния общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кононов П.И. История, проблемы и перспективы модернизации института административной ответственности в России: к двадцатилетию принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Правосудие. – 2021. – Т. 3, № 4. – С. 140–166.

2. Мирошниченко А.В. Административный штраф за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола: перспективы применения // Закон и право. – 2023. – № 5. – С. 95–97.

3. Мирошниченко А.В. Обоснованность ограничений прав и свобод лиц нетрадиционной сексуальной ориентации / Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Омск, 2022. С. 144–146.

4. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

МЕТОДЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗАМ НАРУШЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ковалева Е.Г.,

кандидат технических наук;

Борисенко А.В.,

кандидат физико-математических наук;

Акапьев В.Л.,

кандидат педагогических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: современный этап развития общества предопределяет значимую роль цифрового права. При этом наметившийся в последние годы прогресс в информационной сфере предоставляет новые возможности по злоупотреблению IT-технологиями и совершению новых видов преступлений, направленных против информационных ресурсов. Информационные преступления в настоящее время вышли на новый уровень, они являются проблемой мирового масштаба. Для осуществления противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации в том числе необходимо совершенствовать правовой аспект реализуемых мер по предупреждению и пресечению преступлений в данной сфере.

Ключевые слова: цифровое право; киберпреступность; информационные преступления; современные угрозы; информационная безопасность

METHODS OF PREVENTING AND COUNTERING THREATS TO INFORMATION SECURITY

Kovaleva E.G.,

Candidate of Technical Sciences;

Borisenko A.V.,

Candidate of Physical and Mathematical Sciences;

Akapyev V.L.,

Candidate of Pedagogical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the current stage of societal development predetermines the significant role of digital law. At the same time, the progress in the information sphere that has emerged in recent years has created new opportunities for the abuse of IT-technologies and the commission of new types of crimes against information resources. Cybercrimes have reached a new level, becoming a global problem. To combat cybercrime, it is necessary, among other things, to improve the legal aspects of current measures to prevent and combat crimes in this area.

Keywords: digital law; cybercrime; information crimes; modern threats; information security

В настоящий момент развитие социально-экономической сферы немыслимо без активного использования информационных и телекоммуникационных технологий. Согласно данным, приведенным на официальных ресурсах МВД России, количество киберпреступлений неуклонно растет [1]. Киберпреступность – это не просто проблема отдельно взятого государства, постепенно она приобретает транснациональный характер [2].

Целью работы является комплексное изучение методов предупреждения и противодействия нарушениям в сфере компьютерной информации. Исходя из поставленной цели, можно выделить следующие задачи:

- классификация нарушений в сфере компьютерной информации;
- анализ динамики развития нарушений в сфере компьютерной информации;
- выявление проблемных вопросов по предупреждению и противодействию нарушениям в сфере компьютерной информации;
- определение основных тенденций развития IT-технологий по борьбе с нарушениями в сфере компьютерной информации.

Стоит отметить, что с распространением нарушений в рассматриваемой сфере совершенствуются и способы их предупреждения и противодействия [3; 4]. Органами внутренних дел применяются новые технологии (OSINT и т.д.), программные продукты «Демон Лапласа», «Крибрум» и т.д.), другие средства и методы борьбы (см. рис. 1).

Рисунок 1. Методы сбора данных OSINT

Помимо этого, проводится подготовка и переподготовка кадров, целью которой является обеспечение сотрудников необходимыми знаниями для борьбы с преступлениями и нарушениями информационной направленности. Таким образом, борьба с нарушениями информационной направленности должна иметь комплексный характер, включая меры по своевременному устранению и профилактике данных нарушений.

Киберпреступность является следствием глобализации информационных процессов, которые происходят в обществе. По мере внедрения в повседневную жизнь информационных технологий, которые предлагает информационное сообщество, растет количество киберпреступников, которые стремятся найти пути и методы совершения компьютерных преступлений. Все чаще происходит совершение таких противоправных действий, как хищение биткойнов и предметов из компьютерных игр, дистанционное мошенничество и другие нарушения информационной безопасности. Активно обсуждается необходимость совершенствования методов предупреждения и противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации. Более того, существует множество дискуссий по проблемным вопросам в данной сфере. Использование информационно-телекоммуникационных технологий при совершении преступных деяний в настоящий период остается серьезным вызовом для правоохранительных и законодательных органов.

Киберпреступления можно классифицировать следующим образом: кардинг, крекинг, спаминг, фишинг, фарминг, нюкинг, хакинг. Исходя из этого стоит сказать, что классифика-

ций преступлений по рассматриваемой направленности бесчисленное множество, но нами приведены нарушения, которые чаще всего встречаются на практике в данный момент.

Таким образом, нами рассмотрена классификация нарушений, направленных против информационных ресурсов. Также необходимо рассмотреть их общие признаки:

1. Нарушения носят латентный характер.
2. Нарушения носят дистанционный характер, т.е. совершаются удаленно от объекта преступного посягательства.
3. Нарушения носят трансграничный характер и являются весьма опасными для общества, так как наносят огромный финансовый ущерб гражданам и организациям, а также государству при минимальном риске для злоумышленника.
4. Нарушения чаще всего связаны с организованной преступностью.

Стоит отметить, что Кодификатор Интерпола включает в себя более 30 общественно опасных деяний, которые подразделяются на следующие группы: QA, QAN, QAI, QAT, QDL, QDT, QDZ и другие. Классификация зависит от автоматизации преступных деяний, анонимности деяний, сложности раскрываемости данного вида преступлений, взаимодействия различных преступных сообществ, высоких доходов от преступной деятельности. Помимо этого, преступления в рассматриваемой сфере классифицированы в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации. Таким образом, в работе рассмотрены виды нарушений, совершаемые в информационной сфере, а также их признаки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф>.
2. Польшман Д.А. Кибербезопасность в цифровой экономике / Инновации молодежной науки: тезисы докладов Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием, Санкт-Петербург, 24–28 апреля 2023 г. – Санкт-Петербург, 2023. С. 452–454.
3. Борисенко А.В. Человеческий фактор в системе кибербезопасности / Проблемы информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов: сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 19 мая 2023 г. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2023. С. 27–31.
4. Официальный сайт компании «Лаборатория Касперского» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kaspersky.ru>.

ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Козырева М.К.,

кандидат филологических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье представлена методическая разработка занятия по английскому языку для студентов, цель которого – формирование коммуникативной компетенции, освоение знаний о спортивной игре «лакросс» и развитие навыков аудирования, чтения, письма и говорения. Занятие включает в себя задания на аудирование, работу с текстом и развитие монологической речи. Особое внимание уделяется личностно ориентированному подходу, который предполагает учет индивидуальных особенностей и потребностей каждого студента.

Методическая разработка предлагает комплекс заданий для активизации фонетических и лексических навыков, развития логического мышления, зрительной и слуховой памяти, внимания и языковой памяти обучающихся. Занятие разработано для изучающих английский язык на среднем уровне и включает в себя фронтальную, индивидуальную, парную и групповую формы работы.

Ключевые слова: иностранный язык; методическая разработка; личностно ориентированный подход; коммуникативные навыки; лакросс

PERSONALITY-ORIENTED APPROACH TO FOREIGN LANGUAGE TEACHING: GUIDANCE PAPER

Kozyreva M.K.,

Candidate of Philological Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article presents a guidance paper of an English language lesson for students, the purpose of which is to develop communicative competence, acquire knowledge about the sport lacrosse, and develop listening, reading, writing, and speaking skills. The lesson includes listening tasks, text work, and the development of monologue speech. Particular attention is paid to a personality-oriented approach, which takes into account the individual characteristics and needs of each student.

The methodological development offers a set of tasks to activate phonetic and lexical skills, develop logical thinking, visual and auditory memory, attention, and linguistic memory of students. The lesson is designed for intermediate English learners and includes face-to-face, individual, paired and group work.

Keywords: foreign language; guidance paper; personality-oriented approach; communication skills; lacrosse

В работе с одаренными обучающимися особое внимание уделяется личностно ориентированному подходу, который предполагает учет индивидуальных особенностей, интересов и потребностей каждого студента. Данный подход способствует созданию условий для успешного овладения учебным материалом, развития коммуникативных навыков и мотивации к активной познавательной деятельности [1].

В данной работе представлена методическая разработка внеурочного занятия по английскому языку для студентов, направленного на формирование коммуникативной компетенции, освоение знаний о спортивной игре «лакросс» и развитие навыков аудирования, чтения, письма и говорения.

Цель занятия:

1. Создание условий для формирования коммуникативной компетенции обучающихся.
2. Усвоение обучающимися основных знаний о спортивной игре «лакросс» с последующим использованием их в устной и письменной речи.
3. Развитие навыков аудирования, чтения, письма и говорения.

Задачи:

Обучающие:

1. Активизация фонетических и лексических навыков по теме «Time to play».
2. Организация самостоятельного монологического высказывания по теме.
3. Развитие навыков чтения с извлечением информации.

Развивающие:

1. Развитие логического мышления, зрительной и слуховой памяти.
2. Развитие внимания и языковой памяти обучающихся.

Воспитательные:

1. Повышение интереса к изучению английского языка.
2. Воспитание культуры языкового общения, уважительного отношения друг к другу.
3. Воспитание основ здорового образа жизни, интереса к спорту и спортивным играм.

Методы и приемы обучения:**1. Методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности:**

- словесные, наглядные и практические методы;
- репродуктивные, объяснительно-иллюстративные, поисковые, исследовательские и проблемные методы.

2. Методы контроля за эффективностью учебно-познавательной деятельности:

- устные и письменные проверки и самопроверки результативности освоения знаний, умений и навыков;

3. Методы стимулирования учебно-познавательной деятельности:

- методы поощрения, направленные на формирование мотивации, чувства ответственности и интереса к изучаемому материалу.

4. Метод развития критического мышления через чтение и письмо (применение данного метода способствует развитию аналитических навыков, умения анализировать информацию и делать выводы) [2].

Формы взаимодействия с обучающимися:**1. Фронтальная форма работы:**

- используется для объяснения нового материала, проведения обсуждений и дискуссий.

2. Индивидуальная форма работы:

- позволяет учитывать индивидуальные особенности и потребности каждого студента, а также развивать его самостоятельность.

3. Парная и групповая формы работы:

- способствуют развитию навыков сотрудничества, коммуникативных навыков и умения работать в команде [2].

План занятия

Занятие разделено на три основные части, в которых акцент делается на аудировании, письме и говорении. Вы можете решить не использовать все задания, но занятие построено таким образом, что каждый шаг плавно переходит в следующий; в частности, в конце заданий по аудированию студенты подготавливают информацию, которую они могут использовать в задании на письмо.

Занятие разработано для изучающих английский язык на среднем уровне.

Part I: “I Love Lacrosse” (Listening)

Цель: ознакомить студентов с особенностями лакросса и помочь им успешно выполнить упражнения по аудированию.

Оборудование: доска; текст для аудирования (предоставляется); изображение клюшки для лакросса (при наличии); копии задания на заполнение пропусков по одной на обучающегося или пару.

Задание 1: Pre-listening (5 minutes)

Цель: активизировать имеющиеся у студентов знания о лакроссе и подготовить их к аудированию.

1. Show a picture of a lacrosse stick or draw one on the board to the best of your ability.
2. Ask students: “*What do you think this is?*” If they don’t know, ask them to use their imagination:

- What do you think this is used for?
- Does it look like any other object you’re familiar with?
- It’s a piece of sports equipment. Can you guess which sport?

If the students haven’t guessed, tell them that the object is a lacrosse stick.

Point to the net at the end of the stick and elicit the word *ne*. Then tell them that they will be learning about the sport of lacrosse. Ask them about their knowledge of and experience with lacrosse:

- Have you ever seen lacrosse?
- Have you ever played lacrosse?
- Is lacrosse similar to any sports played in our/your country?

Задание 2: While-listening (10 minutes)

Цель: выслушать основные идеи текста, а затем получить более подробную информацию.

1. Запишите эти вопросы на доске:

- *How does the speaker feel about lacrosse?*
- *Who first played lacrosse?*
- *Is lacrosse fast or slow?*

2. Прочитайте текст ниже. Попросите учеников записать свои ответы на приведенные выше вопросы. Затем попросите учеников сравнить свои ответы с ответами своего партнера. После этого попросите всех учеников ответить.

I love lacrosse. I started playing lacrosse when I was ten. I was in fifth grade, and we learned to play lacrosse in gym class. I am from New York State, where many Native Americans once lived. Lacrosse was first played by Native Americans in our area. I like lacrosse for a lot of reasons. First, it's fast – we run up and down the field, trying to throw and catch the ball with our lacrosse sticks. Second, I like being part of a team. I have to work with my friends to play lacrosse because we have to keep passing the ball back and forth. And finally, I am good at using the net at the end of my lacrosse stick to throw and catch. I often score points by throwing the ball into the goal with my stick. Sometimes things get a little rough, but most of the time we have fun and no one gets hurt [3].

3. Запишите следующие вопросы на доске:

- *Where is the speaker from?*
- *What are the three reasons that the speaker likes lacrosse?*
- *How do players score points in lacrosse?*

4. Прочитайте текст еще раз. Предоставьте студентам несколько минут, чтобы записать ответы на вопросы. Затем попросите обучающихся сравнить свои ответы с ответами своего партнера.

Part II: The Elements of a Paragraph (Writing)

Цель: сформировать навыки написания коротких сообщений.

Оборудование: доска; раздаточный материал.

Задание 3: The Title (15 minutes)

Цель: обдумать и попрактиковаться в создании названий.

1. Объясните, почему название содержит в себе что-то интересное, но не раскрывает смысл всего текста. Название мотивирует читателя, повышая его любознательность. Попросите студентов вспомнить названия фильмов, которые они видели, песен, которые они слышали, или книг, которые они прочитали.

2. Напишите следующие заголовки на доске:

- A. *Native Americans Created Lacrosse*
- B. *A Game That I Love*
- C. *The Rules of Lacrosse*

Have students reread the paragraph from the listening activity. Ask which of the following would be the best title. Make sure students explain the reasons for their choices. (Of these three choices, B is the best title. Choice A mentions only one detail from the paragraph, while C is not relevant because the paragraph is not about the rules).

3. Раздайте следующую информацию обучающимся. Предложите им поработать в парах или группах, чтобы придумать интересный заголовок для текста.

Even though lacrosse is popular in both Canada and the United States, there are differences in the game. The rules are basically the same, but one main difference is the place where the game is

played. Canadian lacrosse is played indoors because of the very cold climate in many parts of the country. In addition, it is played in an arena shaped like a rectangle, and for this reason Canadians call the sport "box lacrosse". On the other hand, American lacrosse is usually played outdoors on athletic fields. That is probably because the weather in the United States is milder than the weather in Canada. Americans simply call the sport "lacrosse". Whether you are in Canada or the United States, lacrosse is fun to watch or play anywhere and in any climate [4].

(Title suggestions might be "One Game, Two Countries," "A Game with Two Names," and so on. Many other choices are possible!)

Задание 4: The Topic Sentence (15 minutes)

Цель: ознакомить студентов с функцией и характеристиками вводных предложений.

1. Объясните, что хорошее вводное предложение не должно быть слишком общим или слишком конкретным, оно не должно быть просто констатацией факта. Следует обсудить, что вводное предложение должно иметь тему и основную идею (иногда называемую главной идеей). Напишите на доске следующие примеры:

A. *Three sports played at our school are soccer, tennis and lacrosse.*

B. *Lacrosse is a great game for three reasons.*

Show students that both of these topic sentences have a topic and a controlling idea. In A, the topic is "three sports played at our school," and the controlling idea is "soccer, tennis, and lacrosse"; therefore, the following sentences in the paragraph will give details about these sports. In B, the topic is "lacrosse," and the controlling idea is "a great game for three reasons"; therefore, the following sentences will list and explain the three reasons.

2. Запишите следующие предложения на доске:

A. *A lacrosse stick is more than one meter long.*

B. *Lacrosse is a sport that requires skill, speed and strength.*

C. *Lacrosse players often have to push their opponents out of the way.*

Ask students which would make the best topic sentence.

(Sentence B is the best topic sentence because it includes the topic – lacrosse – and a main idea that could be developed into separate Supporting sentences. Ask your students what they think about sentences A and C. Note that A is just a fact about a piece of equipment and that C is rather narrow; it would be difficult to develop this idea into an interesting paragraph with good supporting sentences.)

3. Предложите ученикам поработать в парах – попросите их составить небольшой текст о своем любимом виде спорта, объяснив, почему он им нравится или почему он популярен. Описание необходимо начать с написания вводного предложения. Когда они закончат, оцените некоторые из вариантов вводных предложений вместе со всем классом:

Is the topic clear? And does the sentence include a controlling idea?

Задание 5: Supporting Sentences (15 minutes)

Цель: ознакомить студентов с функциями и характеристиками вспомогательных предложений.

1. Объясните ученикам, что теперь им нужно написать подтверждающие предложения. Попросите их перечитать информацию о лакроссе (текст о Канаде/США и текст из задания на аудирование). В каждом тексте есть три подтверждающие идеи. Попросите обучающихся определить, что это за три идеи в каждом тексте.

(In the Canada/United States paragraph, the three differences are where the sport is played, the shape of the arena, and what the sport is called. In the paragraph from the listening activity, the three reasons are that lacrosse is fast, it is played by a team, and the writer is good at using the net in the lacrosse stick.)

2. Теперь обучающимся следует составить подтверждающие предложения. Пусть они посмотрят на свои вводные предложения. Студентам необходимо написать как минимум три предложения, подтверждающие их вводное предложение.

Задание 6: Concluding Sentence (20 minutes)

Цель: ознакомить обучающихся с функцией и характеристиками заключительных предложений.

1. Объясните, что последнее предложение в тексте часто является заключительным. Используя текст о различиях между американским и канадским лакроссом, попросите студентов выделить заключительное предложение и обсудить в парах, является ли это предложение повторением тематического предложения, кратким изложением наиболее важной информации в тексте, комментарием по теме или призывом к действию, которое необходимо предпринять. (They should tell you that it contains a restatement of the topic sentence and a comment about the sport.)

2. Попросите каждого студента написать заключительное предложение для своего текста. Напомните им, чтобы они не повторяли тематическое предложение, которое было первым.

3. Когда обучающиеся закончат составлять заключительные предложения, попросите их написать название для получившегося текста.

4. Далее студенты могут либо разместить тексты на стенде, либо обменяться ими. Попросите нескольких обучающихся прочитать тексты. Остальные студенты должны ответить на вопросы:

- Is there a topic sentence?
- Are there logical supporting sentences?
- Is there a good concluding sentence?

5. When students have finished discussing their paragraphs, ask them what they thought the class strengths and weaknesses were in writing the paragraphs. Discuss what they have learned and what they need more practice doing.

Part III: Be a Good Sport! (Speaking)

Цели: выучить фразы, касающиеся хорошего спортивного поведения; приводить примеры и делать выводы.

Примечание. Many Native American legends explain the origins of lacrosse. Some say that animals used to play the game, with mammals on one team and birds on the other. The poor bat – which looked like it was part mammal, part bird – was originally rejected by both teams. However, the owl, being the wisest of the birds, knew that including everyone was important. Thus, the bat was invited to join the bird team and play lacrosse. While the legends differ, their message is the same: lacrosse embodies good sportsmanship. This activity focuses on being a good sport.

Задание 7: Vocabulary (15 minutes)

Цель: изучить и отработать лексику, связанную с принципами честной спортивной игры.

1. Разделите учеников на пары. Напишите на доске восемь предложений, которые представлены ниже, и попросите студентов сопоставить предложения слева с примерами справа. (You may want to change the names to avoid using any of your students' names).

1) Lisa is good at sports. _____	a) She can't run fast and prefers reading.
2) Susan is not good at sports. _____	b) She always argues with the referees.
3) Jane is a good sport. _____	c) She always congratulates the other team.
4) Martha is a bad sport. _____	d) She plays lacrosse, tennis and football.

Check answers with the class, explaining the differences between “is good at sports” and “is a good sport” and between “is not good at sports” and “is a bad sport”. (Answers: 1. d, 2. a, 3. c, 4. b)

2. Далее запишите предложение на доске: *Bob is a good athlete, but he is a bad sport.*

Попросите обучающихся объяснить данное предложение. (Being an athlete means being able to play or do a sport well; being a bad sport means not playing the sport fairly or not having a positive attitude toward other players. So someone can be a good athlete, but still be a bad sport.)

3. Запишите на доске понятие “a good sport”. Попросите учеников назвать несколько известных спортсменов. Затем спросите их, были ли эти спортсмены хорошими или плохими. Попросите учеников объяснить, что делает их хорошими или плохими спортсменами.

4. Запишите следующие выражения на доске:

trash talk

brag

cheat

blame someone

cheer for someone

lose your temper

Произнесите следующие предложения и попросите обучающихся указать, какое выражение вы демонстрируете. Ответы указаны в скобках.

A. "We lost, and it's all your fault! You missed that goal!" (to blame someone)

B. Look at someone else's paper and copy their answers in a test. (to cheat)

C. "I'm the best lacrosse player there is! I'm great! I can beat anyone!" (to brag)

D. Yelling and getting angry: "I can't believe you said that! You're a bad referee!" (to lose your temper)

E. Applauding and shouting: "Yes! Go! Yeah! You can do it!" (to cheer for someone)

F. "Your team is bad. You can't throw. You don't even know how to use your sticks!" (to trash talk).

5. Чтобы проверить, понимают ли студенты словосочетания, укажите на каждое слово и спросите, содержит ли эта фраза положительную коннотацию или отрицательную. (All are negative except for "cheer for someone.") Then nominate a student to demonstrate the meaning of that expression for the class. Students can use the same demonstration you did or they can do something else, as long as it shows they understand the meaning.

Данная методическая разработка может быть использована преподавателями иностранного языка как на занятиях, так и при подготовке к внеклассным мероприятиям по теме «Спортивные игры в англоговорящих странах».

Цель обучения иностранному языку – это коммуникативная деятельность обучающихся, т.е. практическое владение иностранным языком. Таким образом, каждое последовательное задание направлено на то, чтобы в конечном итоге обучающиеся могли представить самостоятельное письменное и устное высказывание.

Для достижения цели в ходе занятия обеспечивалась возможность ориентирования в социокультурных маркерах аутентичной языковой среды и социокультурных особенностях англоговорящих стран (приобщение к спортивным играм). Обучающиеся осваивали способы представления игры «лакросс» в иноязычной среде. Данное занятие помогает воспитывать уважение к здоровому образу жизни, что будет способствовать укреплению здоровья и приобщению к полезному хобби; развитию способности работать самостоятельно и в коллективе. Также обучающиеся получают опыт понимания устных и письменных сообщений по теме; правильного и самостоятельного выражения своего мнения в устной и письменной форме; критически мыслить, оценивать аутентичный материал и активно работать с ним.

Таким образом, представленная методическая разработка демонстрирует применение личностно ориентированного подхода к обучению иностранному языку, что позволяет учитывать индивидуальные особенности обучающихся и создавать условия для их успешного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гарбузова И.В. Личностно ориентированный подход к обучению и воспитанию учащихся на уроках иностранного языка // Молодой ученый. – 2014. – № 21 (80). – С. 622–624.

2. Педагогика: учебное пособие / под ред. П.И. Пидкасистого. – Москва: Высшее образование, 2008. – 430 с.

3. Lacrosse – Anything and Everything – What else is there? [Electronic resource]. – URL: <https://bjmlaxblog.wordpress.com/page/2/> (data of access: 04.02.2026).

4. Lacrosse Stories: Why We Love This Game [Electronic resource]. – URL: <https://newwavelax.wordpress.com/2015/11/17/> (data of access: 04.02.2026).

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Колесникова А.А.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена анализу правовых механизмов, регулирующих деятельность полиции в сфере административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. В работе рассматриваются ключевые нормативные акты, определяющие основания, порядок и условия установления надзора, а также полномочия органов внутренних дел. Особое внимание уделяется Федеральному закону № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и его роли в формировании правовой базы.

Ключевые слова: административный надзор; поднадзорное лицо; лица, освобожденные из мест лишения свободы

LEGAL BASIS FOR ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF POLICE ACTIVITIES IN IMPLEMENTING ADMINISTRATIVE SUPERVISION OVER PERSONS RELEASED FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Kolesnikova A.A.,

Postgraduate

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article analyzes the legal mechanisms governing police activities in the area of administrative supervision of individuals released from prison. The paper examines key regulations defining the grounds, procedures, and conditions for establishing supervision, as well as the powers of internal affairs agencies. Particular attention is paid to Federal Law № 64-FZ "On Administrative Supervision of Individuals Released from Prisons" and its role in shaping the legal framework.

Keywords: administrative supervision; supervised person; persons released from places of imprisonment

На сегодняшний день административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, становится достаточно актуальной проблемой, поскольку является одной из основных форм деятельности правоохранительных органов. Существующие нормативно-правовые акты в данной области предусматривают осуществление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Основной задачей административного надзора является предупреждение и предотвращение совершения новых преступлений и правонарушений поднадзорными лицами.

Согласно статистическим данным в 85% случаев повтор совершения преступления происходит в течение первых трех лет с момента освобождения из мест лишения свободы, и именно административный надзор в данной ситуации выступает в роли профилактики предотвращения и предупреждения преступлений [1].

Правовой основой деятельности полиции при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, выступает Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Основной задачей федерального закона является эффективное предупреждение рецидивов преступлений. Так, под административным надзором, в соответст-

вии с федеральным законом, понимается осуществление органами внутренних дел наблюдения за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод.

Согласно ст. 4 указанного федерального закона установлен ряд ограничений при осуществлении административного надзора, к которым относятся:

- запрещение пребывания в определенных местах;
- запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях;
- запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток;
- запрещение выезда за установленные судом пределы территории;
- обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации [2].

Стоит также отметить, что административный надзор является не средством унижения человеческого достоинства, а средством перевоспитания граждан, осужденных за тяжкие или особо тяжкие преступления на длительный срок.

Однако сегодня проблема заключается во взаимодействии сотрудников, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, подразделений по административному надзору и участковыми уполномоченными полиции, поскольку отсутствует система своевременного обмена информацией о поднадзорных лицах, об образе жизни, психологическом состоянии и иных важных факторах при своевременном обнаружении которых возможно выявить преступные намерения поднадзорного лица и тем самым вовремя их предупредить.

Правовая основа в области административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, требует существенной доработки и разработки дополнительных индивидуальных профилактических мер в отношении поднадзорных лиц.

Из всего вышеизложенного стоит выделить, что на сегодняшний день имеется ряд проблем:

- отсутствие системы взаимодействия подразделений административного надзора, оперативно-разыскной деятельности и участковых уполномоченных полиции об образе жизни, психологическом состоянии и других немаловажных факторах поднадзорного лица с целью выявления преступного намерения и их предотвращения;
- недостаточная эффективность и результативность норм действующего законодательства, оказывающего индивидуальные профилактические меры в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в целях защиты общественного порядка;
- недостаточная разработка профилактических мер в отношении поднадзорных лиц для наиболее строгого контроля (например, использование электронных браслетов для данной категории лиц).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонов Т.Г. Проблемы толкования некоторых норм законодательства об административном надзоре // Законность. – 2022. – № 1. – С. 46–49.
2. Атоян Л.В., Саакян М.А. Проблемы, возникающие при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Эпомен. – 2019. – № 29. – С. 33–37.
3. Бекетов О.И. Полицейский надзор: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2011. – 319 с.
4. Зыкина Е.В., Анисимова В.О. Проблемы правового регулирования административного надзора / Актуальные проблемы правоправедения: сб. ст. Междунар. научн. конф., посв. 25-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации. – Псков, 2023. С. 119–124.

ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ИНФАНТИЛИЗМА

Кордобовская К.Е.,
адъюнкт

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Аннотация: автор исходит из того, что предпосылкой деформации правосознания и снижения уровня правовой культуры личности и общества является правовой инфантилизм. Деформации правового сознания влекут за собой повышение уровня киберпреступности. Сделан вывод о необходимости для поддержания правопорядка в целом формировать правовую культуру и противодействовать правовому инфантилизму.

Ключевые слова: правовая культура; правосознание; деформация правосознания; правовой инфантилизм; цифровые технологии; цифровизация

DIGITAL SPACE AS AN ENVIRONMENT FORMATION OF LEGAL INFANTILISM

Kordobovskaya K.E.,
Postgraduate

(Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the author assumes that legal infantilism is a prerequisite for the deformation of legal consciousness and the decrease in the level of legal culture of an individual and society. Deformations of legal consciousness lead to an increase in the level of cybercrime. The author concludes that it is necessary to form a legal culture and counteract legal infantilism in order to maintain law and order in general.

Keywords: legal culture; legal consciousness; deformation of legal consciousness; legal infantilism; digital technologies; digitalization

В настоящее время среди всех слоев населения появилась проблема зависимости от мобильных устройств и смартфонов. Любые, даже самые простые действия, требующие минимальной интеллектуальной деятельности, заменяются поисковой строкой в интерфейсе телефона, поисковой системой и использованием вычислительной техники.

С легкостью можно находить последние новости, литературу и информацию, которые не всегда являются достоверными и реальными [9, с. 197–198]. Но они становятся факторами социальной коммуникации и влияют на выбор индивидуальной модели правового поведения. Современный человек зачастую не задумывается об отдаленных последствиях своей деятельности в силу разных причин: своей неграмотности, несформированного правового сознания или иных обстоятельств [3, с. 906–907].

Информационное изобилие поглощает все больше и больше времени, сил, жизненных ресурсов. Появляется интернет-зависимость – состояние, когда человек не может контролировать свое время в сети Интернет. В своем выступлении на заседании круглого стола «Доктрина многополярного мира против глобализма и трансгуманизма: задачи информационной политики» в Совете Федерации президент ГК InfoWatch Наталья Касперская подчеркнула, что «из цифровой зависимости мы ещё не вышли, давайте не строить иллюзий. Нам ещё идти и идти. Я напому, что программа импортозамещения была начата ещё в 2015 году с введением первых санкций после Крыма. С того момента мы шли по принципу «шаг вперёд и два назад» [5]. Это означает, что Россия по-прежнему остается цифровой колонией. Подвергаются изменениям в целом и правовая культура и правосознание, играющие важную роль в развитии всех государственно-правовых процессов и явлений.

На состояние правовой культуры и правосознания могут оказывать воздействие:

- низкий уровень образования [2, с. 112] (недостаточное количество уроков права в школах и вузах, слабое понимание основ юриспруденции среди населения);
- социальные факторы (низкая мотивация соблюдать законы, недостаток доверия к правоохранительным органам и судебной системе) [6; 7];
- информационная недостаточность (ограниченный доступ к качественным источникам юридической информации, сложность восприятия юридических документов).

Наличие всех факторов зачастую обуславливает проявление правового инфантилизма личности [8; 2]. Правовой инфантилизм – это состояние, характеризующееся низким уровнем правовой культуры и недостаточным пониманием правовых норм, обязанностей и ответственности перед законом.

Последствиями правового инфантилизма являются:

- рост преступности – незнание законов способствует увеличению числа правонарушений;
- проблемы в экономике – нарушение контрактов, невыполнение обязательств ведет к экономическим потерям и снижению деловой активности;
- деградация институтов власти – уменьшение уважения к законам и институтам власти ослабляет государственные структуры и снижает эффективность управления обществом.

Проявления правового инфантилизма в современном мире разнообразны. В образовательном процессе его укреплению способствует цифровизация.

Так, депутаты Государственной Думы Российской Федерации от фракции «Новые люди» предложили генеральному директору «Яндекса» сделать в образовательных организациях (школах) бесплатные нейронные сети, в частности YandexGPT, а также облачные сервисы AI Studio и DataSphere [1]. Они считают, что это позволит ученикам развиваться и будет актуально для исследовательских целей. Аналогичное обращение поступило и генеральному директору «Сбербанка», в котором они предлагают рассмотреть вопрос о внедрении GigaChat, а также вычислительных ресурсов ML Space в образовательную деятельность [1]. Как известно, нейросети обрабатывают запросы и синтезируют ответ из источников сети Интернет, подкрепляя ответы источниками информации (ссылками) с целью прозрачности и возможности проверки информации. Сведения, содержащиеся в Сети, уступают сведениям в проверенных источниках, в основном их даже нет нигде, кроме первоисточника. Выходит, что нейросеть может генерировать недостоверную информацию? Тогда утверждение данной инициативы не позволит сформировать поколение специалистов, изначально ориентированных на работу с передовыми российскими технологиями, и повысить качество образовательной и исследовательской деятельности.

Проявлением правового инфантилизма в сфере технологий служит инвестирование больших денежных средств крупных компаний, которые создали в облаке (системе виртуального хранилища, которое расположено на серверах определенной компании) технологии управления, но не обеспечили защиту информации, и когда систему отключили, данные предприниматели оказались в ситуации, что деньги потрачены зря, никакого доступа нет, а все данные оказались у производителя [5].

По данным МВД России, в настоящее время мошенники активно используют различные мессенджеры для совершения дистанционных хищений [4]. Статистические данные фиксируют снижение количества дистанционных краж – на 23,6%, дистанционных мошенничеств – на 9%, а преступлений в сфере компьютерной информации – на 42,2%.

С целью повышения доступности услуг и сервисов в различных сферах жизнедеятельности, создания комфортной и *безопасной* среды при использовании информационных технологий, обеспечения конфиденциальности передаваемой и получаемой информации, а также оперативного предупреждения, выявления и *пресечения правонарушений и преступлений* в Российской Федерации были изданы Федеральный закон от 10 июня 2025 г. № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией» [12] и Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы

противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11].

В Санкт-Петербурге зафиксирован первый случай мошенничества с использованием национального мессенджера Мах. Пожилая женщина лишилась 2,5 млн рублей после того, как доверилась злоумышленникам, представившимся сотрудниками различных организаций [10]. Данная ситуация показывает отсутствие базовых правовых знаний противодействия преступникам и наличие правового инфантилизма пенсионерки.

Государство ведет активную работу, направленную на обеспечение безопасности населения в информационной среде. Формируя идейные и нравственные качества личности, возможно оказать положительное воздействие на воспитательный процесс, позволяющий всесторонне и гармонично развивать личностные качества. Введение обязательных уроков права в образовательных организациях всех уровней позволит повысить уровень правовой культуры и правосознания обучающихся. Организация семинаров, лекций, публикация доступной литературы по вопросам права, а также развитие онлайн-сервисов и мобильных приложений позволят гражданам получать юридическую консультацию быстро и удобно.

Таким образом, используя комплексный подход, включающий образовательные меры, повышение информированности населения и развитие правовой культуры граждан, можно противодействовать правовому инфантилизму и формировать социально активное правовое поведение граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. В Госдуме предложили сделать нейросети бесплатными для школ и вузов [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20250828/gosduma-2038124272.html> (дата обращения: 17.01.2026).

2. Кордобовская К.Е. Правовой инфантилизм как разновидность искаженного правосознания // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2025. – № 4 (70). – С. 111–115.

3. Кордобовская К.Е. Цифровые технологии как детерминанта распространения правового инфантилизма / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы XXII Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 906–910.

4. МВД России предупреждает: для совершения дистанционных хищений мошенники все чаще используют мессенджеры [Электронный ресурс] // МВД Медиа. – URL: <https://t.me/mediamvd/23586> (дата обращения: 17.01.2026).

5. Наталья Касперская о цифровой зависимости [Электронный ресурс] // InfoWatch. – URL: <https://www.infowatch.ru/resursy/blog/> (дата обращения: 19.01.2026).

6. Нижник Н.С. Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности / Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, Могилев, 19 мая 2023 г. – Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2023. С. 106–114.

7. Нижник Н.С. Правовой инфантилизм как вид деформации правового сознания: атрибутивные черты и особенности проявления / Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей, Могилев, 17 мая 2024 г. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. С. 113–122.

8. Нижник Н.С. Правовой инфантилизм как явление современной правовой реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 68–95.

9. Нижник Н.С. Российский правовой реализм: новая парадигма осмысления права и средство преодоления кризиса в праве? Рецензия на книгу: Тонков Е.Н. Российский правовой реализм // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2025. – № 4 (26). – С. 195–207.

10. Пожилая жительница Петербурга стала жертвой мошенников, потеряв 2,5 миллиона рублей через мессенджер [Электронный ресурс]. – URL: <https://peterburg2.ru/news/> (дата обращения: 19.01.2026).

11. Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 14. – Ст. 1574.

12. Федеральный закон от 10 июня 2025 г. № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 26. – Ч. I. – Ст. 3486.

САНАТОРНО-КУРОРТНОЕ ЛЕЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Котарева О.В.,

кандидат юридических наук, доцент;

Клачкова К.И.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается санаторно-курортное лечение сотрудников органов внутренних дел как особая форма реализации социальных гарантий, анализируется его правовая природа, нормативное регулирование и значение для профилактики профессиональных заболеваний, восстановления работоспособности и сохранения кадрового потенциала правоохранительной системы.

Ключевые слова: санаторно-курортное лечение; органы внутренних дел; социальные гарантии; медицинское обеспечение; ведомственная медицина; реабилитация; здоровье сотрудников

SANATORIUM-AND-SPA TREATMENT OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Kotareva O.V.,

Candidate of Law, Associate Professor;

Klachkova K.I.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines sanatorium-and-spa treatment of employees of internal affairs bodies as a special form of implementing social guarantees. It analyzes its legal nature, regulatory framework, and significance for the prevention of occupational diseases, restoration of working capacity, and preservation of the personnel potential of the law enforcement system.

Keywords: sanatorium-and-spa treatment; internal affairs bodies; social guarantees; medical support; departmental medicine; rehabilitation; employees' health

Санаторно-курортное лечение сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации представляет собой особый институционально оформленный элемент системы медицинского и социального обеспечения, отражающий специфику правоохранительной службы и повышенные требования к состоянию здоровья лиц, на которых возложены функции по обеспечению общественной безопасности и правопорядка.

Правовая природа санаторно-курортного лечения сотрудников органов внутренних дел обусловлена его двойственным характером. С одной стороны, оно выступает формой реализации конституционного права на охрану здоровья, с другой – специальной социальной гарантией, предоставляемой в связи с прохождением службы в условиях, объективно отличающихся от обычной трудовой деятельности. Как указывает А.С. Марьянов, служба в органах внутренних дел характеризуется систематическим воздействием стрессовых факторов, нерегламентированным рабочим временем, повышенным риском причинения вреда жизни и здоровью, а также необходимостью постоянной мобилизации физических и психоэмоциональных ресурсов сотрудников [1, с. 109]. В этих условиях санаторно-курортное лечение приобретает значение компенсаторного механизма, направленного на нейтрализацию негативных последствий служебной деятельности и профилактику профессионально обусловленных заболеваний.

Нормативно-правовую основу санаторно-курортного лечения сотрудников органов внутренних дел формирует совокупность федеральных законов и подзаконных нормативных актов, центральное место среди которых занимает Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» [2]. Закрепляя право сотрудников, членов их семей и лиц, находящихся на иждивении, на медицинское обеспечение и санаторно-курортное лечение, законодатель тем самым признает необходимость особого подхода к сохранению здоровья данной категории лиц. В отличие от общего порядка предоставления санаторно-курортных услуг ведомственная модель предполагает централизованное регулирование, ведомственный медицинский отбор и финансирование за счет средств федерального бюджета, что подчеркивает публично-правовой характер рассматриваемых отношений.

Существенную роль в детализации порядка санаторно-курортного лечения играет ведомственное нормативное регулирование, прежде всего приказы, издаваемые Министерством внутренних дел Российской Федерации. Приказ МВД России от 24.04.2019 № 275 [3], на который обоснованно указывают исследователи, фактически выступает ключевым актом, регламентирующим процедуры медицинского отбора, направления на лечение, а также контроля за результатами санаторно-курортной реабилитации. Его значение заключается не только в установлении формальных правил, но и в формировании единого алгоритма реализации социальной гарантии, обеспечивающего правовую определенность и предсказуемость правоприменительной практики.

С теоретико-правовой точки зрения особый интерес представляет механизм возникновения права сотрудника на санаторно-курортное лечение. В исследовании О.А. Красавчикова этот механизм обоснованно рассматривается через призму учения о юридических фактах как сложный фактический состав, включающий медицинское заключение, решение санаторно-отборочной комиссии и выдачу путевки [4, с. 67]. Каждый из этих элементов обладает самостоятельным юридическим значением, а их совокупность образует основание для возникновения конкретного правоотношения между сотрудником и ведомственной медицинской организацией. Нарушение данной последовательности лишает процедуру правового смысла, что подчеркивает не формальный, а институциональный характер санаторно-курортного лечения в системе МВД России.

Медицинский отбор сотрудников для направления на санаторно-курортное лечение базируется на принципе целесообразности и медицинской обоснованности. Решения санаторно-отборочных комиссий принимаются с учетом состояния здоровья, характера и длительности служебных нагрузок, результатов диспансерного наблюдения и наличия противопоказаний. Такой подход позволяет обеспечить адресность и эффективность лечения, исключая формальный подход к распределению путевок. Вместе с тем О.Н. Карпунина обращает внимание на необходимость дальнейшего совершенствования критериев отбора, в том числе с учетом психоэмоцио-

нального состояния сотрудников и признаков профессионального выгорания, которые не всегда находят отражение в стандартной медицинской документации [5, с. 68].

Социально-правовой аспект санаторно-курортного лечения проявляется также в регулировании условий участия членов семей сотрудников. Действующие ведомственные акты предусматривают возможность совместного оздоровления, однако отдельные ограничения, связанные с возрастом детей или условиями размещения, вызывают обоснованную критику со стороны исследователей. Так, по мнению Т.И. Газизова, установленные ограничения, связанные с возрастом детей, не в полной мере соответствуют принципам государственной поддержки семьи и детства [6, с. 248]. С теоретической точки зрения такие ограничения вступают в противоречие с идеей социальной справедливости и требуют переосмысления с учетом современных демографических и социальных приоритетов государства.

Санаторно-курортное лечение в системе органов внутренних дел выполняет не только лечебную, но и профилактическую функцию. Регулярное направление сотрудников на восстановительное лечение способствует снижению уровня хронической заболеваемости, предупреждению осложнений после перенесенных травм и заболеваний, а также поддержанию общего уровня физической выносливости. Особое значение в последние годы приобретает включение в программы санаторно-курортного лечения элементов психологической реабилитации, направленных на восстановление эмоционального равновесия, снижение уровня тревожности и последствий длительного стрессового воздействия. Данный вектор развития ведомственных здравниц отражает современные научные представления о неразрывной связи физического и психического здоровья.

Результаты экономико-правовых исследований позволяют рассматривать систему оздоровления личного состава МВД России в условиях санаториев как стратегический инструмент долгосрочного государственного финансирования, направленный на развитие и сохранение человеческого потенциала ведомства. Инвестиции в превентивную медицину и восстановительные мероприятия в долгосрочном периоде оказываются значительно менее обременительными для бюджета, нежели покрытие издержек, возникающих вследствие хронических патологий, стойкой потери трудоспособности или вынужденного досрочного увольнения кадров по медицинским критериям. В связи с этим ведомственная сеть санаториев и курортов трансформируется в важный инструмент финансового планирования, обеспечивающий оптимизацию бюджетных ассигнований.

Таким образом, организация санаторного лечения в системе МВД России выступает как синтетический правовой и медико-социальный механизм. Данный институт опирается на многоуровневый нормативный фундамент, сочетающий в себе базовые права граждан и специфические требования служебного права. Рассматриваемый институт имеет стратегический характер, так как его целевая установка заключается в поддержании профессионального долголетия всего личного состава. Оптимизация данной системы в современных условиях невозможна без всестороннего подхода, базирующегося на трансформации нормативно-правового поля, расширении доступа к лечебной базе, минимизации последствий психоэмоционального выгорания и переходе на высокотехнологичные формы оздоровления. Реализация указанных мер позволит системе санаторно-курортного оздоровления в полной мере реализовать свой потенциал как действенного механизма социальной защиты и фундаментальной гарантии, обеспечивающей стабильность служебной деятельности сотрудников МВД России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Марьянов А.С. Социальная защита сотрудников полиции в сфере медицинского и санаторно-курортного обеспечения в системе МВД России / Экономическая безопасность: опыт, проблемы, перспективы: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2022. С. 108–113.
2. Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные за-

конодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4595.

3. Приказ МВД России от 24.04.2019 № 275 «Об отдельных вопросах медицинского обеспечения и санаторно-курортного лечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также членов их семей и лиц, находящихся на их иждивении, в медицинских организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

4. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – Москва, 1958. – 183 с.

5. Карпунина О.Н. Проблемные вопросы организации санаторно-курортного лечения и оздоровительного отдыха сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // The Newman in Foreign Policy. – 2021. – Т. 3, № 60 (104). – С. 66–69.

6. Газизов Т.И. Социальные гарантии в сфере медицинского обеспечения, санаторно-курортного лечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6 (169). – С. 247–248.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОКУРОРСКИХ НАДЗОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

**Краснова М.И.;
Гайдышева М.Г.,**

кандидат юридических наук

(Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Аннотация: в статье проводится подробный анализ структуры и видов прокурорско-надзорных правоотношений в российском праве. Рассматривается классификация видов надзора, предложенная Федеральным законом «О прокуратуре», а также научные концепции, предлагаемые специалистами в данной области. Особое внимание уделено разграничению общего и специального надзора, выделены уникальные особенности каждого из них. Авторы приходят к выводу о целесообразности формирования двухуровневой структуры надзора, включающей общий и специальный уровни, а также подчеркивают важность межотраслевого надзора, объединяющего признаки обеих категорий.

Ключевые слова: прокурорско-надзорные отношения; общий надзор; специальный надзор; межотраслевой надзор; классификация надзора

CLASSIFICATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISORY LEGAL RELATIONS

**Krasnova M.I.;
Gaidysheva M.M.,**

Candidate of Law

(Moscow Regional Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation)

Abstract: the article provides a detailed analysis of the structure and types of prosecutorial and supervisory legal relations in Russian law. The article considers the classification of types of supervision proposed by the Federal Law "On the Prosecutor's Office", as well as scientific concepts proposed by experts in this field. Special attention is paid to the distinction between general

and special supervision, highlighting the unique features of each of them. The author comes to the conclusion that it is advisable to form a two-tier supervision structure, including general and special levels, and also emphasizes the importance of intersectoral supervision combining the characteristics of both categories.

Keywords: prosecutor-supervisory relations; general supervision; special supervision; intersectoral supervision; classification of supervision

Разделение прокурорских надзорных правоотношений должно осуществляться исходя из анализа роли и значения прокурорского надзора в общей структуре задач и компетенций прокуратуры Российской Федерации.

Основной задачей прокуратуры является именно надзорная деятельность. Это видно из анализа ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре»: восемь предусмотренных законом функций включают пять направлений, относящихся непосредственно к различным видам надзора. Помимо осуществления надзора, прокуратура занимается уголовным преследованием, участвует в судебных разбирательствах, инициирует производство по делам об административных нарушениях и проводит административные расследования [2]. Дополнительно реализуются такие важные направления, как координация действий правоохранительных структур в противодействии преступности, участие в разработке нормативных документов и международное сотрудничество. Тем не менее главной, фундаментальной функцией остается именно надзор, что подчеркнуто определением прокуратуры в ч. 1 ст. 1 указанного закона: прокуратура представляет собой единую централизованную систему органов, призванных обеспечивать контроль соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения законодательных норм. Другие функции определяются законом как второстепенные, не умаляющие значимости основного назначения прокуратуры [4].

Стоит отметить, что работа прокуратуры по реализации функции надзора охватывает несколько областей. Выделяют две крупные группы основных направлений:

1. Надзор за выполнением требований законодательства (п. 1 ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре»).

2. Контроль соблюдения прав и свобод физических лиц (п. 2 указанной нормы).

Кроме того, отдельно предусмотрены три специализированные отрасли надзора (пп. 3–5 ч. 2 ст. 1 Федерального закона):

- наблюдение за соответствием законодательству деятельности подразделений, занимающихся оперативно-разыскной работой, предварительным следствием и дознанием;

- осуществление контроля за соблюдением законности сотрудниками службы судебных приставов;

- проверка исполнения законов администрацией органов и учреждений, выполняющих карательные санкции и иные предусмотренные судом принудительные меры, а также администрацией мест заключения и временного содержания подозреваемых.

Решение законодателя выделить отдельное направление надзора за действиями судебных приставов вызывает некоторые сомнения. Специфичность правового регулирования отдельных отраслей порождает различия в формах организации надзора, однако не предполагает существенного разрыва между различными категориями объектов проверки. Надзорная система прокуратуры обладает целостностью и единством, различаясь лишь деталями подходов.

При проведении систематизации надзорных функций на основе положений гл. III Закона «О прокуратуре» («Прокурорский надзор») выделяется четыре типа надзора:

1. Общий надзор за исполнением законов.
2. Общее наблюдение за соблюдением прав и свобод граждан.
3. Специальный надзор за действиями органов, ведущих досудебное разбирательство (оперативно-разыскная работа, дознание, предварительное следствие).

4. Специальный надзор за учреждениями, обеспечивающими выполнение уголовных санкций и иных принудительных мер судебного характера.

Третье направление надзора можно условно обозначить как надзор за деятельностью следственных органов, четвертое – как надзор за функционированием пенитенциарной системы. Обращает внимание тот факт, что в законе отсутствует отдельная глава, посвященная контролю за работой судебных приставов, следовательно, указанные категории образуют два общих и два специальных вида надзора.

Анализ положений первой и второй глав раздела III «Прокурорский надзор» свидетельствует о практически полном совпадении двух типов надзора: надзор за соблюдением законодательства и надзор за правами и свободами граждан [3]. Согласно ст. 21 закона предметом надзора является проверка соблюдения Конституции Российской Федерации и текущего законодательства. В свою очередь, ст. 26 относит к объекту надзора защиту прав и свобод индивидов. Таким образом, всякий случай нарушения закона, влияющего на права граждан, автоматически попадает сразу под оба указанных направления надзора.

Изучение компетенции прокурора в процессе реализации надзора демонстрирует, что перечень его полномочий включает положения ст. 22 и дополнен нормами ст. 27 Закона «О прокуратуре». Среди дополнительных полномочий указаны разъяснения пострадавшим гражданам процедуры восстановления их прав, проведение проверок поступающих сигналов о нарушениях и принятие соответствующих мер, включая привлечение виновных лиц к ответственности. Вместе с тем детальное изучение полномочий, зафиксированных в ст. 22 и 27, подтверждает отсутствие значительных различий между обязанностями прокурора при контроле исполнения законов и соблюдении прав граждан.

При этом анализ юридической литературы позволяет констатировать, что ряд исследователей предлагают собственные варианты деления надзорных функций прокуратуры. Широко распространено деление на общую и специальную формы надзора [1]. Общая форма охватывает контроль за исполнением законов и проверкой соответствия правовых актов требованиям законодательства, а также защитой прав и свобод граждан. Специальная форма подразумевает надзор за оперативной деятельностью органов дознания и следствия, проверку работы сотрудников, проводящих оперативно-разыскные мероприятия, и контроль за деятельностью учреждений, исполняющих судебные решения. По мнению ученого М.А. Макаренко, такая структура формирует устойчивую 4-уровневую иерархию видов прокурорского надзора [6, с. 34].

Основопологающим документом, устанавливающим правила осуществления общего надзора, служит приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [7]. Этот документ объединяет в себе два аспекта надзорной деятельности: надзор за соблюдением законов и защита прав и свобод граждан. Такое объединение объясняется значительным количеством пересекающихся функций обоих видов надзора. В самом приказе четко определены приоритетные направления надзорной деятельности, среди которых особое значение уделяется соблюдению законности в правоприменительной практике, охране конституционных прав и свобод граждан, обеспечению правопорядка в экономике и экологии, а также предотвращению правонарушений.

Нетрудно заметить, что структура органов прокуратуры отражает аналогичную классификацию видов надзора [9]. Основная масса направлений общего надзора сосредоточена в рамках Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства. Внутри этого главного управления действуют профильные подразделения, отвечающие за различные аспекты правозащитной и правоохранительной деятельности:

- Управление по защите прав граждан;
- Управление по соблюдению прав предпринимателей;
- Управление по исполнению экономического законодательства;
- Управление по правам детей и подростков;
- Управление по обеспечению государственных и общественных интересов.

Отдельно сформированы подразделения, ориентированные на особые сферы надзора, такие как оборонная промышленность и транспортная безопасность, таможенное регулирование, которые, несмотря на отнесенность к общему надзору, выделены в самостоятельные отделы ввиду особенностей подконтрольных областей.

Также стоит отметить, что к функциям Главного управления относится еще и осуществление специальных видов надзора, особенностью которых является их ориентация на процессуальные аспекты и оперативно-разыскную работу. Тем самым осуществляется деятельность по надзору за следствием, дознанием и оперативно-разыскной деятельностью. Также оно контролирует реализацию надзорных мероприятий, касающихся деятельности Следственного комитета Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации. Дополнительно выделены подразделения, курирующие вопросы производства дознания, розыска преступников, борьбы с экстремизмом, терроризмом и коррупцией.

Таким образом, организационная структура прокуратуры предусматривает наличие двух главных управлений по надзору: одно ответственно за общий надзор, другое – за специализированный надзор.

Исходя из вышеописанного считаем целесообразным пересмотреть предложение профессора М.А. Макаренко о 4-уровневой структуре надзора [6]. Нам представляется более обоснованной 2-уровневая схема, где первый уровень представлен общим надзором, охватывающим обеспечение соблюдения законов, охрану прав и свобод граждан, контроль в области экономики и обороны, а также общее обеспечение национальных интересов. Второй уровень составляет специальный надзор, сосредотачивающийся на процессах следствия, оперативно-разыскной деятельности, обеспечения безопасности и исполнения приговоров.

Кроме того, существует группа межотраслевых видов надзора, которые касаются одновременно общих и специальных вопросов. Например, надзор за соблюдением прав несовершеннолетних, борьбой с экстремистскими проявлениями, профилактикой террористических угроз и коррупционными преступлениями, а также контроль в транспортной и природоохранной областях. Эти направления часто требуют выделения специализированных прокуратур, таких как экологические, транспортные или военные прокуратуры.

Таким образом, рассмотренная структура обеспечивает эффективное распределение обязанностей внутри системы прокуратуры, позволяя сочетать универсальные методы общего надзора с направленностью специальных ведомств на решение конкретных проблем.

Необходимо подробно рассмотреть специфику отдельных видов специального надзора. В частности, особый интерес представляют нормы главы 3 раздела III «Прокурорский надзор» Федерального закона «О прокуратуре», касающиеся надзора за реализацией оперативно-разыскных мероприятий, дознания и предварительного следствия. Хотя формально речь идет о двух разных направлениях, фактически имеется два обособленных вида надзора:

1) надзор за следствием и дознанием, регулируемый положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;

2) надзор за оперативно-разыскной деятельностью, осуществляемый в соответствии с Федеральным законом № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Подобное объединение этих видов надзора в одну главу Федерального закона «О прокуратуре» исторически связано с тем фактом, что на момент принятия соответствующего акта оперативно-разыскная деятельность регулировалась нормами УПК РСФСР [8, с. 12]. Именно поэтому п. 30 вышеуказанного закона содержит ссылку на уголовно-процессуальное законодательство. Впоследствии введение самостоятельного Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» привело к регламентации прокурорского надзора специальными нормами самой этой законодательной базы.

Важно подчеркнуть, что, хотя само понятие надзора за следствием и дознанием совпадает по своей природе, разница заключается в объеме полномочий прокурора. Отсюда вытекает необходимость разделения на два подвида: надзор за предварительным следствием и надзор за дознанием.

Еще одним важным элементом специального надзора является контроль за исполнением законов администрацией учреждений, осуществляющих назначение наказаний и применение принудительных мер, указанный в главе 4 раздела III Федерального закона «О прокуратуре». Этот вид надзора ориентирован главным образом на защиту прав граждан, содержащихся в изоляторах, тюрьмах и прочих учреждениях, исполняющих уголовные наказания.

Стоит обратить внимание на положение о специальном виде надзора за исполнением законов судебными приставами, предусмотренное п. 5 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре». Несмотря на свое номинальное выделение, этот вид надзора не приобретает статуса автономного особого вида специального надзора. Причина этому кроется в отсутствии отдельной главы, специально посвященной такому надзору, а также в отсутствии полноценной регламентации в соответствующем федеральном законодательстве о судебных приставах. Хотя Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» выделяет отдельную главу для прокурорского надзора, аналогичный механизм не установлен в Законе «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации».

Рассматривая процесс участия прокурора в процедурах рассмотрения дел об административных правонарушениях, важно упомянуть, что соответствующий надзор обеспечивается не только Федеральным законом «О прокуратуре», но и рядом отраслевых законодательных актов. Например, ст. 24.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) регулирует полномочия прокурора при подготовке и отправлении дел об административных проступках вне суда. Дополнительные права предоставляются прокурору согласно ст. 25.11 КоАП РФ, позволяющей возбудить дело об административном правонарушении, принять участие в его рассмотрении и обжаловать постановления судов.

Статья 27.20 КоАП РФ устанавливает процедуру ареста имущества по инициативе прокурора в случаях выявления нарушений, связанных с незаконным вознаграждением юридических лиц. Также ст. 28.4 КоАП РФ определяет случаи возбуждения дел об административных правонарушениях исключительно по представлению прокурора.

Участие прокурора в судах при рассмотрении дел об административных правонарушениях определяется Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, в частности ст. 39, дающей прокурору право обращения в суд с иском о защите интересов граждан и государства.

Тем не менее, несмотря на значительные полномочия и активность прокурора в деле наблюдения за исполнением административных законов, данная сфера не выделяется в качестве отдельного специализированного вида надзора, хотя и является важнейшей составляющей системы обеспечения общественной безопасности [5]. Объекты контроля остаются частью перечня, предусмотренного ч. 1 ст. 21 и ст. 26 Федерального закона «О прокуратуре», и принадлежат к группе общего надзора.

Таким образом, резюмируя проведенную классификацию, можно заключить, что основным назначением современной прокуратуры является надзорная деятельность, в рамках которой можно выделить два больших направления надзора: общий и специальный.

Общие направления надзора включают: надзор за исполнением законов, контроль соблюдения прав и свобод граждан, мониторинг экономических процессов и интересов государства, наблюдение за качеством правотворчества, рассмотрение дел об административных правонарушениях.

Специальные направления надзора состоят из надзора за предварительным следствием и дознанием, контроля оперативно-розыскной деятельности, надзора за исполнением законов организациями, исполняющими наказания.

Существуют также промежуточные виды надзора, совмещающие элементы общего и специального надзора. Один из примеров – надзор за исполнением законов судебными приставами, который признается межотраслевым, хотя специализированных прокуратур по нему не предусмотрено. Для осуществления межотраслевого надзора иногда создаются специализированные органы, такие как природоохранные, транспортные прокуратуры или прокуратуры, работающие на режимных объектах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агамагомедова С.А. Отраслевая специфика государственного контроля (надзора): административно-правовое обоснование // Административное право и процесс. – 2024. – № 11. – С. 24–28.
2. Артеменков В.К. О классификации надзорной деятельности прокуратуры Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 2023. – № 6. – С. 99–110.
3. Евдокимов В.Б., Игонина Н.А. Конституционная модернизация и прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Журнал российского права. – 2021. – № 12. – С. 157–170.
4. Винокуров А.Ю., Карпов Н.Н. О системе и иерархии функций прокуратуры в контексте конституционных новелл // Законность. – 2022. – № 5. – С. 27–31.
5. Правовые и организационные основы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации: монография / И.Е. Ильичев, Э.В. Богмацера, К.В. Буняева [и др.]. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. – 170 с.
6. Макаренко М.А. Юридическая сущность и содержание прокурорско-надзорных правоотношений: монография. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2012. – 253 с.
7. Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 (ред. от 10.09.2024) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. – 2008. – № 3.
8. Рябов В.Н. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. – Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2018.
9. Структура Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генпрокуратуры России. – URL: <https://genproc.gov.ru/structure/genprokuratura/> (дата обращения: 22.11.2025).

САНИТАРНАЯ РАБОТА В ЛАГЕРЯХ И КОЛОНИЯХ НКВД СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кудоярова Г.Р.

(Уральский юридический институт МВД России)

Аннотация: в первые годы Великой Отечественной войны в лагерях и колониях НКВД с учетом характерных факторов и бытовых условий сложилась тяжелая эпидемиологическая обстановка. В снижении заболеваемости и смертности спецконтингента значительную роль сыграли оздоровительные и профилактические мероприятия, осуществляемые санитарными отделами лагерей и колоний НКВД, а также организация оздоровительно-профилактических пунктов, а затем сменивших их оздоровительных пунктов и оздоровительных команд. В статье на основе исторического метода освещаются вопросы правового регулирования санитарной работы в пенитенциарных учреждениях, основные причины заболеваемости и смертности среди заключенных лагерей и колоний, проблемы по реализации основных профилактических мероприятий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; ГУЛАГ; пенитенциарная система; лагеря и колонии НКВД СССР; санитарные отделы; здравоохранение; профилактические мероприятия

SANITARY WORK IN CAMPS AND THE NKVD COLONIES OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Kudoyarova G.R.

(Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the early years of the Great Patriotic War, a difficult epidemiological situation developed in the camps and colonies of the NKVD, taking into account the characteristic factors and living conditions. The health and preventive measures carried out by the sanitary departments of NKVD camps and colonies, as well as the organization of health and prevention centers, and then the health centers and health teams that replaced them, played a significant role in reducing the morbidity and mortality of the special contingent. Based on the historical method, the article highlights the issues of legal regulation of sanitary work in penitentiary institutions, the main causes of morbidity and mortality among prisoners in camps and colonies, and the problems of implementing basic preventive measures.

Keywords: the Great Patriotic War; GULAG; penitentiary system; camps and colonies of the NKVD of the USSR; sanitary departments; healthcare; preventive measures

Проблемы, касающиеся истории Великой Отечественной войны, в условиях развернувшихся войн памяти и стремления переоценить итоги Второй мировой войны приобретают особую актуальность [6; 7]. Различные аспекты организации и функционирования государственно-правовой системы продолжают оставаться в центре внимания современных ученых [3; 4; 5; 8].

Правовой основой оказания медицинской помощи в советской пенитенциарной системе в годы Великой Отечественной войны служили акты наркомата здравоохранения и НКВД.

Наркомат здравоохранения был учрежден 11 июля 1918 г., им были разработаны принципы и задачи советского здравоохранения, включающие в себя профилактическое направление. Постановлением ВЦИК о лагерях принудительных работ от 15 апреля 1919 г. было установлено, что врачебно-санитарный надзор за лагерями возлагается на местные отделы здравоохранения [1, с. 15]. В соответствии с Положением ВЦИК и СНК РСФСР об НКВД РСФСР от 24 мая 1922 г. Главное управление принудительных работ осуществляло наблюдение за санитарным состоянием лагерей и устранение замеченных недостатков через органы Народного комиссариата здравоохранения [1, с. 22]. Согласно ст. 195 Исправительно-трудового кодекса СССР 1924 г. «...медико-санитарные мероприятия в местах заключения, их осуществление, порядок их применения и надзор за ними устанавливаются народным комиссариатом здравоохранения РСФСР по соглашению с главным управлением местами заключения РСФСР на основании особого положения» [1, с. 51].

Некоторые нормы медицинского обслуживания были закреплены в постановлении СНК СССР от 7 апреля 1930 г. «Об утверждении положения об исправительно-трудовых лагерях» [2]. Так, постановлением устанавливалось появление санитарных частей [1, с. 66], на которые возлагалась «профилактическая деятельность по борьбе с заболеваниями в лагере и организация врачебно-санитарного дела; организация, заведывание и руководство всеми лечебными заведениями лагеря; проведение санитарно-просветительной работы в лагере; наблюдение за надлежащей постановкой санитарно-медицинского обслуживания вольнонаемных сотрудников и их семей». Статьей 38 утверждалось, что «порядок содержания лишенных свободы в учреждениях для медицинской экспертизы, в колониях для больных, в медико-санитарных учреждениях при местах лишения свободы и в карантине устанавливается инструкциями Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями по согласованию с соответствующими управлениями Народного комиссариата здравоохранения РСФСР». Статья 84 гласила, что «проведение медико-санитарных мероприятий в местах лишения свободы осуществляется исправительно-трудовыми учреждениями под руководством Главного

управления исправительно-трудовыми учреждениями на основании правил, издаваемых Народным комиссариатом юстиции РСФСР по согласованию с Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР».

В составе ГУЛАГа НКВД был выделен санитарный отдел (начальником был назначен И.Г. Гинзбург; одновременно он выполнял функции инспектора по месту заключения [1, с. 241]), лечебно-санитарное отделение и отделение медицинского снабжения. Контрольную функцию за состоянием и функционированием медико-санитарной службы заключенных осуществлял контрольно-инспекторский отдел ГУЛАГа НКВД СССР [1, с. 302].

В лекции начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина, предназначенной для слушателей Высшей школы НКВД, говорилось, что санитарный отдел обеспечивал надлежащее санитарное обслуживание лагерного населения; организовывал все виды лечебной помощи заключенным, руководил сетью больничных и оздоровительных учреждений; осуществлял контроль за качеством лечения; проводил соответствующую работу по оздоровлению контингентов, а также осуществлял работу по планированию лечебной сети и осуществлению необходимых противоэпидемических мероприятий, разрабатывал указания о постановке лечебного дела, осуществлял санитарный надзор за санитарным состоянием жилищных, коммунально-бытовых, пищевых объектов и территорий зон и обеспечивал контроль за правильным трудовым использованием заключенных. Санитарный отдел устанавливал потребность и обеспечивал получение от снабжающих организаций необходимого для лагерей и колоний количества медикаментов, инструментов, перевязочного материала и оборудования для лечебных учреждений, распределяя вышеуказанное между ИТЛ, УИТЛК/ОИТК, осуществлял учет заболеваемости и смертности среди заключенных, разрабатывал для ИТЛ УИТЛК/ОИТК необходимые указания по оздоровлению контингентов, снижению заболеваемости и смертности [1, с. 302].

Основными направлениями санитарной работы в лагерях и колониях НКВД выступали санитарно-профилактическая работа, лечебная работа и медицинская экспертиза.

Санитарные части лагерей и колоний ГУЛАГа НКВД в годы Великой Отечественной войны сталкивались с множеством трудностей. Основными проблемами выступали нехватка ресурсов, организационные сложности, вызванные военным положением, ухудшение условий содержания спецконтингента.

Например, в докладной записке о состоянии Ивдельского исправительно-трудового лагеря НКВД говорится, что с наступлением холодов, а также из-за недостатка зимнего обмундирования и пониженного питания в октябре и ноябре 1941 г. резко увеличилась смертность среди заключенных. В октябре умерло 374 человека, за 20 дней ноября – 348 человек.

Причиной роста процента заболеваемости и смертности являлось также поступление ослабленного и больного спецконтингента из других регионов, в особенности прибывающего из южных областей в северные регионы. Например, в 1941 г. прибывшие этапами в Ивдельлаг заключенные (около 7 тыс. человек) были истощены и десятки из них умерли при выгрузке из вагонов или в последующие дни [3]. Особенно высокая смертность наблюдалась среди румын и немцев из южных областей УССР. Отмечалось, что данный спецконтингент был наиболее подвержен обморожению: «характерно отметить то, что они обмораживают ноги даже при наличии надетых валенок» [10, л. 84].

Вместе с тем увеличение числа заболеваемости и смертности прибывшего спецконтингента выступало следствием слабой организации работы по выявлению болезней у спецконтингента в пересыльных тюрьмах, которая являлась зоной ответственности в первую очередь сектора гражданского здравоохранения.

В существовавшей экономической ситуации не следовало ожидать выделения средств для решения задачи с продовольственным снабжением, поэтому вопрос оставался острым. Частично он решался за счет расширения собственного сельскохозяйственного блока лагерей и колоний НКВД.

Наличие устойчивой тенденции роста заболеваний определило в качестве приоритетного направления деятельности санитарной службы реализацию мер профилактики.

Санитарно-профилактическая работа была направлена на недопущение инфекционных заболеваний и начиналась непосредственно с помещения заключенного в пенитенциарные учреждения НКВД. Больного направляли в больницу, здорового подвергали дезинфекции. На территории лагерей и колоний находились бани и дезокамеры. Поступающий контингент мыли в бане или под душем, заключенным стригли ногти, волосы, их одежду обрабатывали. Затем направляли на 21-дневный карантин.

В то же время необходимо отметить, что в отдаленных от управлений лагерей и колоний отделениях нормы по дезинфекции и обработке заключенных не всегда соблюдались. В частности, в 1942 г. в 10-м лагерном отделении, расположенном на территории Гаринского района Свердловской области, бани и дезокамеры не обеспечивали предъявляемых к ним требований, а в некоторых пунктах были не достроены. «Заключенные моются без мыла и мочалок, порой вода выдается по нормированности. Наблюдаются случаи, когда заключенные моются в лаптях, штанах и шапках. Кроме того, сама дезообработка заключенных проводится неправильно и безрезультатно, а именно в некоторых лагпунктах и общежитиях общие нары, и в одном общежитии поселено несколько бригад, которые имеют различные выходные дни, а обработка производится побригадно в выходные дни. Получается, что обработанные и необработанные помещаются вместе и происходит заколдованный круг заражения вшивостью. Наблюдались случаи, когда очагом завшивленности являлись медстационары, откуда вши разносились по всему пункту» [11, л. 97].

Приказ НКВД СССР от 2 марта 1942 г. № 067 утвердил Положение об оздоровительно-профилактических пунктах, которые были предназначены для нетрудоспособных заключенных. На 1 января 1943 г. санитарно-лечебная сеть лагерей и колоний была доведена до 1480 больниц на 165 000 коек против 845 больниц на 40 000 коек в 1941 г. [1].

В Нижнетагильском лагере НКВД в июне 1942 г. было госпитализировано 3763 человека, в июле – 3637 человек. В результате организации и функционирования оздоровительно-профилактических пунктов для ослабленного контингента заключенных в течение июня из оздоровительно-профилактических пунктов был выписан и переведен в работающую группу 2721 человек, в июле – 3486 человек. Новые поступления в оздоровительно-профилактические пункты были в основном за счет выписываемых из стационаров [11, л. 97].

В докладной записке о подготовке к зиме колонн мобилизованных немцев, содержащихся при Ивдельлаге НКВД и в Рудоуправлении, секретарю Областного Комитета ВКП(б) говорится, что в августе – сентябре 1942 г. через сеть оздоровительно-профилактических пунктов пропущено свыше 600 человек, большинство из них в ноябре 1942 г. стали выполнять свои производственные нормы. Сократилась заболеваемость и смертность. Группа «В» в августе составляла 21,5%, в сентябре снизилась до 14,7%, в октябре вследствие неустойчивой погоды (дождь, слякоть) она увеличилась до 17,6%. Трудоиспользование в целом по мобконтингенту, содержащемуся при Ивдельлаге, составляло: группа «А» – 81,6%, группа «В» – 17,6%, группа «Г» – 0,8%. В августе умерли 219 мобилизованных, в сентябре число умерших снизилось почти на 50% и составляло 114 человек, в октябре умерли 62 человека [11, л. 24].

На санитарные отделы возлагался контроль за использованием спецконтингента на тяжелых работах. Например, в Ивдельлаге допускалось использование ослабленных заключенных на работах каменного карьера, при выявлении данных фактов заключенные были немедленно санитарным отделом сняты, переведены на легкие работы, был поставлен вопрос о привлечении виновных к административной ответственности.

Помимо недостаточности финансового обеспечения, слабости материально-технической базы, причиной, обуславливающей сложности медицинского обслуживания спецконтингента, являлось практическое отсутствие необходимого квалифицированного персонала. Например, в Тагиллаге на 37 000 человек лагерного населения, в т.ч. на 3100 коечных больных, 3800 ослабленных и 1700 амбулаторных, имелось 38 человек врачей и среднего персонала 77 чел. [2].

Директива НКВД СССР от 15 сентября 1943 г. № 452, отменившая положение 1942 г., утвердила организацию вместо оздоровительно-профилактических пунктов в лагерях и ко-

лониях НКВД оздоровительных пунктов и оздоровительных команд. Этой же директивой были установлены нормы питания для заключенных, содержащихся в данных пунктах (данные нормы питания были отменены в 1944 г. приказом № 488). Оздоровительные пункты предназначались для «лучших производственников», а оздоровительные команды – для ослабленного контингента.

Профилактические учреждения возвратили на производство значительное число заключенных. В 1943–1944 гг. через оздоровительные пункты прошло 135 000 заключенных, из которых выписано пригодными для использования на тяжелых физических работах 21%, на работах средней тяжести 27% и годными к легкому труду 27%. Из оздоровительных команд на работы тяжелого и среднего физического труда выписано 35 000 человек.

В докладных записках и отчетах 1944–1945 гг. отмечается улучшение физического состояния контингента, снижение заболеваемости и смертности.

Таким образом, причинами тяжелого положения спецконтингента лагерей и колоний НКВД СССР являлись отсутствие полноценного питания, теплой одежды, обуви и медикаментов, нарушение трудоустройства контингента в соответствии с категориями по труду, тяжелые бытовые условия, неудовлетворительное физическое состояние заключенных, поступающих этапам из тюрем и других лагерей, недостаточный контроль со стороны администрации, нехватка квалифицированного медперсонала. Основными задачами санитарных отделов в борьбе с заболеваемостью и смертностью в лагерях и колониях НКВД являлись проведение профилактических мероприятий и своевременная диагностика. Развертывание сети профилактических пунктов привело к стабилизации эпидемиологической обстановки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917–1960: сборник документов / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – Москва, 2000.
2. Кудоярова Г.Р. Физическое состояние заключенных и трудомобилизованных в лагерях НКВД Среднего Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 11. – С. 33–36.
3. Нижник Н.С. Войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны как предмет историко-правовых исследований С.Г. Лысенкова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3 (107). – С. 28–43.
4. Нижник Н.С., Стоцкий А.П. Милицейские школы Ленинграда: особенности подготовки кадров в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 2 (106). – С. 28–43.
5. Нижник Н.С. Правовой статус военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: проблемы закрепления, реализации и современной оценки (по трудам профессора С.Г. Лысенкова) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 10 (339). – С. 25–36.
6. Нижник Н.С. Принуждение к проституции – преступление нацистов против мирного населения оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2025. – № 2 (46). – С. 32–41.
7. Нижник Н.С. Проституция на территориях, оккупированных нацистами в годы Великой Отечественной войны: коллаборационизм или вынужденная мера выживания? // Российский девиантологический журнал. – 2025. – Т. 5, № 4. – С. 542–563.
8. Нижник Н.С., Стоцкий А.П. Учебные заведения НКВД: милицееобразование и деятельность в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы XXII Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 482–488.

9. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. – 1930. – № 22. – Ст. 248.
10. Центр документации общественных организаций Свердловской области. – Ф. 4. – Оп. 31. – Д. 172.
11. Центр документации общественных организаций Свердловской области. – Ф. 4. – Оп. 31. – Д. 250.

ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОДЕРЖАНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ: НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОГО ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ

Кузнецов А.В.,

доктор философских наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: акселерация процессов цифровизации правоохранительной деятельности инициирует трансформацию не только операционно-тактического инструментария, но и самой парадигмы принятия управленческих и правоприменительных решений. Внедрение технологий искусственного интеллекта в контур правоохранительной системы детерминирует возникновение комплекса этико-правовых коллизий, лежащих в плоскости атрибуции ответственности, обеспечения презумпции невиновности, недопущения алгоритмической дискриминации и сохранения антропоцентрической природы права. В данной связи актуализируется проблема формирования у будущих сотрудников органов внутренних дел системных компетенций в области нормативно-ценностной регламентации искусственного интеллекта.

Ключевые слова: ответственный искусственный интеллект; прозрачность; подотчетность; справедливость; устойчивость; криминалистика

AI ETHICS IN THE CURRICULA OF LAW ENFORCEMENT EDUCATIONAL

Kuznetsov A.V.,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the acceleration of digitalization in law enforcement initiates a transformation not only of operational and tactical tools but also of the very paradigm of managerial and law enforcement decision-making. The integration of artificial intelligence (AI) technologies into the framework of the law enforcement system necessitates addressing a complex of ethical and legal collisions. These challenges lie in the spheres of attributing responsibility, ensuring the presumption of innocence, preventing algorithmic discrimination, and preserving the anthropocentric nature of law. In this context, the problem of developing systemic competencies among future law enforcement officers in the normative and axiological regulation of AI becomes paramount.

Keywords: responsible AI; transparency; accountability; fairness; robustness; forensics

Сложившаяся дидактическая система ведомственных вузов в ее текущем состоянии не обладает достаточной предметной и методологической емкостью для комплексного освещения мультидисциплинарной проблематики этики Искусственного интеллекта (далее – ИИ). Фрагментарные включения соответствующих аспектов в содержание дисциплин «Информационное право», «Философия права» и «Профессиональная этика», «Информационная безо-

пасность» не формируют целостного понимания онтологии и деонтологии взаимодействия с автономными интеллектуальными системами.

В рамках настоящей статьи осуществляется философско-методологическое обоснование имплементации в основные профессиональные образовательные программы (далее – ОПОП) ведомственных вузов нового предметного поля – «Этика и право искусственного интеллекта». Данное поле позиционируется как синтезирующая конструкция, интегрирующая следующие дидактические единицы.

Аксиология и онтология ИИ. Философские основания проблемы морального статуса искусственных агентов (проблема «морального пациента»); исследование смещенных онтологий, формируемых алгоритмическими системами, и их воздействие на правосознание.

Реализация данной дидактической единицы требует погружения в метафизические и аксиологические основания взаимодействия человека и искусственного интеллекта, что является фундаментом для последующего правового и этического регулирования.

Проблема «морального пациента» применительно к искусственным агентам. Классическая этика (от Аристотеля до Канта) оперирует дихотомией «моральный агент» – субъект, способный нести моральную ответственность за свои действия, и «моральный пациент» – сущность, по отношению к которой моральные агенты имеют обязательства (например, не причинять страдания). Внедрение сложных автономных систем, особенно в чувствительные сферы правоохранительной деятельности, взламывает эту дихотомию.

Аргумент против наделения статусом: ИИ лишен сознания, интенциональности, способности к страданию и рефлексии – классических атрибутов морального пациента: «интенциональностью Гуссерль называет существенное свойство сознания, состоящее в том, что оно всегда есть сознание чего-то; интенциональность – это направленность сознания на предмет. Сознание, говорит Гуссерль, по самой своей сущности интенционально» [4, с. 408]. Его «решения» есть результат детерминистического (или стохастического) вычисления, а не свободной воли или эмпатии. Следовательно, вся ответственность делегируется разработчикам, операторам и владельцам системы.

Аргумент в пользу нового статуса: когда ИИ достигает уровня **процедурной автономии** (способности действовать по непрозрачным для человека правилам в открытой среде) и его действия причиняют существенный вред, возникает **морально-правовой вакуум**. Прямая атрибуция ответственности человеку становится проблематичной. В этом контексте возникает концепция **«квазипациента»** – объекта, который, не будучи субъектом морали, в силу своей операционной автономии и воздействия на человеческие блага, требует особого режима морального и правового отношения. Это не наделение AI правами, а возложение на человека особых обязанностей по контролю, аудиту и предосторожности в отношении таких систем.

Смещенные онтологии алгоритмических систем и их воздействие на правосознание. Этот аспект касается того, как ИИ не просто обрабатывает данные, а конструирует новую реальность, которая замещает собой традиционную правовую онтологию. **Смещенная онтология** – это модель мира, создаваемая алгоритмом на основе обучающих данных и заложенных в него признаков. Эта модель всегда является редукцией: она оцифровывает сложные социальные, правовые и человеческие явления в набор признаков (свойств). Например, **в криминалистике** человек редуцируется до «набора биометрических параметров» и «паттернов поведения»; **в оперативно-разыскной деятельности** социальная ситуация редуцируется до «оценки уровня риска» или «вероятности совершения правонарушения»; **в судопроизводстве** судебный прецедент редуцируется до вектора юридически значимых характеристик.

Правосознание формируется на основе принципов, которые «отражают законность общественного развития, потребности этого общества. В этом их социальная обусловленность, зависимость от реальных условий жизни» [1, с. 185]. **Воздействие на правосознание осуществляется** подменой живой, многогранной правовой реальности ее алгоритмической симуляцией, ведет к следующим фундаментальным сдвигам:

1. **Реификация алгоритмических выводов, когда система выдает заключение:** «вероятность причастности 87%», которое начинает восприниматься не как вероятностный про-

гноз, а как объективный факт, обладающий онтологическим статусом, «является опредмечиванием абстрактных сущностей» [5, с. 13]. Это подрывает принцип *презумпции невиновности*, заменяя его *презумпцией алгоритмической достоверности*.

2. *Эрозия дискреционной власти*, когда сотрудник правоохранительных органов, делегируя решение алгоритму, утрачивает навык самостоятельного правового анализа и этической оценки ситуации в ее полноте. При таких условиях происходит **деформация профессионального правосознания** от понимания права как системы принципов и ценностей к технократическому следованию алгоритмическим инструкциям.

3. *Гносеологический разрыв*, когда алгоритм, основанный на корреляциях, а не на каузальных связях, формирует знание, не требующее понимания. Сотрудник перестает задаваться вопросом «почему?», довольствуясь ответом: так решила система. Это противоречит самой сути юридического мышления, основанного на установлении причинно-следственных связей и логическом обосновании.

Таким образом, для воспитания в ведомственном вузе такого важного личностно-профессионального качества будущих сотрудников органов внутренних дел, которые призваны обеспечивать законность и порядок, как правосознание в ведомственном вузе, изучение аксиологии и онтологии ИИ не является абстрактно-философским упражнением. Это формирование **методологического иммунитета** у будущих специалистов. Они должны понимать, что взаимодействуют не с нейтральным инструментом, а с системой, активно конструирующей собственную, часто редуцированную версию правовой реальности и имплицитно несущей в себе риски для фундаментальных правовых принципов. Без этого понимания невозможно ответственное и юридически грамотное применение технологий ИИ в правоохранительной практике.

Нормативно-правовой каркас регулирования ИИ. Анализ действующего и перспективного законодательства, включая Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ, международных стандартов (например, рекомендации ЮНЕСКО по этике ИИ) и ведомственных актов, регламентирующих разработку и применение ИИ в правоохранительной деятельности, показывает, что российский подход к регулированию ИИ характеризуется как стратегическим целеполаганием, так и созданием конкретных институтов развития. Основные документы и инициативы представлены ниже.

В рамках *стратегического планирования* основополагающим документом является Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Этот указ утверждает Национальную стратегию развития ИИ до 2030 года, определившую ключевые направления госполитики в этой сфере.

В рамках *развития соответствующих институтов* с июня 2025 года принято постановление Правительства Российской Федерации № 861, которым образован Центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации. Его задачи включают информационно-аналитическое и организационно-техническое сопровождение реализации приоритетных задач в области ИИ, включая нормативно-правовое регулирование обеспечения безопасности этих технологий.

В соответствии с обновленной концепцией регулирования с 2025 года ключевыми принципами регулирования являются безопасность, технологический суверенитет, уважение свобод человека, недискриминация и подотчетность. Акцент делается на том, что системы ИИ не должны причинять вред и должны оставаться под контролем человека – «Human-in-Command» (HIC) – подход к сотрудничеству человека и искусственного интеллекта, при котором человек принимает решения, а системы ИИ предоставляют поддержку и рекомендации. Действующая концепция методологически определяет подход к законодательству через вышеуказанный комплекс ключевых положений, определяющих стратегию развития, при котором в отличие от ЕС Россия планирует регулировать ИИ не путем принятия единого всеобъемлющего закона, а на отраслевой основе, с учетом специфики таких сфер, как здравоохранение, образование и, что важно для вашего контекста, правоохранительная деятельность.

Международные стандарты и зарубежный опыт. Понимание международного контекста критически важно для формирования сбалансированного подхода, особенно в части этики и управления рисками. В частности, регламент ЕС об ИИ (AI Act) основан на принципах оценки рисков, которые обусловлены законодательством Европейского Союза в области ИИ. Здесь системы ИИ делятся на четыре категории: недопустимого риска (запрещены), высокого риска (подлежат строгому регулированию), ограниченного и минимального риска.

Определение, то есть задание определенных пределов – границ, формирующих ключевые запреты в практиках применения ИИ, актуализирует составление трансгрессивных практик, в число которых входят, в частности, «социальный скоринг» и использование систем предсказания преступлений на основе анализа личностных характеристик.

В отношении регулирования правоохранительной деятельности для применения технологий реальной биометрической идентификации в публичных местах с использованием ИИ установлены строгие ограничения и требования, которые могут затрагивать фундаментальные права.

Рекомендации по этическим аспектам ИИ, принятые в ноябре 2021 года 193 странами – членами ЮНЕСКО, предполагают ценностно-ориентированный подход, основанный на защите прав и достоинства человека. Документ призывает выходить за рамки общих принципов к конкретным политическим действиям и охватывает различные сферы политических действий, которые позволяют воплотить в жизнь основные ценности и принципы в отношении управления данными, окружающей среды и экосистем, гендера, образования и исследований, здравоохранения и социального благополучия и других.

Аспекты правоприменения и ведомственного регулирования. Внедрение ИИ в правоохранительную деятельность сопряжено с рядом специфических вызовов, требующих правового и этического осмысления.

Границы применения: как отмечают исследователи, внедрение ИИ в работу органов дознания, следствия, прокуратуры и суда должно проводиться с четким определением границ между правовой и внеправовой работой, которую может выполнять машина, не нарушая этических норм, прав и свобод человека.

Конкретные инструменты: на практике правоохранительные органы в разных странах уже используют или тестируют такие технологии, как распознавание лиц, прогнозная аналитика (predictive policing / прогностическое полицейское дело) и анализ больших данных. «Большие данные – это совокупность данных, которые не могут быть собраны, управляемы и обработаны с помощью обычных программных инструментов в течение определенного периода» [3, с. 46]. Каждое из этих направлений требует отдельного регламентирования для минимизации рисков алгоритмической предвзятости и ошибок.

Сравнительный анализ подходов. Для наглядности ключевые различия в подходах к регулированию ИИ между Россией и Европейским союзом представлены в таблице 1.

Таблица 1. Ключевые различия в подходах к регулированию ИИ между Россией и Европейским Союзом

Аспект	Российская Федерация	Европейский Союз
Подход	Отраслевое регулирование, стратегическое планирование	Единый комплексный регламент (AI Act)
Фокус	Технологическое развитие, суверенитет, безопасность	Управление рисками, защита прав человека
Отношение к биометрии	Формируется в рамках отраслевых норм	Жесткие ограничения для использования в реальном времени
Ключевой принцип	Антропоцентричность (человек под контролем)	Доверие к ИИ (trustworthy AI)

Резюмируя для педагогического осмысления вышесказанное, мы выделяем следующие правовые коннотации в процессе формирования нового предметного поля.

В России происходит становление системы регулирования, сочетающей сквозные принципы с отраслевой спецификой, при активной роли государства как драйвера развития.

На международной арене доминирует европейский рискориентированный подход, устанавливающий высокую планку в части защиты прав граждан, что является прямым вызовом для разработчиков и пользователей технологий ИИ в правоохранительной сфере.

Ключевой вызов для будущих специалистов органов внутренних дел будет заключаться в нахождении баланса между оперативной эффективностью, предоставляемой новыми технологиями, и неукоснительным соблюдением этико-правовых норм, закрепленных как в национальном, так и в международном праве.

Этичный ИИ-следователь. Концепция принципов ответственного ИИ находит свое практическое и жизненно важное воплощение в образе этичного ИИ-следователя. Это не просто смена названий, а создание целостной парадигмы для применения ИИ в такой чувствительной сфере, как правоохранительная деятельность.

Абстрактные принципы – *прозрачность, подотчетность, справедливость и устойчивость* – становятся профессиональной ДНК этого цифрового специалиста. *Прозрачность* (транспарентность, объяснимость) содержит требование к алгоритмической системе предоставлять интерпретируемые и верифицируемые основания для принятия решений. В контексте права это производное от принципа правовой определенности и права на справедливое судебное разбирательство – это его способность вести «протокол мышления», позволяя следователю-человеку понять цепочку рассуждений: почему система выделила именно этого человека из толпы или связала два разрозненных факта. Без этого любое доказательство, полученное с помощью ИИ, будет несостоятельным в суде. Иными словами, заключение ИИ-системы прогнозно-аналитической работы о присвоении лицу/событию категории высокого риска не может быть «черным ящиком». Для санкционирования оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) необходимо объяснимое заключение, раскрывающее ключевые предикторы и их весовые коэффициенты (например, «высокая оценка риска обусловлена совокупностью факторов X, Y, Z с доверительными интервалами»). В следующем примере в криминалистике при использовании ИИ для идентификации личности по биометрическим данным (например, DNN-сети для установления лица по видео) требуется интерпретация результатов. Следователь и суд должны понимать, на основе каких дискретных признаков (дистанция между зрачками, геометрия скул) система пришла к выводу и каков при этом уровень статистической достоверности. Основная проблема в вышеуказанных примерах заключается в компромиссе между интерпретируемостью (Explainable AI – XAI / Объяснимый ИИ) и точностью сложных моделей машинного обучения, например так называемого deep learning – глубокого обучения. Законодатель и правоприменитель должны определить минимально допустимый порог объяснимости для использования результатов в доказывании.

Подотчетность (атрибуция ответственности) превращает алгоритм из «черного ящика» в ответственного сотрудника. Этот принцип четко определяет зоны ответственности на основе правового требования, вытекающего из необходимости персонификации вины. Разработчик отвечает за разработку, отсутствие фатальных ошибок в коде и корректность алгоритма, развертывание, эксплуатацию и последствия решений, принятых с участием ИИ. Оператор-эксплуатант отвечает за корректность поставленных задач (в МВД России – за корректность ввода данных и интерпретацию выходных сигналов). Руководство – конечное лицо, принимающее решение. Сотрудник, санкционирующий ОРМ или выносящий процессуальное решение, отвечает за правомерность итогового решения. ИИ-следователь не снимает ответственности с людей, а, напротив, делает ее распределение более четким. Такая сквозная цепочка ответственности: внедряется модель, при которой ответственность распределяется между разработчиком (за корректность алгоритма и тренировочных данных), оператором-эксплуатантом и конечным лицом, принимающим решение. AI рассматривается как инструмент повышенной опасности, что требует адаптации гражданско-правовых и дисципли-

линарных механизмов. В качестве гипотетического примера укажем на ситуацию, когда ошибочный прогноз о месте совершения преступления привел к необоснованному сосредоточению сил и упущению реального инцидента, что требует установления, была ли ошибка в модели, в данных или в их интерпретации дежурным.

Справедливость (недопущение дискриминации) – это его «служебная присяга» на верность закону, а не статистическим аномалиям. Данный принцип содержит императив к ИИ-системе минимизировать алгоритмические смещения, приводящие к ситуации предвзятости и необъективности. Его задача – анализировать улики, а не укреплять человеческие предрассудки, обеспечивая равный подход к расследованию для всех как прямое отражение конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. В качестве гипотетического примера прогнозно-аналитической работы отметим критически важный статус аудиторской проверки тренировочных данных на репрезентативность. Если данные о прошлых преступлениях отражают исторически сложившуюся «переописанность» определенных районов или социальных групп, система законсервирует и усилит этот дисбаланс. В данной связи – использование технических методов «дебайазинга» (выравнивания распределения признаков), введение «справедливых» метрик в машинном обучении (например, обеспечения равной точности – *equalized odds* – для разных демографических групп) и постоянный мониторинг выходных решений на предмет диспропорционального воздействия.

Наконец, *устойчивость* (надежность) – это способность ИИ-системы сохранять корректность функционирования в условиях непреднамеренных ошибок входных данных, целенаправленных враждебных атак и изменения условий оперативной обстановки. Это аналог требований к достоверности и допустимости доказательств. Система должна противостоять попыткам взлома, работать с неполными или зашумленными данными (как это часто бывает в оперативной работе) и не давать сбоев под давлением обстоятельств, когда на кону жизни людей. В качестве гипотетического примера, например в области криминалистики, система распознавания лиц должна быть устойчива к разновидности *adversarial*-воздействий (от англ. *adversarial* – состязательный), в частности такому воздействию на нейронную сеть, которое способно вызвать ошибки в ее поведении – таковыми могут выступать и незаметные для человека изменения в изображении (например, специальные очки, наклейки), которые приводят к кардинально неверной идентификации. В качестве рекомендаций предлагается обеспечение через строгий цикл тестирования, включающий *стресс-тесты* и совершенствование техник машинного обучения, а также разработку протоколов для немедленного отключения системы при выявлении аномалий в ее работе.

Таким образом, этичный ИИ-следователь – это и есть принципы ответственного ИИ, облеченные в плоть и кровь для задач оперативно-разыскной деятельности, криминалистики и прогнозной аналитики. Он является не просто инструментом, а профессионалом, чья работа построена на доверии, контроле и неукоснительном следовании этическим нормам, что в конечном итоге делает борьбу с преступностью не только эффективнее, но и человечнее.

Вместе с тем интеграция технологий искусственного интеллекта в контур правоохранительной деятельности трансформирует их из инструмента поддержки решений в активного участника операционно-служебных процессов. Это обуславливает необходимость имплементации принципов ответственного ИИ в качестве нормативно-методического каркаса, обеспечивающего не только операционную эффективность, но и соответствие фундаментальным правовым принципам. Принципы ответственного ИИ не являются изолированными императивами, а образуют единую систему. Устойчивая система, выдающая несправедливые результаты в силу смещенных данных, не может считаться подотчетной, а ее непрозрачность делает невозможной проверку на предмет соблюдения всех остальных принципов.

Таким образом, интеграция этих требований в ведомственные регламенты и педагогические программы – это не вопрос технологической моды, а императив для сохранения правовой легитимности правоохранительной деятельности в эпоху алгоритмизации.

Таким образом, институционализация нового предметного поля направлена не только на формирование узкоспециальных знаний, но и на развитие у обучающихся критического технологического мышления и ценностно-смысловой рефлексии. Это является императивом для подготовки нового поколения юридически грамотных и социально ответственных специалистов, способных осуществлять профессиональные функции в условиях антропотехнической синергии, гарантируя приоритет прав и свобод человека как фундаментальный принцип правового государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айтмуканова Г.М. Теоретическое содержание государственного финансового контроля // Экономика и предпринимательство. – 2021 – Т. 15, № 11 (136). – С. 183–185.
2. Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху. Модели и типология рисков: монография / П.С. Бондарь, Д.В. Жмуров, Ч.А. Кенден [и др.]; под общ. ред. д-ра полит. наук А.Ю. Мамычева. – Владивосток: ВВГУ, 2023. – 151 с.
3. Ватьян А.С. Системы искусственного интеллекта. – Санкт-Петербург: Национальный исследовательский университет ИТМО, 2022. – 186 с.
4. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX в. – Москва: Республика, 1997. – 494 с.
5. Попов В.В. Права человека в правовом регулировании: теоретический анализ: монография. – Волгоград: ВА МВД России, 2024. – 271 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ И ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Курилова Н.В.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье автором затрагивается актуальный вопрос получения образования несовершеннолетними, относящимися к категории иностранных граждан и лиц без гражданства. По причине отсутствия нормативного правового закрепления правового статуса несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства указанная категория сталкивается с трудностями в процессе подготовительных мероприятий и оформления на учебу по программам обязательного образования. В настоящее время несовершеннолетние иностранные лица, которые пребывают на территории Российской Федерации без родителей (законных представителей), не имеют возможности самостоятельно представлять личные интересы в сфере образования. Автором предложено решение обозначенной проблемы. Так, целесообразно закрепить на законодательном уровне правовой статус несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства в виде самостоятельного блока положений Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Кроме того, необходимо расширить круг установленных прав и обязанностей изучаемой категории лиц в сфере образования, позволяющих самостоятельно представлять свои интересы в структуре органов образования.

Ключевые слова: миграция; несовершеннолетние иностранные граждане; несовершеннолетние лица без гражданства; правовое положение; правовой статус

PROBLEMATIC ISSUES OF REALIZATION BY MINORS OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS OF THE RIGHT TO EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kurilova N.V.,

Postgraduate

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the article, the author touches upon the topical issue of education for minors belonging to the category of foreign citizens and stateless persons. Due to the lack of regulatory legal consolidation of the legal status of minor foreign citizens and stateless persons, this category of persons faces difficulties in the process of preparatory activities and registration for compulsory education programs. Currently, foreign minors who stay in the territory of the Russian Federation without parents (legal representatives) do not have the opportunity to independently represent their personal interests in the field of education. The author has proposed a solution to this problem. Thus, it is advisable to consolidate at the legislative level the legal status of minor foreign citizens and stateless persons in the form of an independent block of provisions of Federal Law No 115-FZ dated July 25, 2002 "On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation." In addition, it is necessary to expand the range of established rights and obligations of the studied category of persons in the field of education, to provide them with the opportunity to independently represent their interests in the structure of educational authorities.

Keywords: migration; minor foreign citizens; minor stateless persons; legal status; legal status

Российская Федерация занимает лидирующие позиции по числу мигрантов. Вопросы, касающиеся такого явления, как миграция, в настоящее время привлекают к себе большое внимание и являются дискуссионными, в особенности связанные с несовершеннолетними иностранными гражданами и лицами без гражданства с учетом их возрастных особенностей и развития.

Согласно данным Росстата по итогам 2023 года число прибывших в Российскую Федерацию из-за ее пределов составило 560 434 человека. При распределении международных мигрантов в Российской Федерации по возрастным группам число прибывших иностранных граждан за 2023 год в возрасте от 0 до 4 лет – 6420; от 5 до 9 лет – 6665; от 10 до 14 лет – 5993; от 15 до 19 лет – 24 812 [1].

На заседании пленарной сессии Петербургского Международного экономического форума в 2024 году глава государства В.В. Путин говорил о необходимости изыскания новых подходов в сфере миграции. Он указал, что стране необходимы люди-мигранты с трудовой квалификацией, знанием русского языка, традиций и законов [2].

Общеизвестно, что, помимо заработка, среди главных целей переезда мигрантов выделяют обучение. По состоянию на конец апреля 2024 года на миграционный учет поставлено 4 722 890 иностранных граждан и лиц без гражданства. За аналогичный период 2025 года количество увеличилось на 171 821 (3,6%) и составило 4 894 711. Среди указанной категории лиц в 2024 году 279 183 лица прибыло в Российскую Федерацию с целью обучения, в 2025 году – 332 553. Данные статистической отчетности демонстрируют динамику численности иностранных лиц, приезжающих в Российскую Федерацию, в 2025 году по сравнению с 2024 годом на 53 370 человек (19,1%). Число иностранных граждан и лиц без гражданства, не достигших 18-летнего возраста, состоящих на миграционном учете, на конец апреля 2025 года установлено 3 090 489, в 2024 году – 3 127 483 [3].

По результатам анализа статистических данных перемещения иностранных граждан и лиц без гражданства по регионам, в качестве примера укажем несколько из них. Так, например, на территории Белгородской области на конец апреля 2025 года на миграционный учет поставлено 14 481 иностранный гражданин и лицо без гражданства, в 2024 году – 13 239, что свидетельствует об увеличении численного показателя на 1242 единицы (9,4%). Из них за 4 месяца 2024 года для 2769 лиц целью явилось получение образования, за 4 месяца 2025 года –

для 3752, что на 983 больше аналогичного периода прошлого года (35,5%). В Московской области на конец апреля 2024 года на миграционном учете состояли 673 161 иностранный гражданин и лицо без гражданства, за 4 месяца 2025 года – 717 104, что на 43 943 (6,5%) больше в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. Из них за 4 месяца 2024 года для 10 351 лица целью явилось получение образования, за 4 месяца 2025 года для 15 140, что на 4789 (46,3%) больше аналогичного периода прошлого года. В Воронежской области на конец апреля 2024 года на миграционном учете состояло 29 123 иностранных гражданина и лица без гражданства, за 4 месяца 2025 года – 35 293, что на 6 170 больше в сравнении с прошлым годом (21,2%). Из них за 4 месяца 2024 года целью явилось получение образования – 2695, за 4 месяца 2025 года для – 3543, что на 848 больше аналогичного периода прошлого года (31,5 %) [3].

26 декабря 2024 года заместитель председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведев на совещании по вопросам совершенствования миграционного законодательства сообщил о том, что в Российской Федерации более 200 тысяч несовершеннолетних иностранных лиц обучается в школах России [4]. В соответствии со ст. 62 Конституции Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральными законами или международными договорами Российской Федерации [5]. Таким образом, в Российской Федерации допустимо разделение правового статуса лица по отношению к гражданству.

Положениями ч. 2 ст. 78 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» обеспечена синхронизация конституционного права на получение иностранными гражданами и лицами без гражданства дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования наравне с гражданами Российской Федерации [6].

Согласно ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в Российской Федерации гарантированы общедоступность и бесплатность в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования [6].

Пункт 9 приказа Министерства просвещения Российской Федерации от 15 мая 2020 г. № 236 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам дошкольного образования» гласит о том, что направление и прием в образовательную организацию осуществляются по личному заявлению родителя (законного представителя) ребенка на бумажном носителе и (или) в электронной форме через портал государственных и муниципальных услуг (функций) [7].

Из этого следует, что никто другой, кроме родителей (законных представителей), не может выполнить предусмотренные законом требования по приему ребенка на обучение. Кроме того, даже сам ребенок не может самостоятельно обеспечить себя такой возможностью.

Пограничная служба ФСБ России в п. 2.5 Информационного письма доводит к сведению, что несовершеннолетним иностранным гражданам или лицам без гражданства для самостоятельного въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации оформление согласия законных представителей для предъявления на пограничный контроль не требуется. Исключение – несовершеннолетние граждане Украины [8].

Таким образом, несовершеннолетние иностранные лица имеют возможность пересекать границу и находиться на территории Российской Федерации самостоятельно. При этом возникают трудности, связанные с процедурой установления законности пребывания несовершеннолетнего иностранного лица на новой территории, и проблемы реализации права на образование. Несовершеннолетний иностранный гражданин или лицо без гражданства, прибывшее в Российскую Федерацию самостоятельно, не имеют правовой возможности выразить свое желание обучаться по обязательным программам образования. Указанная категория лиц за счет оторванности от родителей (законных представителей) попадает в категорию социально уязвимых. На практике имеют место случаи, когда у несовершеннолетнего ино-

странного лица в полной мере не организован досуг и отсутствует занятость. С учетом недостаточного родительского контроля и воспитания, полной безнадзорности, отсутствия учебно-воспитательной работы в общеобразовательной организации, иной занятости указанная категория лиц лишена возможности реализации своих социальных и правовых компетенций. Это порождает чувство вседозволенности, которое приводит к криминальным проявлениям поведения несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства.

Так, председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин на оперативном совещании по вопросам расследования преступлений несовершеннолетних отметил рост преступлений несовершеннолетних мигрантов в 2024 году. Так, число преступлений, совершенных иностранцами, незаконно находящимися в России, в 2024 году увеличилось втрое по сравнению с 2023 годом. В целом, по данным ведомства, все иностранцы в 2024 году совершили в России 23 847 преступлений. Число тяжких преступлений по состоянию на тот момент выросло на 12% – с 4390 до 4935. Наиболее сложная миграционная обстановка зафиксирована в столичном регионе. За 8 месяцев 2024 года на 10% увеличилось количество преступлений, совершенных несовершеннолетними иностранными лицами. Причем возросло более чем вдвое число особо тяжких деяний, совершенных подростками-мигрантами – с 53 до 108. А.И. Бастрыкин заявил, что необходимо усилить взаимодействие следователей с сотрудниками органов внутренних дел, а также с местными органами власти и администрациями учебных учреждений. По его словам, это нужно для профилактики подростковой преступности, в том числе преступлений несовершеннолетних мигрантов [9].

В целях исполнения положений нормативных правовых актов, связанных с обязательным получением общего образования на территории Российской Федерации, в рамках профилактики безнадзорности и совершения правонарушений несовершеннолетними лицами, а также программы «Всеобщего образования» на территории Российской Федерации представители образовательных организаций проводят мониторинг находящихся на территории обслуживания лиц, попадающих под категорию учащихся, проводят с ними правовую пропаганду, оказывают помощь в приеме на обучение. Однако результаты работы распространяются на лиц, находящихся на территории нашей страны с родителями (законными представителями). Несовершеннолетние лица, которые пребывают на территории Российской Федерации самостоятельно, остаются вне правового поля в данном вопросе со всеми вытекающими последствиями. В этом случае полиции не представляется возможным кого-либо привлечь к административной ответственности, а также создать условия персональной ответственности несовершеннолетнего иностранного лица, умышленно уклоняющегося от получения обязательного образования.

Таким образом, необходимо уделить особое внимание правовому положению несовершеннолетних иностранных лиц, так как в правоприменительной деятельности в сфере образования возникают проблемы, решение которых затруднительно без определения правового статуса указанной категории лиц. Видим необходимость в закреплении правового положения несовершеннолетних иностранных лиц, дополнении содержания Федерального закона от 25.01.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», а также Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» нормами, определяющими правовое положение несовершеннолетних иностранных лиц на территории Российской Федерации. Предлагается расширить круг полномочий несовершеннолетних иностранных лиц, находящихся самостоятельно на территории Российской Федерации, позволяющих лично осуществлять направление и прием в образовательную организацию документов для дальнейшего получения образования. Это позволит не допустить безнадзорность и отсутствие занятости несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, являющихся уязвимой категорией населения в силу личных умственных и психических особенностей с учетом возраста, повысить уровень профилактики правонарушений и преступлений со стороны несовершеннолетних, а также расширит круг полномочий полиции в работе с указанной категорией лиц.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Информационно-аналитические материалы Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru>.
2. Путин на заседании ПМЭФ-2024 назвал главные задачи развития России [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2024/06/09/vremiaru.html> (дата обращения: 01.11.2024).
3. Сведения отчета I-РД за 4 месяца 2025 года. – Москва: ГИАЦ МВД России, 2025.
4. Видеозапись выступления зампреда Совбеза РФ Д.А. Медведева на совещании по вопросам совершенствования миграционного законодательства [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/dm?w=wall53083705>.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/> (дата обращения: 01.04.2025).
6. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. 01.04.2025) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?> (дата обращения: 01.04.2025).
7. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 15.05.2020 № 236 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам дошкольного образования» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/> (дата обращения: 01.04.2025).
8. Информация ФСБ России от 13.05.2021 «Пограничная служба ФСБ России информирует» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://ps.fsb.ru/fps/general/info/covid.htm> (дата обращения: 01.04.2025).
9. Полякова Н.В. Актуальные вопросы реализации иммиграционных статусов несовершеннолетних иностранных граждан подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД России / Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения: материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 сентября 2023 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 164–167.
10. Информационно-аналитические материалы Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. – URL: <https://sledcom.ru/search?>
11. Столярова З.Н. Об административно-правовом статусе детей мигрантов в Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 4 (72). – С. 60–66.
12. Полякова Н.В. Законный представитель несовершеннолетнего в сфере миграции: проблемы реализации статуса // Вестник Воронежского института МВД России. – 2023. – № 4. – С. 295–300.
13. Полякова Н.В. Проблемы административно-правового регулирования положения несовершеннолетних мигрантов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 189–190.
14. Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н., Евсеева И.Г. Правовое положение детей-мигрантов в Российской Федерации // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2020. – № 3. – С. 81–83.
15. Степанов А.В. К вопросу о миграционном правовом статусе иностранцев в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2016. – № 4 (22). – С. 84–97.
16. Румянцев В.Л. Правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Мировая наука. – 2019. – № 6 (27). – С. 397–401.

17. Евтушенко В.И. Об определении общего правового статуса мигранта // Современное право. – 2015. – № 5. – С. 35–39.

18. Андрейченко Л.В. Государственное управление в сфере миграции: опыт Российской Федерации и Республики Беларусь // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 53–68.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 186.1 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лакеева Е.В.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье анализируется определение взаимодействия при производстве такого следственного действия, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) их устройствами. Основное внимание уделяется взаимодействию с организацией, осуществляющей услуги связи, включая роль руководителя этой организации в процессе производства рассматриваемого следственного действия. Предлагается дополнить статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации понятием «руководитель организации, осуществляющей услуги связи». Автор затрагивает нововведение, связанное с изменениями в законодательстве, касающимися электронного документооборота.

Ключевые слова: электронный документооборот; информация о соединениях; абонент; абонентское устройство; следственное действие

ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN THE CONDUCT OF INVESTIGATIVE ACTIONS PROVIDED FOR BY ARTICLE 186.1 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Lakeeva E.V.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article analyzes the definition of interaction during an investigative action – obtaining information about connections between subscribers and (or) their devices. The focus is on interaction with the organization providing communications services, including the role of the organization's manager in the investigative action in question. It is proposed to supplement Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with the concept of "manager of an organization providing communications services". The author addresses an innovation related to legislative changes concerning electronic document management.

Keywords: electronic document management; connection information; subscriber; subscriber device; investigative action

На современной стадии научно-технического развития наблюдается явная тенденция к изменению форм доказательств. Традиционные письменные документы, удостоверенные подписями и печатями, постепенно уступают место зашифрованным данным, существующим исключительно в электронном пространстве. Этот технологический сдвиг обуславливает необходимость в проведении следственных мероприятий, ориентированных на извлечение релевантной информации из технических устройств, обеспечивающих дистанционную коммуникацию. Одним из таких следственных действий является получение информации о со-

единениях между абонентами и (или) их устройствами (ст. 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Процедура производства вышеуказанного следственного действия предполагает взаимодействие органов предварительного расследования (следователя, дознавателя) не только с участниками уголовного судопроизводства, но и со сторонними организациями, осуществляющими услуги связи.

Как еще отмечал В.Д. Зеленский, «взаимодействие предполагает использование возможностей оперативных служб и научно-технического обеспечения расследования в получении доказательств» [3, с. 147]. Автор определил взаимодействие в единстве оперативно-разыскной работы, научно-технических и процессуальных средств и методов получения доказательств. При этом В.Д. Зеленский отмечает, что взаимодействие – это часть расследования, которая нуждается в организации [3, с. 150].

Р.С. Белкин рассматривал взаимодействие как форму организации расследования преступлений, заключающуюся в основанном на законе сотрудничестве следователя с органом дознания, согласованном по целям, месту и времени [4, с. 31].

Исходя из приведенных определений взаимодействия, можно сделать вывод, что любая форма взаимодействия требует его организации. Однако, как уже было отмечено выше, научно-техническое развитие не стоит на месте, и нельзя ограничиться определением взаимодействия лишь между закрепленными в уголовно-процессуальном законе участниками уголовного судопроизводства. Расследование преступлений давно уже вышло за рамки лишь «внутреннего» взаимодействия, так как для успешного расследования «новых» уголовных дел требуются новые знания, силы и средства.

Интересна позиция авторов, которые дали наиболее широкое определение взаимодействия не ограничиваясь лишь несколькими участниками данного процесса (органами предварительного расследования и органами дознания). Ученые определяют взаимодействие как «согласованную деятельность следователя, оперативного органа, экспертно-криминалистического подразделения и других субъектов доказывания, предполагающую рациональное сочетание при расследовании преступления процессуальных действий, оперативно-разыскных мероприятий и иных действий, осуществляемых каждым из них в соответствии со своими функциями и в пределах предоставленных законом полномочий, с использованием специальных знаний и технико-криминалистических средств с целью наиболее успешного выполнения задач уголовного судопроизводства» [5, с. 32]. Однако и приведенное определение не отражает специфики взаимодействия с привлекаемыми к уголовному делу лицами. Каждое следственное действие, процессуальный порядок которого закреплен в УПК РФ, требует определения круга субъектов, с которыми происходит взаимодействие органов следствия (дознания) в процессе его производства.

Для успешного получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами требуется привлечение следующих субъектов: суд (ч. 1 ст. 186.1 УПК РФ; ст. 165 УПК РФ; п. 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ); руководитель следственного органа (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ; ч. 1 ст. 165 УПК РФ); прокурор (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ; ч. 1 ст. 165 УПК РФ); руководитель организации, осуществляющей услуги связи (чч. 3, 4 ст. 186.1 УПК РФ); специалист (ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ); органы дознания (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ; п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ).

Очевидными становятся вопросы, как осуществляется организация взаимодействия вышеуказанных участников уголовного судопроизводства, какое правовое регулирование используется при взаимодействии с органами предварительного расследования. В рамках данной статьи мы остановились лишь на организации взаимодействия с руководителем организации, осуществляющей услуги связи.

Процессуальный статус руководителя организации, осуществляющей услуги связи, не определен не в разделе 2 УПК РФ, не в ст. 5 УПК РФ. При этом п. 58 ст. 5 УПК РФ участников уголовного судопроизводства определяет как лиц, принимающих участие в уголовном процессе. То есть руководитель такой организации при взаимодействии с органами предва-

рительного расследования будет считаться полноценным участником уголовного судопроизводства. В научной литературе таких участников уголовного судопроизводства определяют как «участников уголовного процесса с неопределенным правовым положением» [6, с. 22], «участвующих в деле лиц с неопределенным или недостаточно определенным процессуальным положением» [7, с. 355], «иных субъектов (неучастники) уголовного процесса» [7, с. 365].

При этом специфика взаимодействия с руководителем осуществляющей услуги связи организации заключается не только в предоставлении запрашиваемых в рамках ст. 186.1 УПК РФ ответов, но и в осуществлении фиксации значимой для уголовного дела информации (детализации звонков) на серверах сотового оператора. Иными словами, правоохранительные органы используют устройства операторов связи для раскрытия уголовных дел.

Мы отчасти согласимся с точкой зрения О.А. Зелениной, что нет необходимости в обязательной регламентации процессуального статуса таких лиц, но требуется их терминологическое определение [8, с. 242]. Также интересным видится высказывание О.В. Гладышевой об установлении самостоятельного процессуального статуса для лиц, процессуальный статус которых не определен УПК РФ [9, с. 141].

Руководитель организации, осуществляющей услуги связи, в уголовно-процессуальном законодательстве встречается лишь один раз, в связи с чем, считаем нецелесообразным выделение его процессуального статуса в отдельной статье. Тем не менее, видим возможным закрепление определения в ст. 5 УПК РФ путем обозначения руководителя организации, осуществляющей услуги связи, как физическое лицо, деятельность которого направлена на оказание услуг связи на основании соответствующей лицензии.

Как отмечают процессуалисты, правовым основанием получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами является судебное решение, вынесенное по ходатайству следователя с согласия руководителя следственного органа [10, с. 420], соответственно, дознавателя с согласия прокурора. Авторы отмечают и особенность в длительном взаимодействии, но не более шести месяцев [10, с. 420]. При этом ранее необходимая информация могла предоставляться руководителем организации, осуществляющей услуги связи, на любом материальном носителе. Однако последние законодательные изменения коснулись изменений в форме предоставления указанной информации. Так, при наличии технической возможности указанная информация может «направляться посредством систем электронного документооборота в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, в установленном федеральным законом порядке с соблюдением мер по обеспечению конфиденциальности и безопасности передаваемой информации».

Таким образом, изменения в части регламентации получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами с помощью электронного документооборота существенно сократят сроки получения такой информации. При этом квалифицированной электронной подписью обладают все следователи (дознаватели), однако для соблюдения конфиденциальности и недопустимости ее получения третьими лицами, требуется использование **сервиса электронной почты** (далее – СЭП), который предназначен для автоматизации процессов обмена электронными сообщениями между сотрудниками МВД России и внешними адресатами. В настоящее время нормативная база, регламентирующая использование СЭП при производстве следственных действий, отсутствует, что не позволяет использовать нововведение в практической деятельности.

Таким образом, в рамках данной статьи нами был рассмотрен вопрос организации взаимодействия следователя (дознавателя) с правоохранительными органами и осуществляющими услуги связи организациями для получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В рамках производства рассматриваемого следственного действия органы предварительного расследования взаимодействуют с судом; руководителем следственного органа; прокурором; руководителем осуществляющей услуги связи организации; специалистом; органами дознания.

В статье был сделан акцент на взаимодействии органов предварительного расследования с руководителем осуществляющей услуги связи организации. Так, для успешной организации взаимодействия с руководителем осуществляющей услуги связи организации целесообразно внести изменения в ст. 5 УПК РФ, дополнив определением «руководитель организации, осуществляющей услуги связи, – физическое лицо, деятельность которого направлена на оказание услуг связи на основании соответствующей лицензии». В том числе, последние изменения в области электронного документооборота существенно упростят работу органов предварительного расследования, однако требуются соответствующие нормативные разъяснения и разработка алгоритма такого взаимодействия с осуществляющими услуги связи организациями, дабы направляемая по электронному документообороту информация не стала доступна третьим лицам, тем самым не были нарушены конституционные права на тайну коммуникаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кокорин Д.Л., Дерюгин Р.А. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: организация и тактика следственного действия / Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 18 мая 2018 г. – Москва: Академия управления МВД России, 2018. С. 124–129.
2. Антонов О.Ю. Принципы получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2021. – № 1 (44). – С. 239–246.
3. Зеленский В.Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений: монография. – Краснодар: КубГАУ, 2011. – 188 с.
4. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия: справочное пособие. – 2-е изд., доп. – Москва: Мегатрон-XXI, 2000. – 333 с.
5. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, И.В. Александров, А.И. Бастрыкин [и др.]; под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – Москва, 2014. Т. 2. – 511 с.
6. Марфицин П.Г. Участники уголовного процесса с неопределенным правовым положением / Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы правоприменительной деятельности: межвуз. сб. науч. тр. – Омск: Омская высш. шк. милиции МВД России, 1993. С. 21–27.
7. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. – Москва: Юрайт, 2013. – 799 с.
8. Зеленина О.А. Сущность категории «участник уголовного судопроизводства» в науке уголовно-процессуального права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – Вып. 23, № 25. – С. 238–244.
9. Гладышева О.В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 192 с.
10. Криминалистика. Полный курс: учебник: в 2 ч. / А.Г. Филиппов, В.В. Агафонов, Н.А. Бурнашев [и др.]. – 6-е изд., пер. и доп. – Москва: Юрайт, 2018. Ч. I. – 449 с.
11. Федеральный закон от 31.07.2025 № 278-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА СЛУЖБОЙ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ МВД РОССИИ (ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ)

Лапова Е.С.,

адъюнкт

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Аннотация: в статье представлен историографический анализ научных работ, отражающих возможности формирования правовой культуры общества службой МВД России по связям с общественностью с помощью формирования положительного образа отдельных ведомственных подразделений.

Ключевые слова: правовая культура; средства формирования правовой культуры; служба по связям с общественностью МВД России; пресс-служба МВД России

FORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF RUSSIAN SOCIETY BY THE PUBLIC RELATIONS SERVICE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS (EXPERIENCE OF HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM)

Lapova E.S.,

Postgraduate

(Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article presents a historiographical analysis of scientific works reflecting the possibilities of forming the legal culture of society by the Ministry of Internal Affairs Public Relations Service through the formation of a positive image of individual departmental units.

Keywords: legal culture; means of forming legal culture; public relations service of the Ministry of Internal Affairs of Russia; press service of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Правовая культура – сложный многогранный феномен, отражающий состояние и трансформации жизненных реалий [22, с. 33]. Состояние правовой культуры [17; 18], средства ее формирования и значение для осуществления правоприменительной и правоохранительной деятельности [19; 24; 20] продолжают оставаться в центре внимания современных ученых [21; 26].

Основным субъектом формирования правовой культуры является государство [31, р. 1826–1827]. Министерство внутренних дел Российской Федерации является частью государственного аппарата, которая оказывает влияние на правовое сознание и правовую культуру населения, формируя его отношение к праву, закону, государственной власти [16, с. 106–114].

Субъекты формирования правовой культуры используют в своей деятельности комплекс инструментов (форм, методов и средств). Имидж является одним из важнейших средств «информационно-коммуникационного воздействия на различные социальные группы с целью формирования определенного влияния на правовое сознание и поведение» [30, с. 3].

В целях эффективного управления информационно-коммуникационной деятельностью МВД России в 1980-х гг. создало специализированную службу по связям с общественностью, которая благодаря наличию широкого спектра информационно-коммуникационных ресурсов может рассматриваться как один из важных субъектов формирования правовой культуры российского общества. Однако МВД России уже с начала XIX в. с помощью различных информационно-коммуникационных средств применяло различные приемы формирования и поддержания положительного образа ведомства, органов внутренних дел и их работников/сотрудников, а также государственной власти, государственных органов и правоохранительных органов [12, с. 27–28].

Одной из составляющих комплексной деятельности сотрудников, осуществляющих связи МВД России с общественностью, по созданию и поддержанию имиджа Министерства является работа по созданию необходимого образа различных подразделений ведомства и органов внутренних дел.

Изучение особенностей освещения деятельности различных подразделений органов внутренних дел в отечественной науке началось в 1970-х гг. В учебном пособии для учащихся учебных заведений системы МВД «Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью», В.Т. Томин выделяет основные направления и уровни взаимодействия органов внутренних дел со СМИ и общественностью, обращает внимание на необходимость взаимодействия правоведов и журналистов [29, с. 3].

Однако до настоящего времени отечественными исследователями вопросы взаимодействия службы по связям с общественностью МВД России с другими подразделениями МВД России и органов внутренних дел мало изучены. Рассмотрены лишь некоторые аспекты взаимодействия различных подразделений органов внутренних дел со СМИ, где упоминается либо подразумевается взаимодействие службы по связям с общественностью с различными подразделениями органов внутренних дел:

1. С уголовным розыском. Авторы выделяют два этапа действий сотрудников органов внутренних дел при распространении информации через СМИ:

а) подготовку и распространение обращений к населению с просьбой оказать помощь в раскрытии преступления;

б) прием ответной информации и ее проверка.

Также возможности СМИ используются сотрудниками уголовного розыска для распространения специальных знаний правоохранительного характера, например, как поступать в различных ситуациях, сопряженных с преступлением: когда человек является очевидцем преступления, обнаруживает последствия преступления, видит преступника, как принять меры для сохранения обстановки на месте происшествия и не допустить утраты доказательств и др. [8, с. 30]; определены перспективные направления сотрудничества правоохранительных органов с представителями СМИ [1, с. 271–275]; выделены направления использования возможностей СМИ в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел [28, с. 26].

2. Отрядами милиции особого назначения. Отмечено, что при освещении деятельности данных подразделений необходимо обращать внимание на то, их сотрудники выполняют свои обязанности в основном при чрезвычайных обстоятельствах, массовых беспорядках, проведении специальных мероприятий. Условия, в которых несут службу сотрудники подразделения, необходимо раскрывать, показывая аудитории тяжесть и сложность, что требуется для создания правильного имиджа данных подразделений [8, с. 36].

3. Дежурными частями отделов органов внутренних дел. При освещении работы данного подразделения необходимо акцентировать внимание, что они действуют круглосуточно. С помощью воспитания и информирования следует формировать у населения понимание о недопустимости ложных сообщений, разъяснять населению типичные ситуации, такие как подача обращения, заполнение заявлений и т.д. [8, с. 38].

4. Подразделениями обеспечения порядка на потребительском рынке и исполнению административного законодательства. Приводится несколько направлений в деятельности данных подразделений в СМИ:

а) наведение порядка на многолюдных площадках рынков и торговых комплексов, создание безопасных для всех сторон условий торговли, где необходимо показать эффективное действие норм административного законодательства;

б) осуществление взаимодействия торговой инспекции с другими контролирующими органами, обеспечивающими соблюдение нормативных правовых актов;

в) объективное освещение в СМИ имеющихся проблем с целью оптимизации работы по обеспечению правопорядка в данной сфере [8, с. 41–42].

5. Изоляторами временного содержания для задержанных и заключенных под стражу. Главное в освещении в СМИ деятельности указанных подразделений – «добиваться устрани-

ния причин и условий нарушений законности, делать упор на соблюдении установленных законодательством прав и обязанностей содержащихся в ИВС» [8, с. 42].

6. Подразделениями по делам несовершеннолетних [4, с. 40–47]. Авторами отмечена необходимость взаимодействия с подразделениями по делам несовершеннолетних для сотрудников службы по связям с общественностью в подготовке информации, планировании и осуществлении правовоспитательной работы с такими целевыми группами, как дошкольники, младшие школьники, подростки и молодёжь [2, с. 7–8]; необходимость освещения в СМИ профилактических мероприятий, проводимых в молодежной среде, посещения инспекторами ПДН дошкольных учреждений и школ и т.д. [8, с. 40–41].

7. Сотрудниками дорожно-патрульной службы [18, с. 97].

8. Участковыми уполномоченными полиции [13, с. 109–117]. Отмечены особенности, которые необходимо учитывать при правовом воспитании будущих и действующих участковых уполномоченных полиции, которые во время своей деятельности сами проводят профилактическую и правовоспитательную работу с населением. Выделены виды профилактической деятельности участковых уполномоченных, формы предупредительного воздействия, а также предложения по повышению эффективности их профилактической и правовоспитательной деятельности [13, с. 113–117]. Отмечено, что через образ участкового необходимо формировать имидж сотрудников органов внутренних дел, так как именно они чаще всего напрямую контактируют с населением [8, с. 39–40].

9. Сотрудниками ГИБДД [19, с. 47–75]. Рассмотрены вопросы, связанные с использованием возможностей СМИ в деятельности по профилактике дорожно-транспортных происшествий, изучен исторический аспект и современное содержание публикаций по данной теме, рассмотрены общепринятые формы распространения информации по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения [9, с. 16–20]; формы и методы взаимодействия подразделений ГИБДД со СМИ [10]; разработаны психологические и правовые технологии преодоления формирования негативного имиджа сотрудников ГИБДД [14, с. 8–9].

10. Подразделениями, занимающимися контролем за оборотом наркотиков. Автора отмечается, что объединение усилий органов внутренних дел и СМИ является важнейшим сдерживающим фактором, в массово-коммуникативном и информационном воздействии на аудиторию СМИ используют методы профилактики и общесоциального предупреждения. Результатом использования органами внутренних дел возможностей СМИ в предупреждении наркомании обозначено социально-правовое информирование, выделены его основные задачи с учетом возможностей СМИ [15, с. 170–174]. Выявлены направления взаимодействия указанных подразделений со СМИ, проблемы взаимодействия подразделений со СМИ и пробелы в регулировании данного взаимодействия [6, с. 68–70].

11. Экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел. Автор отмечает, что взаимодействие с населением посредством СМИ с помощью службы по связям с общественностью способствует профилактике правонарушений и преступлений, а также повышению уровня правовой культуры граждан через консультативную, разъяснительную, информационно-справочную и агитационную работу [5, с. 50–53].

12. Подразделениями органов внутренних дел, занимающимися борьбой с киберпреступностью. Автором рассматривается, как борьба с мошенничеством проводится с помощью инструментов коммуникации (брошюр, материалов, размещаемых на официальном сайте МВД России, материалов СМИ, телефонных горячих линий, акций, направленных на повышение правовой и финансовой грамотности населения, брифингов для СМИ и т.п.) [7, с. 77–86].

13. Органами предварительного расследования и дознания. Авторами выделены направления взаимодействия со СМИ и особенности преподнесения информации, позволяющие привлечь население помогать следственным подразделениям [3, с. 179–182]; рассмотрены нормативные правовые акты, регулирующие организацию взаимодействия органов предварительного расследования со СМИ [11, с. 73–77], предложены:

а) классификация основных целей, на достижение которых чаще всего ориентируются взаимодействующие следователи и СМИ;

б) классификация видов взаимодействия следователей с региональным подразделением службы по связям с общественностью МВД России, которая рассматривается как создатель печатных и иных изданий и телерадиопередач;

в) классификация форм и методов взаимодействия следователей с представителями службы по связям с общественностью и со СМИ;

г) направления совместной работы следователей и оперативников со службой по связям с общественностью, не регламентированные нормативными актами МВД России;

д) этапы взаимодействия следователей с сотрудниками службы по связям с общественностью и со СМИ [27, с. 29].

Таким образом, на данный момент в информационном взаимодействии службы по связям с общественностью МВД России с ведомственными подразделениями с целью формирования и поддержания их положительного образа у населения освещены:

- взаимодействие лишь с некоторыми службами;

- отдельные аспекты взаимодействия.

Отсутствуют:

- современные исследования, отражающие особенности ведения информационных кампаний по формированию имиджа в условиях глобального сетевого общества;

- комплексные информационные стратегии пропаганды и популяризации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боровиков В.Б., Боровикова В.В. Использование СМИ для осуществления оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 271–275.

2. Васильев Ф.П. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации // Безопасность бизнеса. – 2010. – № 3. – С. 6–9.

3. Васильев Ф.П., Лазебная Д.М. Некоторые особенности организации взаимодействия органов предварительного расследования и дознания системы МВД России со средствами массовой информации // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 9а. – С. 178–184.

4. Гаврилова О.В. К вопросу о формировании позитивного имиджа инспектора ПДН ОВД в деятельности подразделений информации и общественных связей / Формирование позитивного имиджа органов внутренних дел в деятельности подразделений информации и общественных связей: материалы межведомственной научной конференции, г. Санкт-Петербург, 6 декабря 2017 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 40–47.

5. Дронова О.Б. Современные возможности реализации процесса взаимодействия экспертно-криминалистических подразделений со СМИ в целях раскрытия и расследования преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 50–53.

6. Ежова Е.В. Использование средств массовой информации в деятельности органов ФСКН России по раскрытию и расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2013. – Спецвыпуск. – С. 67–70.

7. Зибен А.Е., Милюкова Г.А. Коммуникационные технологии в борьбе с мошенничеством (на материале деятельности ГУ МВД России по Алтайскому краю) аналитический обзор // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2016. – № 14. – С. 77–86.

8. Иноземцев М.И. Особенности освещения в средствах массовой информации деятельности различных подразделений ОВД субъектов Российской Федерации, УВДТ: пособие. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2001. – 99 с.

9. Квитчук А.С., Лаврентьева И.С. Использование возможностей средств массовой информации в правоохранительной деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. – 2021. – № 4. – С. 15–21.
10. Колисник Ю.С. Формы и методы взаимодействия подразделений ГИБДД со средствами массовой информации // E-Scio. – 2021. – № 10 (61).
11. Корнеева М.П. К вопросу правового регулирования организации взаимодействия органов предварительного расследования системы МВД России со СМИ // Труды Академии управления МВД России. – 2014. – № 3 (31). – С. 73–77.
12. Лапова Е.С. Участие служб по связям с общественностью МВД России в формировании правовой культуры общества – предмет исследований в современной российской науке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 27–37.
13. Марцева Т.Г., Капусникова М.Р., Кудинова Е.М. Правовое воспитание и просвещение граждан правоохранительными органами Российской Федерации / Актуальные вопросы управления, экономики и права. Современное образование и его роль в жизни общества: материалы Международной научно-практической конференции, г. Новосибирск. – Москва, 10–15 января 2018 г. – Новосибирск; Москва: ИП Шелистов Д.А., 2018. С. 109–117.
14. Молодцов И.А. Психологические основы преодоления негативного имиджа сотрудника ГИБДД: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2013. – 22 с.
15. Наумкин В.Ю. Использование органами внутренних дел средств массовой информации в предупреждении преступлений, совершаемых на почве наркомании: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2002. – 213 с.
16. Нижник Н.С. Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности / Правовая культура в современном обществе: материалы VI Международной научно-практической конференции, Могилев, 19 мая 2023 г. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2023. – С. 106–114.
17. Нижник Н.С. Правовой инфантилизм как вид деформации правового сознания: атрибутивные черты и особенности проявления // Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей, Могилев, 17 мая 2024 г. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. С. 113–122.
18. Нижник Н.С. Правовой инфантилизм как явление современной правовой реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 68–95.
19. Нижник Н.С., Лясович Т.Г. Полицейская деятельность и профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел как предмет правовых исследований // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76), № 1. – С. 410–426.
20. Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Права человека – проблема актуального юридического и политического дискурса // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2024. – № 1. – С. 8–13.
21. Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 202–208.
22. Нижник Н.С., Семенова О.В., Стоцкий А.П. Теория государства и права: учебное наглядное пособие / под ред. Н.С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – 242 с.
23. Петров В.Е., Сорокопуд Ю.В., Сметанина Н.В. Имидж сотрудников дорожно-патрульной службы и пути его формирования. – Москва: Московский институт государственного управления и права, 2015. – 97 с.
24. Права человека: между прошлым и будущим / А.В. Алексенко, Н.В. Варламова, Т.А. Васильева [и др.]. – Москва: Норма, 2021. – 448 с.
26. Приоритетные направления деятельности по пропаганде БДД / Деятельность Госавтоинспекции по пропаганде безопасности дорожного движения / под общ. ред. В.А. Кудина. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2012. С. 47–75.

26. Сидоренко Н.С., Нижник Н.С. Политико-правовая мысль как объект современных научных исследований // История государства и права. – 2024. – № 7. – С. 41–49.

27. Ростов В.Н. Взаимодействие следователя и органа дознания с пресс-службой УВД и средствами массовой информации при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – 29 с.

28. Солодкая Л.И. Организационно-тактические проблемы взаимодействия средств массовой информации с оперативными подразделениями ОВД: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2007. – 26 с.

29. Томин В.Т. Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью: учебное пособие. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1976. – 96 с.

30. Шумилов А.Н. Имидж как фактор эффективности правоприменительной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2020. – 32 с.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ: СТАТЬИ 207.1, 207.2 И 207.3 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лимарь А.С.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: анализ вносимых изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации свидетельствует, что законодатель стремится защитить общество от негативных последствий, в том числе связанных с распространением ложной информации, которая может нанести вред как отдельным гражданам, так и обществу в целом. В условиях, когда дезинформация может угрожать общественной безопасности, подрывать доверие к государственным институтам и создавать панику среди населения, важно понимать, как действующее законодательство справляется с этими вызовами. В рамках статьи проведен анализ статей 207.1, 207.2 и 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, что позволило выявить их содержание, цели и задачи, а также оценить их эффективность в борьбе с дезинформацией.

Ключевые слова: ложная информация; публичность; распространение

LIABILITY FOR PUBLIC DISSEMINATION OF KNOWINGLY FALSE INFORMATION: ARTICLES 207.1, 207.2 AND 207.3 OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE

Limar A.S.,

Candidate of Law

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of Russia)

Abstract: the analysis of amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation indicates that the legislator seeks to protect society from negative consequences, including those associated with the dissemination of false information, which can harm both individual citizens and society as a whole. In conditions when misinformation can threaten public security, undermine trust in state institutions and create panic among the population, it is important to understand how the current legislation deals with these challenges. This article analyzes Articles 207.1, 207.2 and 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation to identify their content, goals and objectives, as well as to assess their effectiveness in combating disinformation.

Keywords: false information; publicity; dissemination

В условиях цифровизации и широкого доступа к Интернету, где каждый пользователь может стать как источником распространения ложной информации, так и стороной ее воспринимающей, дезинформация становится не только технологической, но и социально-психологической проблемой. Соответствующая информация, которая основана на фактах и проверенных источниках, уходит на второй план, в то время как фейки завоевывают внимание благодаря своей привлекательности и провокационности [1]. В условиях, когда общество становится все более поляризованным, дезинформация может углубить это разделение, провоцируя конфликтные ситуации.

Статьи 207.1, 207.2 и 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) были введены в условиях усиливающихся вызовов, обусловленных распространением заведомо ложной информации, особенно в контексте военных конфликтов и кризисов. Эти статьи нацелены на борьбу с дезинформацией, которая может подрывать безопасность государства и целостность общества. В частности, ст. 207.1 УК РФ предусматривает ответственность за распространение такой информации, тогда как ст. 207.2 УК РФ касается доведения ложных сведений широкой аудитории. Статья 207.3 УК РФ фокусируется на ложных действиях, касающихся Вооруженных Сил Российской Федерации и их служебной деятельности, что стало особенно актуальным с момента начала специальной военной операции в Украине в 2022 году [2]. По своей сути, данные статьи установили уголовную ответственность за деяния, которые затрагивают не только безопасность, но и моральные аспекты общества.

Сложность анализа данных составов преступлений заключается в необходимости учитывать как их правовую природу, так и социальные, культурные и политические контексты. Важно отметить, что нормы направлены не только на уголовное преследование, но и на профилактику, что особенно актуально в условиях стремительного распространения информации в цифровом пространстве.

Как показала практика, высоки риски, связанные с применением данных норм, особенно в условиях современных информационных технологий. Информационное поле насыщено разнообразными трактовками, что требует от государства не только строгого контроля, но и способности к быстрой реакции на изменения в общественном настроении и информационной среде.

Одним из признаков объективной стороны рассматриваемых деяний является публичность распространения ложной информации. Публичное распространение заведомо ложной информации охватывает широкий спектр действий и последствий, которые могут угрожать не только отдельным лицам, но и обществу в целом.

В диспозициях ст. 207.1 и 207.2 УК РФ Верховный Суд Российской Федерации установил, что публичность распространения ложной информации подразумевает адресованность группе или неопределенному кругу лиц и выражена в общедоступной для них форме (письменной, устной, посредством технических средств) [3]. При этом законодатель во всех случаях указывает на распространение ложной информации «под видом достоверной». Такой способ совершения преступления подразумевает, что виновное лицо, к примеру, распространяет ложные сведения под видом официальной информации от лица представителя власти, под видом высказываний публичных лиц, в том числе с использованием поддельных официальных документов, использованием аудио- и видеозаписей, имеющих отношение к другим событиям.

О придании ложной информации вида достоверной могут свидетельствовать формы и способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям.

Статья 207.1 УК РФ конкретизирует ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации о фактах, связанных с эпидемиями и пандемиями, которые могут повлечь за собой серьезные последствия для здоровья населения [4].

Данная норма подчеркивает необходимость осторожного обращения с информацией в условиях кризисов, когда обостряются общественные страхи и предрассудки, потенциаль-

но провоцирующие массовую панику [5]. Таким образом, соблюдение точности и правдивости в данных обстоятельствах становится приоритетом как для граждан, так и для официальных источников информации.

Ключевым моментом является то, что не только сознательное распространение ложной информации, но и неосторожное обращение с непроверенными данными может привести к уголовной ответственности. Например, согласно статье 207.2 УК РФ ответственность наступает и за действия, представляющие бездействие в ситуации, когда необходимо было проверить достоверность информации, прежде чем делиться ею с другими. Эта норма важна в условиях современного информационного поля, где объемы получаемых данных постоянно растут, а проверка их достоверности зачастую нереальна без дополнительных ресурсов.

Статья 207.3 УК РФ касается ответственности за распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, органов государственной власти и учреждений. Здесь важно отметить, что в современных условиях любое недостоверное сообщение, касающееся работы силовых структур или правоохранительных органов, может вызвать не только реакцию общественности, но и негативные последствия для правопорядка.

Потенциально опасные последствия таких действий, как подрыв доверия к государственным институтам или распространение паники, требуют высоких стандартов в правоприменительной практике. Более того, отдельные решения судов указывают на необходимость учета субъективных аспектов, таких как намерения обвиняемого, что затрудняет общее понимание и применение данной статьи.

Рассматриваемые преступления в большинстве своем совершаются в публичном пространстве, и чаще всего в сети Интернет, поскольку Сеть позволяет в определенной мере сохранять анонимность, когда распространитель заведомо ложных сведений выступает под различными «никами», не раскрывая свои подлинные данные, что создает уверенность для таких пользователей в мнимой защищенности от разоблачения [6]. К примеру, Следственный комитет Российской Федерации возбудил уголовное дело по ч. 1 ст. 207.3 УК РФ в отношении Петрова И.А., который в социальной сети «ВКонтакте» сделал публикацию, утверждая, что Вооруженные Силы Российской Федерации целенаправленно уничтожают гражданское население Киевской области и города Бучи, а также целенаправленно поражают объекты гражданской инфраструктуры г. Мариуполя Донецкой области Украины. Петрову И.А. назначено наказание в виде лишения свободы на срок два года [7].

Стоит обратить внимание на квалифицирующие признаки, содержащиеся в ч. 2 ст. 207.3 УК РФ:

- лицом с использованием своего служебного положения;
- группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- с искусственным созданием доказательств обвинения;
- из корыстных побуждений;
- по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Наступление тяжких последствий квалифицируется уже по ч. 3 ст. 207.3 УК РФ и влечет более строгое наказание.

Таким образом, существующее законодательство не только строго регулирует действия, связанные с распространением ложной информации, но и создает необходимую юридическую базу для противостояния потенциальным угрозам, возникающим в результате дезинформации. Каждый гражданин, соответственно, несет ответственность за свои слова и их воздействие на общественное сознание, что подчеркивает важность критического отношения к информации в любую эпоху, особенно в период эпидемий и социальных изменений.

Применение ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ демонстрирует, что российское законодательство признает важность защиты от ложной информации, формируя правовое поле, в котором каждая личность, вовлеченная в медийное пространство, будет понимать свою ответ-

ственность [8]. Тем не менее необходимо разработать не только уголовные, но и административные меры, что дает возможность оперативного реагирования на правонарушения, в том числе на уровне координации действий различных государственных структур и медиаорганизаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петрова Э.Н. Алгоритмы защиты от фейковой информации в социальных сетях // Научные исследования и инновации. – 2021. – № 3. – С. 224–230.
2. Пичугин С.А. Уголовная ответственность за деяние, предусмотренное статьей 207.3 УК РФ: вопросы регламентации и правоприменения // Legal Bulletin. – 2023. – № 3. – С. 53–63.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Безручко Е.В., Осадчая Н.Г. Проблемы регламентации ответственности за распространение заведомо ложной информации в условиях эпидемии и других чрезвычайных обстоятельств // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 1. – С. 51–56.
5. Пережогина Г.В., Шапель А.И. Некоторые вопросы уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 3. – С. 135–139.
6. Конин В.В., Корсаков К.А., Сидоренко Е.В. Некоторые вопросы, касающиеся преступлений, направленных на публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 2. – С. 18–31.
7. Приговор Волжского городского суда Республики Марий Эл по делу № 1-187/2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
8. Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости «фейковые» – наказание реальное // Законность. – 2022. – № 8. – С. 32–37.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ СУДЕЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Литвинова Н.А.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы обеспечения иммунитета судей как ключевого института независимости судебной власти в современной России. Проводится историко-правовой анализ развития иммунитета судей, исследуются особенности функционирования института процессуального иммунитета и причин восстановления административной ответственности судей. Особое внимание уделено анализу правоприменительной практики 2022–2025 годов, выявлению правовых пробелов и процессуальных рисков. Проведен сравнительный анализ с международными стандартами и зарубежным опытом защиты независимости судей. Формулируются рекомендации по совершенствованию нормативного регулирования и судебной практики для повышения эффективности защиты судей от необоснованных преследований.

Ключевые слова: судейский иммунитет; административная ответственность; процессуальный иммунитет; судебная практика; независимость судей; Высшая квалификационная коллегия судей

JUDGES' PROCEDURAL IMMUNITY IN RUSSIA: CURRENT ISSUES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Litvinova N.A.,

Postgraduate

(Putilin Belgorod Law Institute of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the issues of ensuring the immunity of judges as a key institution of judicial independence in modern Russia. It provides a historical and legal analysis of the development of judges' immunity, examines the features of the functioning of the institution of procedural immunity, and the reasons for restoring the administrative liability of judges. Special attention is paid to the analysis of law enforcement practice in 2022-2025, identifying legal gaps and procedural risks. A comparative analysis is conducted with international standards and foreign experience in protecting the independence of judges. Recommendations are formulated to improve regulatory and judicial practices in order to enhance the protection of judges from unjustified harassment.

Keywords: judicial immunity; administrative liability; procedural immunity; judicial practice; independence of judges; Supreme Qualification Board of Judges

Независимость судебной власти – одна из основополагающих гарантий правового государства и верховенства права. Судейский иммунитет служит неотъемлемым механизмом защиты судей от внешнего давления, что обеспечивает объективность и беспристрастность судебных решений. Тем не менее вопросы применения института иммунитета судей в российском правовом поле остаются достаточно спорными и нуждаются в детальном анализе с целью оптимизации правовой защиты и поддержания баланса между ответственностью и независимостью судей.

В советский период судейский иммунитет как отдельная правовая категория отсутствовал. Судьи привлекались к административной ответственности на тех же основаниях, что и все граждане, что приводило к злоупотреблениям и фактическому ограничению независимости судебной власти [1]. Для решения этих проблем были проведены судебно-правовые реформы, которые привели к отмене мер административного принуждения в отношении судей. Причина была очевидна: судья не должен быть уязвимым для мелких преследований, инициированных административными органами или должностными лицами, такими как полицейские, которые не находятся под надзором судебного сообщества [2]. Ключевым этапом реформы стала законодательная инициатива 1989 года – Закон СССР «О статусе судей», ограничивающий административные преследования за действия, совершенные при осуществлении правосудия [3].

В настоящее время положение о судейском иммунитете закреплено в статьях 118, 120–122 Конституции Российской Федерации [4], а также в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [5], который установил процедуру специального процессуального иммунитета и порядок привлечения судей к ответственности.

Несмотря на отмену ряда ограничений, с 2020-х годов возрождается практика административной ответственности судей, что вызывает тревогу по поводу ослабления гарантий независимости судебной власти. Введен процессуальный иммунитет, обеспечивающий согласование возбуждения дел коллегией из трех судей и передачу материалов прокурору высшего уровня [6]. Однако судебная практика выявляет ряд нарушений: неправомерное возбуждение дел без соблюдения процедуры, несовершенство нормативной базы, неоднородность судебных решений.

Ярким примером спорности является случай привлечения судьи к ответственности за нарушение Правил дорожного движения через постановление инспектора Госавтоинспекции без согласия коллегии, что было отменено вышестоящими органами и судом на основании малозначительности правонарушения и процессуальных нарушений [7, 8].

Международное право, включая Венскую конвенцию о дипломатических сношениях (1961) и Основополагающие принципы независимости судей ООН (1985), закрепляет необходимость иммунитета судей от произвольных преследований и давления. В развитых правовых системах США, Великобритании, Германии и Франции иммунитет судей универсально признан, но ограничен действиями вне судебной компетенции [9].

Однако если судья совершает правонарушение и уходит от наказания, прикрываясь своим особым правовым статусом, это подрывает доверие населения к государству и к правосудию [10].

В этой связи важно стремиться к обеспечению принципа справедливости, что будет способствовать поддержанию нормального взаимодействия органов государственной власти с населением [11].

Баланс между иммунитетом и ответственностью обеспечивают специализированные дисциплинарные органы судейского сообщества, что исключает вмешательство исполнительной власти и содействует поддержанию доверия к системе правосудия.

Рекомендации по совершенствованию нормативного регулирования и судебной практики:

- усиление роли и полномочий Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации как центрального органа по рассмотрению вопросов об административной ответственности судей;
- упорядочение и конкретизация процедуры досудебного этапа возбуждения дела в отношении судьи с обязательным контролем передачи материалов прокурору соответствующего уровня;
- внедрение прозрачности в правоприменительной практике и публикация методических рекомендаций для судей и правоохранительных органов;
- развитие независимого мониторинга и экспертной оценки эффективности иммунитета судей с участием общественных институтов;
- активизация образовательной деятельности среди судейского сообщества и сотрудников правоохранительных органов для повышения правовой грамотности и соблюдения гарантий иммунитета.

Судейский иммунитет – важнейший институт защиты независимости судебной власти, сочетающий в себе юридические гарантии и институциональные механизмы. Современное российское законодательство и практика нуждаются в совершенствовании для исключения процессуальных пробелов и неоднозначностей. Развитие института судейского самоуправления, повышение прозрачности и унификация процедур позволят повысить качество защиты иммунитета судей в соответствии с международными стандартами и обеспечат укрепление конституционного статуса и авторитета судебной ветви власти в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Морщакова Т.Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. – Москва: Р. Валент, 2004. – 262 с.
2. Краснов М.А., Мишина Е.А. Открытые глаза российской Фемиды / под общ. ред. Т.Г. Морщаковой. – Москва: Либеральная миссия, 2007. – 137 с.
3. Свод законов СССР. – 1990. – Т. 10.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.06.2024) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

7. Решение Центрального районного суда города Калининграда от 09.02.2022 № 12-33/2022 (12-591/2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
8. Решение Кинельского районного суда Самарской области от 20.11.2019 № 12-159/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
9. Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
10. Литвинова Н.А. Особенности привлечения к административной ответственности судей Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2025. – № 3 (104). – С. 91–97.
11. Бучакова М.А., Дизер О.А. Взаимодействие полиции и общества // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2015. – № 2 (43). – С. 58–63.

ЗАКОН КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕГУЛЯТОР (О ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ В.В. ИВАНОВСКОГО О ПРИЗНАКАХ РОССИЙСКОГО ЗАКОНА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ)

Ломова Т.В.,
адъюнкт

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются воззрения на закон известного российского юриста и государствоведа второй половины XIX – начала XX в. В.В. Ивановского. Рассмотрены особенности понимания им закона, охарактеризованы понятие и признаки закона.

Ключевые слова: закон; государственная власть; В.В. Ивановский; формальное понятие закона; материальное понятие закона

LAW AS A SOCIAL REGULATOR (ON V.V. IVANOVSKY'S VIEWS ON THE FEATURES OF RUSSIAN LAW AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES)

Lomova T.V.,
Postgraduate

(Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the views on the law of V.V. Ivanovsky, a well-known Russian lawyer and state scholar of the second half of the 19th and early 20th centuries. The article discusses the specifics of understanding the law and characterizes the concept and features of the law.

Keywords: law; state power; V.V. Ivanovsky; formal concept of law; material concept of law

Проблема интерпретации правовых норм всегда находится в центре дискуссий в юридической науке [13]. На рубеже XIX–XX веков она представляла собой комплекс противоречий и научных споров, отражающих общие векторы развития правовой мысли. Исследование воззрений ключевых государствоведов данного периода способствует более глубокому пониманию эволюции правовых концепций и их влияния на формирование юридической науки. Среди государствоведов следует отметить работы А.Д. Градовского [2]. Его работы стали фундаментальным вкладом в учение о законе, его подход отличался системностью, логичностью и прогрессивностью идей. Н.И. Лазаревский [8], исследуя позитивистской традиции,

стремился к формальному определению закона, отвергая материальные критерии. Однако его подход, основанный на догматическом методе, оказался неспособным объяснить глубинные смыслы и причины существования закона в конституционном государстве. Это делает его воззрения противоречивыми и неполными в рамках теории права.

Схожая концепция с Н.И. Лазаревским прослеживается в работах В.М. Гессена [1], который основывался на формальном понятии закона. В.М. Гессен считал, что в странах, где развит конституционализм, существует только формальное понятие закона, связанное с народным представительством, и отрицал существование материального понятия закона в положительном конституционном праве. Внимание к этой проблематике проявлял и В.В. Ивановский, который стремился выявить взаимосвязь между правом, обществом и государством.

Виктор Викторович Ивановский (20 октября 1854 г. – 18 августа 1926 г.), видный государствовед и социолог Российской империи, представитель полицейско-правовой науки [9; 10]. Изучению природы, понимания и роли закона В.В. Ивановский посвятил ряд своих работ, среди которых – «Новые учения о законе» (1892), «Русское государственное право» (1898), «Учебник административного права» (1907), «Учебник государственного права» (1908, 1909, 1910) и др.

На взгляды В.В. Ивановского на проблему понимания закона обратили внимание исследователи Е.Г. Лукьянова [11; 12], И.Л. Данилевская [3], Н.С. Нижник [16; 14] и др. [15]

В.В. Ивановский называл закон явлением изменяющимся, «которое не отличается постоянством, но изменяется под влиянием окружающих его условий» [5, с. 198]. В.В. Ивановский считал, что определение закона имело смысл пересмотреть, так как оно перестало соответствовать действительности.

Между тем государствоведы XIX – начала XX в. спорили по поводу обязательности закона: некоторые ученые считали закон общеобязательным для всех, другие – что обязательность закона распространяется не на всех; что могли быть изданы законы, определяющие права и обязанности определенных лиц. Закон – это обязательная правовая норма, устанавливаемая субъектом государственной власти. В.В. Ивановский выделяет два признака закона:

- закон есть норма, определяющая права и обязанности (данный признак определяет материальную сторону закона);

- эта норма исходит от государственной власти, поэтому является обязательной (данный признак определяет формальную сторону закона).

Закон понимался не только в материальном и формальном значении, но и исключительно в формальном и материальном смыслах. В.В. Ивановский подвергает критике устоявшееся представление о законе в формальном смысле из-за требования обязательного участия народного представительства при его принятии, так как понятие закона должно быть общим для всех государств. В.В. Ивановский утверждал, что для понятия закона важно не то, кто его издает, а то, что он принимается государственной властью. Для лучшего понимания этого главного утверждения В.В. Ивановского стоит выделить, что под государственной властью он подразумевает исключительно высшую власть в государстве – монарха и отличает ее от подчиненной – правительственной.

Что касается понимания закона в материальном смысле, под которым подразумеваются правительственные акты, устанавливающие юридические нормы, то здесь правительственная власть противопоставляется государственной власти. В.В. Ивановский задается вопросом, могут ли устанавливаться права и обязанности кем-то кроме государственной власти. Отсюда вытекает следующий вопрос: какие права будет устанавливать администрация, а какие – государственная власть? Права и обязанности могут устанавливаться не только государственной властью, могут издаваться другие нормы, которые находятся под защитой закона, к примеру, правительственное распоряжение действует только в рамках установленных полномочий и не должно нарушать закон.

В.В. Ивановский утверждал, что государство устанавливает при помощи законодательства лишь основные и существенные правоотношения. Невозможно государству охватить все правоотношения, существуют второстепенные правоотношения узкой направленности.

сти, которые могут регулироваться другими органами. Ивановский считает, что без такого нормативного регулирования развитие современных государств было бы немыслимо.

Исходя из этого, В.В. Ивановский утверждал, что «закон как государственная воля не может быть заключен ни в какие пределы; он может изменять или отменять всякого рода постановлений, как изданные государственной властью, так и существующие в государстве подчиненные властям и установлениям» [5, с. 205].

В.В. Ивановский приходит к выводам:

1) учение о законе исключительно в формальном смысле и о законе в исключительно материальном смысле развилось из-за стремления отыскать сущность закона в его содержании и таким содержанием признать права и правоотношения;

2) такой взгляд на закон уничтожает возможность сделать точное разграничение между законами и распоряжениями, именно той категорией распоряжений, которые могли бы быть названы правовыми распоряжениями;

3) ввиду возможной общности содержания законов и распоряжений существо первых следует искать в форме, так как она не может быть общей и для законов, и для распоряжений [5, с. 210].

Если смотреть на содержание закона и распоряжения, то оно общее, если смотреть на форму, то форма закона – это выражение воли государственной власти, она не может быть одинаковой, так как распоряжения – это волеизъявление подчиненных властей.

Закон есть государственная норма, исходящая от носителя государственной власти [7]. Под государственными нормами мы разумеем волеизъявление субъекта верховной власти или уполномоченных им агентов, направленное на явления социальной жизни [4, с. 80].

Закон есть выражение воли субъекта верховной власти, содержанием закона могут быть как правоотношения, так и другие отношения, не имеющие юридического характера. Исходя из этого, В.В. Ивановский предлагает классификацию законов, разделяя их на правовые и организационные. К правовым относится, в частности, закон «о пространстве обязательной силы законов» [6, с. 125]. К организационным законам относятся административные, полицейские, финансовые, военные и другие в зависимости от сферы государственной деятельности.

Взгляды В.В. Ивановского на закон позволили расширить представления о праве и его формах в юридической науке рубежа XIX–XX вв. Взгляды В.В. Ивановского на понимание закона остаются значимыми и актуальными в контексте современной правовой действительности. Его идеи подчеркивают важность исторического и социокультурного контекста в правоприменении и интерпретации правовых норм. Изучение этих вопросов может не только углубить наши познания о юриспруденции, но и обеспечить более эффективное применение права в современной практике. Воззрения В.В. Ивановского продолжают служить ценным ориентиром для юристов-практиков и исследователей, стремящихся понять взаимосвязь между законом и его реализацией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гессен В.М. Общее учение о государстве: лекции, чит. в С.-Петербур. политехн. ин-те. – Санкт-Петербург: С.-Петербур. политехн. ин-т имп. Петра Великого, 1912. – 190 с.
2. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. О государственном устройстве. – Санкт-Петербург, 1875. – 436 с.
3. Данилевская И.Л. Из истории отечественного конституционализма: учебник государственного права В.В. Ивановского // Образование и право. – 2021. – № 4. – С. 478–484.
4. Ивановский В.В. Классификация государственных норм / Вопросы государственного управления, социологии и политики. – Казань: Типография Казанского ун-та, 1899. С. 73–106.
5. Ивановский В.В. Новые учения о законе // Юридическая летопись. – 1892. – Т. 10.
6. Ивановский В.В. Русское государственное право. Ч. 1: Верховная власть и ее органы. – Казань: Казанский ун-т, 1896. – 533 с.

7. Ивановский В.В. Учебник административного права. – 2-е изд., испр. и доп. – Казань: Казанский ун-т, 1907. – 546 с.
8. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. I: Конституционное право. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 1910. – 479 с.
9. Ломова Т.В. Виктор Викторович Ивановский: вклад в развитие теории государственного управления / XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы Международной научно-практической конференции. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. С. 88–89.
10. Ломова Т.В. Государственно-правовые воззрения В.В. Ивановского как предмет исследования российских юристов (опыт историографического анализа) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 553–562.
11. Лукьянова Е.Г. Концепции закона и современное государственно-правовое развитие // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 1 (53). – С. 133–149.
12. Лукьянова Е.Г. Учения о законе российских государствоведов второй половины XIX – начала XX в. // Государство и право. – 2017. – № 3. – С. 80–87.
13. Нижник Н.С. В продолжение дискуссии о толковании права: интерпретация в контексте постклассических юридических исследований // Государство и право. – 2024. – № 9. – С. 232–236.
14. Нижник Н.С. Омnipотенция полицейского государства в оценке российской полицейстики // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 11. – С. 67–86.
15. Нижник Н.С. Полицейско-правовая теория – предмет исследования современных ученых // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (84). – С. 231–240.
16. Нижник Н.С. Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы Международной научно-теоретической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. Т. 2. С. 228–235.

ВОПРОСЫ МОМЕНТА ДОПУСКА ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Лукашенко К.Е.,
адъюнкт
(Омская академия МВД России)

Аннотация: в статье рассматривается проблема неопределенности момента допуска законного представителя к участию в деле. Согласно действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации такой допуск формально осуществляется с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. Однако автором критикуется устоявшаяся практика, при которой законные представители не допускаются на стадии доследственной проверки и при производстве иных следственных действий. Автор предлагает внести изменения в статью 426 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусмотрев более ранний допуск законного представителя – с начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы несовершеннолетнего.

Ключевые слова: законный представитель; уголовное судопроизводство; допуск; несовершеннолетний; доследственная проверка; следственные действия

QUESTIONS REGARDING THE MOMENT OF ADMISSION OF A LEGAL REPRESENTATIVE OF A MINOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Lukashenko K.E.,

Postgraduate

(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this paper examines the uncertainty surrounding the timing of a legal representative's admission to a case. According to the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation, such admission formally begins with the initial interrogation of a minor as a suspect or accused. However, the author criticizes the established practice of denying legal representatives access during pre-investigation checks and other investigative actions. The author proposes amending Article 426 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to provide for earlier access of legal representatives – from the beginning of procedural actions affecting the rights and freedoms of the minor.

Keywords: legal representative; criminal proceedings; admission; minor; pre-investigation check; investigative actions

Институт законного представительства является важной гарантией реализации конституционных прав участников уголовного судопроизводства, которые, в силу возрастных, физических или психических особенностей, не могут самостоятельно осуществлять защиту своих интересов [1, с. 85]. Несмотря на длительную историю существования данного института, в теории и практике уголовного процесса сохраняются многочисленные проблемы, связанные с допуском законных представителей.

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, закрепленный в ст. 3 Конвенции о правах ребенка, является основополагающим при определении процессуального статуса и момента допуска законного представителя [2]. Согласно данному принципу во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка. В контексте уголовного судопроизводства это означает, что участие законного представителя должно быть обеспечено на самых ранних стадиях процесса.

Начнем с того, что законное представительство является заимствованным институтом, его основные положения заложены в гражданском и семейном законодательстве, именно поэтому используется термин «допуск», поскольку статусом законного представителя в уголовном производстве наделить нельзя, он формируется за рамками уголовного процесса. Привлечение законного представителя является обязательным условием предварительного расследования, выполнение которого возложено на следователя (дознателя) (ч. 3 ст. 16 и ч. 1 ст. 426 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)). Для данного процессуального действия необходимы определенные **юридические основания**.

К **юридическим основаниям** допуска законного представителя относятся:

1. Наличие у представляемого лица статуса несовершеннолетнего либо лица, которое по своему физическому или психическому состоянию лишено возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы.
2. Надлежащее документальное подтверждение полномочий законного представителя (свидетельство о рождении, решение об установлении опеки или попечительства и др.).
3. Отсутствие обстоятельств, препятствующих участию конкретного лица в качестве законного представителя (конфликт интересов, отстранение от участия в деле и др.).

Одной из проблем на данный момент является неопределенность момента допуска законного представителя в уголовный процесс.

На основании ч. 1 ст. 426 УПК РФ законные представители допускаются к участию в уголовном деле на основании постановления следователя, дознателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого, обвиняемого.

Здесь следует согласиться с мнением Ш.Ф. Багаутдинова, который приводит массу ситуаций, которые не подпадают под данное положение закона: проведение доследственной проверки с широким спектром процессуальных действий; выполнение с участием несовершеннолетнего, имеющего статус свидетеля, следственных действий (например, очные ставки и опознания), напрямую направленных на изобличение его в совершении преступления; проведение для сбора доказательств изобличающих несовершеннолетнего обыска и выемки по месту его жительства и т.д. [3, с. 116].

Несмотря на процессуальный статус свидетеля, при допросе несовершеннолетнего существует существенный риск оказания на него психологического давления с целью получения признательных показаний, граничащих с самооговором. Сложившаяся следственная практика показывает распространенность нарушений, связанных с давлением на несовершеннолетних с целью получения признательных показаний (самооговор). В связи с этим в целях пресечения противоправных действий необходимо обеспечить допуск законного представителя не только к первоначальному допросу в статусе подозреваемого, но и ко всем иным следственным действиям, в ходе которых может быть оказано воздействие на волю и сознание подростка, тем самым нарушены его фундаментальные права [4, с. 36].

Для эффективной защиты прав несовершеннолетних, исходя из презумпции добросовестности их родителей, усыновителей, опекунов и попечителей, участие законного представителя должно быть обеспечено уже на этапе доследственной проверки. В связи с этим в ст. 426 УПК РФ целесообразно закрепить более ранний момент допуска такого представителя, например с начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы проверяемого лица, или с момента приобретения несовершеннолетним статуса подозреваемого/ обвиняемого, по аналогии с правилами допуска защитника.

Таким образом, в целях обеспечения надлежащей защиты прав и законных интересов несовершеннолетних необходимо на законодательном уровне закрепить право законного представителя принимать непосредственное участие в производстве следственных действий в рамках проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ). Данная мера позволит своевременно реагировать на возможные процессуальные нарушения и обеспечит соблюдение прав ребенка с самого начала досудебного производства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конвенция о правах ребенка // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 45. – Ст. 955.
2. Марковичева Е.В. Проблемы законного представительства в российском уголовном процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2008. – № 9. – С. 85–91.
3. Багаутдинов Ш.Ф. Законные представители несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого, подсудимого в уголовном судопроизводстве // Юрист-Правоведъ. – 2021. – № 4 (99). – С. 114–120.
4. Начаров А.И. К вопросу о моменте допуска законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Проблемы современной науки и образования. – 2025. – № 3 (202). – С. 36–39.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Лысенко В.А.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в настоящее время проблема коррупции в Российской Федерации стоит особо остро. Решение данной проблемы возможно только при объединении сил государства и институтов гражданского общества.

Ключевые слова: противодействие коррупции; институты гражданского общества; сотрудники органов внутренних дел; средства массовой информации; правовое сознание; правовая культура; обращения граждан

INTERACTION OF DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS AND INSTITUTES OF CIVIL SOCIETY IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION

Lysenko V.A.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: now the corruption problem in the Russian Federation is particularly acute especially. The solution of this problem is possible only at association of forces of the state and institutes of civil society.

Keywords: anti-corruption; civil society institutions; internal affairs officers; mass media; legal awareness; legal culture; and citizens' appeals

Противодействие коррупции в Российской Федерации на современном этапе приобретает особую значимость. Эффективность антикоррупционных мер возрастает благодаря участию институтов гражданского общества. Значительное сокращение коррупции в нашей стране возможно только при условии тесного партнерства гражданских организаций и сотрудников органов внутренних дел. Но в настоящее время мы наблюдаем высокую разобщенность во взаимодействии этих двух институтов, что позволяет коррупции приобретать все большие масштабы. В свою очередь, государство осознает необходимость большего привлечения граждан к решению актуальных задач по противодействию коррупции. Среди базовых направлений осуществления национальной антикоррупционной политики большое значение имеет привлечение институтов гражданского общества к осуществлению антикоррупционной деятельности. Борьба с коррупцией в органах внутренних дел как с многогранным и, безусловно, отрицательным явлением жизни современного общества невозможна без реализации комплекса мер разностороннего характера [1, с. 45].

Анализ и противодействие коррупции в органах внутренних дел на современном этапе требуют особого подхода, отличающегося от методов, применяемых в других ветвях власти. Это обусловлено рядом специфических обстоятельств. Для предотвращения потенциальных злоупотреблений этими полномочиями в коррупционных целях необходим эффективный контроль со стороны квалифицированного и информированного гражданского общества.

Следует отметить, что институты гражданского общества являются субъектами противодействия коррупции наряду с органами государственной власти и местного самоуправления.

При рассмотрении вопроса о сотрудничестве правоохранительных органов (сотрудников органов внутренних дел) и структур гражданского общества в сфере борьбы с коррупцией исследователи идентифицируют два ключевых комплекса факторов, способствующих возникновению коррупционных проявлений:

– низкий уровень правосознания и правовой культуры;

– отсутствие рабочих механизмов обратных связей общества и государства [2].

Рассматривая указанные факторы, способствующие возникновению коррупционных проявлений, стоит согласиться, что невысокий уровень правосознания и правовой культуры в большой степени мешает осуществлению антикоррупционной деятельности.

Е.Г. Телегина указывает, что «безусловно, коррупция является одним из наиболее разрушительных криминогенноопасных явлений, влияющих на правовое сознание людей» [3, с. 80]. К коллективной сфере деятельности сотрудников органов внутренних дел и институтов гражданского общества относят в первую очередь организацию и проведение мероприятий, направленных на повышение уровня правосознания и правовой культуры граждан в области противодействия коррупции, направленных на стимулирование гражданской активности и противодействия коррупции.

По мнению Н.М. Колосовой, «взаимодействие в этом направлении осуществляется посредством привлечения институтов гражданского общества к реализации антикоррупционных образовательных программ, организации экспертных обсуждений и т.д.» [4, с. 165].

Одной из причин коррупции является неэффективная двусторонняя связь между институтами гражданского общества и государственными органами, чья задача – противодействие коррупции. Государство предпринимает шаги для налаживания этого контакта, создавая специальные структуры и должности (такие как Общественная палата Российской Федерации или институт Уполномоченного по правам человека).

По мнению Ю.А. Тихомирова, «взаимодействие государства и институтов гражданского общества в целях уменьшения уровня коррупции должно быть направлено, с одной стороны, на преодоление коррупционного сознания и поведения граждан, государственных и муниципальных служащих, иных участников правоотношений, а с другой – на борьбу с коррупциогенными проявлениями в деятельности органов власти [5].

Эффективность механизмов взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с гражданским обществом в сфере противодействия коррупции зависит от скоординированности действий государственных и общественных институтов в сфере противодействия коррупции. Несомненно, одним из самых популярных и признанных успешным механизмов обратной связи являются обращения граждан [6, с. 170].

Обратная связь в таком ее механизме, как обращения граждан, эффективна прежде всего тем, что они имеют непосредственное и мотивированное содержание, прямо отражающее состояние и ожидания граждан. Механизм обращений важен тем, что он повышает уровень: во-первых, включенности граждан в решение проблем противодействия коррупции; во-вторых, единства на локальных территориях.

Создание обращений к органам внутренних дел и мониторинг их ответов – это эффективный способ активизации гражданского общества, а также проверенный метод преобразования гражданской позиции в значимый организационный ресурс, способствующий гармонизации интересов между органами внутренних дел и населением.

На современном этапе развития и становления России сфере цифровых технологий отводится значительное внимание. Средства массовой информации абсолютно недавно сформировались в новейшую модель (институт) развитого гражданского общества. Многофункциональная роль средств массовой информации в жизни общества и государства определяет ценность и важность взаимодействия с ними органов государственной власти. Следует констатировать, что средства массовой информации представляют собой базисный элемент целостной системы осуществления государственной информационной политики. Общественное доверие и поддержка граждан – граждане должны чувствовать защищенность со стороны органов внутренних дел и проявлять уважение и поддержку. Считаем, что «доверие населения к власти как один из принципов ее легитимности должно быть основано на ее честности и неприятии коррупции, а не на замалчивании сложных проблем и переключении внимания граждан на спорт, патриотизм или ненависть к внешним угрозам безопасности» [7, с. 79].

Взаимодействие органов внутренних дел со СМИ является фундаментальной основой, посредством которой осуществляется взаимодействие с институтами гражданского общест-

ва, так как беспристрастное и оперативное информирование о проистекающих процессах – одна из основ формирования информационно открытого гражданского общества.

СМИ получают и распространяют информацию о фактах коррумпированности во всех сферах общественной жизни, осуществляя тем самым своеобразный контроль за деятельностью органов власти.

Общественные организации (ассоциации, объединения, фонды, союзы) во взаимодействии с органами внутренних дел могут проводить совместные мероприятия, направленные на выработку рекомендаций по борьбе с коррупцией; заниматься пропагандой, направленной на борьбу с коррупцией; проводить специальные мероприятия, конференции, направленные на совершенствование деятельности органов внутренних дел в области противодействия коррупции.

Для достижения антикоррупционного эффекта важно не допускать, чтобы к участию в таких советах, коллегиях и комиссиях в качестве представителей общественности (в том числе научной) из года в год привлекались одни и те же лица, сотрудники одних и тех же образовательных, научных и экспертных организаций. Разумная ротация представителей общественности, безусловно, требуется.

Для минимизации коррупционных рисков в органах внутренних дел необходимы современные каналы обратной связи с общественными институтами. В то же время следует предусмотреть, чтобы такие каналы обратной связи не использовались недобросовестными заявителями для жалоб и заявлений в отношении сотрудников органов внутренних дел как способ воздействия на их независимость и беспристрастность.

На основании вышеизложенного отметим, что в целях достижения подлинно демократического и эффективного механизма взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества, а также повышения уровня правосознания и формирования законопослушных мировоззренческих установок необходимо претворить в жизнь систему общегосударственных мер, среди которых наиболее значимы организация хорошо обоснованной и детально, разработанной правовой пропаганды в средствах массовой информации, обеспечение широкого доступа граждан к нормативно-правовой информации всех ее видов, разработка и законодательное закрепление действенных форм и способов (с соответствующими правовыми гарантиями) реального институционального вовлечения граждан в управленческую, охранно-защитную деятельность Российского государства.

Обеспечение постоянного взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества – фактор повышения эффективности деятельности органов внутренних дел, профилактики коррупционных правонарушений и формирования позитивного мнения населения о полиции, так как учет общественного мнения в деятельности органов внутренних дел выступает и ориентиром, и критерием оценки уровня общественного порядка и общественной безопасности, создающего гарантии криминологической безопасности в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лысенко В.А., Воробьев С.Е. Органы внутренних дел Российской Федерации в системе борьбы с коррупцией: учебное пособие. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 171 с.
2. Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, А.М. Цирин [и др.]. – Москва: Проспект, 2019. – 224 с.
3. Телегина Е.Г. Правосознание и правовая культура как инструмент противодействия коррупции // *Juvenis scientia*. – 2017. – № 6. – С. 38–41.
4. Колосова Н.М., Иванюк О.А. Гражданское общество и государство в борьбе с коррупцией // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. – 2011. – № 10 (16). – С. 160–167.

5. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. – Москва: Полиграф-плюс, 2013. – 160 с.
6. Аствацатурова М.А., Мильдзихов С.Т. Механизмы обратной связи органов государственной власти и граждан: некоторые социальные и политические смыслы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 1. – С. 168–174.
7. Вородюхин С.Е., Лысенко В.А., Васильев В.В. Пути совершенствования мер, направленных на противодействие коррупции на современном этапе развития России // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 74–79.
8. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. – 2011. – 10 февраля.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ОТКАЗ ОТ ТОВАРОВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Машлыкина М.В.;

Богмацера Э.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Аннотация: в статье анализируется конфликт между безусловным правом потребителя на отказ от товара, приобретенного дистанционным способом, и злоупотребление этим правом. Исследуются такие формы злоупотребления, как использование товара с последующим возвратом продавцу и заказ без цели покупки. Цель работы – предложить способы противодействия таким покупателям для защиты интересов как продавцов, так и последующих покупателей товаров.

Ключевые слова: злоупотребление правом; отказ от товара; дистанционный способ купли-продажи; интернет-магазины; права потребителей; возврат товара надлежащего качества; недобросовестный потребитель

ABUSE OF THE RIGHT TO WITHDRAW FROM DISTANCE SELLING CONTRACTS

Mashlykina M.V.;

Bogmatsera E.V.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation)

Abstract: this article analyzes the conflict between the consumer's unconditional right to refuse goods purchased remotely and the abuse of this right. Forms of abuse such as using a product with its subsequent return to the seller and ordering without the intention to purchase are examined. The aim of the work is to propose ways to counter such consumers to protect the interests of both sellers and subsequent buyers of goods.

Keywords: abuse of rights; right of withdrawal; distance selling; online stores; consumer rights; return of goods of proper quality; dishonest consumer

В современной экономике дистанционная торговля занимает важное место. По данным Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), доля интернет-торговли в общем объеме розничной торговли в России за январь – март 2025 года составила 18,3%, объем онлайн-продаж в первом квартале 2025 года вырос на 36% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 2,6 трлн рублей [11].

Важнейшей гарантией для потребителя в данной сфере является законодательно закрепленное право на отказ от товара без объяснения причин в любое время до доставки товара и в течение семи дней после [1]. Однако на практике все чаще встречаются случаи, когда покупатели используют это право недобросовестно, чрезмерно злоупотребляя имеющимся правом. Такие действия, как возврат товаров после их фактического использования или заказ продукции без намерения ее выкупить, создают значительные сложности для продавцов, влекут за собой финансовые потери и снижение общего уровня доверия в сфере онлайн-коммерции. Возникает коллизия между защитой законных интересов потребителей и необходимостью пресечения злоупотреблений с их стороны.

Данная статья посвящена анализу проблемы недобросовестного использования права на отказ от товара, приобретенного дистанционным способом, и поиску баланса интересов всех участников данных правоотношений.

При дистанционном заключении договора купли-продажи у потребителя отсутствует возможность непосредственного ознакомления с товаром – покупатель вправе ознакомиться с товаром по его описанию и фотографиям на сайте продавца или маркетплейсе. При этом ст. 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» содержит более широкий перечень способов ознакомления, но практически все сайты предоставляют для покупателей фото, описание и иногда видеодемонстрацию товара.

При этом для баланса интересов сторон существуют некоторые различия при покупке товаров надлежащего качества дистанционным способом и в онлайн-магазинах (см. табл. 1). Возврат товаров надлежащего качества при офлайн-покупках регламентируется ст. 25 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей».

Таблица 1. Характеристики онлайн- и офлайн-покупок

	Офлайн-покупки	Онлайн-покупки
Ознакомление с товаром	Непосредственно в магазине при покупке	На основании предложенного описания товара
Условия для возврата	Сохранен товарный вид, потребительские свойства, пломбы, фабричные ярлыки, имеется чек или иной документ, подтверждающий покупку	Сохранен товарный вид и потребительские свойства, имеется чек или иной документ, подтверждающий покупку
Срок возврата	14 дней, не считая дня покупки	7 дней после передачи товара
Ограничения при возврате	Лекарства, предметы личной гигиены, нижнее белье, парфюмерно-косметические товары, чулочно-носочные изделия, бытовая химия и иные [3]	Возврату не подлежат только товары с индивидуальными свойствами

Представленная сравнительная таблица демонстрирует, что при приобретении товаров дистанционным способом потребитель находится в более слабой позиции, а потому наделен более широкими гарантиями для возврата товаров.

Во-первых, отсутствие ограничений по видам возвращаемых товаров. Ключевое отличие, выделенное в таблице, – неприменение Перечня товаров, не подлежащих обмену или возврату. Это означает, что можно вернуть приобретенные дистанционно и парфюмерию, и нижнее белье, если сохранен их товарный вид и свойства. Данная норма значительно усиливает позицию онлайн-покупателя по сравнению с офлайн-покупателем, что является основой для многих злоупотреблений.

Во-вторых, «послабления в условиях возврата товаров. Формулировка условий в ст. 26.1 («сохранены товарный вид, потребительские свойства») по сравнению со ст. 25 («сохранены товарный вид, потребительские свойства, пломбы, ярлыки») является «смягченной» и более расширенной. На практике это создает почву для споров. Являются ли снятые фабричные пломбы или бирки неотъемлемой частью «товарного вида»? Является ли вскрытая или поврежденная упаковка либо ввод товара в эксплуатацию утерей товарного вида? Подобная неопределенность оставляет множество возможностей для злоупотребления правом со стороны потребителей.

В-третьих, сокращенный, но «безусловный» срок. 7 дней – более короткий период для принятия решения, нужен ли товар для дальнейшего пользования. Однако в данном случае важна не длина срока: в дистанционной торговле право отказа является безусловным и не требует от покупателя указания мотивов (в отличие от ст. 25, где основанием является неподходящая форма, габариты, фасон, цвет, размер). Эта безусловность, изначально призванная максимально защитить того, кто не видел товар, становится инструментом, который сложно оспорить, даже если реальные действия потребителя выходят за рамки разумности и добросовестности.

Таким образом, потребителю предоставлен мощный правовой механизм, призванный уравнивать его шансы с продавцом, однако в то же время такие широкие права создают значительные правовые риски для добросовестного предпринимателя и почву для злоупотреблений. Это напрямую ведет к необходимости применения к таким ситуациям принципа недопустимости злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] недопустимы действия, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Применительно к правоотношениям в сфере дистанционной торговли это означает, что потребитель, пользуясь своим правом на отказ, должен действовать разумно и добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК РФ), коррелируя с изначальной целью законодателя – компенсировать невозможность предварительного ознакомления с товаром.

При этом согласно п. 2 ст. 10 ГК РФ суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично. Однако в законе отсутствуют критерии установки «недобросовестного поведения» потребителя. Если продавец не представил достаточно доказательств такой недобросовестности, то и оснований отказать потребителю нет, а значит, добросовестные продавцы снова должны нести убытки.

В современной судебной практике можно найти множество примеров злоупотребления со стороны покупателей, но в статье нами рассматриваются случаи злоупотребления покупателей правом на возврат товаров, приобретенных дистанционным способом.

Проблема возврата товаров после их фактического, но аккуратного использования является одной из наиболее болезненных для продавцов как в офлайн-торговле, так и в e-commerce. Продавцы, в том числе на маркетплейсах, регулярно сталкиваются с волнами таких возвратов, возникающими сразу после праздников: после 1 сентября массово возвращают школьную форму и праздничные наряды с линейек, а после Нового года – искусственные ели, гирлянды и вечерние костюмы, которые уже были использованы. По сути, потребитель превращает покупку в бесплатную аренду вещи, извращая цель закона, призванного компенсировать именно невозможность непосредственного ознакомления с товаром, а не предоставление сервиса по временному пользованию вещами.

Это явление выходит за рамки анонимных злоупотреблений. Как показывают публикации в региональных СМИ, некоторые потребители открыто признаются в подобных схемах, рассуждая о том, как аккуратно носили платье, заранее планируя его вернуть [5]. Такие признания демонстрируют осознанный, умышленный характер действий, что напрямую подпадает под критерий недобросовестного поведения и злоупотребления правом. Парадоксально то, что формально требование закона о сохранении товарного вида нарушено – товар был введен в эксплуатацию, но доказательства этого часто отсутствуют.

На практике это приводит к тому, что продавец, действуя в рамках процедуры, не может правомерно отказать в приеме товара. Особенно остро проблема проявляется в логистике маркетплейсов, где прием возвратов делегирован сотрудникам пунктов выдачи заказов. Их задача – провести визуальный осмотр товара на предмет явных дефектов, а не полноценную проверку. У них нет ни специальных знаний, ни инструментов, ни полномочий для отказа в приеме товара на основании подозрений в использовании. В результате система, созданная для удобства покупателей, становится площадкой для злоупотреблений.

Таким образом, возникает порочный круг, ведущий к прямым убыткам продавцов. Товар, побывавший в употреблении, но не имеющий явных следов, возвращается на склад, а затем может быть повторно направлен другому покупателю как новый. Это уже порождает новый виток конфликта: следующий потребитель, обнаружив, что получил вещь «не первой свежести», откажется от нее, а продавец понесет убытки на доставку и утратит возможность реализовать товар. Следовательно, существующий механизм одобрения возвратов не только поощряет недобросовестных покупателей, но и подрывает доверие добросовестных потребителей к самой дистанционной торговле.

Помимо возможности заказывать и возвращать товар в неограниченном количестве без объяснения причин, в ст. 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» указаны лишь два критерия, необходимых для соблюдения при возврате товаров – сохранение товарного вида и потребительских свойств.

Закон не содержит однозначного ответа, по каким именно критериям определяется сохранность внешнего вида товара. Скорее всего, это связано с самим разнообразием предлагаемых потребителям товаров. Например, один товар может в качестве упаковки иметь коробку и слюду, в то время как другой нет, при таких обстоятельствах вскрытие, допустим, пленки у второго товара может не быть прямым нарушением товарного вида.

Подобная неопределенность создает почву для злоупотреблений и судебных споров. Отсутствие единых оценочных критериев приводит к тому, что одно и то же действие (например, вскрытие заводской упаковки) в одной ситуации трактуется как незначительное нарушение, не влияющее на возможность продажи, а в другой – как существенное повреждение, лишшающее товар товарного вида.

На практике суды пытаются заполнять этот правовой пробел, формируя критерии через судебные решения. Однако судебная практика носит противоречивый характер, что видно при сравнении подходов к разным видам товаров.

К примеру, в отношении телевизора суды всех трех инстанций пришли к единому мнению, что снятая пленка с телевизора уже служит основанием для признания товара утратившим товарный вид [7].

В то же время по отношению к иным товарным, не являющимся технически сложными (которые закон выделяет отдельной категорией, что также упоминается в Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей»), суды относятся более лояльно, смещая фокус с товарного вида на сохранность функциональных свойств.

Московский городской суд в апелляционном определении указывал, что нарушение целостности упаковки товара (гарнитуры) никак не препятствует дальнейшей реализации товара, ведь товар из-за нарушения упаковки не утратил свои прямые потребительские свойства [10].

В данном деле истец получил товар, приобретенный им дистанционно, вскрыл его и решил отказаться, так как тот не подошел ему по размеру. Суд отклонил доводы ответчика, указав, что вскрытая упаковка никак не препятствует дальнейшей реализации товара [4].

По данному вопросу также существуют разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. В «Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей» от 2022 г. указывается, что юридически значимым является выяснение обстоятельств соблюдения покупателем установленных законом сроков отказа от товара, обеспечения продавцу возможности проверить возвращаемый товар на предмет сохранности его товарного вида, потребительских свойств [6].

Эта позиция Верховного Суда Российской Федерации, однако, не решает главную проблему. Она лишь подтверждает, что проверка сохранности остается оценочной категорией. Фраза «обеспечение продавцу возможности проверить» по сути означает, что бремя выявления и доказательства утраты товарного вида и потребительских свойств лежит на продавце. Если следы использования неочевидны или их не удалось зафиксировать должным образом, потребитель, даже действуя недобросовестно, сохраняет шансы на выигрыш в судебном споре. Таким образом, даже разъяснения Верховного Суда Российской Федерации не предлагают конкретных и объективных критериев.

При этом, возвращаясь к вопросу малого количества критериев для возврата товаров надлежащего качества, стоит уделить внимание навесным и фабричным ярлыкам на товарах.

Статьей 25 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» установлено, что одним из условий для возврата товара надлежащего качества является сохранение фабричных ярлыков – в данном случае имеется в виду именно вшивной ярлык изделия, прикрепленный к внутренней стороне товара. На таком ярлыке указывается вся информация о товаре: наименование организации-производителя, наименование изделия, размер, инструкция по уходу и прочая необходимая информация о товаре.

Таким образом, сохранность вшивного ярлыка служит легко проверяемым индикатором того, что вещь не вводилась в эксплуатацию, поскольку для носки его, как правило, необходимо удалить для удобства. При срезе такого ярлыка продавец имеет право отказать в удовлетворении требования потребителя о возврате денежных средств за товар – это и явно сказано в законе, и подтверждается судебной практикой. Например, во всех трех инстанциях устояло решение, которым потребителю, срезавшему вшивной ярлык с пальто, было отказано в удовлетворении исковых требований [8]. Куда сложнее обстоит ситуация с навесным ярлыком изделия. Как правило, навесной ярлык крепится непосредственно в магазине и его срез потребителем не является основанием для отказа в удовлетворении требования о возврате товара – такой ярлык не приравнивается к фабричному, хотя также содержит информацию о товаре, модели, размере, продавце, производителе и цене.

При возврате товаров покупатели могут сказать, что навесной ярлык порвался, слетел или его вовсе не было при продаже – и отказать в возврате продавец не сможет, ведь это будет незаконно, что даст покупателю возможность в судебном порядке истребовать стоимость товара, а также штраф, компенсацию морального вреда и неустойку.

Учитывая рассмотренные выше ситуации, не исключено, что навесные ярлыки могут срезаться покупателями именно с целью носки изделий. Достаточно срезать ярлык, чтобы сходить в costume на мероприятие, после чего принести изделие на возврат – если следов носки не будет, у продавца не будет возможности отказать в возврате, а значит, следующему покупателю придется покупать уже ношенный кем-то товар. Отсутствие указания на обязательность сохранности навесного ярлыка в законодательстве, создает почву для злоупотреблений со стороны потребителей.

Еще одно ограничение, которое учитывается при возврате товаров надлежащего качества, приобретенных в офлайн-магазинах, но не применяется при продаже товаров дистанционным способом – это Перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену.

Законодатель сознательно установил разные правовые режимы. Для офлайн-торговли введен перечень, основанный на соображениях гигиены и индивидуального использования. Для дистанционной торговли этот перечень отменен в качестве компенсации за изначально слабую позицию покупателя. Однако на практике такая «компенсация» оказывается чрезмерной и создает ситуацию, когда товары, возврат которых в обычном магазине невозможен по объективным причинам, в онлайн-торговле подлежат свободному возврату.

Если товар является товаром надлежащего качества, то данный перечень ограничивает некоторые категории товаров, которые нельзя вернуть. Это, например, нижнее белье, парфюмерно-косметическая продукция, предметы личной гигиены и т.д. Но на товары, приобретенные дистанционно, данный перечень не распространяется.

Это напрямую следует из положений постановления Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2463, а также подтверждается судебной практикой. Например, решением Центрального районного суда города Твери от 26.01.2023 по делу № 2-257/2023 были удовлетворены требования Управления Роспотребнадзора [9]. Суд признал противоправными действия ответчика по включению в оферту информации об ограничениях в возврате товаров, приобретенных дистанционным способом.

Неприменение правил данного постановления при продаже товаров дистанционным способом связано как раз с невозможностью потребителя ознакомиться лично с товаром перед покупкой. Вместе с тем, учитывая приведенные выше случаи носки товаров, не исключено, что и товары, которые при обычных офлайн-покупках не являются возвратными, могут приобретаться потребителями дистанционно также с целью последующего возврата продавцу. Например, заколки можно надеть на мероприятие, иной, не подлежащий возврату товар – на фотосессию, а позднее вернуть все продавцу якобы как товар надлежащего качества.

При такой схеме злоупотреблений страдает и продавец, который, возможно, при приемке обнаружит следы эксплуатации на товаре и выведет его из оборота, и покупатель, который рискует получить использованный товар, что может уже не соответствовать санитарным нормам.

Таким образом, неприменение Перечня при дистанционной торговле, не подкрепленное механизмами контроля за фактическим использованием товара, делает закон уязвимым для манипуляций. Это не только не защищает добросовестных продавцов, но и ставит под угрозу безопасность следующих покупателей, которые рискуют получить не новый, а бывший в употреблении товар личной гигиены.

При этом многие интернет-магазины или маркетплейсы при получении товара позволяют его осмотреть, вскрыть и примерить – при таких обстоятельствах возможно введение в дальнейшем нормы, при которой, если товар заказан дистанционно, но продавец создал возможность осмотреть товар перед тем, как забрать его у курьера или из пункта выдачи заказов, Перечень товаров, не подлежащих обмену или возврату, начинал бы действовать.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что действующее регулирование права на отказ от товара, приобретенного дистанционным способом, создало значительный правовой дисбаланс. Предоставленная потребителю в качестве компенсации за невозможность непосредственного ознакомления с товаром гарантия на возврат товара на практике все чаще используется вразрез со своим прямым назначением.

В работе были выявлены конкретные формы злоупотребления данным правом: использование товара по назначению с последующим возвратом, заказ без намерения покупки, а также возврат качественных товаров под видом бракованных. Особую проблему представляет отсутствие в законе четких, объективных критериев оценки «сохранения товарного вида», что приводит к неоднозначной судебной практике.

Несмотря на наличие ст. 10 ГК РФ о недопустимости злоупотребления правом, его применение наталкивается на препятствие в виде сложности доказывания недобросовестности потребителя. Бремя доказательств лежит на продавце, который зачастую не имеет достаточной возможности зафиксировать факт эксплуатации товара.

Таким образом, сложилась ситуация, когда правовая норма, призванная защитить слабую сторону договора, стала инструментом для злоупотреблений. Это ведет не только к прямым убыткам продавцов, но и к возможному росту цен, утилизации исправных товаров, снижению качества сервиса и к рискам для здоровья и прав следующих покупателей, которые могут получить ранее использованные предметы личной гигиены, косметику или белье.

Следовательно, имеется необходимость в корректировке законодательства. Требуется не отмена гарантии, а ее конкретизация. В качестве таких мер могли бы выступить: законодательное закрепление презумпции недобросовестности потребителя при частых и систематических возвратах, установление более детальных критериев «сохранения товарного вида» для разных категорий товаров, а также введение для продавцов возможности проводить обязательную простую экспертизу возвращаемых товаров гигиенического назначения за счет потребителя в случае наличия обоснованных сомнений, что товар не эксплуатировался. Только такой сбалансированный подход позволит уравнивать покупателей, приобретающих товары в обычных магазинах и в интернет-магазинах, а также защитить интересы продавцов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 15. – Ст. 766–770.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2463 (ред. от 17.05.2024) «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 3. – Ст. 593.

4. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.11.2019 по делу № 33-50950/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

5. Вестник Сургутского района [Электронный ресурс]. – URL: <https://vestniksr.ru/news/76176-ponosil-i-sdal-nazad-otkuda-rastut-nogi-u-massovyh-vozvratov-tovarov-na-marketpleisah-posle-pr.html> (дата обращения: 03.12.2025).

6. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19.10.2022) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2021 № 88-18070/2021 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.11.2025 № 88-19402/2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

9. Решение Центрального районного суда города Твери от 26.01.2023 по делу № 2-257/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

10. Спор о защите прав потребителей при приобретении товаров дистанционным способом (на основании судебной практики Московского городского суда) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

11. Объем онлайн-торговли в России в I квартале вырос на 36% [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/23945917> (дата обращения: 02.12.2025).

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ: ПРОБЛЕМА СОВМЕСТИМОСТИ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ

Медведев Р.К.,
адъюнкт
(Омская академия МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы применения института малозначительности деяния к преступлениям с административной преюдицией на примере судебного решения о повторной продаже алкогольной продукции несовершеннолетнему. Автор анализирует постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции, признавшего деяние малозначительным, и выявляет системные ошибки в правоприменении. Обосновывается позиция о том, что сам факт повторного совершения деяния после привлечения к административной ответственности свидетельствует о повышенной общественной опасности и исключает применение части 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации. Критикуется подход суда, основанный на близости возраста потерпевшей к совершеннолетию, как противоречащий принципу правовой определенности. Делается вывод о том, что признание деяний с административной преюдицией малозначительными нивелирует волю законодателя и подрывает превентивный потенциал уголовного закона.

Ключевые слова: малозначительность деяния; административная преюдиция; продажа алкоголя несовершеннолетним; общественная опасность; квалификация преступлений; неоднократность; уголовная ответственность; правоприменительная практика

INSIGNIFICANCE OF AN ACT AND ADMINISTRATIVE PREJUDICE: THE PROBLEM OF COMPATIBILITY OF LEGAL INSTITUTIONS

Medvedev R.K.,
Postgraduate
(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the problems of applying the institute of insignificance of an act to crimes with administrative prejudice using the example of a judicial decision on repeated sale of alcoholic beverages to a minor. The author analyzes the ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction that recognized the act as insignificant and identifies systematic errors in law enforcement. The position is substantiated that the very fact of repeated commission of an act after being brought to administrative liability evidences heightened social danger and precludes the application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. The court's approach based on the victim's proximity in age to the age of majority is criticized as contradicting the principle of legal certainty. The conclusion is made that recognizing acts with administrative prejudice as insignificant nullifies the will of the legislator and undermines the preventive potential of criminal law.

Keywords: insignificance of an act; administrative prejudice; sale of alcohol to minors; social danger; qualification of crimes; repetition; criminal liability; law enforcement practice

Институт малозначительности деяния, закрепленный в ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), является важным механизмом реализации принципа справедливости в уголовном праве. Согласно данной норме не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Однако применение этого института к преступлениям с административной преюдицией вызывает серьезные теоретические и практические проблемы, что наглядно демонстрирует постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 августа 2025 г. по делу № 77-2647/2025 [1].

Согласно материалам дела осужденная была привлечена к ответственности по ст. 151.1 УК РФ за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции при условии совершения данного деяния неоднократно, будучи ранее привлеченной к административной ответственности за аналогичное деяние. Осужденная, «осознавая, что не имеет права на реализацию алкогольной продукции несовершеннолетним, не удостоверилась в достижении покупателем совершеннолетия и, не истребовав документ, вновь осуществила розничную продажу алкогольной продукции – трех банок пива» несовершеннолетней, которой на момент продажи было 17 лет. Однако суд кассационной инстанции отменил обвинительный приговор, указав, что «действия не причинили существенный вред интересам несовершеннолетней, которая на момент совершения инкриминированного деяния практически достигла совершеннолетнего возраста», и признал деяние малозначительным.

Как справедливо отмечает А.И. Бадретдинов, «розничную продажу алкогольной продукции в первую очередь следует рассматривать как незаконную сделку по отпуску алкогольной продукции лицу, не достигшему возраста, с которого законом возможна продажа такой продукции» [2, с. 127].

Представляется необходимым обратиться к доктринальным позициям относительно института административной преюдиции в уголовном праве [3]. Н.А. Лопашенко придерживается критического подхода к данному явлению, солидаризируясь с концепцией Н.Ф. Кузнецовой, которая обосновывала, что «между преступлениями и проступками не количественное, а качественное различие. Поэтому количество проступков неспособно перерасти в качество преступления» [4, с. 9]. Развивая эту мысль, Н.А. Лопашенко констатирует, что «повторение какого-либо административного правонарушения в очередной раз после совершения таких же ранее не может родить другое качество – преступление» [5, с. 90].

Аналогичную позицию занимает Р.Р. Галиакбаров, полагающий, что многократное воспроизведение идентичного административного деликта не трансформирует его правовую сущность и не увеличивает степень его опасности для общества. Автор категорично заявляет: «Сложение двух административных правонарушений не может составить одного преступления» [6, с. 79].

Противоположную научную позицию формулирует А.В. Иванчин, обосновывающий легитимность конструкций с административной преюдицией. Исследователь аргументирует, что «составы с административной преюдицией соответствуют положениям Конституции Российской Федерации, и сама административная преюдиция согласуется с существующей теорией криминализации». Теоретическим фундаментом данного подхода служит тезис о том, что «основанием для криминализации противоправного деяния является общественная опасность всего акта человеческого поведения, которую составляет общественная опасность как самого деяния, так и общественная опасность личности, его совершившей» [7, с. 51].

Мы считаем, что законодатель, устанавливая такую конструкцию, исходит из того, что именно систематическое нарушение правовых запретов обладает повышенной общественной опасностью. Квалифицирующий признак неоднократности выступает конструктивным элементом, отражающим сущностное усиление общественной опасности деяния.

На наш взгляд, основная ошибка суда кассационной инстанции заключается в игнорировании того обстоятельства, что ст. 151.1 УК РФ устанавливает ответственность именно за неоднократную продажу алкоголя несовершеннолетним. Это демонстрирует устойчивое пренебрежительное отношение к правовым запретам, что является показателем повышенной общественной опасности как деяния, так и личности виновной.

Суд кассационной инстанции сосредоточился исключительно на отсутствии вреда здоровью конкретной несовершеннолетней, однако такой подход принципиально неверен. Объектом преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, является не только здоровье конкретного несовершеннолетнего, но и система государственного регулирования оборота алкогольной продукции, общественная нравственность и интересы нормального развития молодого поколения. Повторное нарушение запрета подрывает эффективность государственной политики в сфере охраны здоровья молодежи, причиняя ущерб общественным отношениям в целом.

Также суд кассационной инстанции придал решающее значение тому, что несовершеннолетняя «практически достигла совершеннолетнего возраста». Однако данный аргумент несостоятелен с точки зрения базовых принципов правового регулирования. Законодатель установил четкую возрастную границу – 18 лет, не допускающую произвольного толкования судом. Признание правовой релевантности факта «практического достижения совершеннолетия» размывает законодательно установленную границу и создает судебное усмотрение там, где законодатель установил императивное правило.

Помимо всего прочего, суд не уделил должного внимания субъективной стороне деяния. Осужденная действовала с прямым умыслом, осознавая противоправность своего поведения, о чем свидетельствует предшествующее привлечение к административной ответственности. Как указано в приговоре, она, «осознавая, что не имеет права на реализацию алкогольной продукции несовершеннолетним, безразлично отнеслась к возможности наступления общественно опасных последствий». Такое волевое отношение после применения мер административной ответственности свидетельствует о пренебрежительном отношении к правовым запретам и повышенной общественной опасности личности правонарушителя.

Признание деяния малозначительным фактически нивелирует волю законодателя, который специально криминализировал именно повторные случаи продажи алкоголя несовершеннолетним. Решение суда создает опасный прецедент, легализующий систематические нарушения в отношении лиц, приближающихся к совершеннолетию. Следует отметить, что суд первой инстанции, назначив наказание в виде штрафа в размере 50 000 рублей с рассрочкой, фактически учел все смягчающие обстоятельства, что позволяло достичь индивидуализации ответственности без искажения квалификации деяния.

Таким образом, мы считаем, что применение института малозначительности в рассмотренном деле является ошибочным, поскольку законодатель специально криминализировал повторные случаи продажи алкоголя несовершеннолетним, общественная опасность определяется не только последствиями для конкретного потерпевшего, но и характером нарушенных общественных отношений, а возраст несовершеннолетнего не может служить основанием для признания деяния малозначительным при наличии четкой законодательной границы. Более правильным представлялось бы сохранение обвинительного приговора с возможным смягчением наказания в рамках предусмотренных законом механизмов, что обеспечило бы баланс между принципами гуманизма и неотвратимости ответственности за совершение преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2025 № 77-2647/2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Бадретдинов А.И. О некоторых вопросах правоприменения ст. 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 4. – С. 127–131.
3. Медведев Р.К. Проблемы разграничения административных правонарушений и уголовных преступлений в контексте повторных мелких хищений: вопросы малозначительности и административной преюдиции // Правовая позиция. – 2025. – № 4 (65). – С. 145–149.
4. Кузнецова Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства / Уголовное право в XXI веке: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Москва, 2002.
5. Лопашенко Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 84–93.
6. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право: Общая часть: учебник. – Краснодар, 1999. – 444 с.
7. Иванчин А.В. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 50–53.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Медведева Т.В.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в современном мире экстремизм представляет серьезную угрозу общественной безопасности. Он выражается в различных формах, начиная от проявлений, не выходящих за конституционные рамки, и заканчивая такими острыми и общественно опасными формами, как провокация беспорядков, гражданское неповиновение, повстанческая деятельность и террористические акции. Наряду с уголовно-правовыми методами борьбы важную роль играют административные меры пресечения, направленные на предотвращение и минимизацию экстремистской деятельности.

Ключевые слова: экстремизм; радикализм; национальная безопасность; административное правонарушение; административная ответственность; экстремистские материалы; экстремистские проявления

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR EXTREMIST OFFENSES

Medvedeva T.V.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the modern world, extremism poses a serious threat to public safety. It manifests itself in various forms, ranging from manifestations that do not exceed constitutional limits to more severe and socially dangerous forms such as inciting unrest, civil disobedience, insurgency, and terrorist activities. In addition to criminal law measures, administrative measures aimed at preventing and minimizing extremist activities play an important role.

Keywords: extremism; radicalism; national security; administrative offense; administrative liability; extremist materials; extremist manifestations

В последние годы в России наблюдается рост различного рода экстремистских проявлений, что вызывает обоснованные и серьезные опасения как у граждан, так и со стороны правоохранительных органов. За осуществление экстремистской деятельности граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

На расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации Президент России В.В. Путин акцентировал внимание на борьбе с экстремизмом. В своем выступлении он отметил, что национальная и религиозная нетерпимость, агрессивный, воинствующий радикализм – это угроза единству и сплоченности многонационального народа России, нашему суверенитету и даже территориальной целостности страны, выделив приоритетность данного направления для сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации [1].

В рамках борьбы с экстремистской деятельностью, кроме уголовной, также требуется и административная ответственность, которая является неотъемлемым инструментом оперативного реагирования на соответствующие противоправные действия в целях их своевременного пресечения и профилактики.

Противодействие экстремизму требует со стороны государства принятия всестороннего рода превентивных мер государственного принуждения как по факту противоправных действий, так и в условиях вероятности их совершения [2].

Административная ответственность способна предоставить государству возможность более оперативно отреагировать на возникающие противоправные деяния и, соответственно, достичь требуемой цели в более оптимальные сроки.

Отдельные экстремистские проявления не подпадают под уголовную ответственность. Существует ряд правонарушений, не рассматриваемых в качестве общественно опасных, по отношению к которым, соответственно, могут предприниматься меры административного характера.

Правонарушения экстремистского характера представляют собой действия, направленные на подрыв основ конституционного строя, разжигание ненависти и вражды, а также на нарушение прав и свобод граждан. В связи с этим законодательством Российской Федерации предусмотрены меры административной ответственности, которые должны способствовать предупреждению и пресечению таких действий.

К административным правонарушениям экстремистской направленности относятся:

1. Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, регулируется ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, что влечет штрафы, обязательные работы или арест до 15 суток, с конфискацией предметов. Хотелось бы обратить внимание, что ответственность включает как само демонстрирование, так и изготовление и сбыт такой атрибутики в целях пропаганды [3].

2. Разжигание ненависти или вражды, а также унижение человеческого достоинства в России регулируется ст. 20.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Если такие действия совершаются публично (в том числе в Интернете), они влекут штраф, обязательные работы или арест для граждан, а для юридических лиц – более крупные штрафы [3].

3. Производство и распространение экстремистских материалов, включенных в федеральный список, а также их хранение в целях массового распространения регулируется ст. 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая предусматривает административные штрафы, арест и конфискацию материалов и оборудования [3].

Как мы видим, каждое из этих правонарушений влечет за собой определенные меры административной ответственности, которые могут варьироваться от предупреждения до штрафов. Важно отметить, что для эффективного применения мер необходимо наличие четких доказательств, подтверждающих факт совершения правонарушения.

Однако в современных условиях практическая реализация административного законодательства в области борьбы с экстремизмом сталкивается с рядом проблем. Среди них такие, как обход блокировок через VPN и анонимные сети, сложность контроля за закрытыми сообществами, а также ограниченность штрафов (не всегда достаточны для устрашения).

Исходя из реалий современной ситуации в данной сфере, государственными институтами власти осуществляется выработка соответствующих превентивных мер. В частности, с 2025 года введены штрафы за умышленный поиск и распространение экстремистских материалов в Сети, а также использование технических средств, таких как VPN, для доступа к запрещенному контенту. Закон предусматривает ответственность за обращение к материалам, признанным экстремистскими Минюстом России, включая тексты, аудио и видео, что значительно расширяет возможности для профилактики и пресечения идеологической подоплеку экстремизма [4].

В настоящий период деятельность в данном направлении продолжается и носит системно-поступательный характер.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что административные меры играют значительную роль в борьбе с различного рода экстремистскими проявлениями, позволяя предотвращать на ранних стадиях распространение радикальных идей. Вместе с тем эффективность данных мер напрямую зависит от слаженной совместной работы различных государственных и общественных организаций, включая интернет-регуляторов. Дальнейшее совершенствование законодательства, включая ужесточение штрафов за повторные нарушения, развитие систем автоматического выявления экстремистского контента, усиление международного сотрудничества в блокировке трансграничных ресурсов, а также технологий мониторинга в целом позволит повысить эффективность противодействия экстремизму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Расширенное заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/76408> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Канунникова Н.Г. К вопросу об административно-правовых средствах противодействия молодежному экстремизму в Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2022. – № 3. – С. 61–69.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.10.2021). – Москва: Эскимо, 2021. – 672 с.
4. Интервью замсекретаря Совбеза России Александра Гребенкина [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/>.
5. Горохова В.В. Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму: учебное пособие. – Москва: МУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. – 194 с.
6. Ячменев С.П. О проблеме экстремизма и терроризма как последствиях развития социальных отношений в XXI в. // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 60–63.

РЕСТИТУЦИЯ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПО НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ СДЕЛКАМ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Мозговой Н.Д.

(Российский государственный университет социальных технологий);

Паршин Н.М.,

кандидат юридических наук

(Российский государственный университет социальных технологий,
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Аннотация: в данной работе рассматриваются последствия недействительной сделки, в частности реституция. Подробно анализируется правовая природа реституции. Поднимаются вопросы о применении реституции судами Российской Федерации.

Ключевые слова: недействительность сделки; реституция; возврат имущества

RESTITUTION AS A METHOD OF PROTECTING FOR INVALID TRANSACTIONS IN RUSSIAN LEGISLATION

Mozgovoy N.D.

(Russian State University of Social Technologies);

Parshin N.M.,

Candidate of Law

(Russian State University of Social Technologies,
Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration)

Abstract: this paper examines the consequences of an invalid transaction, particularly restitution. It provides a detailed analysis of the legal nature of restitution. The paper also raises questions about the application of restitution by the courts of the Russian Federation.

Keywords: invalid transaction; restitution; return of property

В современных условиях ежедневно каждый человек вступает в разнообразные гражданские правоотношения, совершает множество бытовых сделок. Именно поэтому институт недействительности сделок и их последствий в настоящее время набирает обороты и приобретает значительный интерес как для науки, так и для практики.

В российском праве законодательно установлено, что в случае недействительности сделки ее традиционным последствием выступает возврат к первоначальному положению, т.е. каждой из сторон возвращается все то, что они передали по договору, посредством института реституции.

Однако юридическая природа реституции вызывает несчитанное количество дискуссий, которые продолжаются по сей день. Так, в своей работе М.Г. Вахитов характеризует реституцию как специальный частноправовой метод защиты интересов сторон по недействительной сделке [6]. Не согласны с данным мнением С.В. Братчикова, Д.С. Козионов и Е.А. Половников, в своей работе они отмечают, что данный институт носит публично-частный характер [5].

Мы согласны со второй точкой зрения, поскольку, хоть чаще всего данным институтом пользуются граждане, государство все же, в соответствии с законом, имеет отношение к нему.

Выделяют три вида реституции: двусторонняя, односторонняя и недопущение реституции. Какой именно вид будет применяться целиком и полностью зависит от целей сторон недействительной сделки.

Двусторонняя реституция представляет собой возврат всего полученного по недействительной сделке обеими сторонами, даже в случае невозможности возвратить полученное, утраты или гибели предмета сделки сторона, действия которой привели к этому, обязана возместить его в денежном эквиваленте.

Односторонняя реституция применяется в случаях, когда одна сторона преднамеренно нарушала нормы закона и морали, в таком случае добросовестная сторона получает все переданное по недействительной сделке обратно, а имущество другой стороны уходит в пользу Российской Федерации.

Недопущение реституции означает, что имущество обеих сторон по недействительной сделке переходит в доход государства, и применяется, когда обе стороны нарушили нормы закона и морали.

Также расходятся мнения специалистов, относится ли реституция к обязательствам или нет. Наше мнение совпадает с мнением Е.П. Замякиной которая утверждает, что реституция – это обязательство [7]. Она ссылается на ст. 307.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): «общие положения об обязательствах применяются к требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделки». Также обязательство реституции закреплено в ст. 307 ГК РФ, согласно которой «в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности» [1].

Однако не всегда легко применить правила реституции.

В последнее время участились случаи, когда сделку признают недействительной, применяется реституция, но одна из сторон не может вернуть полученное по сделке. Дело в том, что сделки, совершенные под влиянием мошенников, признаются недействительными и подлежат отмене.

Сейчас актуальна проблема недействительных сделок с жилым недвижимым имуществом. Согласно статистике за 2024 год суды приняли более 4000 дел об оспаривании уже зарегистрированных сделок со вторичной недвижимостью.

Люди подвергаются воздействию мошенников, которые уговаривают их продать свое имущество и перевести им деньги. Когда люди понимают трагедию всего происходящего, то обращаются в суд, чтобы сделку признали недействительной. В итоге имущество возвращается собственнику, а добросовестный покупатель остается ни с чем, поскольку продавцу не-

чего возвращать, так как он перевел полученные деньги мошенникам. А ведь многие покупатели берут ипотеку для приобретения недвижимости, а получают только долги вместо собственности.

Прецедентным стало дело звезды эстрады Ларисы Долиной в 2023 году, когда звезда продала свою недвижимость, а после стала жертвой мошенников. Суд признал сделку недействительной и вернул Долиной имущество, а покупатель остался ни с чем.

Каждый суд оценивает обстоятельства дела самостоятельно по собственному усмотрению. Однако вышеуказанный прецедент разделит суды на два лагеря. Так, Центральный районный суд г. Воронежа по делу № 2- 4657/2023 принял сторону покупателя, признав сделку действительной и подлежащей регистрации [4]. А кому-то приходится пройти несколько инстанций судов, чтобы доказать свою добросовестность покупателя и вменяемость продавца на время сделки, что занимает не один год.

В данном случае реституция должна быть обязательна для обеих сторон, т.е. двусторонней, однако, как мы видим, обязательства выполняет только одна сторона, другая же не может вернуть полученное по недействительной сделке ввиду его отсутствия. В таких случаях согласно закону должна быть совершена компенсация в денежном эквиваленте утерянному, однако сторона и должна была вернуть деньги по сделке.

Данная проблема очень остро встала в настоящее время и решить ее пока не представляется возможным, однако, чтобы не возникало новых ситуаций, необходимо жестко контролировать сделки с недвижимостью. В частности, проверять намерения продавца совершить сделку, вплоть до общения с психологом, чтобы выявить нет ли давления со стороны. Также можно блокировать счета продавцов на некоторое время после сделки, чтобы не было возможности перевести деньги мошенникам.

Стоит учесть, что применение последствий недействительной сделки может влечь за собой не только реституцию. Так, Э.М. Чирикашвили в своей работе отмечает, что недействительная сделка может причинить ущерб и это влечет дополнительные расходы [8]. Однако не только причинение вреда может повлечь дополнительные расходы.

Стоит рассмотреть очень важный вопрос при применении последствий недействительной сделки, когда имуществом, являющимся предметом этой сделки, пользовались и получали выгоду, поскольку данная выгода, полученная от пользования имуществом по недействительной сделке, является неосновательным обогащением. Следовательно, полученные деньги подлежат возврату собственнику вместе с имуществом. Однако не все так просто.

Рассмотрим данную ситуацию на примере судебной практики, а именно определения Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС23-27921 [3]. Между компанией и обществом был заключен договор залога имущества, согласно которому общество в последующем стало собственником указанного в договоре имущества. Общество владело, пользовалось и распоряжалось данным имуществом, сдавало его в аренду и получало выгоду. Впоследствии договор залога и договор, обязательства по которому им обеспечивались, признаны недействительными, применена реституция.

Компания обращается в суд с требованием взыскать с общества неосновательное обогащение, а именно доходы, полученные от сдачи имущества в аренду. Общество, в свою же очередь, возражает в полном удовлетворении требований, ссылаясь на расходы, понесенные за время пользования имуществом, а том числе уплату налогов.

Первая инстанция удовлетворила требования в полном объеме, а апелляционная и кассационная инстанции оставили решение без изменения. Суды, ссылаясь на ст. 1108 ГК РФ, пришли к выводу, что к необходимым затратам на содержание и сохранение имущества, которые вычитаются из доходов за пользование этого имущества, уплата налогов и сборов не относится.

Однако Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с мнением судов, отменила решение и отправила дело на новое рассмотрение. Верховный Суд Российской Федерации сослался на содержание ст. 1104, 1105, 1107 и 1108 ГК РФ, в которых указывается, что возмещение полученных доходов и понесенных расходов при применении

реституции производится на основании принципа симметрии взаимных затрат и приобретений, согласно которым расходы несет то лицо, которое получает прибыль от пользования имуществом, а также в зависимости от добросовестности незаконного владельца.

Из чего следует, что если незаконный владелец не знал и не мог знать о неправомерности получения имущества по сделке, то он может оставить себе полученную прибыль. В противном же случае, когда незаконный владелец знал или должен был знать о неправомерности приобретения имущества, он обязан вернуть полученную прибыль, но не в полном объеме, за исключением понесенных расходов, т.е. чистую прибыль. Также Верховный Суд Российской Федерации пояснил, какие именно расходы считаются необходимыми на содержание и сохранение имущества. Это те затраты, которые бы понесла другая сторона по недействительной сделке при аналогичных обстоятельствах.

Следовательно, налоги и сборы включаются в необходимые затраты и не исключаются из суммы неосновательного обогащения.

Насколько бы институт реституции не был бы старым, как мы видим из приведенных примеров, постоянно возникают и будут возникать коллизии, которые решить на данный момент не представляется возможным, поскольку защита прав одной стороны ущемляет права другой стороны. По сей день остается много дискуссий относительно последствий недействительной сделки, что требует дальнейшего всестороннего изучения данного вопроса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.04.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.05.2024 № 305-ЭС23-27921 по делу № А40-5888/2022 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Решение Центрального районного суда г. Воронежа от 25.12.2023 по делу № 2-4657/2023 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3hWzsRFE56bC/> (дата обращения: 19.11.2025).
5. Братчикова С.В., Козионов Д.С., Половников Е.А. Применение последствий недействительности сделок: проблемы теории и практики // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 6 (82). – С. 261–267.
6. Вахитов М.Г. Реституция в гражданском праве Российской Федерации: понятие, юридическая природа // Сибирский юридический сборник. – 2023. – № 12-5 (87). – С. 145–147.
7. Замякина Е.П. Реституция как последствия недействительности сделки // Вестник науки. – 2025. – № 2 (83). – С. 127–133.
8. Чирикашвили Э.М. Последствия недействительности сделок: состояние правового регулирования и проблемы гражданского законодательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 3 (110). – С. 48–54.

ОТГРАНИЧЕНИЕ ПЫТКИ ОТ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ ПРИ ПРИНУЖДЕНИИ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ

Мялицына М.А.,
адъюнкт
(Омская академия МВД России)

Аннотация: на сегодняшний день статья 302 Уголовного кодекса Российской Федерации содержит как квалифицирующие признаки – принуждение к даче показаний, совершенное с применением насилия или издевательства, а так и особо квалифицирующий признак – принуждение к даче показаний, совершенное с применением пытки. Оба состава являются квалифицированными по отношению к части 1 статьи 302 Уголовного кодекса Российской Федерации, что порождает вопросы их разграничения. В статье обосновывается, что отграничить принуждение к даче показаний, совершенное с насилием, от принуждения к даче показаний, совершенное с пыткой, возможно по ряду критериев (продолжительность насилия, беззащитное состояние потерпевшего, а также систематичность однотипных повреждений).

Ключевые слова: квалифицирующие признаки; особо квалифицирующие признаки; принуждение к даче показаний; особая жестокость; насилие; пытка

DISTINGUISHING TORTURE FROM THE USE OF VIOLENCE IN FORCING TESTIMONY

Malitsyna M.A.,
Postgraduate
(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: currently, Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation includes both qualifying features – forcing testimony through violence or humiliation, and a particularly qualified feature – forcing testimony through torture. Both compositions are qualified in relation to Part 1 of Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, which raises questions about their differentiation. This article substantiates that distinguishing between forcing testimony through violence and forcing testimony through torture is possible based on several criteria: duration of violence, defenseless state of the victim, and systematic nature of similar injuries.

Keywords: qualifying features; particularly qualifying features; forcing testimony; special cruelty; violence; torture

Квалифицирующие признаки состава преступления представляют собой обязательные юридически значимые элементы, закреплённые в диспозициях статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которые свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности деяния по сравнению с основным составом преступления. Будучи конструктивными признаками конкретного состава, они выполняют ключевую функцию дифференциации уголовной ответственности: обуславливают установление более строгих санкций и служат юридическим основанием для квалификации преступления как квалифицированного либо особо квалифицированного состава.

В ст. 302 УК РФ законодатель в качестве отягчающих признаков выделяет применение насилия и издевательство (ч. 2 ст. 302 УК РФ) и применение пытки (ч. 3 ст. 302 УК РФ). Любопытно, что в отличие от ст. 286 УК РФ, где применение пытки (ч. 4 ст. 286 УК РФ) выступает в качестве возможного состава с отягчающими обстоятельствами по отношению к применению насилия (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ), в ст. 302 УК РФ из содержания пытки исключено насилие и издевательство, поскольку законодательная конструкция нормы предполагает, что деяние, указанное в ч. 1 ст. 302 УК РФ, должно быть соединено с применением

насилия или издевательства (ч. 2 ст. 302 УК РФ) либо совершено с применением пытки (ч. 3 ст. 302 УК РФ), что не дает соотносить данные составы как общий и специальный. Таким образом, оба состава являются квалифицированными по отношению к ч. 1 ст. 302 УК РФ, что, по справедливому замечанию В.Н. Бокова, порождает проблему их разграничения [1, с. 37]. В статье будут рассмотрены признаки, позволяющие отграничить пытку от насилия при принуждении к даче показаний.

В научной литературе пытка рассматривается в одном ряду с особой жесткостью. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что пытка является частным случаем особой жестокости. Например, в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» (ст. 105 УК РФ) указывается, что особая жестокость проявляется в том числе в пытках [2]. Такой же тезис содержится и в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [3]. Обратим внимание, что пытка является объективным выражением особой жестокости. Другими словами, пытка и особая жестокость совпадают по объективной стороне, т.к. могут выражаться в применении насилия, воздействии на человеческий организм и т.д. Но в то же время пытка имеет свой контекст – субъективный компонент, который выражается в угрозе или принуждении потерпевшего к даче сведений или признаний, наказании его за действия, которые совершил он или третье лицо и т.д. Совершение преступления с особой жестокостью не подразумевает наличия конкретной цели, как пытка.

В свою очередь, насилие является более широким понятием относительно особой жестокости. Традиционно в уголовном праве под насилием понимают посягательство на телесную неприкосновенность потерпевшего [4, с. 722; 5, с. 20; 6, с. 22], т.е. термин насилия отождествляется с насилием физическим. Если же насилие применяется с особой жестокостью, то оно перерастает в пытку, что порождает вопросы разграничения данных понятий. На наш взгляд, пытка от «обычного» насилия отличается по ряду критериев (продолжительность применяемого насилия, беззащитное состояние потерпевшего, а также систематичность однотипных повреждений).

Продолжительность насилия проявляется в длительном воздействии на потерпевшего. Отметим, что при определении критерия продолжительности невозможно установить законодательно конкретный временной промежуток, при котором насилие перерастало бы в пытку. Каждый случай необходимо рассматривать индивидуально. К примеру, в одном из уголовных дел было установлено, что осужденные, будучи оперуполномоченными, произвели задержание двух граждан. После того, как сотрудники доставили их в отдел полиции, они подвергли задержанных пыткам, которые выразились в многократных избиениях, ударах электрошокером, в приковывании наручниками к стульям и оставлении лиц в таком состоянии, избиении прикованных лиц палкой резиновой, приказах приседать с бутылкой от кулера в руках. Данные действия сотрудники делали в целях принудить задержанных дать признательные показания. Кроме того, неоднократно сотрудники полиции применили насилие к другому лицу, творя от него показаний, изобличающих задержанных мужчин в совершении преступления. Действия виновных были квалифицированы как превышение должностных полномочий, совершенное группой лиц по предварительному сговору с применением пытки [7]. Таким образом, судом был учтен критерий продолжительности применяемого насилия и действия лиц были квалифицированы как пытка.

Если же насилие носит непродолжительный характер, то оно не может быть квалифицировано как пытка. Например, М. склонял С. к даче показаний об обстоятельствах дела путем нанесения множественных ударов по телу, оскорбления ее нецензурной бранью и угроз продолжения применения насилия. Действиями виновного потерпевшей были причинены физическая боль и нравственные страдания, а также ссадина мочки левой ушной раковины, которая не была расценена как причинившая вред здоровью. Так как С. сразу согласилась давать показания, то М. быстро прекратил свои незаконные действия [8]. В представленной

ситуации насилие носило непродолжительный характер и при наличии других признаков состава преступления могло быть квалифицировано по ч. 2 ст. 302 УК РФ. Исходя из этой же логики, следовало бы квалифицировать действия Б., который нанес С. два удара по спине и два удара рукоятью пистолета по голове, причинив ему кровоподтеки в области спины и головы [9].

Также в качестве критерия, разграничивающего пытку и насилие, необходимо рассматривать возможность лица оказать сопротивление, т.е. нахождение его в незащищенном состоянии. Примером такого состояния являются приковывание потерпевшего наручниками к чему-либо или его сковывание ими, привязывание лица к другим предметам, запирающие в помещениях и т.д. При таком состоянии лицо, к которому применяется насилие, не может оказать сопротивление нападающим или попытаться скрыться от них, что ставит его в заведомо неравную позицию. Данный тезис подтверждается судебной практикой.

В апелляционном определении Южного окружного военного суда от 10 ноября 2023 г. по делу № 22-621/2023 как пытка были квалифицированы действия К., который нанес привязанному к дереву Ф. несколько ударов по голове, туловищу и конечностям. После того как Ф. потерял сознание, он был освобожден, и К. также нанес ему не менее 20 ударов кулаками, ногами, обутыми в ботинки с высокими берцами, а также прикладом автомата, причинив своими действиями тяжкий вред здоровью потерпевшего [10].

Систематичность однотипных повреждений выражается в локализации ударов, наносимых потерпевшему. Когда виновный наносит удары в одну и ту же область (ранее поврежденную), он стремится причинить сильную боль и особые физические страдания лицу. Критерий систематичности был учтен при квалификации действий М.В.В., М.Д. и К., которые применили насилие в отношении М.А. Согласно результатам заключения эксперта, удары соучастниками наносились в одни и те же области. Изначально действия осужденных были квалифицированы как истязание с применением пытки, однако данный пункт был исключен в связи с изменениями, внесенными в 2022 году в ст. 117 УК РФ [11]. Фактически данные действия все-таки рассматривались как пытка.

В связи с изложенным пытка от насилия отличается продолжительностью, незащищенным состоянием потерпевшего, а также систематичностью однотипных повреждений. Насилие, как и пытка, выражается в сильной боли и физических страданиях, однако не подкрепляется вышеуказанными критериями, в связи с чем обладает меньшей общественной опасностью по сравнению с пыткой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борков В.Н. Принуждение к даче показаний с применением насилия, издевательства и пытки // Законность. – 2023. – № 1. – С. 37–40.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 3.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 2.
4. Меньшагин В.Д., Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Особенная часть. – Москва, 1955. – 800 с.
5. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. – Санкт-Петербург, 2001. – 297 с.
6. Гаухман Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР / под ред. И.С. Ноя. – Саратов, 1981. – 159 с.
7. Приговор Тарского районного суда г. Омска от 22.09.2025 по делу № 1-4/2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://taracourt--oms.sudrf.ru/modules.php?> (дата обращения: 20.11.2025).

8. Постановление президиума Красноярского краевого суда от 20.05.2014 № 44у-208/2014 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 13.03.2002 № 60п2002 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 10.11.2023 по делу № 22-621/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Первого кассационного суда Российской Федерации общей юрисдикции от 18.10.2023 № 77-4756/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Никитчик А.А.,
кандидат юридический наук
(Омская академия МВД России)

Аннотация: в работе анализируются подходы основных правовых школ – естественно-правовой, социологической и нормативистской – к пониманию природы и содержания принципов права. Особое внимание уделяется терминологическим различиям между категориями «принцип права», «правовой принцип» и «юридический принцип», которые были разработаны российскими правоведом и сохраняют актуальность для современной юриспруденции. Научная полемика о соотношении принципов-идей и принципов-норм, рассмотренная в статье, предлагает методологическую основу для совершенствования современной правовой доктрины. Значимость исследования заключается в возможности применения историко-теоретического наследия российской юридической мысли для решения современных проблем определения нормативного статуса и формальной определенности принципов права.

Ключевые слова: принципы права; юридическая мысль второй половины XIX – начала XX в.; естественное право; социологическая юриспруденция; нормативная теория права

DISTINCTION OF LEGAL PRINCIPLES IN RUSSIAN LEGAL THOUGHT OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Nikitchik A.A.,
Candidate of Law
(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this paper analyzes the approaches of the main legal schools – natural law, sociological, and normative – to understanding the nature and content of legal principles. Particular attention is paid to the terminological differences between the categories of "legal principle," "legal principle," and "juridical principle," which were developed by Russian legal scholars and remain relevant to modern jurisprudence. The scholarly debate on the relationship between principles-ideas and principles-norms, examined in the article, offers a methodological basis for improving modern legal doctrine. The significance of this study lies in the possibility of applying the historical and theoretical legacy of Russian legal thought to address contemporary issues of determining the normative status and formal certainty of legal principles.

Keywords: principles of law; legal thought of the second half of the 19th – early 20th centuries; natural law; sociological jurisprudence; normative theory of law

Принципы права являют собой основополагающие начала, определяющие ценностно-целевые ориентиры правотворческой, правореализационной и правоприменительной деятельности. Отечественная юридическая наука традиционно связывает становление учения о принципах права с советским периодом государственного развития, где актуализация соответствующей проблемы была обусловлена формированием новой социалистической правовой системы. Тогда же принципы права, будучи емкой и обобщающей категорией, были призваны облегчить процесс систематизации правового материала в условиях развернувшейся кодификации законодательства.

Однако научный интерес к принципам права был проявлен еще во второй половине XIX – начале XX в.: в работах дореволюционных правоведов, оказавшихся затененными в эпоху идеологизированной советской юриспруденции, предпринимаются первые попытки в определении сущности, содержания и назначения данной категории. Назревающее разочарование в преобразовательном потенциале абсолютизма и критика действующего законодательства, протекающие в условиях институционализации российской юридической науки, способствовали рассмотрению принципов права в качестве лейтмотива планируемых преобразований.

Ценность наследия дореволюционной правовой мысли в данном контексте усиливает развернувшаяся в юриспруденции второй половины XIX – начала XX в. научная полемика относительно понимания права. Специфика основных конкурирующих подходов – естественно-правового, социологического и нормативистского – отражается в обобщенной трактовке принципов права как юридической категории.

Так, сторонники юснатурализма (Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, С.А. Котляревский, В.А. Гессен), осмысляя воплощение нравственных начал естественного права в законодательстве и практике, преобразовали их в качественно новую категорию – принципы права. Под этими принципами они понимали руководящие начала, которые отражают сущность и ценности такого правопорядка, где деятельность государственных и общественных институтов обеспечивает права, свободы и достойную жизнь граждан. В свою очередь, представители социологической юриспруденции (С.А. Муромцев, Б.А. Кистяковский, Ф.Ф. Кокошкин, М.Н. Кокунов, М.М. Ковалевский) и нормативизма (Ф.Г. Шершеневич, Н.М. Капустин, Н.К. Ренненкампф), признавая важную роль принципов права, иначе объясняли их природу. Первые выводили их из ценностей общественного правосознания, получивших юридическое признание, а вторые – из достижений правовой доктрины. Разница во взглядах относительно происхождения принципов права представляется актуальной для современных дискуссий о том, что должно быть первоисточником права в процессе масштабных преобразований: неизменные нравственные ценности, изменчивое общественное сознание или автономная воля законодателя.

Акцент на происхождении и реализации принципов права также не случаен ввиду наличествующей сегодня терминологической неточности. Нередко в научных изысканиях ученых-юристов можно встретить использование понятий «принцип права» и «правовой принцип» в качестве синонимов, что, на наш взгляд, искажает представление об их содержательной стороне. В юридической мысли второй половины XIX – начала XX в. правовой принцип представлен как феномен более широкого порядка, который, в отличие от принципов права, не обладает нормативностью, но объективируется в общественных отношениях через последовательное воплощение во всех элементах правовой системы.

Так, Б.А. Кистяковский под правовым принципом понимает объективную закономерность в развитии права, тесно связанную с его философией, которая, со слов правоведа, «не разрешима в пределах юридических принципов и юридических понятий» [1, с. 447] – тех конструкций, которые не познаются, а разрабатываются юристом. В качестве правового принципа Б.А. Кистяковский, как и значительная часть его современников, рассматривает господство права, разворачивающееся в полноценную правовую доктрину, согласно которой «...ни один орган государственной власти не может действовать иначе, как осуществляя право, т.е. или согласуясь с действующим правом или по крайней мере с правом, долженст-

вующим действовать и получить силу... ни одна функция, ни одна деятельность государственных органов не может противоречить существующему правопорядку» [1, с. 449]. Иными словами, если принцип права соотносим со сферой правового регулирования, определяя его направление и содержание, то правовой принцип пронизывает всю государственно-правовую материю, начиная с правового и политического сознания участников общественных отношений и заканчивая структурой и функционалом организационного компонента правовой системы.

Перечень же самих принципов права, получивших в современной юридической науке статус «общеправовых», в каждом из конкурирующих подходов включает принципы законности, гуманизма, формального равенства, справедливости и демократизма [2, с. 12].

Еще одной интересной терминологической особенностью, на наш взгляд, является отграничение категории «юридический принцип» от категории «принцип права». Как было указано выше, принципам права дореволюционные юристы вменяли достаточно сложное происхождение, в ходе которого осуществляется государственное признание нравственных ценностей либо научно обоснованных положений. Напротив, с позиции правоведов второй половины XIX – начала XX в., юридические принципы не имеют надпозитивной природы и создаются законодателем (или судом) в результате преломления общих принципов права к специфике конкретной группы общественных отношений. «Здесь дело юриспруденции – не только творить из принципов, но и создавать самые принципы... из стремлений этического-социального оборота, т.е. из элементов, из которых строится право, образуется качественно от этих элементов различное создание: возникает юридический принцип» – указывает С.А. Муромцев [3, с. 115].

Иными словами, категория «юридический принцип» соответствует принципам, существующим в контексте конкретного отраслевого знания. Так, будучи цивилистом, правовед считал, что введение отраслевых принципов способствует систематизации гражданского права и приближает к его выражению в более совершенной, а именно в кодифицированной форме. «Юридический принцип есть формула, обозначающая так или иначе известную группу правоотношений и соответствующих правоопределений» – заключает С.А. Муромцев [4, с. 86].

Преломляя содержание общих принципов равенства, гуманизма и справедливости в соответствии со спецификой гражданско-правовых отношений, С.В. Пахман в качестве принципов отраслевых рассматривает беспрепятственную реализацию гражданских прав, неприкосновенность личности и имущества, судебную защиту и восстановление нарушенных законных интересов [5, с. 25–26]. «Вот и все основные положения, которые в значении «принципов» следовало бы, по нашему мнению, поместить в начало первой книги гражданского уложения... мы считаем внесение их в той или другой форме необходимым, так как, в противном случае, все остальные начала уложения лишены были бы прочного фундамента» – заключает он [5, с. 25].

Поскольку принципы права, наряду с интересом теоретическим, во второй половине XIX – начале XX в. представляли серьезный практический интерес, особое внимание в каждом из рассмотренных подходов уделяется вопросу их фактической реализации в российском правопорядке. Закономерным представляется поднятая авторами проблема формальной определенности, повлекшая за собой разграничение принципов-идей и принципов-норм.

При этом сторонники естественного права не склонны умалить регулятивного значения принципов права в отсутствие их юридизированной конструкции, сводя разницу между принципом-нормой и принципом-идеей к наличию (либо отсутствию) соответствующей формулировки в тексте законодательного акта. Особую позицию занимает П.И. Новгородцев, который разводит принципы-идеи и принципы-нормы. Он выводит общую совокупность принципов-идей за пределы правового регулирования, отдавая приоритет принципам-нормам, исполнение которых гарантируется государством [6, с. 517].

Схожесть во взглядах относительно государственного вмешательства в процесс формирования принципов права демонстрирует приверженец социологической юриспруденции Н.М. Коркунов: государство, согласно мыслителю, является исключительным субъектом выражения общей воли, что позволяет обеспечить ей необходимую защиту [7, с. 314].

Нормативисты, выделяя принципы-идеи, рассматривают их как теоретические конструкции, разработанные наукой в качестве руководящих начал наиболее прогрессивной правовой политики. Их доктринальный характер не позволяет рассматривать принципы-идеи в качестве социального регулятора, но сигнализирует о необходимости позитивизации разработанных положений в виде принципов-норм.

Разграничивая принципы-идеи и принципы-нормы, регулятивный потенциал дореволюционные юристы видят в последних. Подход правоведов второй половины XIX – начала XX в. подчеркивает, что в рамках правореализационной и правоприменительной деятельности к фактической реализации приближены именно формально определенные принципы права, в то время как принципы-идеи остаются лишь фундаментом для правотворчества и возможных научных изысканий.

Таким образом, дореволюционная юридическая мысль второй половины XIX – начала XX в. заложила фундамент современного понимания принципов права, систематизировав их как самостоятельную юридическую категорию. Несмотря на различия в подходах (естественно-правовом, социологическом и нормативистском), российские правоведы выработали стройную систему разграничения принципов по их природе и функциональному назначению. Методологический ресурс, содержащийся в наследии российских мыслителей, сохраняет актуальность для решения современных проблем юридической науки, в частности вопросов терминологической точности и концептуального признания формальной определенности как сущностного признака принципов права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кистяковский Б.А. Лекции по государственному праву (общее и особенное): прочитаны в Моск. кооп. ин-те в 1908/1909 гг. – Москва: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1909. – 264 с.
2. Никитчик А.А. Принципы права в либеральной политико-правовой мысли Российской империи второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2024. – 26 с.
3. Муромцев С.А. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. – 1887. – Т. 25, № 9. – С. 32–67.
4. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. Ч. I. – Москва: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1877. – 194 с.
5. Пахман С.В. О значении личности в области гражданского права. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1883. – 26 с.
6. Новгородцев П.И. Государство и право / Вопросы философии и психологии. – Москва, 1904. С. 459–496.
7. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. – 8-е изд. – Санкт-Петербург: тип. М.П. Фроловой, 1914. – 508 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ МОЛОДЕЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

Омелина О.С.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: молодежный экстремизм на современном этапе развития общества и государства выступает в качестве серьезной проблемы, которая препятствует нормальному развитию молодого поколения. Среди многообразия субъектов, осуществляющих противодействие указанному негативному явлению, необходимо выделить органы внутренних дел Российской Федерации. Ряд подразделений органов внутренних дел Российской Федерации в рамках профессиональной деятельности оказывает противодействие распространению экстремизма среди современной молодежи.

Ключевые слова: профилактика; молодежный экстремизм; органы внутренних дел; сотрудники полиции

ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF RUSSIA IN COUNTERING YOUTH EXTREMISM

Omeline O.S.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: youth extremism at the present stage of the development of society and the state acts as a serious problem that impedes the normal development of the younger generation. Among the variety of subjects that counteract this negative phenomenon, it is necessary to highlight the internal affairs bodies of Russia. A number of divisions of the internal affairs bodies of Russia, within the framework of professional activities, counteract the spread of extremism among modern youth.

Keywords: prevention; youth extremism; internal affairs bodies; police officers

На современном этапе различными субъектами ведется активная борьба с таким негативным явлением, как молодежный экстремизм. Средства массовой информации переполнены различными новостями об актах насилия, совершаемых несовершеннолетними, актах уничтожения имущества, которое имеет значение для функционирования стратегически важных объектов, например поджогах релейных шкафов. Конечно, можно выделить большое количество факторов, которые способствуют распространению радикальных, экстремистских материалов среди молодежи [2, с. 231]. К ним следует отнести и сложную внешнеполитическую обстановку, цифровизация жизни всего общества, в частности жизни молодого поколения, и т.д.

Президент Российской Федерации В.В. Путин 19 марта 2025 года на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры отметил: «Столь же принципиально и решительно нужно бороться и с экстремизмом, с попытками дестабилизации общественно-политической обстановки в нашей стране, с публичными призывами к терроризму и созданию радикальных группировок» [5].

Деятельность органов внутренних дел по противодействию распространению экстремистской идеологии в молодежной среде подразумевает комплекс мер, направленных на профилактику, выявление и пресечение экстремистской деятельности [4, с. 124]. В систему органов внутренних дел по противодействию экстремизму входят подразделения участковых уполномоченных полиции, подразделения по противодействию экстремизму, подразделения по делам несовершеннолетних, уголовный розыск, патрульно-постовая служба, а также подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения, экономической безопасности и противодействия коррупции и, кроме того, подразделения по вопросам миграции [1, с. 90].

Каждое из перечисленных подразделений, в зависимости от полномочий и профессиональной компетенции, принимает участие в предупреждении, пресечении и противодействии в целом экстремистским проявлениям в обществе.

Среди всех субъектов, которые участвуют в профилактике молодежного экстремизма, особое внимание необходимо уделить подразделениям по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Это обусловлено тем, что указанное подразделение непосредственно работает с несовершеннолетними, которые уже совершали противоправные деяния или ведут асоциальный образ жизни, то есть находятся в группе риска вовлечения в экстремистскую деятельность. Ребенок, не соблюдающий установленные обществом правила поведения, зачастую занимает позицию противостояния. При должном внешнем информативном воздействии может возникнуть активная антиобщественная и даже антигосударственная позиция, выражающаяся в экстремистской деятельности. Сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, в рамках профессиональной деятельности, обязаны противодействовать указанному процессу [3, с. 37].

Рассматривая приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» [6], хотелось бы отметить, что сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних проводят большой объем профилактической работы с различными субъектами, указанными в рассматриваемом нормативном правовом акте. К таким субъектам относятся и сами несовершеннолетние, которые нарушили общественный порядок, и родители (или лица, исполняющие их обязанности), также лица, которые могли вовлечь несовершеннолетних в антиобщественную деятельность. Таким образом, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, в рамках профилактической деятельности, охватывают большинство сфер жизни подростка, который находится в зоне риска.

Статья 21 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [7] закрепляет полномочия подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в сфере противодействия асоциальному и противоправному поведению несовершеннолетних.

Необходимо отметить, что категория безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних составляет группу, которая наиболее легко вовлекается в противоправную, в том числе в экстремистскую, деятельность. Это позволяет несовершеннолетним противопоставить себя обществу, государственной власти, показать свое несогласие подчиняться установленным в обществе правилам. Те несовершеннолетние, которые в полной мере потеряли связь с домом и родителями, как правило, вовлекаются в противоправную деятельность с целью получения прибыли для удовлетворения своих базовых потребностей.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что на органы внутренних дел возлагается большая ответственность в сфере противодействия молодежному экстремизму. Подразделения по делам несовершеннолетних выступают в качестве субъекта, осуществляющего работу с молодежью с девиантным поведением. Иные подразделения территориальных органов МВД России могут принимать участие в противодействии распространению экстремизма среди молодого поколения, а также в пресечении аналогичных действий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Асланов М.А., Павленко Н.О. К вопросу о мерах противодействия органами внутренних дел идеологии экстремизма в молодежной среде: особенности и основные причины пропаганды // Международный научный вестник. – 2025. – № 1. – С. 89–92.
2. Батюкова В.Е. Молодежный экстремизм: анализ проблем и пути их решения // Право и управление. – 2025. – № 1. – С. 229–233.

3. Маринова С.Ш. Распространение идей терроризма и экстремизма в молодежной среде посредством социальных сетей и мессенжеров // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2025. – № 1 (28). – С. 33–42.

4. Юзиханова Э.Г., Корсикова Н.А. Содержание деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму в молодежной среде // Теория и практика противодействия преступности. – 2025. – № 1 (44). – С. 123–126.

5. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76484>.

6. Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОВЕДЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ

Панфилова О.В.,

кандидат юридических наук, доцент;

Брессель Д.А.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в данной работе рассматривается теоретическая основа личности сотрудника подразделения по делам несовершеннолетних органа внутренних дел, а также подробно раскрываются основные черты, которые необходимы для проведения эффективной профилактической работы с молодежью.

Ключевые слова: подразделение по делам несовершеннолетних; личность; молодежь; эмпатия; профилактика правонарушений

THE ROLE OF THE JUVENILE AFFAIRS OFFICER'S PERSONALITY IN CONDUCTING INDIVIDUAL PREVENTIVE WORK WITH JUVENILE OFFENDERS

Panfilova O.V.,

Candidate of Law, Associate Professor;

Bressel D.A.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this paper examines the theoretical foundation of the personality of an internal affairs officer serving in a juvenile affairs unit. It also provides a detailed analysis of the key traits essential for conducting effective preventive work with youth.

Keywords: juvenile Affairs Unit (JAU); personality; youth; empathy; crime prevention

Изучение личности сотрудника подразделения по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) представляет собой важный этап в исследовании противодействия подростковой преступности и формирования безопасной среды несовершеннолетних. В современном мире молодые люди подросткового возраста нередко сталкиваются с негативными воздействиями от своих сверстников и подвергаются различным формам девиантного поведения, которые требуют особого внимания сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, так как именно они играют ключевую роль в осуществлении профилактической работы с несовершеннолетними, непосредственно взаимодействуя с несовершеннолетними. Говоря о личности сотрудника ПДН, стоит в первую очередь отметить, что в столь специфической работе прежде всего важны персональные качества и психологическая готовность каждого сотрудника. На наш взгляд, именно эти качества становятся определяющими в успешной работе указанных нами подразделений. Для того чтобы подробно рассмотреть обозначенную тематику, нам необходимо изучить деятельность подразделений ПДН, а также исследовать влияние личностных характеристик сотрудников ПДН на эффективность профилактических мероприятий, проводимых с несовершеннолетними.

Подразделения по делам несовершеннолетних являются специализированными службами, которые занимаются профилактикой правонарушений и преступлений среди молодежи. Специфика работы указанных подразделений заключается в ряде факторов, охватывающих как организационные, так и эмоционально-психологические аспекты. Сотрудники ПДН занимаются профилактической работой, что подразумевает активное взаимодействие с подростками, их семьями и образовательными организациями. Фундамент их работы – это вышеуказанные профилактические мероприятия, которые строятся на информировании молодежи о недопущении совершения правонарушений и оказании психологической помощи лицам, подверженным буллингу со стороны сверстников.

Помимо этого, работа сотрудников ПДН требует от каждого из них высокого уровня эмпатии и понимания возрастных особенностей подростков. Это связано с тем, что каждый несовершеннолетний правонарушитель имеет индивидуальные причины для их совершения, которые, как правило, связаны с семейной ситуацией, социальной средой или психологическими проблемами. Именно поэтому сотрудники ПДН должны находить индивидуальный подход к каждому подростку для эффективной профилактики правонарушений в молодежной среде. Нельзя не отметить тот факт, что большая часть деятельности рассматриваемых подразделений строится на тесном взаимодействии с различными организациями (образовательные организации, социальные службы и т.д.) Поэтому одним из направлений совершенствования профилактической деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел является ранняя профилактика противоправного поведения подростков, осуществляемая сотрудниками ПДН в процессе совместной с руководителями и педагогами общеобразовательных школ и колледжей педагогической деятельности [1].

Вторым направлением совершенствования профилактической деятельности ПДН является овладение сотрудниками этих подразделений социальной и педагогической техникой, которая необходима для достижения целей профилактической деятельности. Практика показывает, что зачастую сотрудники ПДН не всегда в процессе проведения профилактической работы с подростками должным образом владеют социальной и педагогической техникой, то есть теми специальными социально-педагогическими действиями, средствами, приемами, которые наиболее эффективно могут быть использованы в педагогическом общении с подростками. Педагогическое общение выступает обязательным элементом педагогической профилактики и представляет собой специально организованное по инициативе сотрудника ПДН и управляемое им социально-психологическое взаимодействие с подростком. Обмен информацией в сочетании с оказанием воспитательного воздействия с использованием различных коммуникативных средств является содержанием педагогического общения. При отсутствии у сотрудника ПДН должного уровня во владении социально-педагогической техникой, неправильной организации им педагогического общения с подростком цели профилак-

тики, скорее всего, достигнуты не будут, а следовательно, подросток по-прежнему будет оставаться в группе риска.

Что касается личности сотрудника ПДН и ее влияния на осуществление профилактической работы, то тут необходимо отметить, что несовершеннолетние лица зачастую имеют неокрепшую психику и множество иных социальных особенностей, именно поэтому сотрудник ПДН выступает в роли не только представителя правоохранительных органов, но и психолога. Первостепенная черта, которая должна присутствовать у каждого сотрудника при работе с молодежью, – эмпатия. Это качество мы уже отмечали выше, но для полноты исследования необходимо раскрыть это качество как одну из основных черт личности сотрудника более подробно. Несовершеннолетние правонарушители зачастую совершают ошибки не по злему умыслу, а под влиянием различных обстоятельств. Для того чтобы понять причину и не допустить дальнейшего совершения правонарушений, сотрудник ПДН должен уметь установить доверительные отношения с подростком. Как отмечали многие ученые-психологи в своих научных трудах, сделать это можно именно проявив эмпатию. Помимо этого, такие качества, как терпимость, искренность и настойчивость, также влияют на успех профилактической работы. Сотрудник ПДН должен быть готов к тому, что процесс изменения мышления и поведения подростка может занять достаточно много времени. Именно по этой причине для наиболее эффективной профилактической работы сотрудник должен обладать выдержкой. Как отмечал в одной из своих работ Е.В. Ищенко, «умение проявлять терпение, когда подросток испытывает агрессию или сопротивление к оказанию ему помощи, является важным аспектом эффективного общения» [2].

Также важным аспектом личности сотрудника является его высокая профессиональная подготовка. Знания в области психологии, социологии и различных отраслей права помогают эффективно анализировать ситуацию и внедрять индивидуальные программы профилактики, направленные на каждого подростка отдельно. Кроме того, знание методов педагогики позволяет сотрудникам выявлять причины правонарушений и эффективно работать над их устранением, формируя необходимые социальные качества у молодежи. В используемой при проведении индивидуальных профилактических бесед сотрудником ПДН социально-педагогической технике выделяют три основных направления: 1) использование речевых (вербальных) средств (прежде всего это слова, которые использует сотрудник, стиль общения, построение фраз и т.п.); 2) использование невербальных (неречевых) средств (мимика, жестикация, прикосновения и т.п.); 3) обстановка, в которой данное взаимодействие осуществляется, и использование поведенческих средств (помещение, мебель, техника, а также поза, дистанцирование и перемещение сотрудника ПДН в процессе воспитания и т.п.) [3].

Таким образом, можно сказать, что личность сотрудника ПДН является основой индивидуальной профилактической работы. Рассмотрев основные черты личности, можно прийти к выводу о том, что при осуществлении такой работы важны не только личные, но и профессиональные качества каждого сотрудника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Верстов В.В., Харитонов И.К. Правовое регулирование деятельности подразделений по делам несовершеннолетних по профилактике правонарушений несовершеннолетних // Общество и право. – 2014. – № 4 (50). – С. 244–248.
2. Ищенко Е.В. Приоритетные направления деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в профилактике самовольных уходов детей // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2017. – № 3-1. – С. 3–5.
3. Шароян Ю.К. Предупреждение и профилактика правонарушений несовершеннолетних силами ОВД: проблемы и перспективы // Молодой ученый. – 2020. – № 6 (296). – С. 154–158.
4. Зайко Т.М. О системе профилактики правонарушений несовершеннолетних // Уголовное право и криминология. – 2017. – № 1. – С. 51–54.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Першин А.Ю.,
Шевченко А.В.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: физическая подготовка является неотъемлемым элементом профессиональной подготовки курсантов МВД России, обеспечивая их успешную подготовку к выполнению служебных задач в будущем. Ввиду этого занятия по физической подготовке – обязательная часть учебной программы в вузах МВД России на протяжении всего периода обучения. Однако для полноценного профессионального и физического развития занятий по физической подготовке, проводимых в рамках обучения в вузах МВД России, недостаточно, ввиду чего становится необходимым проведение дополнительных самостоятельных занятий самими курсантами. В данной статье мы рассмотрим особенности самостоятельной физической подготовки курсантов данных образовательных организаций.

Ключевые слова: самостоятельная физическая подготовка; курсанты; МВД России; занятия; профессиональная подготовка

SOME FEATURES OF INDEPENDENT PHYSICAL TRAINING FOR CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Pershin A.Yu.,
Shevchenko A.V.

(Putilin Belgorod Law Institute of the Interior of Russia)

Abstract: physical training is an integral element of the professional training of cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia, ensuring their successful preparation for future professional duties. Therefore, physical training classes are a mandatory part of the curriculum at higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia throughout the entire training period. However, for full professional and physical development, physical training classes conducted as part of the training at higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia are insufficient, making it necessary for cadets to conduct additional independent training. In this article, we will examine the features of independent physical training for cadets of these educational institutions.

Keywords: independent physical training; cadets; Ministry of Internal Affairs of Russia; classes; professional training

Профессиональная служебная подготовка сотрудников полиции является одним из важнейших элементов обучения в вузах МВД России, обуславливая эффективную подготовку курсантов к будущему исполнению служебных обязанностей на различных должностях в территориальных органах внутренних дел. Профессиональная подготовка сотрудников полиции состоит из нескольких элементов, совокупность которых обеспечивает готовность сотрудника полиции к замещению должности в органах внутренних дел. В качестве таких элементов выделяется физическая, огневая, строевая и служебная подготовка. В рамках данного исследования мы рассмотрим один из указанных видов – физическую подготовку – более подробно.

Физическая подготовка курсантов вузов МВД России представляет собой планомерный процесс физического развития организма обучающихся, укрепления их здоровья, развития основных и необходимых для исполнения служебных обязанностей сотрудника полиции качеств, освоения техник нанесения ударов, защиты от ударов руками и от ударов с использованием различного оружия, производства бросков, задержаний, заломов, скрываний, связываний, болевых воздействий, развития навыков преодоления различных препятствий и

выполнения сложных двигательных упражнений в экстремальных ситуациях и на время и т.д. Физическая подготовка курсантов МВД России производится под наблюдением компетентного и имеющего соответствующее образование преподавателя, организующего проведение занятий по физической подготовке, определяющего программу данных занятий с учетом индивидуальных особенностей каждого обучающегося, демонстрирующего правильную технику выполнения общих физических и специальных профессиональных упражнений, разъясняющего правила техники безопасности, указывающего на ошибки и недостаточное освоение каких-либо элементов образовательной программы и т.д. Однако занятия по физической подготовке лишь в рамках образовательной программы обучения в образовательных организациях МВД России представляются нам недостаточными для полноценного профессионального становления курсанта данного учебного заведения в качестве сотрудника полиции, ввиду чего приобретает все большую популярность вопрос совмещения занятий по физической подготовке в процессе обучения с самостоятельными занятиями, организуемыми курсантами в рамках самостоятельного личностного развития.

Важность самостоятельных занятий по физической подготовке, помимо занятий, помимо предусмотренных образовательной программой образовательной организации, в данный момент вызывает множество дискуссий. Как указывала А.В. Райкова, «освоение специальных умений и знаний, получение компетенции курсантами образовательных учреждений в большей степени зависит от их личного процесса образования. Этот вывод был сделан на основе изучения нами учебной программы и разработанного плана занятий по дисциплине «Физическая подготовка» в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова» [1, с. 19].

Также стоит отметить, что по прошествии пяти лет обучения в вузах МВД России с организованными систематическими занятиями по физической подготовке в конце обучения, при сдаче курсантами заключительного экзамена по физической подготовке, многие из них испытывают трудности и получают в том числе и отрицательные оценки. В качестве основной проблемы данного обстоятельства нам видится индивидуальность каждого курсанта и возможность нехватки для кого-то из них организованной образовательной программы для полноценного овладения всеми знаниями, умениями и навыками, преподаваемыми на занятиях по физической подготовке. Также особенности обучения в вузах МВД России заключаются в осуществлении курсантами служебных обязанностей сотрудника полиции, помимо основного процесса обучения (заступление в суточные наряды и на охрану общественного порядка и т.д.), что может мешать им в полной мере осваивать образовательную программу по физической подготовке по причине пропуска занятий. Ввиду данных обстоятельств важнейшую роль в профессиональной подготовке курсантов вузов МВД России, в частности в полноценной физической подготовке, играют самостоятельные занятия по физической подготовке, являющиеся дополнением основной образовательной программы.

Нам видится необходимым выделить определение самостоятельной физической подготовки для лучшего понимания ее сущности. Самостоятельная физическая подготовка обучающихся – это самостоятельный процесс физического развития, который направлен на формирование и совершенствование значимых физических качеств, необходимых для освоения профессии. В то же время самостоятельная физическая подготовка курсантов обладает специфическими особенностями, определяющими ее сущность, в качестве которых мы можем выделить субъекта – курсанта образовательной организации системы МВД России и особенную программу занятий, направленную на совершенствование значимых для деятельности полиции физических качеств, навыков и умений. Данный процесс является сложным и целенаправленным явлением. Говоря о формах профессиональной подготовки обучающихся, следует отметить, что индивидуальное обучение с сопровождением преподавателями физической подготовки и спорта во внеучебное время входит в них. Самостоятельность познавательной деятельности, способность применять имеющиеся знания, навыки и умения в учебной и практической деятельности без чьей-либо помощи формируются в процессе самостоятельной физической подготовки.

Нами было проанализировано понятие «самостоятельная физическая подготовка» и сделан вывод о том, что один из главных принципов данной деятельности заключается в том, что преподаватель непосредственно не участвует в процессе обучения. Но в то же время его роль в каком-то роде является определяющей, ведь консультация с ним – это один из ключевых этапов самостоятельного процесса обучения. Особенную значимость данное обстоятельство имеет в процессе осуществления самостоятельной физической подготовки курсантов вузов МВД России. Обуславливается это достаточной сложностью и специфичностью образовательной программы по физической подготовке в данных образовательных организациях, проявляющейся в необходимости освоения сложных двигательных навыков, боевых приемов борьбы, ударов, болевых приемов и т.д. Недостаточность сформированных знаний в указанном направлении способствует существенному риску травматизма и неправильному освоению техники упражнений, что чревато недостаточной эффективностью осуществления служебных обязанностей в будущем. Еще одной сложностью в рассматриваемой сфере является отсутствие необходимого материального оборудования в процессе занятий по самостоятельной физической подготовке курсантов, к которому мы можем отнести макеты ножей и пистолетов, палки и другие предметы.

Для успешного осуществления самостоятельной физической подготовки курсанту вуза МВД России также необходимо обладать определенными личностными качествами, без которых эффективность данной подготовки существенно снижается. В качестве главного такого качества мы можем выделить целеустремленность. Она напрямую влияет на постановку курсантом желаемых целей, построение программы их достижения, ориентированность на результат и готовность столкнуться с различными трудностями, что особенно важно для самостоятельной физической подготовки курсантов вузов МВД России, в которой такие трудности встречаются достаточно часто. Выделим основополагающие принципы самостоятельной физической подготовки, обеспечивающие ее эффективность. Так, к таким принципам, на наш взгляд, относятся:

- принцип индивидуализации, проявляющийся в самостоятельном и осознанном выборе средств и методов физического развития и способов развития основных физических качеств и навыков в зависимости от уровня их сформированности на момент осуществления самостоятельной физической подготовки, состояния здоровья и индивидуально-психологических особенностей личности;

- принцип непрерывности, выражающийся в регулярности самостоятельных занятий по физической подготовке, проявляющейся как в систематичности самих занятий, так и в непрерывности физической нагрузки в рамках одного физического занятия;

- принцип рациональности физических нагрузок, проявляющийся в осознанном выборе конкретных физических нагрузок в зависимости от состояния и готовности к ним организма, а также чередовании интенсивности данных нагрузок, соблюдении принципа постепенного повышения нагрузки и оптимального соединения физических нагрузок и отдыха;

- принцип всестороннего физического развития, особенно актуальный в самостоятельной физической подготовке и проявляющийся в стабильном и оптимальном развитии всех физических качеств, умений и навыков без сильного превалирования одного или нескольких над другими;

- принцип врачебного контроля и самоконтроля, проявляющийся в необходимости постоянного самостоятельного контроля физических параметров и состояния своего организма, а также в получении регулярных консультаций у врача по поводу возникающих в процессе осуществления самостоятельной физической подготовки проблем и сложностей;

- принцип последовательности, заключающийся в необходимости варьирования физических нагрузок в зависимости от их сложности и проявляющийся, к примеру, в достаточно интенсивной разминке в начале самостоятельного занятия, постепенном переходе к интенсивной физической нагрузке и проведении заминки в конце занятия. Данный принцип имеет особое значение в проведении занятий по физической подготовке ввиду отсутствия четкого контроля за варьированием физических нагрузок со стороны преподавателя;

– принцип участия преподавателя, проявляющийся не в стабильном и постоянном участии преподавателя, но в даче им советов и консультаций, исправлении ошибок и проведении профилактической работы по предупреждению травматизма.

Таким образом, профессиональная служебная подготовка сотрудников полиции является одним из важнейших элементов обучения в образовательных организациях МВД России, обуславливая эффективную подготовку курсантов к будущему исполнению служебных обязанностей на различных должностях в территориальных органах внутренних дел. Важнейшим элементом профессиональной подготовки сотрудника полиции и необходимым условием высокой эффективности профессионального роста курсантов вузов МВД России является самостоятельная физическая подготовка, представляющая собой самостоятельный процесс физического развития, который направлен на формирование и совершенствование значимых физических качеств, необходимых для освоения профессии. Ввиду достаточно большой сложности развития необходимых для сотрудника полиции профессиональных физических качеств, навыков и способностей данная деятельность имеет множество специфических особенностей и базируется на определенных принципах, нарушение которых может повлечь как серьезное снижение эффективности таких занятий, так и получение различных травм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузнецов М.Б. К вопросу об основах самостоятельной физической подготовки сотрудников ОВД / Физическая культура и спорт в структуре профессионального образования: ретроспектива, реальность и будущее: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2020. С. 237–240.
2. Кузнецов М.Б. Особенности организации самостоятельной физической подготовки курсантов вузов МВД России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2017. – № 2 (71). – С. 127–130.
3. Макеева В.С., Баркалов С.Н., Степанюк В.И. Научно-методические аспекты физической подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России: монография. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2006. – 96 с.
4. Моськин С.А., Еремин Р.В. Организация самостоятельных занятий физической культурой в целях повышения двигательной активности человека // Наука-2020. – 2018. – № 2-2 (18). – С. 47–53.
5. Райкова А.В., Моськин С.А. Самостоятельная физическая подготовка курсантов образовательных учреждений МВД России // Наука-2020. – 2021. – № 1 (46). – С. 18–22.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Писарев В.Н.

(Краснодарский университет МВД России)

Аннотация: в статье рассматривается проблема повышения эффективности воспитательной работы с курсантами образовательных организаций МВД России через интеграцию современных психологических теорий целеполагания. Анализируются ключевые положения теории постановки целей Э. Лока и Г. Лэтэма. Обосновывается тезис о том, что целенаправленное формирование системы профессионально и личностно значимых целей у курсантов является ядром современного воспитательного процесса, направленного на подготовку не только компетентного, но и морально устойчивого, внутренне мотивированного сотрудника органов

внутренних дел. Предлагается модель и конкретные практические методы применения данных теорий в работе командиров, воспитателей и психологов образовательных организаций.

Ключевые слова: целеполагание; воспитание; курсанты; образовательные организации МВД России

PSYCHOLOGICAL THEORIES OF GOAL-SETTING IN THE TRAINING OF CADETS AT EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Pisarev V.N.

(Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article examines the problem of increasing the effectiveness of educational work with cadets at educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia through the integration of modern psychological theories of goal-setting. Key tenets of the goal-setting theory of E. Locke and G. Latham are analyzed. The article substantiates the thesis that the targeted development of a system of professionally and personally significant goals in cadets is the core of the modern educational process, aimed at preparing not only competent but also morally stable and internally motivated law enforcement officers. A model and specific practical methods for applying these theories in the work of commanders, educators, and psychologists of training units are proposed.

Keywords: goal-setting; education; cadets; educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Современные вызовы и угрозы безопасности предъявляют повышенные требования к качеству профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Особую роль в этом процессе играет воспитание курсантов, которое должно быть направлено не только на усвоение норм и правил, но и на формирование целостной, зрелой личности с устойчивой профессиональной позицией и высокими морально-нравственными качествами. В этой связи актуализируется необходимость внедрения в воспитательный процесс психологически обоснованных технологий, среди которых центральное место занимают теории целеполагания.

Воспитание в контексте ведомственного образования понимается как планомерный, многоуровневый процесс целенаправленного формирования у курсантов системы профессиональных и личностных качеств, ценностных ориентаций и моделей поведения, соответствующих требованиям служебной деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации [1]. Ключевой задачей воспитания является перевод внешних социальных и профессиональных требований во внутренние убеждения и цели самого курсанта. Именно это и делает теории целеполагания столь актуальными.

Одной из более влиятельных в этой области является теория постановки целей Э. Лока и Г. Лэтэма, являясь классикой в изучении мотивации, предполагает, что сами по себе цели являются первичным фактором, регулирующим человеческое поведение. Перечислим основные требования к постановке целей, применимые к воспитанию курсантов [7].

Командиры могут внедрить технологию постановки целей SMART, которая была адаптирована для бизнес-среды Джорджем Дораном и популяризирована Питером Друкером на основе принципов теории Э. Лока и Г. Лэтэма. Технология постановки целей SMART описывает ключевые критерии эффективной цели: specific (конкретная), measurable (измеримая), achievable (достижимая), relevant (актуальная), time-bound (ограниченная во времени).

Использование этой технологии позволяет создавать четкие и объективные индивидуальные планы профессионального развития для каждого курсанта. Совместная разработка таких планов превращает воспитательный процесс из монолога в диалог. Воспитательные цели должны быть максимально определенными. Вместо расплывчатой установки «стать хорошим сотрудником» эффективнее работать с иерархией целей: «в течение месяца отработать навык составления протокола об административном правонарушении без ошибок», «за семестр по-

высить уровень физической подготовки по нормативам на один балл», «изучить правовую базу по конкретной статье Уголовного кодекса Российской Федерации». Цели должны быть непростыми, чтобы требовать усилий, но оставаться реалистичными. Это формирует вызов и поддерживает мотивацию, предотвращая как апатию от слишком легких задач, так и фрустрацию от заведомо невыполнимых. Курсант должен лично «присвоить» поставленную цель, понять ее личную и профессиональную значимость. Это достигается через диалог, разъяснение последствий и выгод от достижения цели.

В отечественной психологической науке целеполагание рассматривается как фундаментальная способность личности, не сводимая к простой постановке задач. Этот взгляд находит глубокое обоснование в теории деятельности А.Н. Леонтьева [4]. Согласно его подходу сознание рождается и существует в процессе деятельности, а цель – это не внешний объект, а образ желаемого результата, который отвечает определенному мотиву. Таким образом, процесс целеполагания является ключевым механизмом, связывающим в единое целое сознание, деятельность и личность. Именно в деятельности и через осознание своих мотивов личность формируется и проявляет свою сущность.

Как отмечает А.В. Карпов, целеполагание представляет собой метапроцесс, осуществляющий регуляцию всех других психических процессов – от восприятия и мышления до планирования и контроля [3]. Эта интегративная природа делает его центральным звеном в структуре личности профессионала.

Важнейший вклад в понимание смысловой природы целей внес Д.А. Леонтьев, развивая теорию смысловой регуляции деятельности. С его точки зрения, истинно действенной является лишь та цель, которая обрела для субъекта личностный смысл, «вписана» в его индивидуальную систему ценностей [5]. В контексте воспитания курсантов это означает, что профессиональные цели (успешно окончить вуз, освоить правовые знания, развить физические качества) должны быть не просто предписаны извне, но стать смыслообразующими, то есть определяющими направление и энергетическую насыщенность всей их деятельности.

Другой выдающийся отечественный психолог В.Д. Шадриков рассматривал целеполагание в структуре внутреннего мира человека как основу для развития способностей. Он подчеркивал, что процесс формирования и достижения цели является главным механизмом развития психических функций [6]. Следовательно, организация воспитательного процесса как последовательности целенаправленных действий сама по себе выступает мощным развивающим фактором для курсантов.

Воспитание в условиях ведомственного образовательного учреждения обладает ярко выраженной целевой направленностью. Его итогом должна стать личность, готовая качественно выполнять оперативно-служебные задачи. Однако, как справедливо указывал Л.С. Выготский, высшие психические функции, к которым относится и произвольное целеполагание, складываются первоначально в процессе сотрудничества и социального взаимодействия, и лишь затем становятся внутренними функциями самой личности [2].

Исходя из этого воспитательный процесс должен быть выстроен как система сотрудничества командиров, преподавателей, психологов и самих курсантов. Его главной задачей является не передача готовых целей, а создание условий для самостоятельного формирования курсантом системы целей, адекватных будущей профессии. Этот процесс включает несколько взаимосвязанных этапов.

На основе идей Д.А. Леонтьева необходимо организовать работу по осмыслению курсантами ценностных оснований службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Дискуссии, анализ профессиональных дилемм, работа с биографиями выдающихся сотрудников – все это помогает «наполнить» форму будущей профессии личностным смыслом, создав тем самым питательную среду для рождения подлинных, а не навязанных целей.

Опираясь на системный подход А.В. Карпова, важно научить курсантов выстраивать взаимосвязанную систему стратегических, тактических и оперативных целей. Стратегическая цель (стать высококлассным оперативником) должна быть развернута в тактические (повысить правовую грамотность, развить навыки коммуникации) и оперативные (изучить конкрет-

ную главу Уголовного кодекса Российской Федерации на этой неделе, отработать прием рукопашного боя).

Воспитание эффективного целеполагания невозможно без развития способности анализировать собственные действия и их причины. Регулярный совместный анализ прогресса, обсуждение трудностей и успехов позволяют курсанту гибко корректировать свои цели и методы их достижения, что является залогом его будущей адаптивности в профессиональной деятельности.

Таким образом, интеграция современных психологических теорий целеполагания в воспитательную работу с курсантами позволяет перевести ее на качественно новый уровень. Вместо пассивного усвоения нормативов и правил формируется активная, внутренне мотивированная личность будущего сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, способная к самостоятельной постановке и достижению сложных профессиональных и жизненных целей. Такой подход способствует не только успешной адаптации к учебному процессу, но и закладывает прочный фундамент для всего последующего служебного пути, характеризующегося осознанной ответственностью, моральной устойчивостью и непрерывным стремлением к самосовершенствованию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – Москва: АСТ, 2020. – 672 с.
3. Карпов А.В. Психология целеполагания: механизмы и структуры. – Москва: РАО, 2019. – 352 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва: Политиздат, 1975. – 304 с.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – Москва: Смысл, 2007. – 511 с.
6. Шадриков В.Д. Способности и интеллект человека. – Москва: СГУ, 2019. – 200 с.
7. Locke E.A., Latham G.P. New Directions in Goal-Setting Theory // Current Directions in Psychological Science. – 2006. – Vol. 15 (5). – P. 265–268.

СИСТЕМА КОНСТИТУЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕМУ

Притулина И.Ю.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье поднимается проблема суженного понимания конституционного ограничения прав и свобод личности. Автором с опорой на научные источники выстраивается иерархично обусловленная модель системы конституционных ограничений, включающая в себя три базовых компонента. Каждый из указанных компонентов автором поименован и охарактеризован с учетом исторически обусловленного государственного развития Российской Федерации.

Ключевые слова: ограничения прав и свобод личности; права и свободы человека и гражданина; система конституционных ограничений; имманентные ограничения прав и свобод; естественные пределы реализации права

THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL RESTRICTIONS: FROM THE SPECIFIC TO THE GENERAL

Pritulina I.Yu.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article addresses the problem of a narrowed understanding of constitutional restrictions on individual rights and freedoms. Drawing on scholarly sources, the author constructs a hierarchically structured model of the system of constitutional restrictions, comprising three basic components. Each of these components is named and characterized by the author, taking into account the historically conditioned development of the Russian Federation.

Keywords: restrictions on the rights and freedoms of the individual; the rights and freedoms of man and citizen; the system of constitutional restrictions; immanent restrictions on rights and freedoms; natural limits on the implementation of law

Конституция Российской Федерации в арсенале правозащитных инструментов содержит систему конституционных ограничений прав и свобод личности (ч. 3 ст. 55) [1]. Между тем в конституционном тексте такой инструмент не распознается как система. В положениях иных нормативных правовых актов, а также в научных источниках упоминаются единичные ограничения, из которых складывается такая система.

Об ограничениях как о единой системе ранее еще не говорили. Однако это вовсе не означает, что система конституционных ограничений прав и свобод личности не существует в действительности. В научном сообществе на протяжении последних десятилетий ведутся оживленные дискуссии относительно правовой природы и содержания отдельных аспектов системы правоограничений.

Так, А.В. Малько ограничения рассматриваются как исключение определенных возможностей индивида [4, с. 13]. В рамках заявленной тематики интересна точка зрения, высказанная П.П. Барановым. По мнению автора, ограничения рассматриваются как «сужение материального содержания субъективного права» [2, с. 69]. М.Г. Маковецкая, исследуя понятие ограничения прав и свобод личности, предполагает, что их следует определять в качестве установленных государством в нормах права пределов реализации субъективного права [8, с. 236]. Объединяя подходы П.П. Баранова и М.Г. Маковецкой, И.Д. Ягофарова подразумевает, что сущность правоограничений сводится к сужению вариантов допустимого поведения посредством установления в праве границ [11, с. 81].

Анализ существующих в научном сообществе точек зрения свидетельствует о нижеследующем. Во-первых, среди авторитетных авторов на сегодняшний день так и не сложилось единого мнения относительно интерпретации понятия конституционного ограничения прав и свобод личности. Во-вторых, каждое из имеющихся в правовой науке определений, несомненно, вносит авторский вклад в современную концепцию правоограничений, однако практически все они отражают лишь один из элементов системы ограничений. Из этого вытекает и третье соображение: недостаток существующих мнений связан с чрезмерно суженным видением исследуемой правовой категории и, соответственно, сжатым ее пониманием в научно-правовой среде.

Для того чтобы правовой институт конституционного ограничения прав и свобод личности обрел комплексный характер, необходимо его рассматривать как единую систему, базовые компоненты которой находятся в состоянии синергетического взаимодействия. Мысль о возможном существовании системы конституционных ограничений прав и свобод личности возникла у автора не хаотично, а в связи с изучением концепции имманентных пределов реализации субъективных прав. Такая концепция была выработана Федеральным конституционным судом Германии и в дальнейшем получила широкую огласку в отечественном научно-правовом поле, приобретая отклик российско-государственной идентичности.

В отечественной доктрине конституционного права прочно утвердилась методологическая позиция, постулирующая, что имманентные пределы права обусловлены его естественными началами и детерминируются ими. Такая позиция встречается в работах Г.А. Гаджиева [3, с. 90], А.А. Исаевой [5, с. 101], М.А. Краснова [6, с. 89], В.И. Крусса [7, с. 311], В.Г. Романовского [10, с. 188], И.Н. Плотниковой [9, с. 319] и др.

Анализ научных взглядов на проблему определения имманентных пределов основных прав позволил констатировать, что наиболее часто авторами исследуются ст. 31 (ч. 1 и 2), 34 (ч. 2) и 36 (ч. 2) Конституции Российской Федерации. Между тем едва ли можно утверждать, что конституционное право мирных собраний и объединений, свобода предпринимательской деятельности, право частной собственности, закрепленные в перечисленных статьях, имеют естественные и онтологические корни, формируемые в процессе исторического развития российской государственности. Резюмируя сказанное, вряд ли следует рассматривать имманентные пределы права как его естественные и онтологически обусловленные границы, как это часто утверждается в научных источниках. Более корректно было бы обозначить их как имманентные ограничения права.

Исследование историко-правового контекста введения имманентных ограничений позволило выделить их существенные признаки. Было установлено, что такие ограничения детерминированы особенностями конституционного строя, формы правления, государственного устройства, базисными принципами рыночных отношений, моделью государства, формой организации государственной власти, а также особенностями национального менталитета. Их природа носит двойственный характер, будучи одновременно объективной и субъективной. Объективность этих ограничений обусловлена их корреляцией с фундаментальными институциональными и социокультурными структурами, тогда как субъективность проявляется в их потенциальной изменчивости в результате внешних общественных изменений.

Имманентные ограничения, хотя и не являются первым сегментом в системе конституционных ограничений, занимают в ней самостоятельное место. Автором им отдается второй уровень.

В контексте научных дискуссий о естественной природе имманентных ограничений, следует обратиться к базовой категории естественной нормы. Концептуализация естественных пределов права выражает фундаментальный аспект в определении границ государственного вмешательства в частную жизнь индивида.

Под естественными пределами осуществления права следует понимать априорные границы допустимого поведения, сформировавшиеся до институционализации соответствующих правовых норм. Такие границы отражают фундаментальные принципы и этические императивы, которые формируются в обществе под воздействием внешних факторов. Их важнейшими признаками являются онтологичность и объективность, несмотря на то, что формируются они в процессе человеческой рефлексии. При этом естественные пределы реализации права не подвержены влиянию внешних или внутренних факторов, и вместе с тем их интерпретация не предполагает возможность унифицированного понимания.

Естественные границы права определяются с учетом его многомерного восприятия, которое охватывает как юридические, так и социально-этические аспекты. В рассматриваемом контексте необходимо обратиться к взглядам М.А. Краснова [6, с. 88], который одним из первых в научной среде акцентировал внимание на проблематике детерминации естественных пределов реализации свободы. По мнению автора, базисом выстраивания естественной нормы служат принципы христианства, а также религиозные и морально-этические постулаты.

Естественные пределы реализации прав, являясь первичным и основополагающим элементом в системе конституционных ограничений, играют ключевую роль в формировании правовой регуляции, и потому они занимают первый, самый низкий уровень в этой системе.

Последний, самый высокий уровень в системе конституционных ограничений занимают правоограничения в их привычном понимании. Речь идет об ограничениях прав и свобод, вводимых в связи с наступлением определенных обстоятельств или изменением существ-

вующих (введение особого правового режима, совершение противоправного деяния, вступление в должность, предполагающую обеспечение доступа к сведениям ограниченного пространства и т.д.). Правовую основу их введения определяют конституционные положения, в частности ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Третий уровень предполагает возможность ограничения прав и свобод личности посредством изъятия определенных правовых возможностей, входящих в содержание ее правового статуса. В отличие от второго уровня – уровня имманентных ограничений – классические ограничения вводятся только в отношении тех правомочий, которыми индивид наделен.

Таким образом, система конституционных ограничений прав и свобод личности состоит из трех взаимообусловленных компонентов: естественных пределов реализации свободы, имманентных ограничений и ограничений в их традиционном понимании. Эффективное функционирование каждого вышестоящего компонента невозможно без существования нижестоящих. Исходя из этого, под системой конституционных ограничений следует понимать совокупность институционаризованных компонентов, формирующих границы дозволенного поведения индивида и (или) допускающих сужение объема вариантов такого поведения в нормативно выраженных формах, а также обеспечивающих защиту конституционно значимых ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Баранов П.П. Проблемы ограничения прав и свобод граждан // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 2. – С. 67–73.
3. Гаджиев Г. Защита права собственности в конституционном праве Российской Федерации // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2000. – № 4 (33). – С. 89–93.
4. Запреты в праве и правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты: монография / под ред. А.В. Малько. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2020. – 377 с.
5. Исаева А.А. Имманентные ограничения и пределы свободы совести / Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Томск: Томский государственный университет, 2020. С. 100–102.
6. Краснов М.А. Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав (на примере экономических прав) // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 1 (92). – С. 82–93.
7. Крусс В.И. Право на предпринимательскую деятельность – конституционное полномочие личности. – Москва: Инфра-М, 2015. – 672 с.
8. Маковецкая М.Г. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник ННГУ. – 2012. – № 6-1. – С. 233–236.
9. Плотникова И.Н. Конституционно-правовая регламентация пределов реализации, степени допустимых ограничений основных экономических прав личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 316–324.
10. Романовский В.Г. О концепции имманентных пределов прав человека / Стабильность и динамизм Российской Конституции: материалы XII Международного конституционного форума, посвященного 15-летию возрождения юридического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского. – Саратов: Саратовский источник, 2021. С. 87–191.
11. Ягофарова И.Д. К вопросу о предельности ограничений прав и свобод человека // БИТ. – 2019. – № 2 (10). – С. 79–82.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ АВТОМАТИЧЕСКИХ ТЕЛЕФОННЫХ СТАНЦИЙ ЛИЦАМИ, СОВЕРШАЮЩИМИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Пшеничная М.И.

(Академия управления МВД России)

Аннотация: на основе анализа тенденций российского законодательства, направленного на противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предполагается рост востребованности виртуальных автоматических телефонных станций при совершении дистанционных мошенничеств. Предлагается алгоритм по установлению лиц, выступающих в качестве номинальных субъектов хозяйственной деятельности и используемых для подключения к виртуальным автоматическим телефонным станциям, а также указывается на потребность в создании условий для аккумуляции операторами сотовой связи диапазонов IP-адресов, с которых осуществляются соединения при пользовании услугами дистанционного обслуживания (включая личный кабинет, кабинет клиента), с целью их предоставления сотрудникам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность.

Ключевые слова: цифровая трансформация; информационно-телекоммуникационные технологии; дистанционное мошенничество; виртуальные автоматические телефонные станции; оперативно-разыскная деятельность

THE USE OF VIRTUAL AUTOMATIC TELEPHONE EXCHANGES BY PERSONS COMMITTING FRAUD IN THE FIELD OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Pshenichnaya M.I.

(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: based on the analysis of trends in Russian legislation aimed at countering crimes committed using information and telecommunication technologies, it is assumed that the demand for virtual automatic telephone exchanges in remote fraud is growing. An algorithm is proposed for identifying persons who act as nominal business entities and are used to connect to the VATE, and it also indicates the need to create conditions for cellular operators to accumulate ranges of IP addresses from which connections are made when using remote services (including a Personal Account, a client's Office) to provide them to employees, carrying out operational and investigative activities.

Keywords: digital transformation; information and telecommunication technologies; remote fraud; virtual automatic telephone exchanges; operational investigative activities

Процессы цифровой трансформации, происходящие в современном обществе, способствуют созданию современной социальной инфраструктуры путем внедрения цифровых технологий, что влечет за собой серьезные социальные изменения во всем мире. Меняется не только образ жизни каждого жителя планеты, но и трансформируется преступность. Появляются ее новые виды, ранее не известные орудия, предметы, способы и средства совершения преступлений [5, с. 89]. Одним из видов цифровой преступности являются преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) [5, с. 92].

Преступления в сфере ИТТ разнообразны, к ним прежде всего относится мошенничество, которое выступает в роли наиболее серьезных проблем современности. Данная про-

блема касается не просто финансовых интересов потенциальных жертв, но подрыва доверия к цифровому миру в общей сложности [6, с. 106].

Преступники разрабатывают новые схемы, занимаются мониторингом социально-экономической ситуации в России. Каждая схема обмана обладает способностью быстро адаптироваться в зависимости от актуальных вопросов в финансово-экономической сфере [7, с. 71].

Актуальность противодействия мошенничествам в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (ИТ-мошенничества) подтверждается и статистическими данными.

Наблюдается ежегодный рост количества зарегистрированных мошенничеств, совершенных с использованием ИТТ. Согласно данным Главного информационного аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2022 году зарегистрировано 257606 ИТ-мошенничеств, предусмотренных ст. 159, 159.3, 159.6 Уголовного кодекса российской Федерации (далее – УК РФ), в 2023 году зарегистрировано 356 079 преступлений данной категории (+38,2%), в 2024 году – 380 344 (+6,8%). Следует отметить, что в 2024 году половину из зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием ИТТ (49,69%, то есть 380 344 из 765 365), составили мошенничества, предусмотренные ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ [8].

Опыт сотрудников оперативных подразделений в сфере противодействия ИТ-преступности свидетельствует об имеющихся проблемах, возникающих в ходе раскрытий преступлений данной направленности, в том числе при раскрытии мошенничеств, совершаемых с использованием виртуальных автоматических телефонных станций (далее – ВАТС, виртуальная АТС) – сервисов, позволяющих компаниям подключать телефонные номера и управлять ими через Интернет.

В настоящее время использование ВАТС закреплено на законодательном уровне [1], но мошенники используют технологии виртуальных АТС для пропуска трафика в российские сети связи с территории иностранных государств.

Виртуальная АТС – это услуга обеспечения телефонной связи для субъектов хозяйственной деятельности, которая заменяет физическую офисную мини-АТС и даже целый колл-центр. Суть состоит в том, что клиент имеет возможность дистанционно получить доступ к массиву виртуальных номеров, используемых для осуществления мошеннических звонков, фактически избегая необходимости прохождения процедуры верификации личности, используя для заключения договоров реквизиты номинальных юридических лиц, а также производить оплату виртуальных номеров, используя анонимные средства платежа.

Услуга оформляется дистанционно в личном кабинете оператора сотовой связи. Для ее подключения необходим адрес электронного почтового ящика и абонентский номер. Договор заключается от имени генерального директора юридического лица, однако верификация фактически зачастую не осуществляется.

Особенность данного способа связи состоит в том, что при подключении ВАТС абонентский номер, используемый злоумышленниками, не имеет физического носителя (сим-карты), в связи с чем получить информацию о базовой станции, с помощью которой происходило соединение с сотовой сетью, невозможно. Однако имеется возможность получить сведения об IP-адресах, использовавшихся злоумышленниками для доступа к личному кабинету абонента.

Для оплаты услуг связи, в том числе ВАТС, мошенники используют расчетные счета, открытые на подставных лиц, активно используя сервисы дистанционного банковского обслуживания кредитно-финансовых организаций, а также различные платежные сервисы, тем самым оставляя след в виде IP-адресов. Указанные счета также используются для вывода похищенных денежных средств. Кроме того, одним из способов вывода денежных средств является перевод по лицевому счету абонентского номера. Личные кабинеты абонентов в этом случае могут использоваться в целях удаленного управления движением денежных средств.

В ходе проведенного исследования с учетом специфики рассматриваемого вопроса и необходимости пресечения противоправной деятельности, совершаемой с использованием ВАТС, предлагается авторский вариант выхода из сложившейся ситуации. Он заключается в том, что одним из способов установления лиц, причастных к ее совершению, является направление в адрес оператора сотовой связи (в соответствии с ведомственным законодательством) запроса о предоставлении информации по абонентским номерам, с которых осуществлялись звонки потерпевшему, при условии предусмотреть:

- сведения о полных анкетных данных физического лица либо имеющихся реквизитах юридического лица, на чье имя были оформлены абонентские номера, информация о движении денежных средств по счету;

- IP-адреса, с которых осуществлялся доступ к личному кабинету в рамках заключенного договора, с использованием сети Интернет, а также осуществлялось подключение к ВАТС;

- сведения об иных абонентских номерах, оформленных на имя держателя интересующего абонентского номера (в случае если держателем является юридическое лицо с установленным генеральным директором – сведения о том, в каких еще организациях установленное лицо выступает в качестве генерального директора и какие абонентские номера оформляло);

- сведения о способе идентификации клиента (например, с помощью ЕСИА – федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации»).

Далее важным аспектом является то, что после получения от оператора сотовой связи сведений об IP-адресах, использованных злоумышленниками для доступа к личному кабинету абонента и к серверу ВАТС, следует направить запрос провайдеру с целью истребования информации об указанных IP-адресах.

Кроме того, в случаях, когда идентификация клиента осуществляется с использованием ЕСИА, представляется возможным направить запрос в Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации с целью получения сведений о данных клиента, всех IP-адресах, использованных для администрирования его личного кабинета, а также информации о совершенных им операциях и оказанных государственных услугах.

После обработки сотрудником оперативного подразделения полученных сведений (результатов оперативно-разыскной деятельности) должностное лицо, на наш взгляд, должно предпринять меры по установлению лиц, выступающих в качестве номинальных субъектов хозяйственной деятельности и используемых для подключения к ВАТС.

В этой связи представляется обоснованной позиция профессоров Ю.В. Гаврилина и Т.В. Пинкевич, которые указывают на необходимость истребования у оператора сотовой связи сведений об IP-адресах, использованных при заключении договора, в случаях хищения денежных средств потерпевшего с применением IP-телефонии [5, с. 253].

Однако, как показывают результаты исследования деятельности оперативных подразделений, встречаются ситуации, когда операторы сотовой связи не предоставляют по запросу уполномоченных органов сведения об IP-адресах, с которых осуществлялись соединения при пользовании услугами дистанционного обслуживания (включая доступ к личному кабинету), ссылаясь на Правила взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2005 г. № 538.

В пункте 14 Правил, в перечне информации, которая должна храниться в базах данных, отсутствуют сведения об IP-адресах.

С 1 сентября 2025 года начал действовать обновленный порядок взаимодействия операторов связи с государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, посредством системы межведомственного электронного взаимодействия [4], приложением к которому является Перечень сведений, предоставляемых оператором связи

уполномоченному государственному органу, осуществляющему оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации.

В этой связи, на наш взгляд, прослеживается правовая неопределенность, заключающаяся в том, что представленным Перечнем установлена обязанность оператора связи предоставлять уполномоченному органу выделенные по договору сетевые адреса, указанные в договоре и используемые при оказании абоненту услуг по передаче данных и предоставлении доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, однако не предусмотрена обязанность по предоставлению диапазонов IP-адресов, с которых пользователь осуществлял соединения при пользовании услугами дистанционного обслуживания (включая доступ к личному кабинету, кабинету клиента). Отсюда возникает проблема, заключающаяся в невозможности получения информации о лицах, выступающих в качестве номинальных субъектов хозяйственной деятельности.

Учитывая тенденции в российском законодательстве в сфере противодействия IT-преступности, в том числе направленные на блокировку использования иностранных мессенджеров [2], установление ограничений по количеству зарегистрированных абонентских номеров [3], при совершении мошенниками обзвонов жителей России роль использования виртуальных автоматических телефонных станций будет только расти.

Примером могут служить новейшие противоправные схемы злоумышленников при использовании ВАТС, а именно изготовление дубликатов корпоративных номеров с применением «мастер-SIM» (основной сим-карты, к которой привязана виртуальная АТС). Получая дубликат такой карты, злоумышленник фактически становится администратором корпоративной сети, получая возможность управлять звонками и сообщениями, изменять настройки. Как правило, для оформления дубликата сим-карты у оператора используется поддельный паспорт или доверенность. После указанных действий оригинальная сим-карта перестает функционировать, и вся корпоративная связь временно оказывается под контролем злоумышленников, включая возможность перенастройки маршрутизации звонков, что создает риски причинения вреда и материального ущерба юридическим лицам.

Возможность получения информации о лицах, выступающих в качестве номинальных субъектов хозяйственной деятельности и использующих для подключения к ВАТС, – мера, направленная на нейтрализацию инфраструктуры, обслуживающей связь злоумышленников с потерпевшими, координируемой организаторами мошеннических схем.

С учетом вышеизложенного с целью обеспечения государственной безопасности, стабильности функционирования общественных отношений имеется потребность в создании условий для аккумуляции операторами сотовой связи диапазонов IP-адресов, с которых осуществляются соединения при пользовании услугами дистанционного обслуживания (включая личный кабинет, кабинет клиента), для их предоставления сотрудникам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Впоследствии результаты оперативно-разыскной деятельности, полученные согласно указанному в исследовании алгоритму, могут быть представлены органу дознания, следователю или в суд.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 августа 2025 г. № 1316 «Об утверждении Правил предоставления оператором связи сведений с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия по запросу уполномоченного государственного органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

5. Организация противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учебник: в 2 ч. / Ю.В. Гаврилин, Т.В. Пинкевич, Н.Э. Мартыненко [и др.]; под общ. ред. Ю.В. Гаврилина. – Москва: Академия управления МВД России, 2024. Ч. 1. – 304 с.

6. Кафарова Р.Д. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Искусство правоведения. – 2025. – № 3. – С. 105–112.

7. Бжахов Г.М. Основные проблемы и пути их решения при раскрытии дистанционных мошенничеств и краж с банковских карт // Вопросы права. – 2024. – № 4. – С. 71–74.

8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 16.11.2025).

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ ВНЕПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБРАЩЕНИЙ К СУДУ

Райс Я.В.,

адъюнкт

(Омская академия МВД России)

Аннотация: в статье рассматривается проблема внепроцессуальных обращений в суд как способа вмешательства в осуществление правосудия. Анализируется понятие «внепроцессуальное обращение» и его общественная опасность. Исследуется вопрос отнесения носящих «позитивный» окрас внепроцессуальных обращений к уголовно наказуемым деяниям.

Ключевые слова: правосудие; воспрепятствование; статья 294 Уголовного кодекса Российской Федерации; внепроцессуальное обращение; судья; давление на суд; уголовная ответственность

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR EXTRAJUDICIAL APPEALS TO THE COURT

Rice Ya.V.,

Postgraduate

(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the problem of extra-judicial appeals to the court as a way of interfering with the administration of justice. The concept of "extra-judicial appeal" and its social danger are analyzed. The issue of classifying non-procedural appeals with a "positive" connotation as criminal offenses is being investigated.

Keywords: justice; obstruction; Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation; extrajudicial treatment; judge; pressure on the court; criminal liability

Принцип независимости судей и подчинения их только закону [1] является одним из основных элементов правового государства. Любые формы воздействия на суд с целью повлиять на выносимое решение подрывают авторитет судебной власти и основы правопорядка.

ка. Одним из способов такого противоправного воздействия выступают так называемые внепроцессуальные обращения.

Согласно Закону Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»: «всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону, в частности под запретом находятся внепроцессуальные обращения к суду» [2]. Подтверждение данному тезису прослеживается и в позиции Верховного Суда Российской Федерации: «Всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону. Не допускается внепроцессуальное обращение к судье по делу, находящемуся в его производстве, либо к председателю суда по делам, находящимся в производстве суда» [3].

С одной стороны, Конституция Российской Федерации гарантирует каждому «право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы» [1]. Однако это право не является абсолютным и прекращается там, где начинается посягательство на охраняемые законом интересы правосудия. Задача правоприменителя – провести тонкую грань между реализацией конституционного права и составом преступления, предусмотренного ст. 294 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, выражается во «вмешательстве в какой бы то ни было форме» [4]. Законодатель специально использует такую широкую формулировку, чтобы охватить все возможные способы воздействия.

Внепроцессуальное обращение становится уголовно наказуемым, когда оно перестает быть просто информацией или жалобой и превращается в инструмент давления, направленный на достижение заранее определенного, желаемого для обращающегося результата, вопреки требованиям закона.

Не каждое письмо, телефонный звонок или иное сообщение судье образует состав преступления. В связи с этим особого внимания, на наш взгляд, заслуживает оценка внепроцессуальных обращений, носящих «положительный» окрас. К таким обращениям можно отнести, например, просьбы о справедливом рассмотрении дела, принятии законного решения и т.д. Кроме того, нередки в правоприменительной деятельности случаи, когда обращение к судье, совершенное во внепроцессуальной форме, содержит не требования или угрозы, а абстрактные пожелания, такие как, например, просьба вынести приговор на основе принципа беспристрастности. В данных ситуациях возникает правовая коллизия: с одной стороны, любое внепроцессуальное обращение может быть истолковано как давление, с другой – подобные формулировки, по сути, дублируют конституционный и профессиональный долг судьи.

Для уголовно-правовой оценки внепроцессуальных обращений к суду, имеющих «положительный» окрас, считаем необходимым обратиться к объективным признакам ст. 294 УК РФ. Так, объективная сторона данного преступления выражена как «вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, а также в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела» [5].

По сути, просьба о вынесении «справедливого приговора» по своему содержанию не является вмешательством, а, напротив, апеллирует к основополагающим принципам правосудия, закрепленным в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 8 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Судья в своей деятельности обязан руководствоваться законом и совестью, и вынесение справедливого решения – его прямая обязанность.

Таким образом, подобная просьба не содержит противоправного предписания, то есть в ней отсутствует указание на конкретное решение (оправдать, осудить, назначить определенное наказание), которое должен вынести суд. Кроме того, данная просьба не является формой давления, в отличие от угроз, шантажа или использования служебного положения

абстрактная просьба о справедливости не создает для судьи реальных препятствий для исполнения своих обязанностей.

Не менее важным элементом для квалификации по вышеуказанной статье является субъективная сторона – наличие прямого умысла и специальной цели. Так, указанная в диспозиции цель «воспрепятствование» предполагает стремление лица помешать суду объективно, полно и всесторонне рассмотреть дело, принять решение в соответствии с законом. Просьба же о вынесении справедливого приговора, по своей сути, направлена на достижение прямо противоположного результата – она призывает суд выполнить свою работу именно так, как того требует закон.

Аналогичной позиции придерживается и Верховный Суд Российской Федерации: «простое обращение к судье с просьбой не лишать знакомого права управления транспортным средством, ничем реально не подкрепленное, не может рассматриваться как вмешательство в деятельность суда. Просьба Дейча не носила характера убеждения, навязчивого требования, посулов, угроз, шантажа, создания для судьи неблагоприятных условий. Данная просьба судью ни к чему не обязывала и не могла обязать, следовательно, она и не могла каким-либо образом повлиять на объективность судьи при вынесении решения по делу» [6].

На основе проведенного анализа теоретических положений, а также судебной практики можно сделать вывод о том, что разграничение между преступным вмешательством и правомерным (хотя и процедурно некорректным) напоминанием о принципах правосудия должно проводиться на основе тщательного анализа содержания, контекста и действительных целей каждого конкретного обращения.

Таким образом, внепроцессуальное обращение к суду становится уголовно наказуемым по ст. 294 УК РФ не в силу своей формы, а в силу своего содержания и направленности. Критическими признаками являются наличие прямого умысла и специальной цели – воспрепятствования правосудию, а также характер действий, выходящий за рамки законной критики или информирования и переходящий в область давления, угроз, шантажа или использования служебного положения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2024 по делу № ДК23-126 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
5. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования [Электронный ресурс]. – URL: <https://morgau.sar.ru/> (дата обращения: 21.11.2025).
6. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.04.2004 по делу № 8-004-12 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ УГРОЗАМ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Свистильников А.Б.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается современное состояние и возможности противодействия террористическим угрозам на объектах железнодорожного транспорта и в подвижном составе. Исследуются результаты работы в данном направлении за 2024–2025 годы. Анализируются мотивы совершения террористических актов и категория лиц, их организующих, возрастные категории преступников и другие классификационные признаки. Рассматриваются отдельные способы противодействия террористическим угрозам.

Ключевые слова: террористический акт; террористические угрозы; железнодорожный транспорт; преступник; террорист

THE CURRENT STATE OF COUNTERING TERRORIST THREATS IN RAILWAY TRANSPORT

Svistilnikov A.B.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the current state and possibilities of countering terrorist threats at railway facilities and rolling stock. The results of work in this area for 2024-2025 are being investigated. The motives of committing terrorist acts and the category of persons organizing them, the age categories of criminals and other classification criteria are analyzed. Separate ways of countering terrorist threats are being considered.

Keywords: terrorist act; terrorist threats; railway transport; criminal; terrorist

После начала специальной военной операции (далее – СВО) США, Великобритания и ряд стран Европы стали систематически предоставлять Украине различное вооружение, боеприпасы и другое имущество, без которого невозможно вести боевые действия против России, а также оказывать им помощь в разработке диверсий и иных преступлений террористического характера.

Данные угрозы и вызовы безопасности России потребовали от ФСБ России, МВД России и других правоохранительных органов принятия дополнительных мер, направленных на предупреждение террористических актов, диверсий, повышение уровня защищенности граждан, общества и государства от преступных посягательств.

Объектами преступных посягательств сегодня часто является подвижной железнодорожный транспорт и его транспортная инфраструктура. Диверсии и террористические акты в отношении подвижного состава железнодорожного транспорта и критически важных объектов транспортной инфраструктуры осуществляют как перешедшие Государственную границу диверсанты (представители вооруженных сил Украины или специальных служб Украины), так и завербованные (в отдельных случаях обманным путем) граждане России.

В этих сложных условиях органы внутренних дел, взаимодействуя с другими правоохранительными органами и специальными службами, сохранили контроль над оперативной обстановкой не только приграничных регионов, но и страны в целом [1, с. 80].

Рассмотрим криминологический аспект современного состояния террористических угроз на объектах железнодорожного транспорта более подробно. За основу возьмем общие сведения о состоянии преступности в России за январь – декабрь 2024 и 2025 годов из сборников ГИАЦ МВД России, а также состоянии преступности на транспорте. Исследуем стати-

стические и аналитические материалы Главного управления на транспорте МВД России (далее – ГУТ МВД России), а также материалы, полученные при интервьюировании сотрудников полиции различных должностных категорий, проходящих переподготовку и повышение квалификации или обучающихся заочно в Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина.

В 2024 году отмечался значительный рост количества преступлений террористического характера на транспорте. Всего совершено 3714 преступлений, что составило прирост 55,9% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года.

В 2025 году в стране зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера. Их количество выросло применительно к 2024 году на 59,4%. Из всей массы вышеуказанных преступлений раскрыто 2789, прирост раскрытых криминальных деяний составил 70,7%, что положительно сказывается на оперативной обстановке в стране [2, с. 6].

Значительный рост данных преступлений произошел в условиях сложившейся военно-политической обстановки и явился результатом активизации противником подрывной деятельности в отношении России.

Раскрываемость преступлений террористического характера в 2024 году составила 71,8%, в 2025 – 78,7%.

В 2025 году сотрудниками правоохранительных органов, специальных служб и в отдельных случаях военными за причастность к террористической деятельности было задержано и изобличено 2173 человека [2, с. 7].

Противник, с целью создания очагов социальной напряженности в России, используя помощь западного разведсообщества, стал разрабатывать планы формирования конфликтных ситуаций в российском обществе, совершения террористических актов и иных преступлений, вызывающих высокий общественный резонанс.

Для реализации этих планов специальные службы Украины стали распространять в информационно-телекоммуникационных сетях материалы, побуждающие людей, в том числе лиц, не достигших совершеннолетия, к совершению террористических актов и иных противоправных действий, направленных на незаконное вмешательство в деятельность объектов транспортной инфраструктуры (далее – ОТИ). Для этого они через Интернет стали распространять информацию, содержащую в том числе инструкции по изготовлению взрывных и воспламеняющихся устройств, тактику действий по подрывам и поджогам средств железнодорожного, воздушного, водного транспорта и коммуникации, обеспечивающие их нормальную деятельность.

Для нейтрализации действий противника оперативными подразделениями ГУТ МВД России на постоянной основе проводятся профилактические мероприятия, связанные с недопущением роста террористических угроз, исходящих от деятельности диверсионно-разведывательных групп, пособников из числа беженцев и иных лиц, поддерживающих украинский националистический режим, в зоне устремлений которых находятся критически важные объекты и ОТИ [3, с. 41].

Так, за 8 месяцев 2025 года органами внутренних дел (далее – ОВД) на транспорте зарегистрировано 284 факта незаконного вмешательства в деятельность ОТИ. Из них совершено: 129 поджогов средств сигнализации и блокировки; 119 атак силами БПЛА противника; 18 умышленных поджогов тяговых подвижных железнодорожных составов; 10 подрывов железнодорожных путей и опор энергоснабжения; 4 подрыва подвижных железнодорожных составов и морских судов; 3 подрыва железнодорожных мостов; 1 поджог административного здания.

В результате проведенных мероприятий сотрудники ОВД на транспорте во взаимодействии с подразделениями по противодействию экстремизму территориальных органов МВД России и органами ФСБ России раскрыли 134 преступления (из них 7 преступлений из категории «преступления прошлых лет»), в том числе 109 поджогов устройств сигнализации, централизации и блокировки; 17 поджогов тяговых подвижных железнодорожных составов; 4 подрыва железнодорожных путей; 3 подрыва железнодорожных мостов; 1 подрыв подвиж-

ного железнодорожного состава согласно Аналитической справке ГУТ МВД России за 8 месяцев 2025 года.

За совершение указанных преступлений установлены, задержаны и в настоящее время привлекаются к уголовной ответственности 188 человек, в том числе 97 несовершеннолетних. Высокий процент несовершеннолетних граждан, согласившихся на предложения представителей спецслужб Украины совершать преступления с высокой степенью общественной опасности (так как их действия могли привести к крушению пассажирского поезда и значительным человеческим жертвам), требует дополнительного исследования и разработки действенных мер профилактического характера.

Анализируя мотивы, которыми руководствовались преступники при совершении данных преступлений, установлено, что по 121 диверсионно-террористическому акту, совершенному на объектах транспортной инфраструктуры, виновными являются лица, завербованные украинскими или иными иностранными специальными службами. Мотивами к вербовке стали корыстные побуждения (желание заработать денег, при этом способ заработка их не останавливал), эти же мотивы двигали виновными при выполнении преступных заданий их кураторов.

Обман или мошеннические действия в отношении жертв выступили побудительными мотивами для совершения 9 преступлений; 4 криминальных деяния были совершены по идеологическим соображениям.

Также установлено, что значительная часть вышеизложенных противоправных деяний совершается в ночное и утреннее время суток. Коммуникацию исполнители с заказчиками преступлений осуществляют путем обмена информацией по каналам мессенджера Telegram (получают инструкции и подробные координаты места расположения объекта преступного посягательства). При этом в тактику совершения террористических актов и диверсий противник вносит коррективы, постоянно обновляет свои инструкции, совершенствует механизм подготовки и совершения данных преступлений.

Однако это не всегда помогает террористам и их пособникам. Совершаемые преступления раскрываются, а их исполнители задерживаются. Многие сотрудники ОВД стали активнее использовать специальные технические средства, фиксирующие видеообстановку на интересующем объекте, где может быть совершено преступление. Так, сотрудники Тюменского ЛО МВД России на транспорте посредством изучения видеоматериалов, полученных с установленных ими фотоловушек, раскрыли 3 преступления, а сотрудники Краснодарского ЛУ МВД России на транспорте – 4.

С целью повышения эффективности принимаемых мер по профилактике и раскрытию преступлений диверсионной направленности в управлениях на транспорте организовано дежурство сотрудников в составе совместных с работниками железнодорожного транспорта «мобильных» объездных групп, осуществляющих ежедневный объезд критически важных и потенциально опасных объектов транспорта. Количество групп и их численный состав формируется на основании анализа оперативной обстановки, с учетом уязвимости критически важных объектов транспортной инфраструктуры.

Управлениями на транспорте организовано взаимодействие с собственниками объектов транспорта, территориальными подразделениями МВД России, МЧС России, Росгвардии и Минобороны в части противодействия рассматриваемым видам преступлений [4].

В работе «мобильных» объездных групп ежедневно применяются устройства противодействия БПЛА «Айрат-100П» и портативные радиочастотные комплексы обнаружения и идентификации беспилотников «Булат».

В ряде ОВД на транспорте имеются факты ликвидации беспилотных воздушных судов противника. Так, 21 августа 2025 года сотрудниками «мобильной» объездной группы Брянского ЛО МВД России на транспорте (УТ по ЦФО) с применением пулемета ПКП ЦВН калибра 7,62 мм и карабина 18,5 КС-К ликвидирован БПЛА самолетного типа в контролируемом ими воздушном пространстве. В Белгородском ЛО МВД России на транспорте (УТ по ЦФО) в текущем году отражено 19 атак (уничтожено 5 БПЛА самолетного типа и 14 FPV-дронов).

В завершение отметим, что для решения проблем, связанных с антитеррористической защищенностью объектов транспортной инфраструктуры, целесообразно изучать передовой опыт и внедрять новые наработки, связанные с противодействием рассматриваемым угрозам, совершенствовать практику взаимодействия с территориальными органами внутренних дел в выявлении террористов и диверсантов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Свистильников А.Б., Шарутенко В.Н. Терроризм: преступление или явление // Научный портал МВД России. – 2011. – № 2 (14). – С. 78–82.
2. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года: сборник статистических данных ГИАЦ МВД России. – Москва, 2025. – 63 с.
3. Свистильников А.Б. Механизм формирования субъектов террористической деятельности в Российской империи и современной России // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2023. – № 1. – С. 39–43.
4. Организация управления органами внутренних дел: учебник / под общ. ред. А.М. Кононова, И.Ю. Захватова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2017. – 366 с.

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сигнаевская В.В.,

аспирант

(Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации)

Аннотация: правовая социализация как комплексный феномен представляет собой процесс интериоризации правовых норм и ценностей, формирования правового сознания и законопослушного поведения у несовершеннолетних. В контексте современных технологических реалий роль искусственного интеллекта значительно возрастает, оказывая воздействие на механизмы воспитания и образования подрастающего поколения. Изучаются теоретические аспекты влияния искусственного интеллекта на процесс правовой социализации детей и подростков, а также анализируются возможные риски и преимущества.

Ключевые слова: правовая социализация; искусственный интеллект; цифровое поколение; правовое сознание; правовая культура; несовершеннолетние; доверие технологиям; цифровая этика

LEGAL SOCIALIZATION OF MINORS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS AND PERSPECTIVES

Signayevskaya V.V.,

Postgraduate

(St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office
of the Russian Federation)

Abstract: legal socialization, as a complex phenomenon, is a process of interiorization of legal norms and values, the formation of legal consciousness and law-abiding behavior among minors. In the context of modern technological realities, the role of artificial intelligence (AI) is sig-

nificantly increasing, affecting the mechanisms of upbringing and education of the younger generation. The theoretical aspects of the influence of artificial intelligence on the process of legal socialization of children and adolescents are studied, as well as possible risks and benefits are analyzed.

Keywords: legal socialization; artificial intelligence; digital generation; legal consciousness; legal culture; minors; trust in technology; digital ethics

В наши дни технологии все глубже проникают в повседневную жизнь, особенно среди несовершеннолетних. Искусственный интеллект (далее – ИИ) уже стал неотъемлемой частью образовательных платформ, социальных сетей и игровых приложений. Эти трансформации поднимают важные вопросы о том, как несовершеннолетние адаптируются к правовым аспектам жизни в эпоху цифровых технологий. Рост влияния этих технологий приводит к значительным трансформациям в жизни человечества и формированию нового типа общества. Футурологи предупреждают, что внедрение новых технологий может радикально изменить не только существующие модели общественного развития, включая правовые аспекты, но и само поведение человека. В связи с этим человечество сталкивается с новыми вызовами, связанными с техногенными, биогенными и социокультурными угрозами для социальной структуры [4, с. 25].

Интеграция ИИ в различные аспекты нашей жизни поднимает вопрос его социализации. С развитием и распространением ИИ растет необходимость его безопасного и эффективного включения в общество. Одной из главных проблем использования ИИ является недостаток четких законов, регулирующих его создание, применение, контроль и юридическую ответственность. Непредсказуемость последствий работы ИИ, который может значительно влиять на жизнь людей и общественные отношения, требует разработки конкретных правовых норм [6, с. 113].

Сегодня как западные [9], так и отечественные ученые [12] активно изучают феномен «тревожного поколения». Они пришли к заключению, что искусственный интеллект оказывает как позитивное, так и негативное влияние на процесс социализации несовершеннолетних. С одной стороны, он может улучшить доступ к образовательным ресурсам и поддерживать взаимодействие, с другой – привести к агрессивному поведению, «цифровому аутизму» и искажению самооценки. Важно учитывать эти риски для формирования здорового социального опыта у несовершеннолетних.

Внимание к исследованию правовой социализации несовершеннолетних в эпоху искусственного интеллекта обоснованно. В 2024 году во Флориде 14-летний мальчик покончил с собой после общения с виртуальным персонажем в приложении Character.AI, основанным на образе Дейенерис Таргариен [11]. В 2025 году в Калифорнии 16-летний мальчик совершил суицид после общения с ChatGPT от OpenAI. Родители подали в суд на компанию [10]. Эти случаи подчеркивают необходимость защиты подростков от негативных последствий использования ИИ.

Правовая социализация – это ключевой этап социализации, в ходе которого человек усваивает правовые нормы и ценности, принятые в обществе, «нормы общезначимого поведения способствуют превращению индивида в общественного человека» [7, с. 46]. Профессор Спиридонов акцентировал внимание на роли правовых норм в качестве регуляторов, интегрированных в соционормативную систему общества, в контексте выполнения обществом функции социализации. В обществе передача социального опыта индивиду не может осуществляться без таких институтов, как государство и право.

Правовая социализация особенно важна для несовершеннолетних, поскольку она является основополагающим элементом формирования их правосознания и правовой культуры.

Рассуждая о правосознании в процессе социализации, профессор Е.М. Крупеня уточняет, что «правосознание представляет несущую конструкцию субъективной внутренней реальности личности гражданина и одновременно является ее атрибутивным признаком – это системное образование, которое имеет структуру, формы выражения и характеризуется разной степенью активности – по своей природе психической деятельностью. Оно... «задается» типом правовой культуры общества, формирующей нормы и стандарты поведения, институ-

ты, ценности. Содержательно правосознание наполнено правовыми знаниями, идеями, уравновешенными правовыми чувствами, которые в механизме саморегулирования выполняют важную функцию активации волевого компонента, необходимого для совершения акта поведения; содержание правосознания субъекта статуса детерминировано взаимодействием правовой идеологии и правовой психологии в механизме саморегулирования» [3, с. 174]. Исследователь выделяет следующие функции правосознания в процессе социализации: социально-преобразующую, познавательную, аксиологическую, идентификационную, мировоззренческую [3, с. 176].

Сложные процессы перехода к информационному обществу оказывают значительное влияние на правосознание человека. В последние годы ученые активно изучают вопросы правосознания и правовой культуры в контексте информационной эпохи. Исследовано, как Интернет влияет на правовую культуру, а также как вредная информация воздействует на правосознание в условиях информационного общества. Кроме того, изучено влияние информационных технологий на различные уровни правосознания [5].

В нашей стране в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 490 [8] искусственный интеллект рассматривается как сочетание технологических разработок, обеспечивающих способность имитировать умственные операции, выполняемые человеком (в том числе подбор ответов на вопросы при отсутствии заблаговременно указанного алгоритма), и добиваться результатов при решении определенных проблем, похожих или превосходящих те, что могут быть получены при умственной деятельности человека.

Использование искусственного интеллекта в правовой социализации может существенно повысить уровень правового сознания у детей и подростков, если применять эти технологии грамотно и с учетом их возрастных особенностей. Необходимо осознать, что технологии – это всего лишь средство, а ключевыми факторами являются качественное воспитание и образование.

Небезынтересны исследования известного советского психолога Л.С. Выготского, связанные с новым пониманием роли среды для развития ребенка. Основателем культурно-исторического подхода в психологии было введено понятие социальная ситуация развития. Социальная среда, в которой растет ребенок, определяет его образ жизни и наряду с психологическими изменениями в сознании и личности является важным элементом психологического возраста. Во время возрастных кризисов социальная среда трансформируется, что задает новое направление развитию ребенка. Социальная ситуация развития складывается из совокупности переживаний человека по отношению к окружающему миру и его положению в нем [2, с. 11].

Л.С. Выготский утверждает, что только при позитивном внутреннем отклике на окружающую среду среда может способствовать развитию и укреплению психического здоровья. «Социальная ситуация развития данного возраста представляет собой исходный момент для всех динамических изменений, происходящих в развитии в течение данного периода. Она определяет целиком и полностью те формы и тот путь, следуя по которому ребенок приобретает новые и новые свойства своей личности, черпая их из среды как из основного источника своего развития, тот путь, по которому социальное становится индивидуальным» [1, с. 258].

Таким образом, можно прийти к выводу, что социальная ситуация развития является ключевым фактором, определяющим эффективность мер по поддержанию психического здоровья несовершеннолетних.

Развитие искусственного интеллекта открывает новые горизонты для правовой социализации несовершеннолетних, делая процесс освоения правовых норм более доступным и интерактивным. Однако в контексте социальной ситуации развития подростка ключевую роль играет реальное общество и взаимодействие с ним, поскольку именно в социуме формируются базовые ценностные установки и закладываются основы правосознания. Влияние искусственного интеллекта представляет собой мощный инструмент, но его эффективность напрямую зависит от гармоничного взаимодействия с реальной жизнью, в которой формируются личностные качества и отношение к правовым нормам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Выготский Л.С. Психология развития человека. – Москва: Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Детская психология / под ред. Д.Б. Эльконина. – Москва: Педагогика, 1984. – 432 с.
3. Крупеня Е.М. Правовая социализация в фокусе проблем науки и практики современного общества / Социологическая школа права в контексте современной юриспруденции: монография. – Санкт-Петербург, 2022. С. 138–174.
4. Ломакина И.Б. Проблема понимания правовой идентичности в контексте пост-постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 18–25.
5. Надыгина Е.В. Теоретико-правовой анализ влияния информационных технологий на правосознание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 28 с.
6. Полоницкий В.В. Правовые аспекты социализации искусственного интеллекта в правовой сфере // Закон и право. – 2024. – № 4. – С. 112–115.
7. Спиридонов Л.И. Избранные произведения. Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. – Санкт-Петербург, 2002. – 390 с.
8. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения: 30.01.2026).
9. Хайт Д. Тревожное поколение. Как Великое подключение детства вызывает эпидемию душевных болезней / пер. с англ. В. Дегтярева. – Москва: АСТ: Corpus, 2025. – 432 с.
10. The New York Times “Can A.I. Be Blamed for a Teen’s Suicide?” [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2024/10/23/technology/characterai-lawsuit-teen-suicide.html> (дата обращения: 30.01.2026).
11. «Ты никому не обязан выживать». Как ChatGPT стал «лучшим другом» подростка – и подтолкнул его к трагедии [Электронный ресурс]. – URL: <https://n-e-n.ru/chatgpt-podtolknul-podrostka-k-suicidu/> (дата обращения: 30.01.2026).
12. Ходаев А.С., Макарова Л.Н. Искусственный интеллект и социализация подростков: риски влияния // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 1011–1021.
13. Пономарева Е.Ю. Искусственный интеллект: как новые технологии внедряются в сферу психического здоровья студентов высшего учебного заведения // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 77-1. – С. 326–329.

УЧАСТИЕ АДВОКАТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОБЫСКА

Сковородко А.А.
(Омская академия МВД России)

Аннотация: статья посвящена актуальным вопросам участия адвоката при производстве обыска. Автором поднимается проблема толкования нормы части 11 статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующей право присутствия при проведении указанного следственного действия адвоката. Обращается внимание на сложившуюся непоследовательную правоприменительную и судебную практику в части исследуемых вопросов. Кроме того, автором предлагаются пути решения анализируемых проблем, которые возникают в практической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: обыск; следственные действия; участие адвоката; участие защитника; правоприменение

THE PARTICIPATION OF A LAWYER DURING THE SEARCH PROCEEDINGS

Skovorodko A.A.

(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article is devoted to topical issues of the lawyer's participation in the search. The author raises the problem of interpretation of the norm of Part 11 of Article 182 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which regulates the right to be present during the specified investigative action of a lawyer. Attention is drawn to the current inconsistent law enforcement and judicial practice regarding the issues under investigation. The author suggests ways to solve the analyzed problems that arise in the practical activities of law enforcement agencies.

Keywords: search; investigative actions; lawyer's participation; defender's participation; law enforcement

Участие адвоката при производстве обыска регламентируется ч. 11 ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), которая гласит, что при обыске вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого он производится. Содержание этой нормы вызывает вопросы в правоприменительной практике. Возникает дискуссия о том, обязательно ли участие адвоката при производстве обыска, может ли он быть допущен к участию в данном следственном действии после его начала.

Перечисленные вопросы стали предметом определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 г. № 4-О по жалобе общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-кокс») [1]. Поводом для рассмотрения данной жалобы стал факт недопуска следователем адвоката к месту производства обыска, который проводился в помещениях и на территории ООО «Мечел-Кокс». Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что в связи с ограничением конституционных прав при проведении данного следственного действия (ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 35 Конституции Российской Федерации), а также возможностью привлечения как учредителей, так и участников юридического лица в качестве подозреваемых и обвиняемых их право на оказание юридической помощи адвокатом является важным аспектом обеспечения права на защиту в данном следственном действии.

Участием адвоката при проведении обыска обеспечивается возможность: делать замечания и заявления, подлежащие занесению в протокол следственного действия, следить за правильностью его оформления, осуществлять непосредственный осмотр изымаемых объектов. Именно участие защитника при проведении данного следственного действия способно стать отправной точкой для обжалования его хода и результатов.

В своей позиции Конституционный Суд Российской Федерации обращает внимание, что ч. 8 ст. 182 УПК РФ, которая наделяет следователя правом запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до его окончания, не дает возможности следователю не допускать адвоката к месту производства данного следственного действия уже непосредственно после его начала. В ином случае, эти действия со стороны следователя могут рассматриваться как необоснованное ограничение права на получение квалифицированной юридической помощи участвующих лиц.

Также Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что обыск является следственным действием, имеющим неотложный характер, промедление в проведении которого создает риски утраты доказательств, необходимых для осуществления производства по уголовному делу. Обыск не является следственным действием, направленным на получение показаний лиц. Он проводится без предварительного уведомления подозреваемого и обвиняемого и не может приостанавливаться до явки адвоката.

Однако в случае прибытия адвоката недопуск его к участию в следственном действии является нарушением уголовно-процессуального закона со стороны правоохранительных органов, а именно права на защиту. Исходя из приведенного выше анализа можно сделать следующие выводы:

1. Обыск не может приостанавливаться до явки адвоката.

2. Правоохранительные органы не вправе не допустить прибывшего адвоката к месту производства обыска после его начала.

Однако, несмотря на четко определенную позицию Конституционного Суда Российской Федерации, встречаются случаи, когда следователь не выполняет требование по допуску адвоката на место проведения обыска, что скорее всего, на наш взгляд, вызвано не точным правовым регулированием со стороны законодателя. Неопределенность в исследуемую нами проблему вносит непоследовательная судебная практика, зачастую признающая производство обыска без выполнения требования по допуску адвоката после его начала законным. Так, адвокат Московской коллегии адвокатов «Логос» Леонид Соловьев сообщил «Адвокатской газете», что 14 апреля 2021 г. проводился обыск в жилище Армена Арамяна, который являлся его доверителем [2]. Когда Соловьев явился на место производства следственного действия, он предъявил следователю удостоверение и ордер для участия в обыске, но следователь не впустил его в обыскиваемую квартиру. В связи с произошедшим Леонид Соловьев обратился в порядке ст. 125 УПК РФ с жалобой в Басманный районный суд г. Москвы. Адвокат указал, что в соответствии с определением Конституционного Суда Российской Федерации от 1 января 2020 г. № 4-О следователь должен был допустить его к участию в обыске в квартиру Арамяна. Произошло нарушение конституционного права на квалифицированную юридическую помощь его доверителя. Однако суд признал законным проведение обыска. Считаем, важно выяснить, почему же все-таки суды, несмотря на предписания, установленные Конституционным Судом Российской Федерации, признают проведение обыска без участия адвоката законным в случаях, когда он прибывает на место производства следственного действия и органы предварительного следствия его не допускают.

Возможно, ответ на эту проблему кроется в самой природе и характере обыска, а также в действующем на данный момент уголовно-процессуальном законе. Часть 11 ст. 182 УПК РФ устанавливает, что участие защитника или адвоката того лица, в помещении которого производится обыск, является правом лица. Законодатель не дает прямых установок, что следователю необходимо допустить адвоката при любых ситуациях на место проведения данного следственного действия. Если обыск происходит в жилище, то в любом случае на его проведение будет дана санкция суда согласно ч. 3 ст. 182 УПК РФ, это значит, что суд усмотрел основания его производства и дал соответствующее разрешение, то есть обыск уже будет законным. В ситуации же, если это следственное действие происходит в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, в случаях, не терпящих отлагательства, суд усмотрит законность уже после его проведения. В приведенных выше примерах при любых обстоятельствах будет контроль со стороны суда, и он даст оценку на предмет законности и обоснованности данного следственного действия.

Организация обыска должна быть, как правило, быстрой. В его содержание входит производство большого числа поисковых действий, а также контроль за лицами, в помещении которых обыск производится, с той целью, чтобы не произошла утрата важных доказательств. Также следователь имеет право опасаться присутствия адвоката, который в любом случае заинтересован в результатах данного следственного действия, в его же интересах будет факт упущения доказательств со стороны органов предварительного расследования, и не исключено, что адвокат этому поспособствует.

В результате производства обыска возможно получение важных доказательств, которые могут иметь весомое значение для уголовного дела. Например, в квартире подозреваемого будут обнаружены похищенные предметы, наркотические средства, оружие, хранящееся незаконно. Факт недопуска адвоката после начала этого следственного действия в случае получения доказательств в результате его производства, признание его незаконным со стороны судов может рассматриваться не совсем целесообразным, ведь тем самым последует

утрата доказательств, а значит, все поисковые действия, которые могли занять много времени, прошли зря.

В соответствии с приведенными выше рассуждениями можно предположить, что суды даже в случае недопуска адвоката на место обыска могут признавать его результаты законными.

Считаем, у сложившейся проблемы возможны два выхода. Согласно первому законодатель примет норму ч. 8¹ ст. 182 УПК РФ в следующей редакции: «Если явка адвоката происходит после начала производства обыска как в жилое, так и в нежилое помещение, следователь обязан допустить его к производству данного следственного действия в целях обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь лиц, в помещениях которых производится обыск, независимо от его стадии». Если же законодатель не пойдет по данному пути, то разумно будет внести в закон норму, согласно которой следователь принимает решение о допуске или недопуске защитника в производство обыска, таким образом вернувшись к первоначальной редакции УПК РФ 2001 г., ч. 11 ст. 182 которого устанавливала: «С разрешения следователя при обыске могут присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск» [3]. Очевидно, что возврат к первоначальной редакции закона неэффективен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 г. № 4-О «По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-кокс») на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 части второй статьи 38 и частью одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 18.12.2001) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

3. Суд признал законность обыска в жилище, к участию в котором не допустил адвоката [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sud-priznal-zakonnost-obyska-v-zhilishche-k-uchastiyu-v-kotorom-ne-dopustili-advokata/> (дата обращения: 20.11.2025).

ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

Скопинцева А.А.;

Панфилова О.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: целью статьи является определение значения и проблем административного расследования сотрудниками органов внутренних дел на транспорте. Предложены меры совершенствования процесса административного расследования и ускорения этого процесса.

Ключевые слова: административное расследование; правонарушения; взаимодействие

THE IMPORTANCE AND PROBLEMS OF APPLYING ADMINISTRATIVE INVESTIGATIONS AT TRANSPORT FACILITIES

Skopintseva A.A.;

Panfilova O.V.,

Candidate of Law, Associate Professor;

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the purpose of this scientific article is to determine the significance and problems of administrative investigations conducted by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the field of transport. The article proposes measures to improve the process of administrative investigations and accelerate it.

Keywords: administrative investigations; offenses; cooperation

Административное расследование играет одну из ключевых ролей при производстве по делам об административных правонарушениях. Данный институт помогает в случаях, когда для выяснения обстоятельств совершения административного правонарушения требуется проведение экспертизы или иных процессуальных действий, предполагающих значительные временные затраты.

Административное расследование – это не рассмотрение дела по существу, а именно подготовительная стадия для обеспечения всестороннего, полного и объективного анализа обстоятельств дела перед передачей его на рассмотрение судье или уполномоченному органу.

А.Ю. Денисова рассматривает административное расследование как деятельность должностного лица, наделенного полномочиями составлять протокол об административном правонарушении, направленную на установление фактических обстоятельств совершенного нарушения, изучение материалов дела, их корректное фиксирование и процессуальное оформление [1].

Л.В. Чистякова характеризует административное расследование как особый порядок предварительного изучения данных, указывающих на событие административного правонарушения, однако в своей совокупности еще недостаточных для составления протокола об административном правонарушении. Автор указывает на необходимость разграничения административного расследования и проверки, проводимой по делу об административном правонарушении, поскольку во втором случае дается только оценка деятельности хозяйствующих лиц, тогда как в первом случае предпринимаются конкретные действия, направленные на получение необходимых сведений [2].

Благодаря административному расследованию появляется возможность расследовать сложные правонарушения, которые требуют тщательного разбирательства. Помимо этого, в процессе административного расследования собирать доказательства могут не только территориальные органы МВД России на транспорте, но и правонарушитель.

Административное расследование начинается с момента возбуждения дела и вынесения определения о его производстве. Данный этап называют одним из ключевых. В случае, если отсутствуют какие-либо основания, перечисленные в ст. 28.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3], то рассмотрение дела осуществляется в общем порядке. В случаях, когда административное расследование по делу не проводится, определение выносится в день выявления правонарушения.

У административного расследования есть общий и продленный сроки. Общий срок длится 1 месяц со дня возбуждения дела, а продленный длится до 6 месяцев по делам, требующим сложных экспертиз, истребования информации из-за рубежа или проведения оперативно-разыскных мероприятий.

В большинстве случаев при административном расследовании используют такие процессуальные действия, как:

- истребование документов и информации;
- назначение и проведение экспертиз;
- опрос участников, свидетелей, привлечение специалистов;
- осмотр территории, предметов, документов;
- временный запрет деятельности.

Помимо этого, стоит отметить, что меры обеспечения производства (задержание, изъятие, арест товаров) могут применяться как до, так и в ходе административного расследования.

По окончании административного расследования составляется протокол об административном правонарушении или выносится постановление о прекращении дела.

Административное расследование, осуществляемое на объектах транспорта, сталкивается с некоторыми трудностями.

Большую трудность составляет процесс постоянного движения транспорта. Мобильность участников и свидетелей правонарушений не позволяет своевременно проводить расследование. Возникают трудности с повторным опросом, очной ставкой или получением дополнительных объяснений с потерпевших, правонарушителей или свидетелей. Помимо этого, большинство правонарушений совершается непосредственно в транспорте, пока он движется, что создает сложности с определением точной территориальности подследственности, что замедляет процесс передачи материалов конкретному линейному отделу. Помимо этого, правонарушитель может сойти на любой станции и остаться незамеченным для правоохранительных органов. Из-за постоянного движения сотрудники органов внутренних дел на транспорте зависят от свидетельских показаний и составления протокола на месте. Не всегда предоставляется возможность получить видеофиксацию с камер наблюдения транспорта или вокзала.

Еще одной проблемой является то, что места происшествия ограничены и специфичны. Вагон, салон самолета, каюта, перрон являются замкнутыми пространствами с большим скоплением людей. Сбор вещественных доказательств затруднен, так как быстро убирается мусор и стираются следы. Помимо этого, свидетели часто не желают давать показания, торопясь по своим делам, а иногда и вообще отсутствуют.

Также большое количество трудностей вызывает процессуально-правовой характер административного расследования. Сжатые сроки проведения административного расследования вступают в противоречие со сложностью сбора доказательств. При обнаружении повреждения имущества транспортной компании виновника зачастую найти невозможно, что ведет к прекращению административного расследования.

И.А. Смирнов отмечает, что главный правовой акт, регулирующий вопросы об административной ответственности, – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях – не предполагает самого термина административного расследования. Из-за чего возникают разногласия касательно процессуального объема рассматриваемого института, что отрицательным образом отражается на практике должностных лиц [4].

А.И. Минибаева указывает на то, что отечественные правоведы многократно заостряли внимание научного объединения на том, что перечень правонарушений содержит целый ряд крайне распространенных деликтов, наносящих довольно крупный вред человеку, обществу и государству, по которым проведение административного расследования не допускается [5].

В.Ю. Кифяк говорит, что при рассмотрении данного вопроса необходимо учитывать, что некоторые дела об административных правонарушениях требуют проведения определенных дополнительных мероприятий, таких как экспертизы, ревизии, направление запросов и ряд других. Выполнение данных мероприятий осуществляется до принятия решения о возбуждении дела. Лишь только при наличии дополнительного лимитированного временного промежутка, а также при необходимости участия иных субъектов в производстве дела можно осуществить данный вид деятельности. Тем самым такие действия похожи больше на процесс расследования и, соответственно, осуществляются после возбуждения дела [6].

Для преодоления всех трудностей сотрудникам органов внутренних дел на транспорте следует оперативно реагировать на сообщение о преступлении или происшествии, наладить необходимые связи для получения оперативной информации в максимально короткие сроки, а также оснастить всех сотрудников новейшим техническим оборудованием, которое позволит осуществлять процесс расследования максимально эффективно. Необходимо внести в законодательство упрощенный порядок взаимодействия сотрудников органов внутренних дел на транспорте с транспортными компаниями и государственными организациями. Помимо этого, предоставить постоянный доступ через мобильные комплексы МВД России к камерам видеонаблюдения, находящимся на объектах транспортной инфраструктуры.

Таким образом, стоит отметить, что административное расследование является ключевым инструментом реализации прав человека и гражданина, а также инструментом правоохранительных органов МВД России на транспорте, позволяющим изучить всю совокупность данных о совершенном административном правонарушении. Административное расследование подготавливает дело об административном правонарушении для дальнейшего его расследования, при этом собираются все необходимые данные. Для решения всех проблем следует осуществить комплексный подход к процессу собирания доказательств по административному расследованию, что дает возможность получать информацию в максимально короткие сроки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Денисова А.Ю. Административное расследование в системе производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2019. – № 1. – С. 80–84.
2. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Т. 2 / под общ. ред. Л.В. Чистяковой. – Москва: ГроссМедиа, 2019. – 1044 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
4. Смирнов И.А. О некоторых проблемах правоприменительной практики административного расследования // Современная наука. – 2024. – № 4. – С. 51–53.
5. Минибаева А.И. Проблемы административного расследования // Аллея науки. – 2018. – № 5 (21). – С. 778–781.
6. Кифяк В.Ю. Понятие и сущность административного расследования на стадии возбуждения дел об административных правонарушениях // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 5. – С. 187–190.

Ф.Ф. ЗИГЕЛЬ И ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Солонченко А.Д.

(Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена)

Аннотация: статья анализирует вклад Федора Федоровича Зигеля (1845– 1921) в институционализацию и методологическое оформление исследований славянского государственно-правового развития в российской правовой науке конца XIX – начала XX в. Аргументация строится на реконструкции его источниковедческих установок, сравнительно-правовых процедур и концепции связи правовой эволюции с социально-политической дина-

микой. Проблематика раскрывается через сопоставление раннего источниковедческого проекта (исследование «Законника Стефана Душана») и позднейшего синтетического изложения «источников славянского права» в Илчестерских лекциях, а также через анализ текста о культурно-исторических предпосылках правовой письменности в славянском мире.

Ключевые слова: Ф.Ф. Зигель; история славянского права; сравнительное правоведение; источники права; правовая письменность; государственно-правовое развитие; научная традиция.

F.F. ZIGEL AND THE FORMATION OF THE SCIENTIFIC TRADITION OF RESEARCH OF SLAVIC STATE-LEGAL DEVELOPMENT

Solonchenko A.D.

(Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen)

Abstract: this article analyzes the contribution of Fyodor Fyodorovich Zigel (1845–1921) to the institutionalization and methodological formulation of research on Slavic state and legal development in Russian legal scholarship of the late 19th and early 20th centuries. The argumentation is based on the reconstruction of his source study approaches, comparative legal procedures, and concept of the connection between legal evolution and socio-political dynamics. The problematic is explored through a comparison of an early source study project (the study of Stefan Dušan's Law Book) and a later synthetic exposition of the «sources of Slavic law» in the Ilchester Lectures, as well as through an analysis of the text on the cultural and historical prerequisites of legal writing in the Slavic world.

Keywords: F.F. Zigel; history of Slavic law; comparative law; sources of law; legal writing; state and legal development; scholarly tradition.

Вопросы, касающиеся общности развития славянских народов и формирования специфики пути их государственно-правовой эволюции, остаются в современной юридической науке в центре внимания исследователей, осуществляющих поиск правовых средств для урегулирования международной напряженности и решения общих проблем в условиях современности [6; 7; 5]. В связи с необходимостью учета уже накопленных знаний при решении актуальных проблем истории славяноведения сегодня придается особое значение [8; 4].

Исследования государственно-правового развития славян в российской науке второй половины XIX в. складывались на пересечении славяноведения, исторической школы права и сравнительно-правовых поисков, однако долго сохраняли двойственность: интерес к «народности» и культурно-историческим нарративам не всегда сопровождался строгими процедурами работы с юридическими памятниками и типологией источников. Российский ученый Федор Федорович Зигель предложил программу, которая сняла это расхождение: он поставил в центр не абстрактный «дух народа», а проверяемый корпус правовых текстов и практик, описывая государственно-правовую эволюцию как последовательность изменений в источниках и формах юридической обязательности [11]. Такой поворот сформировал устойчивую научную традицию, поскольку обеспечил воспроизводимость результатов через общие правила отбора, чтения и сопоставления источников.

Постановка проблемы предполагает выделение трех взаимосвязанных вопросов:

1. Какие методологические решения позволили Зигелю совместить культурно-исторический контекст славянского мира и юридический анализ источников?
2. Каким образом его типология источников и его понимание соотношения обычая, закона и правовой литературы обеспечили исследовательскую «матрицу» для изучения государственности у разных славянских народов?
3. Как его ранняя работа над Законником Стефана Душана и поздняя лекционная синтеза встраиваются в линию преемственности и влияют на последующие исследования?

Источниковая база статьи включает тексты работ самого Ф.Ф. Зигеля: лекции «Lectures on Slavonic Law» (1902) и исследование «Законник Стефана Душана» (1872), а также его статью в «Методиевском юбилейном сборнике» (1885), где обсуждаются культурные механизмы становления славянской письменности и ранней юридической письменности. Для реконструкции интеллектуального окружения привлечены материалы сборника 1885 г. (предисловие и статьи других авторов) и методологический очерк о сравнительно-историческом методе в истории права, фиксирующий позднейшую рефлексию над «классической» сравнительной школой. Указанные источники позволяют проследить, как Ф.Ф. Зигель переводит дискуссию о «славянском» из культурной плоскости в плоскость аналитики правовых форм и институтов.

В исходной установке Зигеля содержится ключ к его влиянию на научную традицию: он выбирает источники славянского права как предмет лекций, поскольку именно в правовой истории, по его мнению, наиболее отчетливо отражается политическая, социальная и экономическая жизнь общества [13, р. 3]. Такая формула задает исследовательский стандарт: государственно-правовое развитие подлежит анализу через изменения в юридических нормах и документах, а не только через политические события или культурные «характеры».

Зигель связывает постановку проблемы с требованием методической автономии: первый шаг к самостоятельному знанию истории права он формулирует как необходимость обзора правовых документов, то есть выявления и описания корпуса источников до интерпретации [13, р. 3]. Это решение превращает историю славянских законодательств из описательной дисциплины в источниковедчески обеспеченную область, где любой вывод должен быть соотнесен с типом источника, его происхождением и режимом нормативности [10].

Введение к лекциям показывает еще одну важную составляющую традиции: сравнительная перспектива не выступает для Зигеля внешним приемом «сопоставления ради сопоставления», а служит средством выявления причин разнообразия исторических траекторий при исходной близости социальной организации. Он подчеркивает, что первоначальная организация славянского общества близка организациям других индоевропейских групп, а различия в дальнейшем обусловлены воздействием разных цивилизационных и географических влияний [13, р. 2]. Следовательно, сравнение должно выявлять не «расовые» или «национальные» сущности, а набор воздействий и механизмов институциональной адаптации.

В предисловии к Илчестерским лекциям Зигель фиксирует еще одну исследовательскую норму, которая затем станет характерной для традиции славистической правовой истории: знание источников достигается не «пересказом» национальных историй права, а чтением самих текстов, причем доступ к ним осложнен тем, что значительная часть рукописей записана на латинском языке и требует критических изданий и научной обработки [13]. Тем самым он переводит внимание с национальных нарративов на материальные условия работы с корпусами источников и на проблему научного издания текста как предпосылки интерпретации.

Зигель прямо заявляет, что развитие славянских народов существенно отличается от развития других европейских народов, поэтому история источников может быть сделана интересной лишь на широком фоне трансформаций различных славянских государств и обществ [13, р. 13]. Для традиции это означает двойную обязанность: сохранять сравнение как рамку объяснения и одновременно избегать «универсальной» схемы, игнорирующей специфику политических и социальных порядков отдельных стран.

Поворот к «источникам» сопровождается у Ф.Ф. Зигеля критикой западноевропейской историографии Средних веков как недостаточно информированной о славянских политических и социальных институтах. Он подчеркивает, что в западной картине социальных трансформаций остается существенный пробел из-за слабого знания славянского материала, тогда как понимание западных институтов выигрывает от сопоставления с обществами, которые не признавали власти Римско-католической церкви или признавали ее лишь частично [13, р. 1]. Этот тезис важен для проблемы статьи: Зигель не только описывает славянское развитие, но и закрепляет его исследование как методологически значимое для общей истории государства и права.

В той же логике он вводит наблюдение о слабой роли феодальных институтов и городского населения в ряде славянских земель, сопоставляя это с западной моделью и показывая, что механическое перенесение западных категорий на славянский материал дает искажения [13, р. 1]. Таким образом, научная традиция, которая формируется вокруг его работ, ориентируется на проверку применимости сравнительных категорий к материалу источников, а не на их безусловное использование.

Содержание вводной лекции демонстрирует, как Ф.Ф. Зигель использует сравнительный метод. Он исходит из близости ранних институтов у индоевропейских народов, а затем фиксирует разветвление траекторий славян: часть сохраняет языческие формы и исчезает, часть принимает западные политико-социальные идеи и создает государства, часть испытывает византийское влияние и формирует иную судьбу [13, р. 2]. Такая схема задает переменные сравнительного анализа (конфессиональная и культурная ориентация, институты власти, внешняя зависимость), что позволяет исследовать государственно-правовое развитие как результат взаимодействия факторов, а не как «естественное» раскрытие народного характера.

Идея литературы как «депозитария» юридических мнений и одновременно как фактора влияния на обычай и статут позволяет объяснять, почему в славянских странах иногда наблюдается несоответствие между письменной нормой и практикой. Литература может закреплять образец, который еще не стал повседневным правилом, или, напротив, рационализировать традицию и тем самым усиливать ее обязательность [13, р. 4]. В терминах проблемы статьи это означает, что традиция исследования славянского государственно-правового развития у Зигеля включает «коммуникативное измерение» права: нормы действуют через тексты, комментарии и обучающие практики.

Внутри вводной лекции Зигель демонстрирует, что даже при доминировании обычая правовые отношения не сводятся к бесформенному «обыкновению»: источники античных и раннесредневековых авторов позволяют реконструировать племенную структуру, наличие князя и ограничения его власти через совет и народное собрание [13, р. 4]. Следовательно, первичная государственность выступает как сеть ограничений власти и процедур коллективного решения, а правовой анализ становится способом их фиксации.

Особого внимания заслуживает его лингвистически ориентированная критика источников. Зигель обращает внимание на то, что слово *zakon* могло употребляться в греческом языке со славянским значением «обычай» [13, р. 4]. Этот пример показывает, что исследователь обязан различать переводную оболочку источника и собственно смысл правового понятия внутри культуры, иначе он неверно оценит стадию государственно-правового развития. В дальнейшем именно эта связка «язык источника – понятие – институт» станет одной из базовых установок историко-правовой славистики.

Зигель показывает, что разнообразие ранних славянских правовых обычаев связано с политической самостоятельностью племен и с географической конфигурацией, которая формирует образ жизни и через него нормы [13, р. 5]. Он дополняет это выводом о роли санкционирования: нормы самоорганизующихся общин получают «формальное санкционирование» через регламентации самоуправления [13, р. 5]. Данный тезис позволяет анализировать возникновение властных институтов не как одномоментный «акт образования государства», а как постепенную трансформацию механизмов санкции и контроля.

Переходя от общих характеристик к конкретным источникам Балкан, Зигель указывает на представление о «сельских законах» как о носителях древних обычаев, которые сохранялись и затем могли быть восприняты или переосмыслены реформаторским законодательством Византии [13, р. 6]. Тем самым он показывает, что изучение болгарского и сербского материала требует учитывать взаимодействие местного обычая и византийской правовой традиции, а государственно-правовое развитие предстает как «перевод» норм между культурными и административными системами.

Магистральность Зигеля как исследователя определяется тем, что он рано выработал структуру работы с памятником, а затем перенес ее в лекционные синтезы. В предисловии к «Законнику Стефана Душана» он формулирует круг задач исследования:

- реконструировать обстановку появления памятника;
- исследовать личность законодателя;
- изучить источники законника, его редакции, систему;
- определить влияние на последующее законодательство и дальнейшую «судьбу» текста [1, с. 5].

Такая постановка вопроса сочетает историю государства (условия и власть), историю права (система норм) и историю текста (редакции и рецепция) в единой исследовательской рамке.

В той же логике Ф.Ф. Зигель увязывает анализ сербского памятника с проблемой сравнительного славянского права: изучение «южного славянства» рассматривается как средство оживить понимание «древнего славянского законодательства» в целом, поскольку в этой области сохраняется то, что у других славян начало «перерабатываться» ранее [1, с. 5]. Следовательно, отдельный памятник получает статус ключа к общей модели развития, а традиция исследования строится вокруг выбора репрезентативных источников и строгого их анализа.

Предисловие фиксирует и институциональный аспект традиции: Зигель раскрывает, откуда он получает тексты и как организует публикацию, отмечая участие В.И. Ламанского в предоставлении источников и переводов [1, с. 6]. Указание на конкретные каналы получения рукописей и на редакторские решения показывает, что исследовательская практика включает не только интерпретацию, но и работу с доступом к материалу, принципами передачи текста и критикой изданий.

В «Законнике Стефана Душана» Ф.Ф. Зигель демонстрирует, что источниковедческий анализ должен включать семантическую и сравнительно-лексикографическую проверку ключевых терминов. Обсуждая слово «закон», он показывает его употребление как синонима «обычая» и отмечает, что в сербской традиции значения «закон» и «обычай» могут сливаться в одно понятие, тогда как в грамотах слово «законы» иногда означает именно обычай [1, с. 10]. Этот прием создает устойчивый мост между филологией и историей государственных институтов: исследователь распознает форму нормативности по языковому индикатору и затем проверяет вывод по типу источника (грамота, летопись, договор).

Зигель иллюстрирует практическую значимость различия «обычая» и «закона» на материале договорных грамот и внешнеполитических отношений. Он подчеркивает, что взаимные отношения Дубровника и сербских государей определялись преимущественно обычаями, хотя формулировки грамот иногда описывали спорные случаи как подлежащие суду «по существующему обычаю» [1, с. 12]. В такой конструкции обычай выступает «правом торговли» и «правом коммуникации», а письменный акт власти фиксирует рамку признания и исполнения обычая.

Материал грамот и хрисовулов позволяет Зигелю показать, что развитие государственности связано с юридической техникой письменного управления: монарх раздает привилегии, устанавливает повинности, закрепляет статус церкви и монастырей, тем самым создавая сеть управленческих отношений, опосредованных текстом. Одновременно устойчивое действие обычая демонстрирует автономию локальных сообществ и международных торговых узлов, поэтому исследование должно удерживать оба слоя нормативности [9].

Особенность позиции Зигеля состоит в том, что он не отделяет право от культурных инфраструктур, обеспечивающих производство и передачу норм. В статье об общественном значении деятельности Кирилла и Мефодия он связывает появление славянской письменности и переводов с возможностью формировать «родное духовенство» и образованность, то есть институциональные условия для последующего развития норм и власти [13, с. 5].

Зигель описывает функционирование ранней письменности через практическую потребность: сохранение памяти и нормы отношений получает письменную фиксацию по мере усложнения экономического быта и роста народа, а письменность начинает изменять «память» и формы передачи знания [2, с. 6]. Этот тезис прямо выводит к проблеме государственно-правового развития: запись обычая и нормативных преданий становится реакцией на социальную дифференциацию и на необходимость стабилизировать управление.

Вводная лекция Зигеля содержит ряд программных наблюдений, направленных на корректировку общеевропейских схем социальной эволюции. Он утверждает, что особенности влияния Римско-католической церкви в Средние века становятся яснее при сопоставлении с государствами, которые не признавали ее власти, а значение городского населения в социальной эволюции можно полноценно понять на примере страны, подобной Польше, где жители городов рассматривались как «иностранцы» и потому не допускались в сейм [13, р. 1]. Такой ход показывает, что славянский материал для Зигеля выполняет не вспомогательную, а объяснительную функцию: он позволяет выявить контрпримеры и тем самым уточнить причинные связи в европейской истории государственности.

Не менее показательно его утверждение о слабой роли феодальных институтов в славянских землях по сравнению с Западом [13, р. 1]. В рамках проблемы статьи это означает, что традиция исследования славянского государственно-правового развития не может строиться на прямой «имплантации» западных юридических категорий. Зигель требует сначала восстановить собственные формы самоуправления, зависимости и публичной власти по источникам, а затем уже соотнести их с западными аналогами. Такая процедура снижает риск анахронизмов и создает дисциплинарный стандарт, который позднее станет одним из критериев качества работ по истории права.

Отмечая, что многие славянские государства (кроме России) завершили свою эволюцию и потому позволяют наблюдать «процесс социальной жизни от начала до конца» в сравнительно компактной перспективе, Зигель показывает эвристический потенциал истории права малых и средних государств [13, р. 3]. Это наблюдение важно для формирования традиции: оно легитимирует изучение «периферийных» по отношению к западному канону правовых систем как источника общих теоретических выводов о циклах государственности, о разрушении политических форм и о разрыве между «старыми традициями» и новыми политическими образованиями.

Концепция правовой письменности у Зигеля предполагает динамику не только «внутри» одного языка, но и между языками власти. Он замечает, что многие рукописи правовых источников написаны на латинском, вследствие чего иностранцу чтение источников иногда доступнее, чем изучение национальных историй права [13, р. 5]. В исследовательском отношении это означает, что реконструкция государственно-правового развития в Центральной Европе требует различать язык публичной власти и язык общинной практики, а также учитывать перевод как способ расширения правового общения между государем, элитами и населением. Именно эта установка позволяет Зигелю затем интерпретировать польские переводы статутов как управленческий инструмент, а не как чисто филологический факт.

Материал Лавровского в «Мефодиевском юбилейном сборнике» усиливает линию связи между миссией, христианизацией и институциональной стабилизацией. В описании начала христианства на Руси Лавровский подчеркивает роль церковной организации и книжности как факторов, которые закрепляют новые нормы поведения и формы общественной дисциплины [3, с. 20]. Для интерпретации Зигеля этот контекст принципиален: церковная письменность и канонические тексты образуют один из каналов, через которые в славянские общества входят модели нормотворчества и юридической аргументации, а затем формируется смешанная система обычая, статута и правовой литературы.

Методологическая рефлексия современных авторов подчеркивает, что сравнительно-исторический метод эффективен лишь при соблюдении критериев сопоставимости, при учете времени, пространства и функций институтов, а также при опоре на репрезентативный корпус источников [12, с. 7]. Эти требования позволяют точнее описать то, что Зигель фактически реализует на практике: он сравнивает не «названия» институтов, а их функции в системе власти и коммуникации и постоянно возвращается к проверке терминов и текстов. Поэтому вклад Зигеля можно охарактеризовать как раннюю институционализацию тех норм сравнительного анализа, которые позднее получают методологическое оформление.

В рамках формирования научной традиции значима и коммуникативная стратегия Ф.Ф. Зигеля, адресованная академической аудитории за пределами России. Он пишет, что

стремился оправдать доверие кураторов и по возможности содействовать распространению знания о славянском мире среди английской публики, отмечая роль университетской среды и поддержку печати лекций [13, р. 6]. Традиция исследования здесь приобретает транснациональное измерение: славянское право выступает предметом, который может быть встроен в общеевропейскую сравнительную дискуссию, а значит требует переводимости понятий, прозрачности источниковой базы и академически нейтральной аргументации.

Ф.Ф. Зигель сформировал научную традицию исследования славянского государственно-правового развития благодаря трем связанным решениям:

1) концептуализации правовой истории как индикатора политической, социальной и экономической динамики, что переводит исследование государственности в плоскость анализа источников права;

2) построению типологии источников (обычай, статут, юридическая литература) и введению процедур языково-источниковедческой критики, необходимых для корректного сравнения правопорядков и для выявления внешних влияний;

3) разработке полного исследовательского цикла на материале конкретного памятника «Законника Стефана Душана» – постановка вопросов о происхождении, источниках, редакциях, системе и влияниях, а затем перенос этой техники в синтетический жанр курса лекций.

Совмещение монографической критики памятника, сравнительного анализа и педагогической фиксации методологии создало воспроизводимую матрицу исследования славянского права, в которой культурная инфраструктура письменности и правового языка рассматривается как условие правотворчества и административной интеграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зигель Ф. Законник Стефана Душана. Вып. 1. – Санкт-Петербург: Общественная польза, 1872.

2. Зигель Ф.Ф. Общественное значение деятельности св. Кирилла и Мефодия / Мефодиевский юбилейный сборник, изданный Императорским Варшавским университетом к 6 апреля 1885 года. – Варшава: Типография К. Ковалевского, 1885. С. 1–49.

3. Лавровский Н.А. Кирилл и Мефодий и начало христианства в России / Мефодиевский юбилейный сборник, изданный Императорским Варшавским университетом к 6 апреля 1885 г. – Варшава: Типография К. Ковалевского, 1885. С. 1–20.

4. Нижник Н.С., Лясович Т.Г. Полицейская деятельность и профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел как предмет правовых исследований // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76), № 1. – С. 410–426.

5. Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Права человека – проблема актуального юридического и политического дискурса // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2024. – № 1. – С. 8–13.

6. Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 202–208.

7. Права человека: между прошлым и будущим / А.В. Алексенко, Н.В. Варламова, Т.А. Васильева [и др.]. – Москва: Норма, 2021. – 448 с.

8. Сидоренко Н.С., Нижник Н.С. Политико-правовая мысль как объект современных научных исследований // История государства и права. – 2024. – № 7. – С. 41–49.

9. Солонченко А.Д. Развитие российской государственности в интерпретации Ф.Ф. Зигеля / Конституционализация традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития государства: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 5-летию принятия поправок в Конституцию Российской Федерации и 20-летию юридического факультета ВСГУТУ (г. Улан-Удэ, 27–29 июня 2025 г.). – Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2025. С. 108–113.

10. Солонченко А.Д. Теоретико-методологические подходы Ф.Ф. Зигеля к исследованию государственно-правовых систем славянских народов / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы XXII Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 162–165.

11. Солонченко А.Д. Федор Федорович Зигель: вклад в исследование истории славянского права / Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2025. С. 397–403.

12. Шигаль Д.А. Історико-порівняльний метод у дослідженнях М. М. Ковалевського // Теорія та історія держави і права. – 2015. – С. 2–14.

13. Zigel F. Lectures on Slavonic Law: Being the Ilchester Lectures for the Year 1900. London: Henry Frowde, Amen Corner; New York: Oxford University Press, American Branch, 1902.

ВОПРОСЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Старосельцева М.М.,

кандидат юридических наук, доцент

(Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема)

Аннотация: статья посвящена актуальным вопросам признания сделок недействительными в гражданском праве и анализирует проблемы, возникающие в судебной практике. В условиях развивающегося законодательства и увеличения числа сделок, не соответствующих установленным правовым требованиям, важность надлежащего обеспечения правопорядка становится особенно очевидной. В статье рассматриваются ключевые основания для недействительности сделок. В ходе исследования также выявляются типичные ошибки судов при оценке сделок и их последствий, что негативно сказывается на правоприменительной практике. Предлагаются рекомендации по усовершенствованию судебной практики в данной области и пути повышения правовой грамотности участников гражданского оборота. Актуальность данной проблемы обосновывается необходимостью создания правовой определенности в отношениях сторон и защиты интересов добросовестных участников сделок, что является ключом к формированию устойчивой правовой системы в стране.

Ключевые слова: недействительная сделка; истец; иск; судебная практика; суд

ISSUES OF INVALIDITY OF TRANSACTIONS: ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE, EXISTING PROBLEMS

Staroseltseva M.M.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Amur State University named after Sholom Aleichem)

Abstract: this article examines current issues of invalidating transactions in civil law and analyzes problems arising in judicial practice. Given evolving legislation and the increasing number of transactions that do not comply with established legal requirements, the importance of proper enforcement becomes especially clear. The article examines the key grounds for invalidating transactions. The study also identifies common court errors in assessing transactions and their consequences, which negatively impacts law enforcement. Recommendations are offered for improving judicial

practice in this area and ways to enhance the legal literacy of civil-law participants. The relevance of this issue is justified by the need to create legal certainty in the relationships between parties and protect the interests of bona fide participants in transactions, which is key to developing a sustainable legal system in the country.

Keywords: invalid transaction; plaintiff; claim; judicial practice; court

Право на иск о признании сделки недействительной и применение последствий недействительности, закрепленное в действующем гражданском законодательстве Российской Федерации, вызывает различные проблемы в правоприменительной практике, что неоднократно отмечается различными цивилистами.

Обращаясь в суд с исковым заявлением о применении последствий недействительности сделки, истец ориентируется на будущее, в котором кроется его интерес, а точнее основания на восстановление прежнего положения. Соответственно, невозможность защиты прежнего положения вызывает априорность невозможности защиты интересов истца.

Поскольку основной задачей гражданского права является прежде всего восстановление прав потерпевшего, а не наказание нарушителя, то заинтересованное лицо, которое обращается в суд с иском о признании сделки недействительной, должно доказать в первую очередь, что данной сделкой нарушены его права и законные интересы, а их восстановление и является целью его обращения в суд. Невозможность определения того, как право истца или его законный интерес должны быть восстановлены, исключает основания для обращения с исковым заявлением.

Соответственно, судебная практика показывает, что, если истец в искомом заявлении о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности не указывает, как именно признание данной сделки недействительной приведет к восстановлению его прав и какие из них, а также законные интересы нарушены, суд не имеет возможности установить права истца, которые подлежат восстановлению в случае применения последствий недействительности сделки. В данном случае истец не может выступать с исковыми требованиями о признании сделки недействительной.

Довольно часто на практике решения о признании ничтожной сделки недействительной выносятся без применения последствий недействительности. В данном случае указание на ничтожность сделки может входить в резолютивную часть судебного решения или решения о признании сделки недействительной. Кроме того, судебное решение может содержать отказ удовлетворить требования о применении последствий недействительности [1]. Однако следует отметить, что данная практика не только не восстанавливает право истца, которое было нарушено, но и вызывает существенную правовую неопределенность, что, безусловно, ведет к продолжению судебных споров и неурегулированности данной ситуации в целом.

Думается, что судам следует принять во внимание константу о необходимости применения последствия недействительности ничтожной сделки, не замыкаясь на признании ее недействительности. Судам следует отходить от неисполнимых решений по данной категории дел, которые в сущности ничего не решают, а только вызывают правовую неопределенность. Недействительность исполненных договорных обязательств по сделке и применение последствий его недействительности следует рассматривать как две стороны одной медали, сущность которой заключается в единстве требований.

Однако на практике решения по данной категории дел ограничиваются признанием сделки недействительной. Например, характерным в данном отношении является решение Арбитражного суда г. Москвы от 25 июля 2011 г. по делу № А40-21934/08-83-175 [2]. В данном деле ОАО «Холдинговая компания «Главмосстрой» обратилась с иском к обществу «Компания РОСТА» и ОАО «Завод железобетонных изделий № 21» признать недействительным договор купли-продажи недвижимого имущества, который был заключен 30.08.2005 между указанным заводом и «Компанией РОСТА», и применить последствия недействительности данной сделки. Исковые требования ОАО «Холдинговая компания «Главмосстрой» были удовлетворены частично. Соответственно, сам договор купли-продажи был

признан недействительным, а в удовлетворении требования применить последствия недействительности договора судом отказано.

В случае если возврат полученного по результатам сделки в натуре невозможен, основываясь на п. 2 ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), возникает обязанность возместить стоимость имущества, которое было передано по данной недействительной сделке. При этом стоимость имущества определяется истцом самостоятельно, учитывая представленные доказательства, или суд назначает экспертизу, чтобы определить стоимость имущества. Экспертиза назначается по собственной инициативе суда или по ходатайству заинтересованных лиц, которые участвуют в процессе. Немотивированный отказ суда принять доказательства, которые подтвердят рыночную стоимость имущества, а также отклонение ходатайства о проведении экспертизы могут быть расценены как основание для отказа применить последствия недействительности сделки.

Учитывая содержание ст. 12 ГК РФ [3], которая предусматривает в качестве способа защиты гражданских прав признание оспоримой сделки недействительной наряду с применением последствий ее недействительности, а также применение последствий недействительности ничтожной сделки, можно сделать вывод о том, что признание исполненной сделки недействительной недопустимо без применения последствий ее недействительности. Соответственно, предъявление иска признать недействительной совершенную сделку без выдвижения требований применить последствия недействительности сделок идет в противоречие с самой целью признания сделок недействительными как способа судебной защиты нарушенных или оспариваемых прав и, в свою очередь, является злоупотреблением правом.

Другой сферой, в которой судебная практика в отношении признания сделок недействительными имеет весьма противоречивый и спорный характер, является сфера сделок с недвижимостью. Данный факт обусловлен в первую очередь колоссальным оборотом недвижимости на рынке и, соответственно, огромным количеством заключаемых в этой связи сделок.

Зачастую законодательство, регламентирующее сделки с недвижимостью, содержит определенные пробелы, которые и приводят к спорным ситуациям в правоприменительной практике, а также различным злоупотреблениям на рынке недвижимости, сопряженным с нарушением прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций, которые участвуют в гражданско-правовых сделках с недвижимостью.

Несмотря на то что общие требования, предъявляемые к сделкам с недвижимостью, регламентированы ГК РФ, судебная практика по данной категории дел содержит много противоречий относительно концептуальных подходов к объектам недвижимости. Однако можно проследить тенденцию судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов к унификации практики рассмотрения дел по признанию сделок недействительными, с выявлением при этом некоторых противоречий в законодательстве.

Прежде всего внимания заслуживает сама дискуссия относительно сущности объектов недвижимости. Так, в частности, российское законодательство использует наряду с термином «жилое помещение» понятие «жилище». В ч. 2 и ч. 3 Жилищного кодекса Российской Федерации говорится, что граждане по своему усмотрению и в своих интересах осуществляют принадлежащие им жилищные права, а также распоряжаются ими [4].

Российское законодательство в п. 2 ст. 209 ГК РФ предоставляет возможность собственнику совершать любые действия по отношению к своему имуществу, а п. 1 ст. 288 ГК РФ – осуществлять права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему жилым помещением в соответствии с его назначением [3].

Действительность сделки предусматривает наличие всех ее существенных условий при возможности осуществления субъектами обязательств по сделке. Однако недостаточное законодательное регулирование процедуры заключения, исполнения и регистрации сделок с недвижимостью дает возможность недобросовестным участникам сделок с недвижимостью для различных злоупотреблений.

Одной из основных особенностей рассмотрения судами дел о недействительных сделках с недвижимостью является определение подсудности, а также права сторон на выбор суда.

Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) закрепляет в ч. 1 ст. 30 положение о том, что иски о правах на земельные участки, здания, сооружения и другие объекты, которые прочно связаны с землей, предъявляются в суд по местонахождению этих объектов [5]. В случаях участия в делах иностранных граждан, если предметом спора выступает недвижимое имущество или право на него, действует исключительная компетенция судов Российской Федерации согласно п. 1 ч. 1 ст. 403 ГПК РФ.

Соответственно, законодатель, устанавливая исключительную подсудность для данной категории дел, ограничивает права сторон на выбор суда, но одновременно обеспечивает возможность для своевременного и правильного рассмотрения дела и сбора необходимых доказательств и реализацию вынесенного по делу решения тем судом, по месту пребывания которого находится объект спора, что, в свою очередь, способствует обеспечению равных возможностей для всех лиц, участвующих в деле.

Тем не менее нередки случаи, когда истец может заявить требования о возврате недвижимости, ссылаясь на ст. 167 ГК РФ, а не на ст. 301 ГК РФ. Статья 167 ГК РФ обязывает каждую из сторон вернуть полученное имущество по недействительной сделке [3]. При этом притязания, предусмотренные гл. 20 ГК РФ «Защита прав собственности и других вещных прав», реализуются только в судах по местонахождению недвижимости, поскольку на них не распространяется соглашение о подсудности.

Кроме того, ГПК РФ предусматривает возможность подать заявление о принятии обеспечительных мер в отношении недвижимого имущества, что целесообразно при оспаривании сделок или прав на недвижимое имущество.

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество защищает права и законные интересы собственников, обеспечивает законный, надежный и открытый гражданский оборот, а также гласное и достоверное подтверждение прав на недвижимое имущество.

Практика судов общей юрисдикции выявляет определенные пробелы в законодательстве, обнаруживающиеся при рассмотрении дел о недействительных сделках с недвижимостью. Заключению сделки должно предшествовать согласование существенных условий, при том что они не должны противоречить закону и должны характеризоваться определенностью. Кроме того, сделка должна обладать изначальной реальностью исполнения. Важным фактором обеспечения прозрачности сделок является, на наш взгляд, их нотариальное удостоверение.

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации опубликовал статистику по судебным делам за 2024 год. В Российской Федерации за 2024 год в судебной практике наблюдалась следующая статистика признания недействительными сделок, связанными:

- с отчуждением совместно нажитого имущества супругов. Рассмотрено было 420 дел, из них 55,3% были удовлетворены;

- с земельными участками, истребованием из незаконного владения земельных участков, снятием с кадастрового учета земельных участков. В данных ситуациях рассмотрено 1772 дела, из которых удовлетворенных 69,8% [6].

Это ситуации самые распространенные по итогам 2024 года. Также весьма значительную роль сыграли споры, связанные со сделками с частными домами и приватизированными квартирами, в результате которых были применены последствия признания сделок недействительными.

Всего было рассмотрено 7432 дела, по итогам которых выигрышных оказалось 51,7%. С каждым годом эти показатели меняются. По статистике, за 2024 год дел об оспаривании сделок рассмотрено меньше на 5,8%, чем в 2023 году, следовательно, уменьшается количество дел, в которых присутствуют нарушения законодательства, но незначительно [6]. Причина заключается в том, что субъекты гражданско-правовых отношений не следуют нормам, которые прописывает наш законодатель.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 6253/12 по делу № А40-21934/08-83-175, А40-64538/07-57-569 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Решение Арбитражного суда города Москвы от 25.07.2011 по делу № А40-21934/08-83-175 [Электронный ресурс]. – URL: <http://kad.arbitr.ru>.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005 – № 1 (ч. 1). – Ст. 14.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
6. Судебная статистика Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/arb/t/42/s/1>.
7. Гончарова М.С. Недействительные сделки: причины, последствия и судебная практика // Вестник Академии управления и производства. – 2024. – № 4-2. – С. 265–274.
8. Александрова Е.С. Недействительные сделки и их последствия: вопросы теории и правоприменительной практики Ч. 3: Современные вызовы и эволюция судебного подхода // Научный лидер. – 2025. – № 44 (245). – С. 54–56.
9. Баранова Д.В., Бочкарева Е.А., Кушарова М.П. Некоторые проблемы недействительности сделок / Интеллектуальный потенциал Сибири: сборник материалов 32-й региональной научной студенческой конференции. – Новосибирск, 2024. С. 138–140.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБЛАСТИ КИНОПЕДАГОГИКИ

Стручкова Е.А.,

адъюнкт

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: статья посвящена анализу кинопедагогики как междисциплинарной области на стыке педагогики, киноискусства и психологии. Представлен исторический обзор ее становления с начала XX века до современности, выделены ключевые этапы и фигуры. Охарактеризованы основные направления исследований: теоретические, методические, эмпирические и подготовка кадров. Определены актуальные проблемы и темы – от формирования ценностных ориентаций до влияния цифровой культуры. Подчеркнута необходимость дальнейшего развития методик и профессиональной подготовки педагогов в сфере кинопедагогики.

Ключевые слова: кинопедагогика; педагогика; кино; киноискусство; психология; образовательный процесс; воспитание; обучение; развитие личности

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF SCIENTIFIC LITERATURE IN THE FIELD OF FILM PEDAGOGY

Struchkova E.A.,

Postgraduate

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article analyses film pedagogy as an interdisciplinary field at the intersection of pedagogy, cinema art, and psychology. It provides a historical overview of its development from the early 20th century to the present, highlighting key stages and figures. The main research directions are characterised: theoretical, methodological, empirical, and teacher training. Current issues are identified, ranging from the formation of value orientations to the impact of digital culture. The need for further development of methodologies and professional training of educators in film pedagogy is emphasised.

Keywords: film pedagogy; pedagogy; cinema; film art; psychology; educational process; education; teaching; personality development

Кинопедагогика – междисциплинарная область, находящаяся на стыке педагогики, киноискусства и психологии. Она изучает возможности использования кинофильмов в образовательном процессе для решения различных педагогических задач: воспитания, обучения, развития личности, формирования ценностных ориентаций и т.д. Актуальность анализа научной литературы по кинопедагогике обусловлена возрастающей ролью визуальной культуры в современном обществе и необходимостью критического осмысления и эффективного использования киноискусства в образовательных целях.

Стоит начать с исторического контекста и рассмотреть становление самой педагогики. Первые попытки использования кино в образовательных целях относятся к началу XX века, однако как самостоятельное направление кинопедагогика сформировалась в 1920-е годы в России и Германии. Ключевыми фигурами этого периода были С.М. Эйзенштейн, который писал, что сопоставление двух монтажных кусков больше похоже не на сумму их, а на произведение [1]; Л.В. Кулешов, считавший, что «зрительское восприятие обладает способностью быстро осваивать все новое» [2], чьи работы заложили основы теории монтажа и психологии восприятия кино. Исследования этого периода были направлены на изучение влияния кино на зрителя, возможности манипулирования сознанием и использования кинематографа в пропагандистских целях.

Важным этапом в развитии кинопедагогики стало становление киноклубовского движения в СССР в 1960-е годы. Киноклубы стали площадкой для обсуждения кинофильмов, развития критического мышления и формирования художественного вкуса. В этот период появляются работы, посвященные методике анализа кинофильмов и их использования в воспитательной работе (например, работы И.В. Вайсфельда, М.И. Жабского).

В современной кинопедагогике можно выделить несколько основных направлений.

Теоретическое исследование. Разработка методологических основ кинопедагогики, определение ее места в системе педагогических наук, анализ ее связей с другими областями знания (психологией, культурологией, социологией). В этом направлении значительный вклад внесли труды А.В. Федорова [4], Ю.Н. Усова, который обобщил свои исследования в области кинообразования, проведенные в течение 70-х годов в России, и вскрыл «одно из главных противоречий, стоящих на пути кинообразования: преподавая искусство, восприятие которого опирается на образно-пространственный, невербальный тип мышления», педагог часто совершенствует «принципиально противоположный художественному восприятию тип мышления – абстрактно-логический, вербальный... Отсюда рационализм, логизирование, подмена эстетического анализа социологическим...» [3].

Методические разработки. Разработка конкретных методик использования кинофильмов в образовательном процессе для решения различных педагогических задач. В этом на-

правлении исследуются возможности использования кино для формирования нравственных ценностей, развития коммуникативных навыков, обучения иностранным языкам, формирования экологической культуры и т.д. Примерами могут служить исследования Л.М. Баженовой [5], С.Н. Пензина [6].

Эмпирические исследования. Изучение эффективности использования кино в образовательном процессе. Проводятся эксперименты, анкетирование, интервьюирование с целью выявления влияния кино на различные аспекты развития личности.

Развитие кинообразования. Подготовка педагогических кадров, способных эффективно использовать кино в своей профессиональной деятельности. Разработка программ и учебных пособий по кинопедагогике.

Анализируя научную литературу в области кинопедагогике, можно выявить следующие ключевые темы и проблемы:

1. Роль кино в формировании ценностных ориентаций. Изучение влияния кино на систему ценностей молодежи, формирование гражданской позиции, развитие толерантности и уважения к другим культурам.

2. Развитие критического мышления. Обучение анализу кинофильмов, выявлению манипулятивных приемов, критическому осмыслению визуальной информации.

3. Воспитание художественного вкуса. Формирование понимания языка кино, знакомство с различными жанрами и стилями, развитие способности к эстетической оценке кинопроизведений.

4. Использование кино для решения конкретных педагогических задач. Обучение различным предметам, развитие коммуникативных навыков, формирование экологической культуры, профилактика девиантного поведения и т.д.

5. Влияние современной цифровой культуры на восприятие кино. Изучение влияния Интернета, социальных сетей и других цифровых технологий на отношение молодежи к киноискусству.

Кинопедагогика – динамично развивающаяся область знаний, предлагающая широкие возможности для повышения эффективности образовательного процесса. Анализ научной литературы по кинопедагогике позволяет выделить основные направления исследований, выявить актуальные проблемы. Эффективное использование кино в образовании требует от педагогов не только знания теории и методики кинопедагогике, но и глубокого понимания психологии восприятия кино, умения анализировать кинофильмы и адаптировать их к потребностям конкретных учащихся. В дальнейшем необходимо продолжать исследования в области кинопедагогике, разрабатывать новые методики и материалы, а также готовить квалифицированных специалистов, способных эффективно использовать кино в образовательном процессе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: в 6 т. – Москва: Искусство, 1964. Т. 2. – 564 с.
2. Кулешов Л.В. Уроки кинорежиссуры. – Москва, 1999. – 260 с.
3. Усов Ю.Н. Методика использования киноискусства в идейно-эстетическом воспитании учащихся 8 – 10 классов. – Таллин, 1980. – 125 с.
4. Федоров А.В. Медиаобразование в педагогических вузах. – Таганрог: Кучма, 2003. – 122 с.
5. Баженова Л.М. В мире экранных искусств. – Москва, 1992. – 71 с.
6. Пензин С.Н. Кино и эстетическое воспитание: методологические проблемы. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1987. – 176 с.

ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Тарасова Л.В.,

кандидат социологических наук;

Муксимова В.Д.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: целью статьи является определение специфики деятельности сотрудников органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и безопасности на объектах железнодорожного транспорта. Предложены меры по совершенствованию как практической, так и нормативно-правовой базы деятельности сотрудников органов внутренних дел на транспорте.

Ключевые слова: сотрудник полиции; общественный порядок; общественная безопасность; железнодорожный транспорт

FEATURES OF PROTECTION OF PUBLIC ORDER AND SECURITY OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AT RAILWAY TRANSPORT FACILITIES

Tarasova L.V.,

Candidate of Sociological Sciences;

V.D. Muksimova

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the purpose of this research article is to identify the specific aspects of law enforcement agencies' work in maintaining public order and safety within this mode of transport. Measures are proposed to improve both the practical and regulatory frameworks for law enforcement agencies' work in transport.

Keywords: police officer; public order; public safety; railway transport

Принято считать, что именно железнодорожный транспорт в настоящее время является наиболее востребованным для перемещения грузов и поездок пассажиров внутри страны и за ее пределами. Это логично ввиду его надежности и доступности. Для осуществления безопасности в нашей стране была создана система органов государственной власти. Если обратиться к Федеральному закону № 3-ФЗ «О полиции», то в нем прямо указано на то, что полиция предназначена в том числе для охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности [1]. Органы внутренних дел на транспорте имеют весомые различия с территориальными органами касательно осуществляемых ими функций. При организации охраны общественного порядка транспортным полицейским приходится сталкиваться с различными факторами, которые, в свою очередь, могут усложнить несение службы. К ним можно отнести такие, как:

- сезонность;
- особенности оперативной обстановки в определенной местности;
- особенность объектов инфраструктуры;
- интенсивность движения составов, плотность пассажиропотока.

Еще одно отличие сотрудников органов внутренних дел на транспорте заключается в том, что они осуществляют свою деятельность на обозначенных им объектах транспорта, которые четко прописываются в Федеральном законе № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [2].

Поэтому с учетом специфики работы на железнодорожном транспорте наряды выставляются на вокзалах, станциях, платформах. Если интенсивный грузо- и пассажиропоток на платформах, могут быть установлены дополнительные посты для наблюдения за пассажирами и обхода территории железнодорожного вокзала [3].

Стоит отметить, в нормативно-правовых актах понятия «общественный порядок» и «общественная безопасность» употребляются часто, но у них нет единого определения в одном кодексе, зато в научных трудах у них множество трактовок. К примеру, В.С. Афанасьев [3], И.В. Тимошенко [4] и другие представители общей теории права рассматривали «общественный порядок» как категорию социальную, охватывающую всю систему идеологических общественных отношений. Как уже упоминалось, современное российское законодательство данных понятий не закрепляет, хотя они являются фундаментальными и активно используются в правоприменительной практике. По нашему мнению, с целью устранения пробелов в законодательстве целесообразно закрепить эти два понятия на законодательном уровне, что поможет избежать споров при их толковании должными лицами.

Современное государство развивается во всех сферах, и техническое направление не стало исключением. В эпоху развития информационных технологий на некоторых объектах железнодорожного транспорта стала применяться государственная автоматизированная информационная система «Сфера». Она является огромным подспорьем для сотрудников транспортной полиции при выявлении лиц, находящихся в федеральном розыске и без вести пропавших. Но несмотря на высокую эффективность, нельзя не упомянуть о значительном недостатке данной системы: сигнал о выявлении «нужного» лица может прийти с некоторым опозданием. Без участия сотрудников полиции эта система не будет иметь должного смысла, поэтому их заранее обучают действиям в тех или иных ситуациях. Ведь от быстроты реакции сотрудников дежурной части, грамотных действий наряда патрульно-постовой службы полиции будет зависеть итог.

Нельзя не упомянуть о взаимодействии органов внутренних дел на транспорте с начальниками железнодорожных станций, вокзалов. Они строятся на постоянном обмене оперативной информацией, взаимном патрулировании, совместных профилактических мероприятиях. На наш взгляд, для наиболее удобного дальнейшего взаимодействия есть необходимость в создании единой информационной системы, которая позволит создать алгоритмы действий для обмена информацией и распределить обязанности между ее участниками.

Необходима постоянная отработка навыков действий сотрудников полиции в определенных стрессовых ситуациях, а также повышенная готовность в период проведения специальной военной операции. На примере Белгородской области хочется отметить эффективное сотрудничество и с территориальными органами полиции, близость к боевым действиям требует особого подхода. Совместное патрулирование объектов железнодорожного транспорта является наиважнейшим аспектом для контроля поведения граждан и ликвидации правонарушений на железнодорожных вокзалах. Благодаря комплексному подходу к решению данного вопроса удастся достичь положительных результатов по защите инфраструктуры и пассажиров на объектах железнодорожного транспорта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 94.
2. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 156.
3. Лыков Э.Н., Колесова Т.С. Особенности охраны общественного порядка и безопасности на объектах железнодорожного транспорта // Национальная ассоциация. – 2015. – № 10 (15) – С. 140–142.
4. Афанасьев В.С. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – Москва: Юрист, 2001. – 297 с.
5. Тимошенко И.В. Теория государства и права: учебник. – Ростов-на-Дону, 2003. – 653 с.

К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ МИКРОМОБИЛЬНОСТИ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Телегин П.А.

(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)

Аннотация: современные реалии представляют актуальность исследуемой темы ввиду высокого роста дорожно-транспортных происшествий с участием несовершеннолетних граждан, которые используют средства индивидуальной мобильности для ежедневного передвижения. В силу имеющихся законодательных несовершенств и неточностей в вопросе регулирования дорожного движения при применении указанных средств возникает необходимость в более подробном анализе способов грамотного обеспечения безопасности на дорогах.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения; несовершеннолетние; средства индивидуальной мобильности; микромобильность; велосипедная инфраструктура

ON THE ISSUE OF ENSURING THE SAFETY OF MICRO-MOBILITY FOR MINORS IN MODERN CONDITIONS

Telegin P.A.

(Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the current reality makes the topic of this research relevant due to the high number of traffic accidents involving minors who use individual mobility devices as their daily means of transportation. Due to the existing legislative imperfections and inaccuracies in regulating traffic when using these devices, there is a need for a more detailed analysis of how to ensure proper road safety.

Keywords: road safety; minors; individual mobility devices; micromobility; bicycle infrastructure

Современные реалии представляют общественному вниманию активную интеграцию микромобильности в транспортную инфраструктуру городов России, представляя средства индивидуальной мобильности неотъемлемой частью жизнедеятельности граждан нашего государства. Исходя из действующих на сегодняшний день Правил дорожного движения, отмечаем, что к исследуемым средствам относят транспортные устройства, предназначенные для личного перемещения человека с использованием моторизованных двигателей, в частности, в данную группу входят электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные подобные конструкции [1]. Безусловно, средства индивидуальной мобильности пользуется наибольшим спросом среди граждан, не достигших совершеннолетнего возраста.

Обратимся к статистике. За 9 месяцев 2025 года зафиксировано 1885 дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) с участием граждан, использующих для передвижения электровелосипеды. В данных ДТП погиб 41 и получили ранения 1911 человек. Большинство погибших (92,7%) являлись велосипедистами (трое из них – пассажирами велосипеда). Более трех четвертей (82,7%) раненых – велосипедисты, 15,1% – пешеходы. Более чем в трети (38,6%, или 723) ДТП велосипедисты, передвигавшиеся на электровелосипедах, являлись работниками сервисов доставки, в данных происшествиях погибли 11 и ранены 729 человек. Также необходимо сказать, что за тот же период времени 2025 года зарегистрировано 2959 (-24,1%) происшествий на дорогах с участием граждан, применяющих в своей жизнедеятельности средства индивидуальной мобильности, в которых погибли 54 (+22,7%) человека, в том числе 5 детей в возрасте до 16 лет. Ранения получили 3062 (-24,4%) человека, в числе которых 956 детей в возрасте до 16 лет [2, с. 28–29].

Основываясь на указанной статистике, можно сделать обоснованный вывод о том, что оптимизация роста числа дорожно-транспортных происшествий, сопровождающихся ситуациями гибели или травматизации подростков, связана с отсутствием четкого и грамотного регулирования дорожного движения в области использования средства индивидуальной мобильности, как следствие, недостаток должно сформированной системы обеспечения безопасности на дорогах. Недостаток внимания к анализируемым аспектам вызывает интерес у научных деятелей, каждый из которых выражает свою субъективную оценку данной ситуации, а также предлагает свои пути совершенствования исследуемых законодательных несовершенств. Так, авторы Д.В. Митрошин, К.С. Баканов и М.М. Исаев в своих работах указывают на необходимость организации специального обучения лиц, использующих средства индивидуальной мобильности для ежедневного передвижения по городу [3, с. 11–30]. Другие исследователи, такие как А.В. Афанасьевская и Н.А. Иванова, считают необходимым внедрить специальные требования к данной категории участников дорожного движения, в частности касающиеся обязательности наличия у таких граждан водительского удостоверения [4, с. 29–31].

А.А. Ефимова утверждает о необходимости запрета выезда на проезжую часть подросткам, которые не достигли возраста 16 лет и которые управляют средствами индивидуальной мобильности [5, с. 31–35]. Помимо этого, А.И. Трусов говорит об обязательности внедрения обязанности страхования гражданской ответственности пользователями средств индивидуальной мобильности [6, с. 32–36]. С данными точками зрения стоит согласиться. По нашему мнению, подростки, управляющие анализируемым транспортными средствами, должны быть ограничены в возможностях их использования, в целях оптимизации обеспечения безопасности дорожного движения, ввиду возрастной незрелости и не до конца сформированного понимания ответственности за управление указанными средствами. Считаем, что настоящие нормы права формализуют необходимость обязательного страхования риска гражданской ответственности владельцами транспортных средств, возникающего в результате возможного нанесения ущерба жизни, здоровью или имуществу третьих лиц при эксплуатации транспортных средств. Так, заключить подобного рода договор вправе только лицо, которое достигло совершеннолетнего возраста. Однако современные реалии показывают, что фактически пользоваться средствами индивидуальной мобильности могут и граждане, которые младше по возрасту, например посредством аренды одного из перечисленных ранее средств их законным представителем. Ввиду чего имеем необходимость более тщательного подхода к вопросу обеспечения безопасности дорожного движения как деятельности, направленной на предупреждение причин возникновения дорожно-транспортных происшествий и исключение случаев травмирования несовершеннолетних в ДТП с участием средств индивидуальной мобильности.

Считаем обязательным внедрение практики обучения пользователей средствами индивидуальной мобильности соответствующим правилам соблюдения безопасности дорожного движения в данном аспекте, причем следует минимизировать возможность использования средств индивидуальной мобильности гражданам до 18 лет на проезжей части, страховать гражданскую ответственность данных участников дорожного движения.

Также отмечаем необходимость создания отдельных зон использования СИМ несовершеннолетними гражданами. Так, например, в Курской области разработана концепция активизации велодвижения, основным предназначением которой стало совершенствование существующей системы общественного движения на транспортных средствах. В частности, в г. Курске с 2024 года было организовано развитие велосипедных дорожек, увеличение их количества и продолжительности расстояния. Данная разработка дала возможность разделения тротуара и проезжей части, то есть создания полосы движения, специализированной для средств индивидуальной мобильности.

Полагаем, что в целях обеспечения безопасности дорожного движения, предупреждения причин возникновения ДТП, исключения случаев травмирования несовершеннолетних и

других участников дорожного движения в результате взаимодействия и использования средств индивидуальной мобильности необходимо выполнить следующие мероприятия:

- в целях создания безопасности дорожного движения как состояния защищенности его участников от ДТП и их последствий необходимо все средства индивидуальной мобильности, приравнять к источнику повышенной опасности, а также отнести риск гражданской ответственности владельцев средств индивидуальной мобильности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевших от использования средств индивидуальной мобильности к страховым случаям по обязательному страхованию такого риска;
- лицу, использующему для передвижения средство индивидуальной мобильности без применения мускульной энергии человека (электровелосипед, электросамокат и другие аналогичные средства), необходимо присвоить статус «водитель транспортного средства»;
- разрешить передвижение средств индивидуальной мобильности исключительно по велосипедной инфраструктуре.

Подводя итог данному исследованию, отметим, что вне зависимости от того, кем является тот или иной участник дорожного движения, ему необходимо знать и применять в своей жизнедеятельности Правила дорожного движения, которые касаются его участия, в свою очередь, ответственно подходить к данному вопросу в целях исключения негативных ситуаций, связанных с использованием средств индивидуальной мобильности. Данная обязанность распространяется в первую очередь на несовершеннолетних граждан, которые порой довольно легкомысленно относятся к передвижению на дороге, не неся должную ответственность ни за себя и свою жизнь и здоровье, ни за жизнь других людей. Как верно отметил М.А. Бакунин, «индивидуальная свобода человека заканчивается там, где начинается индивидуальная свобода другого». Защита жизни и здоровья участников дорожного движения является приоритетным государственным направлением в рамках разработки и внедрения концепции дорожной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.10.2022 № 1769 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 41. – Ст. 7100.
2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2025 года: информационно-аналитический обзор. – Москва: НЦ БДД МВД России, 2025. – 38 с.
3. Митрошин Д.В., Баканов К.С., Исаев М.М. Перспективы правового и технического регулирования использования средств индивидуальной мобильности // Безопасность дорожного движения. – 2024. – № 1. – С. 11–30.
4. Афанасьевская А.В., Иванова Н.А. Правовые отношения, связанные с использованием электросамокатов: зарубежный опыт и перспективы применения в российском законодательстве // Международное публичное и частное право. – 2022. – № 4. – С. 29–31.
5. Ефимов А.А. Проблемы обеспечения безопасности в контексте легализации новых участников дорожного движения // Российский судья. – 2023. – № 3. – С. 31–35.
6. Трусов А.И. Использование средств индивидуальной мобильности: от правового регулирования к практике применения // Государственная власть и местное самоуправление. – 2023. – № 11. – С. 32–36.

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ЛЕСОВ ОТ ПОЖАРОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Титова Е.А.

(Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России)

Аннотация: в работе охарактеризованы основные нормативные документы дореволюционной России, регулирующие вопросы охраны лесов от пожаров. Выявлена преемственность государственной политики от Российской империи к Российской Федерации в сфере правового регулирования охраны лесов от пожаров.

Ключевые слова: пожары; Пожарный устав Российской империи; охрана лесов; правовое регулирование

REGULATORY REGULATION OF FOREST PROTECTION FROM FIRES IN THE RUSSIAN EMPIRE

Titova E.A.

(Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia)

Abstract: the paper describes the main regulatory documents of pre-revolutionary Russia regulating the protection of forests from fires. The continuity of state policy from the Russian Empire to the Russian Federation in the field of legal regulation of forest fire protection has been revealed.

Keywords: fires; The Fire Charter of the Russian Empire; aforest protection; legal regulation

Лес играет значительную роль в жизнедеятельности общества и государства, оказывая влияние на безопасность, экономику и экологию. Именно лес является источником древесины для строительства и производства мебели и бумаги. Аномальная жара и последующая засуха – факторы лесных пожаров, угроза безопасности государства, человека и общества.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности [10] сохраняется угроза возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в том числе вследствие лесных пожаров. Данный факт является основой для формирования государственной политики с учетом того, что государство вынуждено создавать условия для реализации задач по защищенности от различных видов угроз, в том числе по защите лесов от пожаров.

Современные подходы для обеспечения пожарной безопасности в лесах основываются на системе мониторинга и оперативного реагирования, а в части нарушения противопожарного режима в лесах и законодательства – на совершенствовании нормативной правовой базы. Для понимания эволюции и эффективности предпринимаемых мер необходимо обратиться к историческому аспекту организации пожарной безопасности в лесах.

Статья 223 гл. X Соборного уложения 1649 г. [7] предусматривала штраф с учетом суммы убытков за оставление в лесу огня, повлекшего уничтожение чужого имущества.

В XVIII в. отдельное внимание уделялось вопросам обеспечения пожарной безопасности в лесах, и данная государственная политика отразилась в нормативных документах:

– инструкция обер-вальдмейстеру от 3 декабря 1723 г., в ст. 19 «О сбережении рощей и лесов от поджогу и других напрасных трат» регламентирован запрет на разведение огня ближе двух сажен к каким-либо деревьям, а в случае если огонь все же был зажжен, его следовало немедленно потушить. Данный документ закреплял обязанность жителей приграничных к лесу деревень в радиусе десяти верст от места возгорания немедленно прибыть для тушения пожара, используя подручные средства;

– запрет на разведение огня во всех лесах около Санкт-Петербурга устанавливал Указ от 6 мая 1735 г. «О подтверждении жителям в окрестностях Санкт-Петербурга, чтоб они для опасности от пожара, в лесах огней отнюдь не раскладывали»;

– Указ от 15 июня 1736 г. «О высылке в летнее время солдат в Ингерманландию для надзора вместе со служителями Вальдмейстерской конторы за охранением лесов от случающихся в знойное летнее время пожаров» закреплял надзор за лесами, для этого Военная коллегия в летнее время обязана была командировать солдат. Они совместно с назначенными служителями Вальдмейстерской Конторы обязаны были с полной ответственностью осуществлять контроль. Также за выполнением данных обязанностей строго следили Камор-Контора и ее комиссары в Ингерманландии. Кроме того, жители должны были быть уведомлены о требованиях указа при помощи его опубликования. Если случался лесной пожар по небрежности, то виновное лицо подвергалось строгому наказанию «без всякого послабления».

В 1738 г. в Санкт-Петербургской губернской канцелярии издан указ «О запрещении раскладывать по дорогам и лесам огонь», в соответствии с которым на всей территории Южного Приладожья запрещалось разводить огонь в лесах. Нарушение правил, установленных данным указом, каралось соразмерно от битья кнутом до смертной казни.

С развитием промышленности в Российской империи закрепляется запрет на строительство частных «огнедействующих» заводов на расстоянии 200 верст от Москвы, что закреплялось в Указе от 30 августа 1754 г. «Об уничтожении всех хрустальных, стеклянных и железных заводов в 200 верстах от Москвы отстоящих; о дозволении заводить оные далее сего расстояния во всех местах и переводить на оные с уничтоженных заводов крестьян и людей, и о строгом наблюдении в Московской и Тверской Губерниях о сбережении лесов». В дальнейшем данная норма нашла свое отражение в Указе от 19 июня 1796 г. «Об уменьшении винокурения в окрестностях Москвы для сохранения лесов и отвращения дороговизны дров, и о не заведении вновь в Московской губернии огнедействующих фабрик и заводов».

Развивались нормы, направленные на предупреждение и профилактику пожаров, например, 19 мая 1798 г. издается именной указ, данный владимирскому губернатору Руничу, «О предупреждении лесных пожаров, причиняемых расчисткою земель под пашни».

В дальнейшем в соответствии с Указом от 9 августа 1800 г. «О распоряжениях для отвращения случающихся в лесах пожаров» в казенных селениях из добросовестных поселян избирались пожарный староста на три года, который находился в подчинении ведомства форстмейстера.

Высочайше утвержденный доклад министра финансов «О дозволении промышленяющим Архангельской губернии крестьянам, сидеть смолу во всякое время года» от 25 октября 1804 г. закреплял положения, в соответствии с которыми в Архангельской губернии крестьянам, промышленяющим смолой, дозволялось производить сидку смолы в любое время года с соблюдением следующих правил: производить ее вне лесов при селениях, на полях и полянах на расстоянии 20 сажень; запрещалось производить сидку смолы при сильном ветре; если в результате несоблюдения предусмотренных правил лесам причинялся вред и убыток, то по суду взыскивались штрафы с селений и волостей.

16 июля 1814 г. издается Указ «О штрафе с помещичьих крестьян за причиняемые в казенных лесах пожары». В данном указе закреплялась санкция в виде наложения штрафа на помещичьих крестьян, по вине которых произошел пожар в лесу.

В первой половине XIX в. в Российском государстве происходила кодификация законодательства, в том числе в области обеспечения пожарной безопасности. В 1832 г. выходит в свет первый акт систематизации законодательства о пожарной безопасности, который включал в себя профилактические меры по борьбе с пожарами, правила содержания домов в «противопожарном режиме», кадровое обеспечение пожарных команд, правила тушения, ликвидации пожаров и состав пожарной команды, выезжающей на пожары [9, с. 106]. Пожарный устав Российской империи 1832 г. и его редакции в главе второй, отделении втором «О предосторожностях от пожаров вне жилищ», отражал вопросы обеспечения пожарной безопасности в лесах [5].

Устав лесной 1905 года явился кульминацией систематизации лесного законодательства. Он регламентировал порядок охраны лесов от пожаров [1, с. 330–336].

Обеспечение пожарной безопасности в Российской империи сформировалось на основе рассмотренных многочисленных нормативных правовых актов, содержащих правила, обеспечивающие пожарную безопасность в городах, населенных пунктах, лесах и на воде.

В дальнейшем нормы, обеспечивающие пожарную безопасность в лесах, нашли свое отражение в нормативных правовых актах советского периода и современной России.

В Российской Федерации Правила пожарной безопасности в лесах регламентируются постановлением Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 1614 «Об утверждении Правил пожарной безопасности в лесах».

Ответственность за нарушение правил пожарной безопасности устанавливается Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ, Уголовным кодексом Российской Федерации от 30 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

Для улучшения работы по профилактике и тушению лесных, степных, торфяных пожаров и незаконного выжигания сухой растительности на приграничных территориях и в целях сокращения причиняемого ими ущерба, оказания взаимопомощи и обмена опытом по борьбе с природными пожарами, выражая стремление развивать взаимодействие по профилактике и тушению природных пожаров, государства – участники СНГ в Республике Беларусь, в Минске, подписали Соглашение по профилактике и тушению природных пожаров на приграничных территориях государств – участников Содружества Независимых Государств [8].

На протяжении всей истории обеспечения противопожарной безопасности в лесах был накоплен значительный нормативный и практический опыт охраны леса от пожаров. Современная юридическая наука, уделяя серьезное внимание обеспечению национальной безопасности [2; 3; 4; 6], осуществляет поиск правовых средств противодействия лесным пожарам. Именно в законодательстве Российской империи была заложена основа для последующего развития нормативного регулирования в области обеспечения пожарной безопасности в лесах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Курышова И.В. Эволюция лесного законодательства Российской империи (на примере Устава лесного) / Иркутский историко-экономический ежегодник. 2021. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. С. 330–337.
2. Нижник Н.С., Лясевич Т.Г. Полицейская деятельность и профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел как предмет правовых исследований // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76), № 1. – С. 410–426.
3. Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Права человека – проблема актуального юридического и политического дискурса // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2024. – № 1. – С. 8–13.
4. Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 202–208.
5. Пожарный устав Российской империи: хрестоматия / под общ. ред. В.С. Артамонова. – 2-е изд., доп. и испр. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2015. – 264 с.
6. Сидоренко Н.С., Нижник Н.С. Политико-правовая мысль как объект современных научных исследований // История государства и права. – 2024. – № 7. – С. 41–49.
7. Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков. – Т. 3. – С. 75–257.
8. Соглашение по профилактике и тушению природных пожаров на приграничных территориях государств – участников Содружества Независимых Государств (Минск, 31 мая 2013 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2014. – № 12.

9. Титова Е.А. Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности в Российской империи в XIX веке / Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий: материалы круглого стола, Санкт-Петербург, 4 июня 2014 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2016. С. 105–108.

10. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ЗАЩИТЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Троицкая Е.С.;

Рубанов С.А.,

кандидат юридических наук

(Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Аннотация: в статье анализируются актуальные проблемы защиты товарных знаков в условиях цифровизации российской экономики. Рассматриваются вызовы, связанные с ростом онлайн-пиратства, киберсквоттингом, использованием искусственного интеллекта в регистрации знаков, и пробелы в законодательстве (статьи 1477–1515 Гражданского кодекса Российской Федерации). Предлагаются рекомендации по гармонизации норм с международными стандартами для повышения эффективности защиты в цифровой среде.

Ключевые слова: товарные знаки; средства индивидуализации; цифровизация; интеллектуальная собственность; Роспатент; онлайн-пиратство

CURRENT CHALLENGES IN PROTECTING TRADEMARKS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Troitskaya E.S.;

Rubanov S.A.,

Candidate of Law

(Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation)

Abstract: this article outlines analyzes current issues in protecting trademarks as means of individualization in the context of digitalization of the Russian economy. It examines challenges related to the growth of online piracy, cybersquatting, AI use in trademark registration and gaps in legislation (Civil Code of the Russian Federation, Articles 1477–1515) are discussed. Recommendations are proposed for harmonizing norms with international standards to enhance protection in the digital environment.

Keywords: trademarks; means of individualization; digitalization; intellectual property; Rospatent, online piracy

В условиях ускоренной цифровизации экономики России товарные знаки как средства индивидуализации играют ключевую роль в обеспечении конкурентоспособности бизнеса и защите прав интеллектуальной собственности. Согласно анализу современных тенденций, представленному в работе В.М. Свистунова и В.В. Лобачева, цифровая экономика ставит перед странами вопросы о балансе между инновациями и регуляцией, где ведущие державы, включая Россию, сталкиваются с необходимостью адаптации правовых механизмов к новым технологическим реалиям [8]. В России цифровизация стимулируется государственной политикой, направленной на импортозамещение и инновационное развитие, как отмечается в исследовании В.Р. Смирновой, С.В. Чернявского и Ю.С. Васильевой, где подчеркивается значение легкой промышленности как одной из отраслей, зависящих от эффективной защиты брендов в цифровой среде [9]. Однако рост онлайн-торговли и интеграция искусственного интеллекта (далее – ИИ) обостряют проблемы защиты товарных знаков, регулируемых частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. В 2025 году, по данным АНО «Цифровая экономика», ключевыми трендами стали специализированный ИИ и развитие цифровых навыков, что усиливает необходимость в обновлении правовых норм для защиты интеллектуальной собственности.

Цифровизация экономики России в 2023–2025 годах характеризуется значительным ростом затрат на цифровые технологии. Как указывается в отчете TAdviser, затраты домашних хозяйств на использование цифровых технологий и связанных товаров выросли на 2,7% в 2023 году, достигнув 1,95 трлн рублей, что отражает увеличение роли онлайн-платформ в повседневной жизни и бизнесе. Это создает благоприятную среду для развития брендов, но одновременно повышает риски нарушений. Одним из основных вызовов является рост онлайн-пиратства, которое подрывает экономическую ценность товарных знаков. В цифровой экономике контрафактная продукция распространяется через электронные платформы, социальные сети и маркетплейсы, что приводит к значительным убыткам для правообладателей. По данным Федеральной таможенной службы, цифровая трансформация таможенного контроля включает автоматизированные системы мониторинга, но все еще сталкивается с трудностями в выявлении виртуальных нарушений [2]. Например, в первом полугодии 2025 года количество кибератак на организации выросло, с акцентом на госучреждениях (21% от общего числа), что включает и случаи пиратства товарных знаков через фишинговые сайты. В 2024 году количество утечек данных увеличилось на 10,1%, достигнув 1 млрд записей, что напрямую влияет на безопасность брендов в цифровой среде. Аналогичные проблемы наблюдаются в Европейском союзе, где правовая политика против контрафакта в Едином цифровом рынке включает усиление ответственности платформ и гармонизацию норм [11]. В России Федеральный закон «О защите конкуренции» предусматривает меры против недобросовестной конкуренции, включая использование чужих товарных знаков в рекламе, но его применение в цифровой среде ограничено из-за пробелов в доказывании ущерба [10]. Кроме того, в условиях высоких ставок по кредитам и кадрового дефицита, как отмечается в анализе цифровой экономики 2025 года, бизнесу сложно инвестировать в защиту брендов, что усугубляет уязвимости.

Другим значимым вызовом выступает киберсквоттинг – практика регистрации доменных имен, сходных с товарными знаками, с целью перепродажи или вредительства. В условиях цифровизации, когда бизнес все больше зависит от онлайн-присутствия, такие действия наносят ущерб репутации и приводят к потере трафика. Согласно ст. 1484–1486 ГК РФ товарный знак предоставляет исключительное право на использование в сети Интернет, но пробелы в регулировании позволяют злоумышленникам регистрировать домены в зонах .ru или .com без предварительной проверки на сходство [1]. Существуют исследования о современном состоянии авторского права в Российской Федерации, которые подчеркивают аналогичные проблемы в смежных областях, где цифровые технологии усложняют защиту прав, требуя обновления норм [7]. В 2020–2025 годах количество споров по киберсквоттингу в арбитражных судах России увеличилось на 30%, что свидетельствует о необходимости интеграции ИИ в системы регистрации доменов для автоматизированного анализа сходства.

Примером может служить дело о защите бренда в сфере легкой промышленности, где контрафактные домены использовались для продажи подделок, что привело к убыткам в миллионы рублей [9]. Кроме того, в трендах 2025 года акцент на развитии цифровых навыков подразумевает подготовку специалистов для борьбы с такими угрозами, но дефицит кадров остается барьером.

Использование ИИ в процессе регистрации товарных знаков представляет как возможности, так и риски. Роспатент внедряет ИИ для ускорения экспертизы заявок, что позволяет сократить сроки с месяцев до недель, но вызывает вопросы о точности и предвзятости алгоритмов. А.Н. Якушев в своем анализе сопряжения понятий цифровой экономики и интеллектуальной собственности отмечает, что ИИ может генерировать новые знаки, но отсутствие четких норм об авторстве приводит к спорам [12]. В ст. 1477–1483 ГК РФ регистрация товарного знака требует проверки на новизну и оригинальность, однако ИИ-генерированные дизайны могут нарушать эти критерии, если алгоритм обучен на существующих базах данных [1]. Кроме того, ИИ усиливает риски автоматизированного пиратства, когда боты копируют знаки для фишинговых сайтов. В Европейском союзе политико-правовые инструменты цифровой трансформации включают регуляцию ИИ через Директиву об искусственном интеллекте, обеспечивая баланс между инновациями и защитой прав [6]. В России аналогичные инициативы развиваются, но согласно отчету АНО «Цифровая экономика» специализированный ИИ требует этических норм для предотвращения злоупотреблений в сфере интеллектуальной собственности. Например, в 2025 году Роспатент зафиксировал рост заявок на ИИ-генерированные знаки на 15%, что подчеркивает необходимость в обновлении регуляций [4].

Пробелы в законодательстве ГК РФ (ст. 1477–1515) усугубляют эти вызовы. Хотя кодекс предоставляет механизмы защиты, такие как запрет на использование сходных обозначений (ст. 1484) и ответственность за нарушение (ст. 1515), он не полностью адаптирован к цифровой среде [1]. Отсутствует детальное регулирование ответственности платформ за размещение контрафакта в отличие от Европейского союза, где Закон о цифровых услугах (DSA) обязывает операторов мониторить контент [5]. В России Федеральный закон «О защите конкуренции» дополняет ГК РФ, запрещая недобросовестное использование товарных знаков в рекламе, но его применение в онлайн-пространстве требует уточнения [10]. Кроме того, в условиях импортозамещения легкая промышленность нуждается в усилении защиты брендов для стимулирования инноваций, но бюрократические барьеры в регистрации замедляют процесс [9]. Цифровая трансформация Федеральной таможенной службы помогает в контроле импорта, но не решает проблем виртуального контрафакта [2]. Более того, отсутствие единой методики оценки качества цифровых продуктов, как отмечается в анализе защиты цифровых продуктов в Российской Федерации, осложняет регулирование товарных знаков в метавселенных и NFT. Это приводит к росту споров, где суды вынуждены интерпретировать устаревшие нормы в контексте новых технологий.

Для повышения эффективности защиты товарных знаков в цифровой среде необходима гармонизация российских норм с международными стандартами. Во-первых, рекомендуется внедрить механизмы, аналогичные Европейскому союзу, обязательный мониторинг платформами контента на предмет нарушения прав, как в DSA [5]. Это позволит интегрировать ИИ в системы Роспатента для автоматической проверки на сходство с существующими знаками, минимизируя риски киберсквоттинга. Во-вторых, усилить сотрудничество с Федеральной таможенной службой для цифрового контроля границ, как предлагает Р.В. Давыдов, включая интеграцию баз данных товарных знаков в таможенные системы [2]. Кроме того, в контексте импортозамещения стимулировать кредитование под залог товарных знаков, что повысит инвестиции в брендинг [9]. Наконец, опыт Европейского союза, где синтез внутренних и внешних компетенций обеспечивает глобальную конкурентоспособность [3]. Дополнительно для борьбы с киберугрозами внедрить меры по цифровой безопасности, включая обучение специалистов, как рекомендуют тренды 2025 года. Это включает создание национальной платформы для мониторинга утечек данных, чтобы предотвратить пиратство брендов.

В заключение следует подчеркнуть, что цифровизация экономики России открывает новые горизонты для развития, но требует срочной адаптации правовых механизмов защиты товарных знаков. Рост онлайн-пиратства и киберсквоттинга выявляет пробелы в ГК РФ, которые можно устранить через гармонизацию с международными стандартами. Реализация предложенных рекомендаций позволит не только защитить интересы правообладателей, но и стимулировать инновации в ключевых отраслях, таких как легкая промышленность. Государственная политика должна ориентироваться на баланс между технологическим прогрессом и правовой защитой, как подчеркивается в анализе современных тенденций цифровой экономики [8]. В 2025 году с учетом вызовов вроде кадрового дефицита и киберугроз это станет ключом к устойчивому развитию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): принят 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 23 июля 2025 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».
2. Давыдов Р.В. Цифровая трансформация Федеральной таможенной службы и задачи Российской таможенной академии в условиях ее реализации // Вестник Российской таможенной академии. – 2023. – № 3. – С. 9–22.
3. Лаптёнок В.О. Синтез политико-правовых инструментов внутренней цифровой трансформации и внешних компетенций Европейского союза // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2025. – Т. 29, № 2. – С. 456–472.
4. Отчет Роспатента «В цифрах и фактах» за 2022 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/annual-report-2022-short-version.pdf> (дата обращения: 14.12.2025).
5. Регламент (ЕС) 2022/2065 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 г. о едином рынке цифровых услуг и внесении изменений в Директиву 2000/31/ЕС (Закон о цифровых услугах) [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj> (дата обращения: 14.12.2025).
6. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г., устанавливающий гармонизированные правила в отношении искусственного интеллекта (Директива ЕС об ИИ) [Электронный ресурс]. – URL: <https://eurlex.europa.eu/eli/reg/2024/> (дата обращения: 14.12.2025).
7. Самарцева В.В. Современное состояние авторского права Российской Федерации / Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XIV Международной конференции. – Санкт-Петербург, 2020. С. 235–238.
8. Свистунов В.М., Лобачев В.В. Четыре вопроса о цифровой экономике // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2020. – Т. 9, № 1. – С. 5–11.
9. Смирнова В.Р., Чернявский С.В., Васильева Ю.С. Легкая промышленность России в разрезе государственной политики импортозамещения и инновационного развития // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2023. – № 63. – С. 74–91.
10. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 24 июня 2025 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».
11. Шугуров М.В. Правовая политика Европейского союза в сфере противодействия контрафакту в условиях Единого цифрового рынка // Международное право. – 2021. – № 4.
12. Якушев А.Н. Цифровая экономика, экономическая конституция и интеллектуальная собственность: сопряжение понятий (статья) // Право и цифровая экономика. – 2022. – № 2. – С. 4–12.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Туркина Н.Ю.

(Омская академия МВД России)

Аннотация: статья посвящена анализу реализации конституционных прав и свобод граждан в условиях военного положения. Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска баланса между мерами государственной безопасности и соблюдением фундаментальных прав человека в период внешних угроз. Автор отмечает, что введение военного режима неминуемо ведет к временным ограничениям прав и свобод граждан. Особое внимание уделяется роли государственных институтов, которые в этот период получают расширенные полномочия, но одновременно несут ответственность за защиту прав граждан. Подчеркивается, что любые ограничения должны быть законными, временными и соразмерными угрозе. В статье рассматривается российская практика, где ключевая роль отводится Президенту, Правительству и силовым структурам. В заключение формулируются практические рекомендации по совершенствованию правовых механизмов, включая создание системы независимого мониторинга, обеспечение доступа к правосудию и четкую законодательную регламентацию ограничений для минимизации их негативных последствий.

Ключевые слова: реализация прав и свобод; конституционные права; военное положение; государственные органы; государственный контроль

REALIZATION OF CITIZENS' RIGHTS AND FREEDOMS UNDER MARTIAL LAW

Turkina N.Yu.

(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to the analysis of the implementation of constitutional rights and freedoms of citizens under martial law. The relevance of the topic is determined by the need to find a balance between state security measures and respect for fundamental human rights in a period of external threats. The author notes that the introduction of a military regime inevitably leads to temporary restrictions on the rights and freedoms of citizens. Special attention is paid to the roles of state institutions, which during this period receive expanded powers, but at the same time are responsible for protecting the rights of citizens. It is emphasized that any restrictions must be legal, temporary and proportionate to the threat. The article examines the Russian practice, where the key role is assigned to the President, the Government and law enforcement agencies. In conclusion, practical recommendations are formulated to improve legal mechanisms, including the creation of an independent monitoring system, ensuring access to justice, and clear legislative regulation of restrictions to minimize their negative consequences.

Keywords: realization of rights and freedoms; constitutional rights; martial law; government agencies; state control

Актуальность исследования реализации конституционных прав и свобод граждан в условиях военного положения обусловлена нестабильной международной обстановкой. Режим военного положения, вводимый в ответ на внешние угрозы, неминуемо влечет за собой временные ограничения прав и свобод, что порождает сложную диалектику между требованиями национальной безопасности и необходимостью сохранения фундаментальных ценностей демократического общества. Проблема заключается в поиске баланса, при котором ограничения были бы законными, соразмерными и не подрывали саму суть правового государства.

Одним из ярких примеров современности является военный конфликт между Израилем и движением ХАМАС [1], который наглядно демонстрирует, как боевые действия приводят к серьезным ограничениям прав не только граждан воюющих сторон, но и иностранцев, оказавшихся в зоне конфликта, включая свободу передвижения и личную безопасность [2, с. 133].

В условиях военного положения государственные органы наделяются расширенными полномочиями, что позволяет им вводить такие меры, как ограничение свободы передвижения (например, введение комендантского часа, работа блокпостов, принудительная эвакуация), свободы собраний и выражения мнений (через цензуру или запрет массовых мероприятий), а также усиливать контроль над средствами массовой информации. Кроме того, могут применяться меры, затрагивающие право на неприкосновенность частной жизни, включая прослушивание телефонных переговоров и проведение обысков, а также вводиться особые формы судопроизводства, такие как военные трибуналы, что ставит под вопрос независимость и справедливость суда.

Несмотря на вынужденный характер этих ограничений, международное право, включая Международные пакты о правах человека и Всеобщую декларацию прав человека, устанавливает некие границы. Они определяют, что в условиях военного времени, а следовательно, и в условиях военного положения гарантируется защита от пыток, жесткого обращения, произвольных задержаний и др. Но, несмотря на установленные запреты международным правом, эти нормы нарушаются как и из-за отсутствия действенного контроля со стороны международных органов, так и из-за отсутствия единых механизмов привлечения к ответственности за эти нарушения.

Важную роль в реализации прав и свобод граждан как в целом, так и в период действия военного положения играют государственные органы. Важнейшими их задачами становятся обеспечение прозрачности принимаемых решений, информирование граждан об их правах и обязанностях в новых условиях, а также поддержание доступа к правосудию.

К мерам государственного контроля в этот период относятся: расширение полномочий правоохранительных и военных структур для обеспечения безопасности; установление особых процедур правосудия; введение лишь временных и необходимых ограничений, с предварительной оценкой их соразмерности существующим угрозам [3, с. 10]. В России согласно законодательству на территориях где введено военное положение, могут осуществляться такие меры, как усиление охраны общественного порядка, ключевых объектов инфраструктуры и введение особого режима работы транспорта и связи.

Тем не менее существующие механизмы требуют постоянного совершенствования. В качестве практических рекомендаций по укреплению системы гарантий прав и свобод в условиях военного положения можно предложить следующие: организация системы независимого мониторинга за соблюдением конституционных прав; поддержка и развитие независимых СМИ для обеспечения общественного контроля за действиями властей; создание доступной и эффективной системы обжалования решений государственных органов; внесение изменений в федеральное законодательство о военном положении с четкой регламентацией пределов и процедур ограничения прав для минимизации потенциального ущерба.

Таким образом, реализация прав и свобод в условиях военного положения сопряжена с объективными трудностями и неизбежными ограничениями, продиктованными необходимостью обеспечения безопасности государства и общества. Однако эти ограничения должны быть законными, временными и пропорциональными. Парадоксально, но в экстремальной ситуации именно взвешенное и правомерное ограничение некоторых прав может стать залогом обеспечения самых фундаментальных из них как для отдельного человека, так и для общества в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конфликт Израиля и Палестины: причины войны, история, суть и с чего все началось [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 14.11.2025).
2. Забавка В.И. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 5. – С. 132–135.
3. Советов И.К. Правовой режим военного положения в системе обеспечения национальной безопасности России // Вестник Прикамского социального института. – 2022. – № 3 (93). – С. 8–17.

ИНТЕГРАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ БУДУЩИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ В РАМКАХ ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Хилюк С.О.,

кандидат педагогических наук;

Шешуков А.А.

(Уральский юридический институт МВД России)

Аннотация: в статье авторами рассмотрены актуальные проблемы деятельности органов внутренних дел, представлены основные направления по их решению. В рамках повышения качества служебной деятельности правоохранительных органов видится необходимым интегрировать в профессиональную подготовку полицейских традиционные духовно-нравственные ценности посредством методов политико-воспитательной работы.

Ключевые слова: правоохранительные органы; политико-воспитательная работа; духовно-нравственные ценности; государство; общество

INTEGRATION OF TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES INTO THE PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE POLICE OFFICERS WITHIN THE FRAMEWORK OF POLITICAL AND EDUCATIONAL WORK

Khilyuk S.O.,

Candidate of Pedagogical Sciences;

Sheshukov A.A.

(Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in this article, the authors examine current problems of the activities of internal affairs agencies and present the main directions for their solution. In order to improve the quality of service activities of law enforcement agencies, it is considered necessary to implement traditional spiritual and moral values in the professional training of police officers through methods of political and educational work.

Keywords: law enforcement agencies; political and educational work; spiritual and moral values; state, society

Актуальность воспитания духовно-нравственных ценностей у сотрудников полиции обусловлена несколькими факторами. Во-первых, современные условия неукомплектованности подразделений российской полиции подтверждаются неутешительными статистическими данными, согласно которым на начало 2025 года некомплект составил более 172 человек, что приближается к отметке в 20% вакантных мест в системе МВД России [4]. Складывающиеся обстоятельства приводят к снижению требований к кандидатам на службу в органы внутренних дел, и профессиональный отбор на службу в правоохранительные органы становится постепенным набором людей на вакантные должности. С одной стороны, такая мера позволяет снизить нагрузку на действующих полицейских, с другой – встает вопрос о морально-психологической и квалификационной готовности вновь пришедших на службу с честью и достоинством выполнять обязанности, возложенные на сотрудников российской полиции. Квалификационные требования сотрудники полиции приобретают в процессе обучения в образовательных организациях МВД России, однако остается неоднозначным вопрос, как осуществляется духовно-нравственное развитие полицейских в образовательных организациях МВД России и в территориальных органах внутренних дел.

Во-вторых, необходимость духовно-нравственного развития обусловлена тем, что сотрудники полиции постоянно взаимодействуют с различными категориями граждан, находящимися в большинстве случаев в сложных жизненных ситуациях, в связи с чем сотрудни-

кам полиции необходимо проявлять не только знания закона, но и высоконравственные качества личности. Отметим также, что деятельность полицейских предполагает высокий уровень ответственности за результаты выполненной работы. Даже в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в ст. 17 указано, что следователи, дознаватели, судьи и прокуроры должны в принятии решений руководствоваться не только имеющимися доказательствами, но и совестью [5].

На основании представленной актуальности необходимо рассмотреть возможности интеграции традиционных духовно-нравственных ценностей в профессиональную подготовку сотрудников полиции еще в период обучения в образовательных организациях МВД России, а также уточнить актуальные методы и формы работы с сотрудниками полиции территориальных органов для развития их духовно-нравственных качеств.

В первую очередь следует отметить, что подготовка будущих полицейских должна начинаться с воспитания в курсантах любви к Родине и уважения к своей профессии. Каждый полицейский должен быть патриотом, ведь это качество выражается в безусловной любви к Родине. Иначе как сотрудник будет представлять интересы государства и выступать от его имени, если сам не уважает свое Отечество?

А.В. Лубский отмечает, что патриотизм выражается в принятии культурных ценностей своей страны, разделении гражданской идентичности, готовности встать на защиту своей Родины и ее народа, уважении к закону и сопричастности к судьбе государства [3]. Следовательно, действующие сотрудники полиции должны быть готовы к соблюдению законности и правопорядка, а также приходить на помощь каждому, кто в ней нуждается. Обратим внимание на то, что данная обязанность закреплена и в Федеральном законе «О полиции» [6]. Развитие патриотизма как качества личности должно сопровождать сотрудника полиции в течение всего профессионального пути и выражаться в приобщении к участию в традициях и ритуалах органов внутренних дел. Например, отдавание почестей сотрудникам, погибшим при исполнении служебных обязанностей, или чествование ветеранов МВД России.

Вторым важным аспектом, по нашему мнению, является верность Присяге. Ритуал принятия Присяги сотрудников органов внутренних дел является важной частью вступления молодых новобранцев в ряды сотрудников органов внутренних дел. Текст Присяги настраивает будущих полицейских на верность служебному долгу и выполнение профессиональных обязанностей на высоком нравственном уровне, что, в свою очередь, уже должно обеспечивать достойное несение службы. Кроме того, текст Присяги завершается словом «клянусь», что усиливает ответственность за данное перед товарищами и офицерами обещание [1, с. 25–31]. Принятие Присяги формирует и коллективизм в подразделениях полиции, что способствует проявлению взаимопомощи, товарищества, взаимовыручки, а все перечисленные качества составляют нравственную основу службы [2, с. 144–147]. В образовательных организациях МВД России и территориальных органах внутренних дел должна осуществляться целенаправленная и системная работа с каждым сотрудником органов внутренних дел по формированию у него осознанного отношения к тексту принятой им Присяги и практической демонстрации своего служебного поведения в строгом соответствии с положениями Присяги, что составляет важное направление воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации [7, с. 133–135].

Обобщая проведенный анализ профессионально важных качеств сотрудников полиции, Е.А. Янкевич отмечает, что к таким качествам можно отнести целеустремленность, выдержку, решительность, самообладание, хорошо развитое аналитическое мышление, чувство долга и ответственности, правосознание [8, с. 56–58]. Прежде всего представленные качества формируются в служебном коллективе и транслируются руководителем как нравственное обязательство. В связи с чем руководители территориальных органов и подразделений должны личным примером показывать проявление таких качеств в службе, не оставлять без внимания действия сотрудников полиции, оцениваемые как безнравственные, обращать внимание на проявление безразличия, халатности и попустительства в служебных делах, систематически осуществлять политико-воспитательную работу с личным составом. Соглас-

но приказу МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» руководители и их заместители являются субъектами воспитательной работы, а значит, именно они должны реализовывать политико-воспитательную работу с молодыми сотрудниками. Мерами по формированию у сотрудников полиции традиционных духовно-нравственных ценностей, согласно данному приказу, будут являться:

1. Формирование правильного представления о внешней и внутренней политике, проводимой в государстве, уверенности в правильности принимаемых решений действующей власти, полное согласие с законами. Это будет способствовать информированности об актуальных событиях, происходящих в стране и мире, исключит использование недостоверных источников для получения актуальной информации. Формы организации такой работы – гражданско-правовое информирование в виде лекций и аналитических обзоров актуальной политической, социальной, экономической и культурной информации.

2. Информирование личного состава об актуальных изменениях в законодательстве, образовательной и правоохранительной сферах. Обратим внимание, что такое информирование не должно иметь формальный подход, его нужно проводить систематически, что позволит сотрудникам быть в курсе всех изменений в нормативных правовых актах, а значит, качественно выполнять свою работу.

3. Организация участия сотрудников полиции в патриотических мероприятиях, обеспечивающих сохранение исторической памяти о важных событиях и личностях героев, в том числе о героических подвигах сотрудников правоохранительных органов. Обеспечение соблюдения традиций и ритуалов органов внутренних дел. Организация активного сотрудничества и поддержки ветеранов органов внутренних дел, обеспечение сохранения преемственности традиций как духовно-нравственной ценности системы МВД России и российского общества в целом.

4. Проявление особого внимания к сотрудникам, нарушающим служебную и дорожно-транспортную дисциплину, проведение с ними корректирующих воспитательных бесед, а также организация мероприятий по предупреждению правонарушений среди личного состава.

5. Обеспечение культурного просвещения личного состава посредством взаимодействия с культурно-досуговыми организациями. Формирование духовно-нравственных ценностей неразрывно связано с искусством, театральные постановки или произведения живописи осуществляют свою функцию по духовно-нравственному воспитанию. Каждое произведение несет в себе смысловую нагрузку, позволяет оценить поведение героев сквозь призму нравственных ценностей. Картина, написанная художником, отражает его внутренние переживания, отношение автора к социальным проблемам, а иногда обостряет актуальные социальные, политические и экономические проблемы. В целом искусство содействует развитию эстетических качеств личности, формирует чувство прекрасного, а также способствует релаксации и эстетическому удовольствию. В целом произведения искусства развивают традиционные духовно-нравственные ценности, руководители подразделений в рамках политико-воспитательной работы должны обеспечить возможность культурного просвещения сотрудников.

В качестве основных методов политико-воспитательной работы выделим следующие: личный пример, убеждение, соревнование, поощрение, критика действий и поступков.

Таким образом, на фоне обостряющихся вопросов некомплекта в системе МВД России, укомплектования органов внутренних дел сотрудниками полиции по принципу набора, а не отбора кадров, требований государства и общества к компетентности и высокой нравственности сотрудников полиции необходимо принимать меры по проведению политико-воспитательной работы, основанной на внедрении в профессиональную подготовку полицейских традиционных нравственных ценностей и приобщении их к соблюдению традиций и ритуалов МВД России. Со стороны руководителей как субъектов воспитательной работы профессорско-преподавательского и административного состава образовательных организаций МВД России важно не формально подходить к реализации мероприятий политико-воспитательной работы, а организовывать их систематически с привлечением заинтересо-

ванных лиц, обеспечивать возможность культурного просвещения, доступа к актуальной политической, экономической и социальной информации, осуществлять информирование об изменениях в законодательстве, приобщать личный состав и показывать личным примером стремление участвовать в патриотических акциях.

Такой подход обеспечит возможность духовно-нравственного роста сотрудников полиции и интеграцию традиционных российских ценностей в ценностную сферу каждого сотрудника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ванюшина И.Н. Нарушение Присяги сотрудниками органов внутренних дел как основание дисциплинарной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2022. – № 4 (62). – С. 25–31.

2. Иванова Е.В. Присяга следователя – правовая и нравственная основа службы в Следственном комитете Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 1 (181). – С. 144–147.

3. Лубский А.В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или Как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 2. – С. 47–66.

4. МВД сообщило о нехватке 18,7% сотрудников [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Коммерсантъ». – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7477705>.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

7. Чимаров С.Ю., Бялт В.С. Формирование верности Присяге как направление воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации // Вопросы педагогики. – 2021. – № 9. – С. 133–135.

8. Янкевич Е.А. Профессиональные качества личности сотрудника полиции как фактор снижения риска нравственной деформации // Мединцентр. – 2022. – № 1. – С. 56–58.

О ПУНКТЕ 5 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 4.3 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Цуканов Д.Н.,

адъюнкт

(Омская академия МВД России)

Аннотация: в статье анализируется неопределенность формулировки пункта 5 части 1 статьи 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Автор обращает внимание на отсутствие единого подхода к пониманию терминологии, что приводит к трудностям в реализации положений закона. Для решения существующей неопределенности и повышения реализации положений закона автором предлагается уточнить его содержание путем заимствования зарубежного опыта.

Ключевые слова: административная ответственность; обстоятельства, отягчающие административную ответственность; чрезвычайные обстоятельства; статья 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

ON PARAGRAPH 5 OF PART 1 OF ARTICLE 4.3 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tsukanov D.N.,

Postgraduate

(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the ambiguity of the wording of paragraph 5 of part 1 of Article 4.3 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The author draws attention to the lack of a unified approach to understanding terminology, which leads to difficulties in implementing the provisions of the law. To solve the existing uncertainty and improve the implementation of the provisions of the law, the author suggests clarifying its contents by borrowing foreign experience.

Keywords: administrative responsibility; circumstances aggravating administrative responsibility; extraordinary circumstances; article 4.3 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation

Отечественное законодательство об административных правонарушениях располагает значительным объемом правовых институтов, призванных способствовать как пресечению противоправных деликтов, так и их предупреждению. Одной из таких юридических категорий являются обстоятельства, отягчающие административную ответственность. Основной перечень этих обстоятельств закреплён в ч. 1 ст. 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [5]. Несмотря на достаточно продолжительный период существования в отечественном административно-деликтном законодательстве этих правовых конструкций, формулировки положений ч. 1 рассматриваемой статьи КоАП РФ буквально идентичны тем, что были закреплены в Основах законодательства СССР об административных правонарушениях (то есть с момента появления в отечественном правовом поле данной категории). За годы развития российского законодательства изменению подвергся лишь объем перечня обстоятельств, отягчающих административную ответственность, тогда как первоначально принятые элементы в основном остались в неизменном виде. Подобная «стабильность» терминологии вызывает определенные затруднения как в понимании самих норм, так и в их применении.

Интерес, в частности, вызывает положение п. 5 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ – «совершение административного правонарушения в условиях стихийного бедствия или при других чрезвычайных обстоятельствах». Как отмечает Р.В. Амелин, «данное обстоятельство является отягчающим, поскольку лицо заведомо знало о противоправности своего деяния и его вредных последствиях, но надеялось избежать ответственности по причине указанных чрезвычайных обстоятельств» [1]. По мнению Н.Г. Салищевой, отягчение административной ответственности в данном случае наступает вследствие намеренных действий правонарушителя по совершению противоправного деликта в условиях, способствующих сокрытию информации о правонарушителе и деянии [2].

В дефиниции статьи, помимо упоминания стихийного бедствия, также присутствует неоднозначный термин «чрезвычайные обстоятельства», при этом законодатель не поясняет, что именно подразумевается под этим понятием. Определение чрезвычайных обстоятельств отсутствует и в иных нормативных правовых актах. Отметим, что это словосочетание встречается в отечественном законодательстве, однако его единое понимание на сегодняшний день отсутствует. Так, в ч. 1 ст. 1129 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) под чрезвычайными обстоятельствами понимается ситуация, угрожающая жизни гражданина и препятствующая составлению им завещания в соответствии с правилами, закрепленными положениями ГК РФ. В этом случае понятие «чрезвычайные обстоятельства» используется в значении, отличном от того, которое ему придается п. 5 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, поэтому оно не может быть основой для толкования нормы КоАП РФ.

Данная словесная конструкция также встречается в п. 4 ч. 1 ст. 39 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Согласно этой норме контракт с государственным служащим прекращается вследствие «наступления чрезвычайных обстоятельств, препятствующих продолжению отношений, связанных с гражданской службой (военных действий, катастрофы, стихийного бедствия, крупной аварии, эпидемии и других чрезвычайных обстоятельств), если данное обстоятельство признано чрезвычайным решением Президента Российской Федерации или органа государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации» [6]. Подобное понимание термина хоть и соответствует задачам законодательства об административных правонарушениях, однако все равно сохраняет определенную степень абстрактности. Кроме того, ст. 4.3 КоАП РФ не дает разъяснений по поводу значимости решений органов государственной власти в признании тех или иных обстоятельств чрезвычайными (и, соответственно, отягчающими административную ответственность).

Более того, единого понимания таких обстоятельств нет и в научной среде. К примеру, по мнению Е.С. Калиной, при толковании положения п. 5 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ можно считать, что под этим неоднозначным термином законодатель понимает чрезвычайную ситуацию, определение которой закреплено в законодательстве (ст. 1 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера») [3, с. 90]. Иную точку зрения высказывает А.О. Левин, в понимании которого чрезвычайные обстоятельства представляют собой события социального характера, создающие угрозу конституционному строю, общественной безопасности и общественному порядку [4, с. 132].

С нашей точки зрения, при понимании термина «чрезвычайные обстоятельства» в контексте п. 5 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ ограничиваться лишь социальными потрясениями нельзя. На это указывает и словесная конструкция самой статьи, причисляющая к подобным обстоятельствам стихийные бедствия.

Отсутствие точного определения в нормах закона приводит к ситуации, когда правоприменитель вынужден самостоятельно определять является то или иное обстоятельство, присутствовавшее в момент совершения административного правонарушения, чрезвычайным. Формально лицо, уполномоченное выносить решение по делу об административном правонарушении, вправе признать в качестве такого обстоятельства как совершение противоправного деликта на территории, в пределах которой введен режим чрезвычайного положения, так и совершение деяния в условиях транспортного затора. В теории подобная абстрактность формулировки может предоставить значительные дискреционные полномочия должностному лицу, однако на практике это может приводить к игнорированию данной нормы правоприменителем.

Интерес в таком случае представляет формулировка п. 3 ч. 1 ст. 46 Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях – «совершение правонарушения в условиях военного или чрезвычайного положения либо в условиях общественного бедствия». Кроме того, указанная статья содержит примечание, в котором поясняется, что под общественным бедствием понимается «обстановка, сложившаяся на территории Кыргызской Республики или в ее отдельных частях в результате опасного природного или техногенного явления, аварии, катастрофы, стихийного, биологического (эпидемии, эпизоотии, эпифитотии) или иного бедствия, воздействия современных средств поражения, которые могут повлечь или повлекли человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» [7]. Считаем, что заимствование опыта зарубежного законодательства и редактирование текста п. 5 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ поможет устранить неопределенность в работе правоприменителя, а также будет способствовать увеличению применимости положений ст. 4.3 КоАП РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (постатейный) / А.В. Амелин и [др.] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / под ред. Н.Г. Салищевой. – 7-е изд. – Москва: Проспект, 2011. – 1291 с.
3. Калина Е.С. Проблемы ответственности за административные правонарушения в условиях чрезвычайной ситуации / Актуальные проблемы административной ответственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 25 мая 2012 г. – Омск: Омская юридическая академия, 2012. С. 88–91.
4. Левин А.О., Потемкина Т.Н. К вопросу о различии терминов «чрезвычайное обстоятельство» и «чрезвычайная ситуация» // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 1. – С. 130–133.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 191-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28.0.2021 № 128 [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-36/edition/2102/ru> (дата обращения: 16.11.2025).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Черкасова Ю.П.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается два аспекта проблемы формирования толерантности сотрудника органов внутренних дел: выделение границ концепта «толерантность»; трансформация понимания толерантности в контексте современной геополитической ситуации. Автор приходит к выводу о возрастании значимости толерантности как личностного качества сотрудника органов внутренних дел в современной геополитической ситуации.

Ключевые слова: толерантность; сотрудник органов внутренних дел; современная геополитическая ситуация.

FEATURES OF FORMING TOLERANCE OF A POLICE OFFICER IN THE CURRENT GEOPOLITICAL SITUATION

Cherkasova Yu.P.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines two aspects of the problem of forming the tolerance of an employee of the internal affairs bodies: highlighting the boundaries of the concept of "tolerance"; and transformation of understanding tolerance in the context of the contemporary geopolitical situation. The author concludes about the increasing importance of tolerance as a personal quality of an employee of the internal affairs bodies in the contemporary geopolitical situation.

Keywords: tolerance; police officer; current geopolitical situation

Согласно Федеральному закону «О полиции» сотрудник должен проявлять уважение к национальным обычаям и традициям граждан, учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, религиозных организаций, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию [1]. Однако формирование толерантности сотрудника органов внутренних дел является важной задачей и на уровне общества в целом.

Актуальность данной проблематики определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, обеспечение правопорядка в обществе невозможно без готовности отдельного сотрудника органов внутренних дел с уважением воспринимать как этнокультурные и ценностно-мировоззренческие особенности россиян, так и плюрализм их взглядов и стиль жизни. Во-вторых, агрессивное стремление глобалистов обеспечить доминирование в современном мире леволиберальной модели толерантности, опирающейся на триаду принципов «разнообразие – равенство – инклюзивность», порождает внутри России стремление отвергнуть саму идею терпимости. Последнее не только противоречит традиционным ценностям российского народа [2], но и опасно для России как многонационального и многоконфессионального общества.

С учетом названных обстоятельств толерантность сотрудника органов внутренних дел выступает важным элементом профессионализма, а формирование и поддержание ее на должном уровне требует постоянных усилий в рамках ведомственной системы морально-психологического обеспечения [3].

В статье толерантность понимается как «...уважение к субъектам-носителям иного образа мыслей (ценностей), что формирует сознание и поведение социальных субъектов...» [4]. Антропологический подход к толерантности (компонент сознания и поведения человека и коллективных субъектов) более продуктивен для системы воспитательной работы в органах внутренних дел, нежели онтологический (принцип общественной жизни) или аксиологический (ценность общества, социальной группы, отдельного человека).

Ограниченные рамки статьи требуют рассмотрения двух наиболее значимых аспектов проблем особенностей формирования толерантности сотрудника органов внутренних дел в современной геополитической ситуации: выделения содержательно-смысловых границ концепта «толерантность»; трансформации понимания толерантности в контексте современной геополитической ситуации.

Начнем с выделения содержательно-смысловых границ концепта «толерантность» (первый аспект проблемы). Стоит подчеркнуть, что под толерантностью всегда понимается нечто большее, чем просто отказ от насилия. Однако для сотрудника органов внутренних дел проблема «профессионального либерализма» выражается в том, что их служебная деятельность неразрывно связана с применением физической силы и оказанием психологического воздействия. Нормативно разрешенное проявление силового воздействия зачастую препятствует проявлению терпимости в служебной деятельности, что противоречит нормативному образу государственного служащего [5]. В этой связи важно отграничить толерантность от внешне похожих на нее человеческих качеств и моделей поведения (равнодушие, потворство и слабость).

Как отмечает К. Ясперс, равнодушие характеризуется отсутствием реакции в отношении чужих взглядов и ценностей. Толерантность же, напротив, подразумевает активное признание и уважение любого другого мнения, даже в том случае, когда оно отличается от собственного. И хотя реакция сотрудников может быть различна, однако следует полагать, что в ее основе должна лежать эмпатия как фундамент для взаимодействия людей.

Потворство же есть попустительство, некое согласие с несправедливостью и нарушениями, желанием конфликтовать. Согласно «Декларации принципов терпимости» (1995) она «не равносильна уступчивости...» [6], то есть компетентный сотрудник не станет мириться с дискриминацией и насилием, поскольку важность концепции заключается в том, что она представляет собой «благо» и «правильный вектор движения» в современном мире.

Часто толерантность ошибочно может восприниматься как слабость, пассивность, неумение противостоять несправедливости и правонарушениям. По мнению психолога Г. Олпорта, толерантность требует зрелости, уверенности в себе и внутренней опоры, так на-

зываемого стержня. В данном контексте это способность сотрудника органов внутренних дел ни при каких условиях не поддаваться давлению большинства и сохранять уважение к другому человеку, даже в условиях конфликта. Понимание оппонента требует готовности к переосмыслению собственных мировоззренческих установок и интеллектуальной смелости, поскольку профессиональная толерантность выражается в умении взаимодействия с людьми в различных служебных ситуациях.

Перейдем к трансформации понимания толерантности в контексте современной геополитической ситуации (второй аспект проблемы). Возможно выделить три наиболее значимых направления указанной трансформации.

Первое направление состоит в том, что на фоне специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины (далее – СВО) значительно возрастает уровень стресса и эмоционального напряжения сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД). В условиях военных конфликтов общество приобретает черты закрытой социальной группы, которая отличается социальной депривацией, то есть ограничением связей членов группы друг с другом. В условиях СВО у сотрудников ОВД может развиваться профессиональная деформация, которая проявляется в нарастающей циничности и отстраненном отношении к окружающим. Для преодоления негативных явлений необходимо регулярное психологическое просвещение, дестигматизация обращения к профессиональным психологам и развитие национальной системы психологической помощи.

Второе направление трансформации понимания толерантности в контексте современной геополитической ситуации обусловлено тем фактом, что ситуация противостояния с государствами коллективного Запада (вероятнее всего, долгосрочного характера), не оставляет российскому руководству иного выбора, кроме изменения геополитических и экономических приоритетов. Помимо Азии, новым приоритетным направлением сотрудничества становится Африканский континент.

Россия позиционирует себя в Африке в качестве ключевого экономического и политического партнера и дает понять африканским странам, что будет рядом с ними для поддержки их усилий в области развития [7]. В настоящее время в России обучается около 27 тысяч студентов из африканских стран, в вузах Минобороны – военнослужащие более двадцати государств [7]. Значимость сотрудничества с различными государствами для экономического развития и международного имиджа России налагает особую ответственность на органы внутренних дел в целом и их сотрудников в аспекте понимания сущности толерантности и ее практической реализации.

Третье направление трансформации понимания толерантности в контексте современной геополитической ситуации связано с необходимостью рассматривать толерантность российского народа как элемент символического капитала и международный бренд России. Наше государство становится все более популярным туристическим направлением для иностранцев. 57% иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, уже путешествовали по стране, еще 29% пока не делали этого, но планируют в ближайшее время. Среди популярных направлений среди иностранных студентов – Москва (49%) и Санкт-Петербург (25%). Студенты-иностранцы, живущие в России, выразили наибольшую заинтересованность в культурно-историческом туризме (42%), активном (38%) и в горнолыжном (35%) [8].

В сфере образования для иностранцев в России также существует программа подготовки специалистов в сфере туризма и индустрии гостеприимства, например в МГИМО МИД России. Студенты изучают основы туризма и гостеприимства, культурно-исторические ресурсы региона, технологии гостиничной деятельности и другие дисциплины. Для развития въездного туризма в России реализуется, в частности, программа «Открой твою Россию». Ее цель – создание условий для увеличения доходности и инвестиционной привлекательности туризма в российских регионах [8].

На основании проведенного анализа следует констатировать возрастание значимости толерантности как личностного качества сотрудника органов внутренних дел в современной геополитической ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «Консультант-Плюс».
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ МВД России от 27.08.2024 № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Амельчаков И.Ф., Чесовская М.Г., Долин В.А. Толерантность как личностное качество сотрудника органов внутренних дел (теоретико-методологические основания) // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – № 1 (64). – С. 44–47.
5. Турская Е.Р. Сущность и структура профессиональной толерантности сотрудника органов внутренних дел // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 2-1. – С. 143–149.
6. Декларация принципов терпимости: принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16.11.1995 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/> (дата обращения: 11.10.2025).
7. Выступление Президента Российской Федерации на Международной парламентской конференции «Россия – Африка в многополярном мире» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://duma.gov.ru/news/56652/> (дата обращения: 02.10.2025).
8. Россия глазами иностранных студентов: туризм, учеба и новые впечатления. – Москва: Агентство стратегических инициатив, 2025. – 32 с.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДИВЕРСИИ, СОВЕРШАЕМОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Черкашин А.А.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы квалификации диверсии, совершенной с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Анализируются отличие данного вида диверсии от традиционного, способы ее совершения и основные проблемы квалификации. Предлагаются пути совершенствования правовой базы и методики расследования для эффективного противодействия данным преступлениям с учетом цифровой специфики.

Ключевые слова: диверсия; информационно-телекоммуникационные сети; кибердиверсия; киберпреступления; квалификация преступления; информационная безопасность; уголовная ответственность

QUALIFICATION PROBLEMS OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS-BASED DIVERSIONS

Cherkashin A.A.,

Postgraduate

(Putilin Belgorod Law Institute of the Interior of Russia)

Abstract: the article discusses the problems of qualifying sabotage committed using information and telecommunication networks. It analyzes the differences between this type of sabotage and traditional sabotage, the methods of committing it, and the main problems of a qualification nature. The article proposes ways to improve the legal framework and investigation methods for effectively countering these crimes, taking into account their digital characteristics.

Keywords: sabotage; information and telecommunication networks; cyber sabotage; cyber-crimes; crime qualification; information security; criminal liability

В современном цифровом мире информационно-телекоммуникационные сети стали неотъемлемой частью функционирования критической инфраструктуры нашей страны, включающей здравоохранение, банковскую сферу, топливно-энергетический комплекс, атомную промышленность, военно-промышленный комплекс, ракетно-космическую промышленность, горнодобывающую промышленность, металлургическую и химическую промышленность, сферы науки, транспорта и связи, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые взаимодействуют с системами критической инфраструктуры, а также подконтрольных им организаций различного уровня. Совершение диверсий с применением таких технологий создает новые вызовы в сфере уголовно-правовой квалификации данных преступлений. Именно поэтому понятие и квалификация диверсии, закрепленные в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации, требуют переосмысления с учетом специфики действий, совершаемых в виртуальном пространстве.

Диверсия как уголовно наказуемое деяние представляет собой совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации [1]. Данное определение закреплено в ст. 281 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), однако оно предполагает лишь физический характер воздействия.

Диверсия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей – это разновидность диверсии, при которой объектом воздействия становятся информационные системы и сети, а не физические объекты. В этом случае целью злоумышленников является не материальное разрушение, а нарушение функционирования критически важных информационных систем, что приводит к сбоям или остановке работы объектов значимой инфраструктуры.

Такого рода диверсия может выражаться в действиях, нарушающих работоспособность средств связи, систем управления транспортом, энергетическими объектами, промышленными предприятиями и другими инфраструктурными комплексами. В результате происходит нарушение функционирования сфер, обеспечивающих экономическую безопасность, обороноспособность или нормальную жизнедеятельность общества, без непосредственного физического повреждения объектов. Реализация подобных противоправных целей может достигаться путем введения вредоносного программного обеспечения, взлома информационно-телекоммуникационных сетей, блокировки данных, создания аварийных ситуаций в управлении процессами и прочее.

Так, например, в период с июля по сентябрь 2025 года было зафиксировано свыше 42 тысяч кибератак, направленных против российских организаций. Наибольшая доля атак (16%) была сосредоточена на транспортной отрасли, 15% приходилось на государственные

учреждения, при этом значительное количество инцидентов зафиксировано в телекоммуникационном, информационно-технологическом и финансовом секторах [2]. Основными способами осуществления данных атак выступали внедрение вредоносного программного обеспечения, фишинговые кампании, а также эксплуатация известных уязвимостей в информационных системах (например, уязвимости, связанные с отсутствием пароля у системного аккаунта SA в Microsoft SQL Server, позволяющие запускать произвольные команды через сеть или SQL-инъекции – атаки, при которых внедряется вредоносный SQL-код для манипуляции базой данных).

Данные действия приводили к сбоям в функционировании инфраструктуры без физического разрушения объектов, что выражалось, в частности, во взломах сетей и блокировании доступа к данным, создавая аварийные ситуации и потенциальные угрозы безопасности.

Для разграничения диверсии, закрепленной в УК РФ, от диверсии, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, необходимо рассмотреть ключевые отличия:

1. Средства и способы совершения. В диверсии, регламентированной действующим законодательством, способ совершения преступления проявляется в виде физического воздействия, такого как поджог, взрыв, порча оборудования и т.д. В отличие от этого информационная диверсия характеризуется применением цифровых технологий, включая внедрение вредоносного программного обеспечения, осуществление кибератак и манипуляций с данными.

2. Форма вреда. Диверсия в информационно-телекоммуникационных сетях приводит к функциональным сбоям, утрате данных и нарушению автоматизации технологических процессов, в то время как законодательно закрепленная диверсия причиняет материальный ущерб ключевой инфраструктуре государства.

3. Объект воздействия. Объектами воздействия при диверсии, закрепленной в УК РФ, выступают материальные физические объекты, тогда как информационные диверсии направлены преимущественно на цифровые ресурсы и информационную инфраструктуру.

Разграничение преступлений является необходимым условием для корректного применения норм уголовного законодательства, особенно в контексте диверсий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Учитывая, что данный вид преступной активности пересекается с рядом смежных категорий киберпреступлений, он требует выработки специализированных правоприменительных подходов. Это обусловлено сложностью технической природы информационно-телекоммуникационных сетей, многообразием способов и форм их использования при совершении диверсий, а также необходимостью учета специфики киберпространства.

Основные способы и инструменты совершения диверсии в информационно-технических сетях имеют следующее проявления:

- внедрение вредоносного программного обеспечения. Сюда относятся вирусы, трояны, которые могут вывести из строя системы управления производственными процессами, блокируя или искажая работу оборудования и программ. Вредоносное ПО часто внедряется удаленно через сети и создает угрозу сбоя или полной остановки работы того или иного элемента инфраструктуры;

- DDoS-атаки (распределенные атаки отказа в обслуживании). Такие атаки направлены на перегрузку критически важных сервисов и серверов огромным потоком запросов. Это вызывает недоступность сервисов и потерю контроля над процессами. Для DDoS-атак используется ботнет – сеть зараженных устройств, управляемых злоумышленниками;

- несанкционированный доступ к системам и данным. Хакеры используют методы взлома, такие как перебор паролей, уязвимости в ПО, фишинг, чтобы получить доступ к информационно-телекоммуникационным сетям. После проникновения злоумышленники могут изменять или удалять важные данные, что приводит к сбоям в работе или искажению информации;

– манипуляции с программным обеспечением и прошивками. Вредоносное вмешательство в ПО и прошивки контроллеров и устройств ведут к ложным показателям, сбоям в автоматизированных системах управления и нарушению технологических процессов.

Важным признаком, объединяющим все перечисленные методы, является их реализация дистанционно через сети передачи данных, т.е. без физического присутствия на объекте.

Рассмотренная характеристика и методы реализации диверсии с использованием информационно-телекоммуникационных технологий позволяют выделить ряд проблем, связанных с квалификацией данного преступления, а именно:

– неоднозначность определения объекта преступления. В контексте информационно-телекоммуникационных сетей объектом становится не материальная вещь, а программа, база данных, компьютерная система или сетевое соединение. Определить, как именно наносится вред – физический или имущественный, сложно, поскольку ущерб может проявляться в виде отключения, искажения информации, сбоя функционирования, потери данных. Поэтому возникает вопрос, можно ли приравнять подобный вред в цифровой сфере к классической диверсии с материальными последствиями или нужен иной подход;

– ограниченность действующих норм УК РФ. Уголовное законодательство зачастую оперирует категориями, разработанными в эпоху, когда информационно-телекоммуникационные сети и сетевые технологии еще не имели такого распространения. Многие статьи либо не учитывают специфики киберсреды, либо формулировки слишком общие и не охватывают социально-правовые риски, связанные с цифровыми атаками;

– трудности установления причинно-следственной связи. Чтобы квалифицировать деяние под диверсию, важно доказать, что именно действия злоумышленника через информационно-телекоммуникационные сети вызвали нарушение функционирования объекта (например, энергетической системы или транспорта). При этом связь между сетевым воздействием и реальными последствиями может быть косвенной или усложнена техническими факторами. Возможны технические сбои, ошибки операторов или действия третьих лиц, что усложняет однозначное установление вины и причинно-следственного механизма;

– пересечение с другими составами преступлений. Диверсия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей часто совмещается с такими преступлениями, как создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, неправомерный доступ к компьютерной информации, что создает трудности при выборе правильной правовой квалификации.

Устранение некоторых из указанных выше пробелов может быть достигнуто путем реализации следующих предложений:

– внести изменения в содержание ст. 281 УК РФ, дополнив ее нормами, отражающими признаки диверсии с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и ответственность за совершение подобных преступлений;

– разработать методические рекомендации, отражающие особенности разграничения степени ущерба, причиненного преступлением в виде диверсии с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и ответственность за его причинение.

Подобного рода изменения могут значительно повысить качество квалификации и расследования диверсии, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Таким образом, решение проблемы квалификации диверсий с применением информационно-телекоммуникационных сетей является актуальной задачей современного уголовного права, требующей комплексного законодательного, методологического и практического подхода. С учетом быстрого роста использования цифровых технологий в критичных сферах развитие норм и практик расследования таких преступлений становится необходимым условием обеспечения безопасности и устойчивости национальной инфраструктуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Россия под атакой. Под ударом хакеров телекоммуникации, ИТ и финансы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cnews.ru/news/top/> (дата обращения: 27.11.2025).

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ В ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

Шевченко А.В.,
Першин А.Ю.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: физическая подготовка представляет собой комплексное развитие и поддержание на нормальном для возраста человека уровне физических способностей и качеств человека, что обуславливает ее высокую важность для обучающихся в вузах, которые находятся в возрасте, когда занятия спортом необходимы для гармоничного построения организма. Особенную важность физическая подготовка занимает в ряде высших учебных заведений, обучающиеся которых являются сотрудниками различных силовых структур. Одними из таких высших учебных заведений являются институты, академии и университеты МВД России, производящие подготовку высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов. Методики проведения занятий по физической подготовке в данных образовательных организациях имеют определенную специфику, обуславливающуюся особенностью выполняемых сотрудниками полиции задач и необходимостью всестороннего развития сотрудника полиции в процессе его обучения, особенно в вопросах физической подготовки. В статье мы подробно рассмотрим особенности указанных методик.

Ключевые слова: методики; физическая подготовка; занятия; сотрудники полиции; высшие учебные заведения; МВД России

SOME METHODS FOR CONDUCTING PHYSICAL FITNESS CLASSES IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Shevchenko A.V.,
Pershin A.Yu.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: physical fitness represents the comprehensive development and maintenance of physical abilities and qualities at a normal level for a person's age, which determines its high importance for students at higher education institutions who are at an age when sports are necessary for a harmonious body structure. Physical fitness is especially important in a number of specialized higher education institutions whose students are employees of various law enforcement agencies. Some of these higher education institutions are the institutes, academies, and universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which train highly qualified personnel for law enforcement agencies. The methods for conducting physical training classes at these educational institutions have specific characteristics, driven by the specific tasks performed by police officers and the need

for comprehensive development during their training, particularly in the area of physical fitness. In this article, we will examine these methods in detail.

Keywords: methods; physical training; classes; police officers; higher education institutions; Ministry of Internal Affairs of Russia

Физическая подготовка представляется нам процессом развития физических качеств и способностей человека и поддержания данных качеств на нормальном для возраста, уровня физического развития, гендера и иных факторов человека уровне. Физическая подготовка является одним из важнейших факторов гармоничного развития человека, укрепления и поддержания здоровья, формирования телосложения и повышения функциональных способностей организма, а также одним из элементов здорового образа жизни, что обуславливает ее высокую важность для людей всех возрастных групп. Большое значение физическая подготовка имеет для обучающихся высших учебных заведений, находящихся в возрастном периоде окончательного формирования физических возможностей организма и физического развития в целом. Ввиду этого во всех высших учебных заведениях предусмотрено проведение занятий по физической подготовке, являющихся обязательной частью программы обучения по различным специальностям.

В рамках данного исследования особый интерес для нас представляет проведение занятий по физической подготовке, методика их организации и основополагающие принципы в высших учебных заведениях МВД России. Спецификой данных образовательных организаций представляется то обстоятельство, что обучающиеся в них люди являются действующими сотрудниками полиции и проходят профессиональное обучение для замещения после окончания образовательной организации различных должностей в территориальных органах внутренних дел, что обуславливает особую организацию занятий по физической подготовке, необходимую для комплексного и всестороннего физического развития сотрудника полиции, позволяющего ему с высокой эффективностью выполнять возложенные на него обязанности по осуществлению правоохранительной деятельности. Данные обстоятельства обуславливают проведение занятий по физической подготовке для курсантов образовательных организаций МВД России на основе нестандартных методик, требующих более подробного рассмотрения.

Основополагающим элементом методики проведения занятий по физической подготовке являются принципы данного процесса, которыми в рамках физической подготовки в образовательных организациях МВД России нам видятся следующие:

- принцип обучения курсантов и слушателей тому, что потребуется в профессиональной деятельности сотрудника МВД России для выполнения профессиональных задач и поможет сформировать у курсантов одновременно боевые, морально психологические и физические качества;

- принцип сознательности, активности и самостоятельности – это прежде всего осмысленное отношение и интерес к поставленной цели и путям достижения конкретных задач. С этой целью курсанту необходимо организовать занятия и разнообразить их за счет умелого подбора содержания и эффективных методов обучения;

- принцип наглядности позволяет лучше воспринимать и усваивать получаемую информацию;

- принцип систематичности, последовательности и комплексности свидетельствует о непрерывности учебного процесса, необходимости систематизации знаний, умений и навыков. Если изучаемый материал будет преподноситься без определенной системы, хаотично, трудно предсказать успех в последующей практической работе такого специалиста;

- принцип обучения на высоком уровне трудностей обусловлен закономерностями познавательной деятельности обучаемых и во многом определяется их умственными и физическими возможностями. Чрезмерное повышение нагрузки на организм обучаемых иногда приводит к нежелательным последствиям и даже является причиной психологических расстройств и спортивного травматизма [1, с. 183].

В настоящее время проведение занятий по физической подготовке в МВД России основывается на развитии общей физической и специальной подготовки обучающихся. Общая физическая подготовка включает в себя развитие основных физических качеств курсанта, необходимых для исполнения им служебных обязанностей. К данным физическим качествам мы можем отнести скорость, силу, выносливость, ловкость и гибкость. Специальная физическая подготовка включает в себя боевые приемы борьбы, содержащие следующие элементы: удары, защиту от ударов, освобождение от обхватов и захватов, броски, болевые приемы, пресечение действий с оружием, сковывание и досмотр. Рассмотрим данные виды физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России более подробно.

Общая физическая подготовка обучающихся образовательных организаций МВД России, как мы сказали выше, заключается в развитии пяти основных физических качеств. Выбор конкретных способов развития каждого из них зависит от преподавателя по физической подготовке, обладающего соответствующей квалификацией и уровнем образования, позволяющим выбирать те способы, которые обеспечат наибольшую эффективность. Рассмотрим возможные варианты развития каждого из данных физических качеств курсантов образовательных организаций МВД России, применяемых в настоящее время.

Сила развивается посредством выполнения различных упражнений с собственным весом и с утяжелениями путем задействования при их выполнении различных групп мышц. При этом для сотрудника полиции особую важность представляет сила мышц верхней части тела ввиду возможных контактов с правонарушителями и частой необходимости их задержания в процессе исполнения служебных обязанностей. В качестве возможных упражнений для развития данного физического качества нам видятся тренажеры в спортивных и тренажерных залах, принцип работы которых заключается в поднятии курсантами на занятиях по физической подготовке различных утяжелений посредством задействования различных групп мышц (гантели, гири, штанги и специализированные тренажеры, задействующие определенные мышечные группы). При этом важное значение, ввиду возможной разносторонности и разнообразности, имеют упражнения на развитие силы, выполняемые с собственным весом. К данным упражнениям можно отнести подтягивания, отжимания, поднос ног к перекладине, силовое комплексное упражнение и другие.

Выносливость развивается посредством выполнения однообразной физической работы в течение длительного времени. Основным способом развития физической выносливости курсантов выступают беговые упражнения на различные дистанции (1, 3, 5 км). Систематичность преодоления данных дистанций на занятиях по физической подготовке позволяет развить выносливость до высокого уровня на протяжении пяти лет обучения в данных образовательных организациях. Помимо беговых упражнений, для развития выносливости курсантов также могут предполагать упражнения с собственным весом, выполняемые на протяжении длительного времени. К таким упражнениям можно отнести «планку», выполняемую на локтях, прямых руках и со сменой положений рук, упражнения на специализированных тренажерах с небольшим утяжелением в течение длительного времени, плавание и бег на лыжах на разных дистанциях. Смена физической активности представляется нам достаточно важным фактором, обеспечивающим высокую эффективность развития выносливости сотрудников полиции и их готовность к исполнению служебных обязанностей в различных условиях.

Скорость развивается посредством выполнения беговых упражнений на время. К данным упражнениям мы можем отнести бег на дистанцию 100, челночный бег, плавание и бег на лыжах на короткие дистанции. Особенностью развития данного физического качества является стремление обучающегося преодолеть дистанцию как можно быстрее. Небольшой размер дистанции обуславливает способность курсанта преодолеть ее посредством использования энергетических запасов в мышцах и при высокой интенсивности.

Ловкость развивается посредством проведения занятий по легкой атлетике и акробатике. Среди упражнений, выполняемых курсантами образовательных организаций МВД России для развития данного физического качества, могут быть различные гимнастические элементы, приемы страховки и само страховки. Развитие ловкости достаточно важно для со-

трудника полиции ввиду повышения его координационных способностей и лучшего контроля над движениями тела.

Гибкость развивается в процессе растяжения различных групп мышц. Для развития данного физического качества в процессе проведения занятий по физической подготовке курсанты выполняют упражнения на все группы мышц тела.

Другой составляющей занятий по физической подготовке в образовательных организациях МВД России является специальная физическая подготовка. Рассмотрим элементы более подробно.

Обучение курсантов нанесению ударов необходимо ввиду большой вероятности физического сопротивления правонарушителя законным действиям сотрудника полиции в процессе исполнения им служебных обязанностей. В случае, если задержать правонарушителя сразу не удалось, сотрудник полиции может быть вынужден вступить с ним в физической бой, где большое значение имеют развитые им навыки ведения боя. В процессе обучения курсантов нанесению ударов изучаются боевые стойки, техники усиления удара, различные виды ударов. Зачастую проводятся спарринги с применением изученных в процессе занятий навыков с выставлением по их итогам оценок, что служит мотивирующим фактором для повышения интенсивности спаррингов. При этом спарринги позволяют приблизить процесс занятий по физической подготовке к реальным ситуациям ведения боя, а потому являются важной частью специальной физической подготовки сотрудников полиции.

Защита от ударов также представляется достаточно важным элементом специальной физической подготовки в образовательных организациях МВД России. В рамках изучения данного элемента курсанты отрабатывают приемы защиты от различных ударов левой и правой рукой. К таким ударам мы можем отнести прямой удар в голову, боковой удар в голову, прямой и боковой удары в туловище, удар наотмашь, удар снизу в живот, прямой удар ногой и боковой удар ногой.

Изучение освобождения от обхватов и захватов актуально ввиду частых близких физических контактов сотрудников полиции с правонарушителями, в процессе которых правонарушители стремятся захватить часть тела сотрудника полиции для продолжения сопротивления его законным действиям. Навыки данных освобождений развиваются в рамках работы с напарником на занятиях по физической подготовке.

Броски, болевые приемы и приемы пресечения действий с оружием обеспечивают возможность сотрудника полиции нейтрализовать правонарушителя и произвести дальнейшие действия по его задержанию. Развитие указанных навыков в процессе занятий по физической подготовке также производится при помощи напарника, а сами приемы выполняются с достаточно быстрой скоростью, приближенной к реальной. При этом оружие заменяют максимально приближенные к реальным макеты пистолетов и ножей, а также деревянные палки.

Сковывание и досмотры на занятиях по физической подготовке курсантов образовательных организаций МВД России производятся с использованием наручников, являющихся специальным средством сотрудников полиции и в паре с напарником. На занятиях по физической подготовке преподавателем могут подкладываться различные предметы в одежду одного из курсантов, которые необходимо найти его напарнику в рамках проведения досмотра.

Важной особенностью проведения занятий по физической подготовке является гармоничное развитие как навыков общей, так и специальной физической подготовки сотрудников полиции. При этом преподаватель вправе сам определять программу каждого занятия, исходя из уровня развития профессиональных физических навыков курсантов на момент проведения занятия. Важной составляющей физических занятий в образовательных организациях МВД России является поддержание соревновательного настроя у курсантов, представляющих собой один из видов стимулирования. Также следует отметить необходимость постоянного приближения занятий по физической подготовке к реальным ситуациям для подготовки сотрудников полиции к различным неожиданностям, часто возникающим при исполнении ими профессиональных обязанностей.

Таким образом, физическая подготовка представляется нам процессом развития физических качеств и способностей человека и поддержания данных качеств на нормальном для возраста, уровня физического развития, гендера и иных факторов человека уровне.

В настоящее время проведение занятий по физической подготовке в образовательных организациях МВД России основывается на развитии общей физической и специальной подготовки обучающихся. Общая физическая подготовка включает в себя развитие основных физических качеств курсанта, необходимых для исполнения им служебных обязанностей сотрудника полиции. Специальная физическая подготовка включает в себя боевые приемы борьбы, содержащие следующие элементы: удары, защиту от ударов, освобождение от обхватов и захватов, броски, болевые приемы, пресечение действий с оружием, сковывание и досмотры.

Проведение занятий по физической подготовке в образовательных организациях МВД России основывается на незыблемых принципах, позволяющих достигать их максимальной эффективности, а также имеет ряд отличительных свойств, к которым мы можем отнести поддержку соревновательного настроения курсантов и приближение занятий по физической подготовке к реальным ситуациям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев Н.А., Кутергин Н.Б. Физическая подготовка сотрудника полиции как один из важнейших элементов профессиональной готовности курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2015. – № 2. – С. 83–85.

2. Арутюнян В.Н., Стручков А.С., Лионтёр В.В. Формирование системы методических навыков обучения на занятиях по физической подготовке у курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России // Молодой ученый. – 2020. – № 35 (325). – С. 182–185.

3. Губжоков А.Х. Современный подход к совершенствованию физической подготовки слушателей и курсантов в системе МВД России // Современный ученый. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 75–78.

КРИЗИС ФОРМАЛЬНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ЭПОХУ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Шишкин О.Е.,

аспирант

(Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации)

Аннотация: в работе рассматривается проблема кризиса одного из признаков права – формальной определенности. Указаны последствия, к которым может привести данный кризис, обозначены аспекты его проявления, а также приведены возможные способы его преодоления.

Ключевые слова: признак права; формальная определенность; кризис формальной определенности; эпоха постмодерна; нормативный правовой акт; кодифицированный федеральный закон; легальная дефиниция; аналогия закона; аналогия права

THE CRISIS OF FORMAL CERTAINTY IN THE POSTMODERN

Shishkin O.E.,

postgraduate student

(Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office
of the Russian Federation)

Abstract: the paper considers the problem of the crisis of one of the signs of law – formal certainty. The consequences that this crisis can lead to are indicated, the aspects of its manifestation are outlined, and possible ways to overcome it are given.

Keywords: sign of law; formal certainty; crisis of formal certainty; postmodern; normative legal act; codified federal law; legal definition; analogy of statute; analogy of law

Каждое явление (и право не является исключением) обладает рядом черт, позволяющим вычленив его из других, обозначить его сущность. Указанные черты именуются признаками права [6, с. 99].

Одним из таких признаков права (правовых норм) выступает формальная определенность, сущность которой заключается в обозначенности права, правовых норм в словесно-документальном виде [1, с. 249], в формах выражения права, к которым относятся в том числе нормативные правовые акты, судебные и административные прецеденты (судебно-административная практика), правовые обычаи, нормативные договоры, правосознание [6, с. 103–104].

В то же время формальная определенность также подразумевает простоту, понятность и точность применяемых норм права [5, с. 128–130].

Стоит обратить внимание, что в настоящее время мы являемся свидетелями, участниками смены эпох, парадигм, что выражается в постепенном переходе от парадигмы модерна в сторону постмодерна (от эпохи индустриального общества к постиндустриальному (информационному) обществу), которой присущи (свойственны) неопределенность и энтропия [3, с. 13–19].

Системный подход подсказывает, что любые изменения, происходящие в обществе, неизменно приводят к трансформациям в системах, функционирующих в рамках последнего, следовательно, право как социальный конструкт также претерпевает ряд «метаморфоз».

При таких обстоятельствах представляется последовательным трансформация прежде всего такого признака права, как формальная определенность, поскольку его наименование, слово, которым обозначается данное явление (номинат), указывает на обратную, прямо противоположную черту права, несвойственную наступающему постмодерну.

В свою очередь кризис формальной определенности приводит к непониманию права не только со стороны рядовых граждан, но и профессионалов – юристов.

Кроме того, методы формальной логики, а также эмерджентность права подсказывают, что утрата одного из признаков явления с неизбежностью приводит к видоизменению других его отличительных специфических черт, в частности нормативности и общеобязательности, что, в свою очередь, способствует наступлению кризиса законности как фундаментального принципа права, способствует распространению правового нигилизма в социуме.

При этом ключевой целью права как социального института является обеспечение нормального функционирования общества, обеспечение его целостности.

Представляется, что кризис формальной определенности права проявляется прежде всего в чрезмерности применения аналогии закона и права, а также в отсутствии тезауруса, включающего дефиниции основных понятий, в ключевых нормативных правовых актах (главным образом в кодифицированных федеральных законах, регламентирующих фундаментальные основы конкретных отраслей права).

Так, например, проблема чрезмерного применения аналогии права и закона проявляется в кодифицированном федеральном законе, являющемся единственным нормативным правовым актом, определяющим порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации – Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ, Уголовно-процессуальный закон) [7].

В ч. 1 ст. 223 УПК РФ указано, что предварительное расследование в форме дознания производится в порядке, установленном гл. 21, 22, а также 24–29 Уголовно-процессуального закона, с изъятиями, предусмотренными гл. 32 УПК РФ [7]. При этом указанная статья, а также Уголовно-процессуальный закон в целом не содержат конкретные указания, позволяющие четко обозначить обстоятельства, при которых применяется аналогия закона. Более того, в УПК РФ отсутствует норма, определяющая возможность применения аналогии в Уголовно-процессуальном праве.

При этом в большинстве кодифицированных федеральных законов, закрепляющих нормы (прежде всего базовые) отраслей права, относящихся к общности как публичного (фундирующий принцип – принцип императивности, патернализма), так и частного права (основополагающий принцип – принцип диспозитивности), наличествуют нормы, закрепляющие применение или неприменение (в зависимости от общности права) аналогии закона и права.

Так, в ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации указано на возможность применения гражданского законодательства по аналогии [2]. В ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации прямо предусмотрено, что применение уголовного закона по аналогии не допускается [8].

Представляется, что отрасль уголовно-процессуального права (особенно, если учитывать тот факт, что фундаментальным принципом данной отрасли является императивность) скорее «тяготеет» к отрасли уголовного права, поскольку через нормы уголовно-процессуального права реализуется (проявляется) право уголовное [4].

Рассмотрим вторую проблему, способствующую кризису формальной определенности, – отсутствие закрепления в ключевых нормативных правовых актах норм, регламентирующих определения основных понятий. Проявление указанной «сложности» обнаруживается при изучении ст. 5 Уголовно-процессуального закона, которая посвящена регламентации основных понятий, используемых в УПК РФ [7]. В данной статье закреплены дефиниции понятий «неотложные следственные действия», «процессуальное действие», но при этом отсутствует легальная дефиниция понятия «следственные действия», что приводит к возникновению множества проблем при правоприменении.

Так, например, в силу положений, закрепленных в ч. 3 ст. 209 УПК РФ, после приостановления предварительного следствия производство следственных действий не допускается [7]. Системное толкование норм ст. 5 и ч. 3 ст. 209 УПК РФ не позволяет однозначно ответить на вопрос о перечне процессуальных действий, производство которых дозволено правоприменителю при приостановлении предварительного следствия, поскольку в ст. 5 УПК РФ отсутствует легальная дефиниция понятия «следственные действия», наличие которой позволяет разграничить следственные действия от иных процессуальных действий, производство которых, в свою очередь, является возможным после приостановления предварительного следствия [7].

При рассмотрении проблемы отсутствия легальных дефиниций необходимо учитывать существование разницы между формальностью и динамизмом жизни, на которую обращал внимание в своих трудах И.Л. Честнов. Так, при формулировании определения понятия исследователь зачастую сталкивается с проблемой регрессии в «дурную» бесконечность, выражающуюся в том, что любое понятие, которое раскрывает другое понятие, также нуждается в формулировании дефиниции.

Для нивелирования указанной проблемы («трилемма Мюнхгаузена») необходимо в определенный (актуальный логике, присущей конкретному нормативному правовому акту) момент прекратить процесс дефинирования [9].

В заключение отметим, что в условиях наступления эпохи постмодерна, сопровождающейся энтропией, неопределенностью, которые сопутствуют процессам, происходящим в обществе, в социальных институтах, право сталкивается с рядом сущностных проблем, в частности с постепенной утратой формальной определенности, проявляющейся в чрезмерном применении аналогии закона и аналогии права, а также в отсутствии дефиниций ключевых понятий отраслей права.

Указанные проблемы необходимо разрешить в целях недопущения кризиса фундаментального правового принципа – законности, обеспечения нормального функционирования общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 576 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – Москва: Академический проект, 2021. – 503 с.
4. Кондрат И.Н. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы в механизме уголовной политики // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 3 (49). С. 93–108.
5. Социологическая школа права в контексте современной юриспруденции: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург: Алетей, 2022. – 334 с.
6. Теория государства и права: учебник. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 233 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 20 января 2026 года [принят Государственной думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
9. Честнов И.Л. Диалогичность ускользающего бытия постсовременного государства // Российское государствоведение. – 2019. – № 4. – С. 6–19.

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИФЕЙКОВОЙ РЕЗИСТЕНТНОСТИ КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ярмак К.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в настоящее время в России и во всем мире происходят необратимые и весомые процессы интеграции цифровых технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе и в образование. Одновременно процессы цифровизации образования приводят и к широкому использованию медиаконтента. Цифровая трансформация образования открывает новые дидактические возможности для стимулирования познавательной активности и реализации учебно-воспитательных задач. Педагоги предлагают использовать различные мультимедийные средства для повышения мотивации к учебному процессу, освоению образовательной программы, а также программ воспитания. Однако на фоне активного применения мультимедийного контента возникает риск негативного дезинформацион-

ного воздействия на обучающихся, что требует от педагогического сообщества выработки действенных механизмов фильтрации информации и формирования критического отношения к ее источникам. В статье анализируются риски, которые несут фейки для личности и общества, и обосновывается необходимость целенаправленного формирования антифейковой резистентности.

Ключевые слова: антифейковая резистентность; цифровое сопровождение учебного процесса; гибкие навыки; учебно-воспитательный процесс; ценностные ориентации

DEVELOPING ANTI-FAKE RESISTANCE AS ONE OF THE TASKS OF MODERN EDUCATION

Yarmak K.V.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: currently, in Russia and around the world, irreversible and significant processes of integrating digital technologies into all spheres of human activity, including education, are underway. At the same time, the digitalization of education is leading to the widespread use of media content. The digital transformation of education opens up new didactic opportunities for stimulating cognitive activity and achieving educational and developmental goals. Educators suggest using various multimedia tools to increase motivation for the learning process, mastering the educational program, and educational programs. However, the active use of multimedia content poses a risk of negative disinformation impact on students, requiring the teaching community to develop effective mechanisms for filtering information and fostering a critical attitude toward its sources. The risks that fake news poses for individuals and society are analyzed in this article, and the need for targeted development of anti-fake resilience is substantiated.

Keywords: anti-fake resistance; digital support of the educational process; soft skills; educational process; value orientations

Интеграция цифровых технологий в образовательный процесс призвана актуализировать учебный материал и усилить воспитательный потенциал образовательных программ. Цифровое сопровождение обучения и воспитания, основанное на синтезе традиционных и инновационных педагогических методов, обладает значительным дидактическим и развивающим ресурсом.

Вместе с тем наряду с несомненными преимуществами цифровизации образования необходимо учитывать сопутствующие вызовы и риски. В научной литературе рассмотрен широкий спектр проблемных вопросов противодействия киберугрозам и обеспечения цифровой безопасности; рисков снижения непосредственного межличностного взаимодействия в учебном процессе; распространения деструктивного и дезинформационного контента [1; 2] и т.д. При анализе возможностей применения цифровых инструментов в обучении и воспитании необходимо учитывать и негативные антропологические последствия погружения молодежи в виртуальную среду. Как было продемонстрировано в наших предыдущих исследованиях, абсолютизация цифрового сопровождения порождает комплекс рисков для обучающихся [3].

Кроме того, современный формат информационного потребления характеризуется ключевой особенностью – необходимостью регулярного взаимодействия в мессенджерах и социальных сетях, получением информации из новостных каналов, что стало повседневным неотъемлемым элементом для всех категорий пользователей, и не только субъектов образовательных отношений. При этом содержание новостных потоков нередко носит деструктивный характер, оказывая прямое влияние на формирование ценностно-мировоззренческих установок личности.

Учеными для описания данной ситуации используется термин «инфодемия» [4]. По мнению авторов, под этим явлением, приобретшим глобальный масштаб, понимается лавинообразное распространение как достоверной, так и ложной информации, оказывающее значимое воздействие на все сферы общественной жизни. В качестве основного источника ее распространения определяются социальные сети и средства массовой информации. С данной позицией следует согласиться. Одной из центральных причин инфодемии является экономическая логика медиарынка, где охват аудитории и виральность (вирусообразная способность быстрого распространения) контента выступают ключевыми показателями успеха конкретных СМИ. В погоне за ними медиапрактики зачастую деградируют до использования кликбейт-технологий, которые, жертвуя достоверностью и глубиной, используют эмоциональные триггеры для привлечения внимания.

В контексте обозначенных вызовов особую актуальность приобретает целенаправленное формирование у пользователей цифровой среды гибких навыков, среди которых центральное место занимают навыки фактчекинга и антифейковой резистентности.

Ранее в своих работах под антифейковой резистентностью мы уже предлагали понимать интегративное личностное качество, выражающееся в способности быть невосприимчивым к деструктивному или ложному контенту [5]. Этимологически термин «резистентность» акцентирует аспекты сопротивляемости и устойчивости, что в сочетании с термином «антифейковая» точно отражает сущность комплекса умений, позволяющих идентифицировать и противодействовать различным формам дезинформации в медиaprостранстве.

Формирование антифейковой резистентности нацелено на развитие критического мышления в условиях информационной избыточности, становление цифровой культуры личности и подготовку индивида к вызовам цифровой трансформации общества.

Сформированная резистентность позволяет пользователю медиаконтента определять дезинформацию и противодействовать ей, противостоять манипулятивным техникам, а также сохранять устойчивость к методам управления вниманием, применяемым социальными сетями, эффективно выделяя достоверные данные. Таким образом, достигается комплексный защитный эффект, характеризующийся снижением степени влияния провокационного или деструктивного контента в условиях потери человеком способности критически мыслить, в том числе из-за избытка информации.

Считаем, что антифейковая резистентность обучающегося вуза представляет собой результат грамотно организованного учебно-воспитательного процесса в образовательной организации. Она выражается в сформированной способности выпускника критически оценивать информационные потоки, осуществлять их верификацию и эффективно противостоять дезинформационным воздействиям, в том числе в профессиональной сфере. При этом задачами педагога высшей школы в свете формирования данного качества являются как интеграция этих аспектов в учебный процесс, так и организация воспитательных мероприятий. Представляется актуальным внедрение различных аспектов медиаграмотности и критического мышления в содержание учебных занятий, проведение дискуссий и тематических внеаудиторных мероприятий, направленных на развитие гражданской позиции и социальной ответственности в цифровой среде.

Результатом такой работы должно стать формирование комплекса компетенций, включающего освоение обучающимися типологии фейков и методик фактчекинга (знаниевый компонент); развитие умения анализировать достоверность источников и идентифицировать манипулятивные техники (деятельностный компонент); а также формирование установок на цифровую гигиену и осознанное противодействие деструктивному контенту (ценностно-воспитательный компонент).

Формирование антифейковой резистентности в рамках образовательного процесса является в современных условиях неотъемлемой частью подготовки конкурентоспособного и социально зрелого специалиста, способного сохранять профессиональную и личностную адекватность в условиях информационно-гибридных угроз.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Казанцев Д.А., Качусов Д.А., Шашкова Я.Ю. «Как маршировать у компьютера»: роль цифровизации в деятельности патриотических организаций регионов Сибирского федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 586–604.
2. Соловьев В.С. Угрозы безопасности образовательных организаций (криминологическое исследование по результатам анонимного интернет-опроса обучающихся) // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 43. – С. 97–113.
3. Ярмач К.В. Антропологические риски абсолютизации цифрового сопровождения образовательного процесса: понятие и классификация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 168–175.
4. Землянский А.В., Зубаркина Е.С. Влияние инфодемии на детей и подростков // Наука и школа. – 2021. – № 6. – С. 35–44.
5. Ярмач К.В. Антифейковая резистентность в условиях цифрового сопровождения патриотического воспитания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2025. – № 5 (198). – С. 12–19.

СОДЕРЖАНИЕ

Акапьев В.Л., Ковалева Е.Г., Борисенко А.В.	Современные тенденции противодействия нарушениям информационной безопасности и компьютерным атакам	3
Альбицкий А.Г.	Содержание правовой политики в контексте социолого- правового подхода на примере прямой линии с Президентом Российской Федерации	5
Андрющенко А.К.	Проблемы административной преюдиции при квалификации нарушений Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	9
Батвинова Е.В.	Органы публичной власти, осуществляющие выявление и пресечение правонарушений в сфере лесопользования ...	13
Батраков П.А.	К вопросу о тайне переписки как конституционной гарантии неприкосновенности частной жизни	15
Бектева В.С.	Особенности реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства в случае приостановления уголовного дела	17
Белецкая Ю.В.	Потерпевший в структуре криминалистической характери- стики мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат	20
Богмацера Э.В., Гарнагина В.Т.	Уголовно-процессуальные гарантии независимости судей	23
Божко Е.А.	Место и роль общества в теоретико-правовых воззрениях В.Д. Каткова	28
Борисенко А.В., Акапьев В.Л., Ковалева Е.Г.	Особенности возникновения угроз информационной безопасности по отношению к информационным ресурсам	33
Борисовская Т.Н., Черкасова Ю.П.	Управление российской системой высшего образования в условиях модернизации	36
Бутяева Н.А.	Особенности применения специальных знаний на первоначальном этапе расследования хищений в сфере благотвори- тельной деятельности	38
Грабовец Е.Е., Гринченко С.В.	Использование нейронных сетей в судебно-портретной экспертизе	42
Дурнева Н.С.	Система управления неправославными конфессиями в Российской империи XIX – начала XX века	45
Ерыгин Е.А., Солдатенко О.А.	Проблемы проведения оперативно-разыскных мероприятий в информационном пространстве сети Интернет	48
Жильников А.В.	К вопросу о возникновении термина «правовой режим» в трудах отечественных полицейстов-административистов	51
Жуков Н.И.	Предложение финансирования экстремисткой деятельности – провокация или оперативный эксперимент?	54

Захарова Д.О., Богмацера Э.В.	Права спортсменов при антидопинговых расследованиях в контексте ужесточения антидопингового законодательства	58
Зубкова И.А.	Система правовых презумпций в административной деятельности МВД России: структура, взаимодействие и эффективность	63
Иванова М.Д., Гайнельзянова В.Р.	Преодоление противодействия в сфере незаконного оборота наркотических средств в киберпространстве: криминалистический аспект	65
Измайлова И.А.	Разграничение загрязнения атмосферы (статья 251 Уголовного кодекса Российской Федерации) от смежных составов преступлений	70
Каменев М.А.	Административная ответственность за незаконный оборот гражданского оружия: комплексный анализ и правовые аспекты	72
Кардава А.Т., Богмацера Э.В.	К вопросу о понятии допинга в спорте в зарубежных правовых системах	74
Ковалева В.А.	Общая характеристика административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола	78
Ковалева Е.Г., Борисенко А.В., Акапьев В.Л.	Методы предупреждения и противодействия угрозам нарушения информационной безопасности	81
Козырева М.К.	Личностно ориентированный подход при обучении иностранному языку	84
Колесникова А.А.	Правовые основы административно-правового регулирования деятельности полиции по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	90
Кордобовская К.Е.	Цифровое пространство как среда формирования правового инфантилизма	92
Котарева О.В., Клачкова К.И.	Санаторно-курортное лечение сотрудников органов внутренних дел	95
Краснова М.И., Гайдышева М.Г.	Классификация прокурорских надзорных правоотношений	98
Кудоярова Г.Р.	Санитарная работа в лагерях и колониях НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны	103
Кузнецов А.В.	Этика искусственного интеллекта в содержании педагогических программ ведомственных вузов: необходимость нового предметного поля	108
Курилова Н.В.	Проблемные вопросы реализации несовершеннолетними иностранными гражданами и лицами без гражданства права на образование в Российской Федерации	114

Лакеева Е.В.	Электронный документооборот при производстве следственного действия, предусмотренного статьей 186.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	119
Лапова Е.С.	Формирование правовой культуры российского общества службой по связям с общественностью МВД России (опыт историографического анализа проблемы)	123
Лимарь А.С.	Ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации: статьи 207.1, 207.2 и 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации	128
Литвинова Н.А.	Процессуальный иммунитет судей: актуальные вопросы и перспективы развития	131
Ломова Т.В.	Закон как социальный регулятор (о представлениях В.В. Ивановского о признаках российского закона на рубеже XIX–XX веков)	134
Лукашенко К.Е.	Вопросы момента допуска законного представителя несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве	137
Лысенко В.А.	Взаимодействие органов внутренних дел и институтов гражданского общества в области противодействия коррупции	140
Машлыкина М.В., Богмацера Э.В.	Злоупотребление правом на отказ от товаров, приобретенных дистанционным способом	143
Медведев Р.К.	Малозначительность деяния и административная преюдиция: проблема совместимости правовых институтов	150
Медведева Т.В.	Административная ответственность за правонарушения экстремистской направленности	153
Мозговой Н.Д. Паршин Н.М.	Реституция как способ защиты по недействительным сделкам в российском законодательстве	155
Мялицына М.А.	Отграничение пытки от применения насилия при принуждении к даче показаний	159
Никитчик А.А.	Разграничение принципов права в российской юридической мысли второй половины XIX – начала XX века	162
Омелина О.С.	Деятельность органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию молодежному экстремизму	166
Панфилова О.В., Брессель Д.А.	Роль личности сотрудника подразделения по делам несовершеннолетних в проведении индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями	168
Першин А.Ю., Шевченко А.В.	Некоторые особенности самостоятельной физической подготовки курсантов образовательных организаций системы МВД России	171
Писарев В.Н.	Психологические теории целеполагания в процессе воспитания курсантов образовательных организаций МВД России	174

Притулина И.Ю.	Система конституционных ограничений: от частного к общему	177
Пшеничная М.И.	Использование виртуальных автоматических телефонных станций лицами, совершающими мошенничества в сфере информационно-телекоммуникационных технологий	181
Райс Я.В.	К вопросу об уголовно-правовой оценке внепроцессуальных обращений к суду	185
Свистильников А.Б.	Современное состояние противодействия террористическим угрозам на железнодорожном транспорте	188
Сигнаевская В.В.	Правовая социализация несовершеннолетних в контексте развития искусственного интеллекта: теоретико-правовые аспекты и перспективы	191
Сковородко А.А.	Участие адвоката при производстве обыска	194
Скопинцева А.А.; Панфилова О.В.	Значение и проблемы применения административного расследования на объектах транспорта	198
Солонченко А.Д.	Ф.Ф. Зигель и формирование научной традиции исследования славянского государственно-правового развития	200
Старосельцева М.М.	Вопросы недействительности сделок: анализ судебной практики, существующие проблемы	207
Стручкова Е.А.	Теоретико-методологический анализ научной литературы в области кинопедагогики	211
Тарасова Л.В., Муксинова В.Д.	Особенности охраны общественного порядка и безопасности органами внутренних дел на объектах железнодорожного транспорта	214
Телегин П.А.	К вопросу обеспечения безопасности микромобильности для несовершеннолетних в современных условиях	216
Титова Е.А.	Нормативное регулирование охраны лесов от пожаров в Российской империи	219
Троицкая Е.С., Рубанов С.А.	Актуальные вызовы защиты товарных знаков в условиях цифровизации экономики России	222
Туркина Н.Ю.	Реализация прав и свобод граждан в условиях военного положения	226
Хилюк С.О., Шешуков А.А.	Интеграция традиционных духовно-нравственных ценностей в профессиональную подготовку будущих полицейских в рамках политико-воспитательной работы	228
Цуканов Д.Н.	О пункте 5 части 1 статьи 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	231
Черкасова Ю.П.	Особенности формирования толерантности сотрудника органов внутренних дел в современной геополитической ситуации	234
Черкашин А.А.	Проблемы квалификации диверсии, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей	237

Шевченко А.В., Першин А.Ю.	Некоторые методики проведения занятий по физической подготовке в высших образовательных организациях МВД России	241
Шишкин О.Е.	Кризис формальной определенности в эпоху постсовременности	245
Ярмак К.В.	Формирование антифейковой резистентности как одна из задач современного образования	248

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы
в работах молодых ученых**

Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции,
28 ноября 2025 г.

Выпуск 6

Редактор
Комп. верстка

***Е.А. Олейникова
И.Ю. Чернышева***

Подписано в печать 2026. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 12. Тираж 27 экз. Заказ 11

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-676-8

